

Министерство культуры Республики Алтай
Агентство по культурно-историческому наследию РА

Горно-Алтайский центр специальных работ и экспертиз

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ НАРОДОВ ЮЖНОЙ СИБИРИ

Выпуск 5

Горно-Алтайск
2007

ББК 63.4
63.5
82.3 (2)
83.3 Алт
Изу 39

Изу 39 Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири.
Выпуск 5.

Сборник научных трудов

/ Под ред. В.И. Соёнова, В.П. Ойношева. Горно-Алтайск: АКИН, 2007. 198 с.

Редакционная коллегия:

кандидат филологических наук **В.П. Ойношев**,
кандидат филологических наук **Т.М. Садалова**,
кандидат исторических наук, доцент **В.И. Соёнов**,
кандидат исторических наук, с.н.с. **А.С. Суразаков**,
кандидат исторических наук **С.В. Трифанова**

649000, Республика Алтай, г. Горно-Алтайск, пр. Коммунистический, 79.
Агентство по культурно-историческому наследию Республики Алтай.
Тел.: 8(388-22)2-36-08, e-mail: akin@mail.gornyu.ru

649000, Республика Алтай, г. Горно-Алтайск, ул. Улагашева, 16-5.
Горно-Алтайский центр специальных работ и экспертиз.
E-mail: soyonov@mail.gornyu.ru; soyonov@mail.ru

Чевалков Л.М.
(г. Горно-Алтайск)

КОМПЛЕКС КАМЕННЫХ ОРУДИЙ С РЕКИ ЯЛОМАН

Находки замкнутых комплексов палеолитических изделий одноактного накопления очень редки. Достаточно упомянуть клад, обнаруженный А.П. Окладниковым в 1962 году у поселка Аил (с. Кузедеево) на реке Кондоме правого притока реки Томи Кемеровской области (Окладников А.П., 1968, с.58-70). В этом контексте находка каменных изделий в долине реки Яломан, правого притока реки Большой Яломан Онгудайского района Республики Алтай, сделанная нами во время проведения разведочных работ в 2003 году представляет определенный интерес.

Пройден маршрут вверх по реке на пять километров.

Геоморфологическая ситуация на всем протяжении маршрута выглядит следующим образом. Примерно на протяжении 2,5-3 км от устья реки, правый борт долины представляет собой широкую пойму Яломана заросшую, особенно вдоль русла, лесом хвойных и лиственных пород деревьев, кустарником тальника и курильского чая. Террасовидные образования (до 2-3 уровней) приурочены к устьям широких боковых логов, выходящих в долину Яломана. Эти образования осложнены делювиально-пролювиальными шлейфами. Характер растительности на данных участках, по преимуществу, остепненный или остепненно-луговой с небольшими рощицами лиственницы. Выше начинаются скальные прижимы и зона, практически, сплошной горной тайги.

По левому берегу, на протяжении маршрута наблюдали такую же ситуацию, т.е. прижимы чередовались с широкими боковыми логами с остепненной растительностью, аналогичными описанным выше.

Археологические памятники встречались в начале маршрута, на протяжении 2,5 км от устья реки Яломан. Представлены, в основном, курганами с каменной наброской. Размеры их небольшие, по преимуществу 8-10 метров. Основная масса объектов сгруппирована в цепочки, которые ориентированы по линии С-Ю, но встречаются и одиночные курганы. Кроме курганов зафиксированы и древнетюркские поминальные оградки, стелы и балбалы. Также, по правой стороне, по борту долины прослежен ныне не функционирующий оросительный канал – сувак.

Наиболее интересное открытие нас ожидало в местности Булухту Кообы, которая находится примерно в 1 км от села Большой Яломан вверх по реке Яломан. Это узкий и глубокий лог сезонного водотока, окруженный горными склонами, заросшими лесом. Представляет собой лог сезонного водотока. Во время разведок был сухой. Тем не менее, русло хорошо разработано. Русловой материал довольно хорошо окатан, что дает возможность предположить о том, что когда-то здесь был постоянный водоток. Устьевая часть лога представляет собой террасовидный мыс с плоской поверхностью, сформированный аллювием реки Яломан и продуктами выноса сезонного водотока, который разрезает данное образование на две части. В северо-восточном направлении мыс обрывается и подрезан грунтовой дорогой, идущей вверх по реке, а в юго-западном ограничен скальными выступами окрестных горных склонов. С западной стороны пологий спуск в расширяющуюся долину Яломана. Общая ситуация местности показана на рис.1.

В устьевой части лога, по обеим его сторонам, обнаружен археологический комплекс памятников в виде курганов с каменной наброской и древнетюркских поминальных оградок, общим количеством до 19 объектов. Они сгруппированы в два могильника (рис. 2). Курганы по ряду внешних признаков: расположение цепочками с севера на юг поперек долины, размеры, западины, степень задернованности и др., можно классифицировать как памятники пазырыкской культуры раннего железного века (V-II вв. до н.э.). Такого рода сооружения довольно широко распространены в центральной и южной частях Горного Алтая. Миниатюрная четырехугольная оградка, включенная в состав первого, левобережного, могильника, по внешним признакам попадает в разряд древнетюркских поминальных

оградок, которые также широко распространены на Алтае. Хронологический диапазон их существования довольно широк от V до X вв. н.э. Кроме того, здесь же выявлена каменная выкладка подпрямоугольной формы, которая нами интерпретирована как основание крепости (Чевалков Л.М., 2006, с. 173-180). Здесь же, в устьевой части лога, на правой ее половине, под скальными выходами обнаружено местонахождение кремневых изделий. По характеру их обработки они могут быть отнесены к периоду позднего палеолита.

Место сбора показано на рис.1. Обработанные камни (рис.2,3,4) находились на поверхности. Плоскости некоторых из них, обращенные к почве, имеют на себе кальцитовую корку. Сколы несут на себе следы слабой водной и ветровой обработки. Все это свидетельствует о длительном пребывании предметов на поверхности. Это наблюдение подтверждает и тот факт, что все они были вытянуты как бы в линию на небольшом участке. Можно предположить, что все предметы каменной индустрии были смыты с какой-то более высокой гипсометрической точки, но при осмотре окрестностей не удалось найти предполагаемое место их первоначального местонахождения. Изделия изготовлены из черной и черно-зеленоватой кремнистой породы хорошего качества. Был организован поиск такой породы. Но ни в русле реки, ни в аллювиальных отложениях лога, ни в окрестностях в радиусе нескольких километров ничего подобного найдено не было, хотя кремнистой породы встретилось довольно много, но не такой структуры и качества. Ниже приводится описание обнаруженных предметов каменной индустрии.

Всего обнаружено десять предметов среди которых два нуклеуса, четыре пластинчатых отщепы, три отщепы и один неопределимый скол. Девять из десяти предметов несут на себе следы вторичной обработки, т.е. преобразованы в орудия. Технику первичного расщепления характеризуют два предмета квалифицированных как нуклеусы. Один экземпляр представляет собой заготовку клиновидного нуклеуса, готовую к употреблению, но с которой не было снято еще ни одного скола (рис.3 – 1). Размеры 5,5 на 6,5 см. Вторым является ядрищем на массивном отщепе размерами 8 на 10,5 см, характер сколов на рабочей плоскости которого напоминает дисковидный нуклеус. С фронта скалывания произведено несколько коротких снятий параллельной направленности. Края по двум длинным сторонам обработаны ретушью. Изделие использовано вторично как скребло (рис.2), т.к. по левому краю имеется краевая крутая ретушь, оформляющая рабочую часть. Один предмет классифицирован как комбинированное орудие (рис.3 – 2). Размеры 10 на 5 см. Изделие изготовлено на массивном пластинчатом отщепе. На дистальной части заготовки с дорсальной стороны слева крупным сколом оформлена выемка, с помощью которой выделен носик, обработанный однорядной, прерывающейся, чешуйчатой ретушью. По левому краю орудия также оформлена выемка с зубцом и обработана мелкой краевой зубчатой ретушью. Правый край проксимальной части подтесан с вентральной стороны. Следующее изделие представляет собой орудие, изготовленное на пластине, длиной 5 см, на концевой части которой мелкой краевой зубчатой ретушью оформлена рабочая часть в виде носика. Классифицирована как орудие с носиком (рис.3 – 3). Один предмет определен как пластинчатый отщеп с эпизодической ретушью, нанесенной по обоим краям (рис.3 – 4). Длина его 5,8 см. Два экземпляра классифицированы как отщепы с ретушью (рис.4 – 2,3), которая наносилась с вентральной и лицевой части на разных участках предметов. Ретушь краевая мелкая разреженная зубчатая. Размеры их составляют 5,5 на 4 см и 7,5 на 5,5 см. Два определены как резцы – выемчатые орудия. На одном резцовые сколы нанесены на углу (рис.4 – 4), с брюшковой стороны по левому краю оформлена выемка и подретуширована мелкой краевой ретушью. Второе изделие классифицировано как асимметричный срединный резец с ретушированным анкошем с дорсальной стороны по правому краю (рис.4 – 5). Размеры одного 3,5 на 2,5 см, а второго 2,8 на 1,5 см. Последнее изделие определено как атипичная пластина с ретушью (рис.2 – 1). Вторичной обработке подверглась дистальная часть заготовки с лицевой стороны. Несколькими чешуйчатыми сколами оформлена рабочая скребковая часть. По левому и правому краям встречается эпизодическая утилитарная ретушь. Размеры 6 на 4 см. Коллекцию каменных изделий, исходя из внешнего облика предметов и техники расщепления и вторичной обработки можно отнести к периоду позднего палеолита. Памятники этого периода довольно широко распространены в горах Алтая.

Примечателен специфический набор орудий, два скребла, концевой скребок, резцы, комбинированное орудие и отщепы с ретушью, которые могли быть использованы как режущие орудия, нуклеус, готовый к употреблению. Все они необходимы во время охотничьих экспедиций. Материалы, найденные нами в чем-то перекликаются с кладом у села Кузедеево, о котором говорилось выше. Там на высоте III террасы левого берега р. Кондомы на глубине 0,5 м от поверхности в слое желтой глины найдены 19 предметов, большая часть которых является стандартизированными отщепами и вторичными сколами, являвшихся заготовками для скребел (Окладников А.П., 1968, с. 58).

Исходя из выше изложенных положений о характере находки обработанных кремней можно сделать следующий вывод. Найденные кремни являлись кладом человека каменного века, который был оставлен до лучших времен в углублениях скального выхода склона горы и забыт. С течением времени был размыв сезонными водами и оказался на поверхности.

Литература

1. Окладников А.П. Страница из жизни палеолитического мастера: клад каменных изделий у пос. Аил (с. Кузедеево) // Из истории Сибири и Алтая. – Барнаул, 1968. – С. 58-70.
2. Чевалков Л.М. Крепость в долине реки Яломан // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. – Горно-Алтайск, 2006. – Вып. 3-4. – С. 173-180.

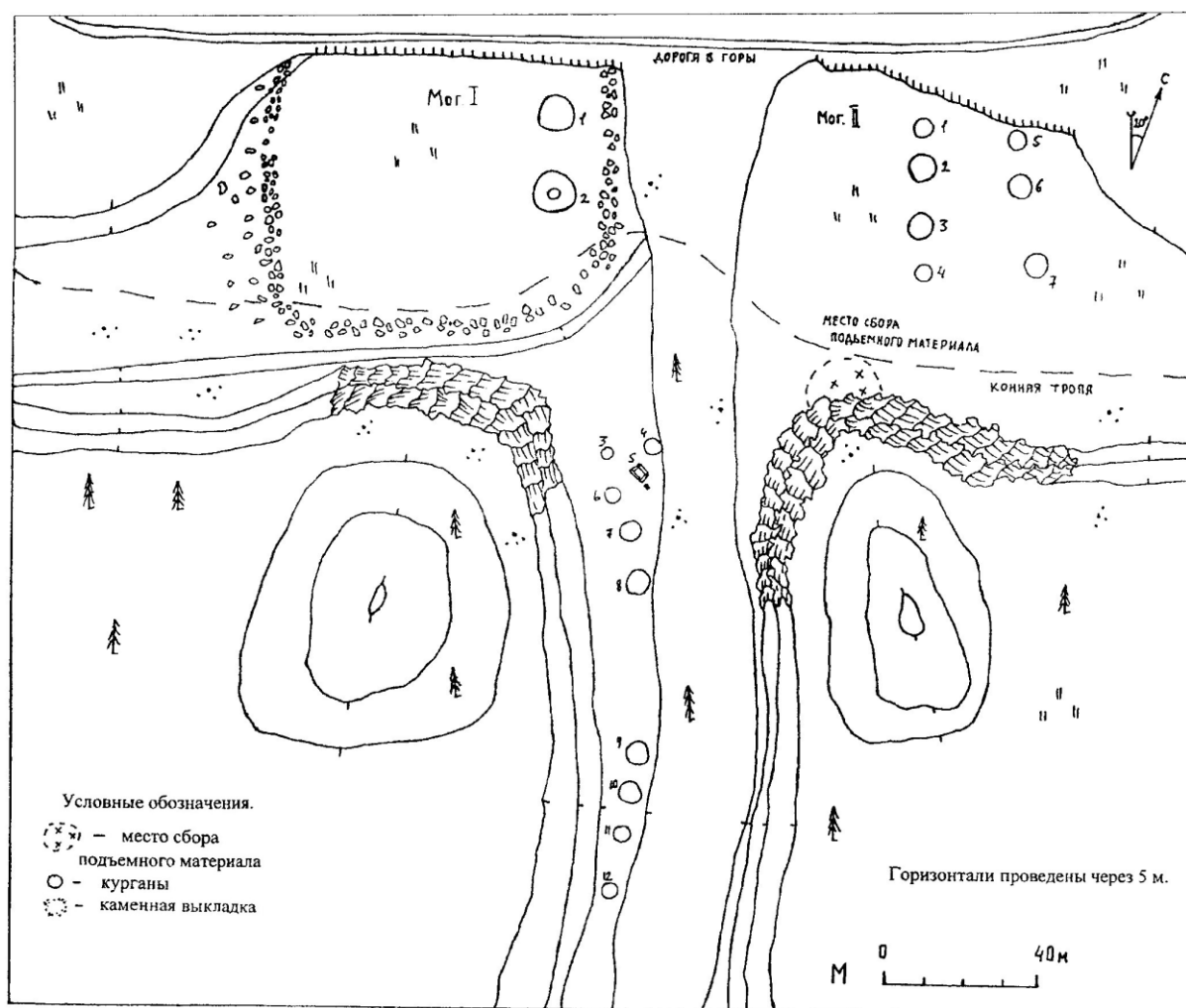

Рис. 1
Общий план местности Булукху Кооба

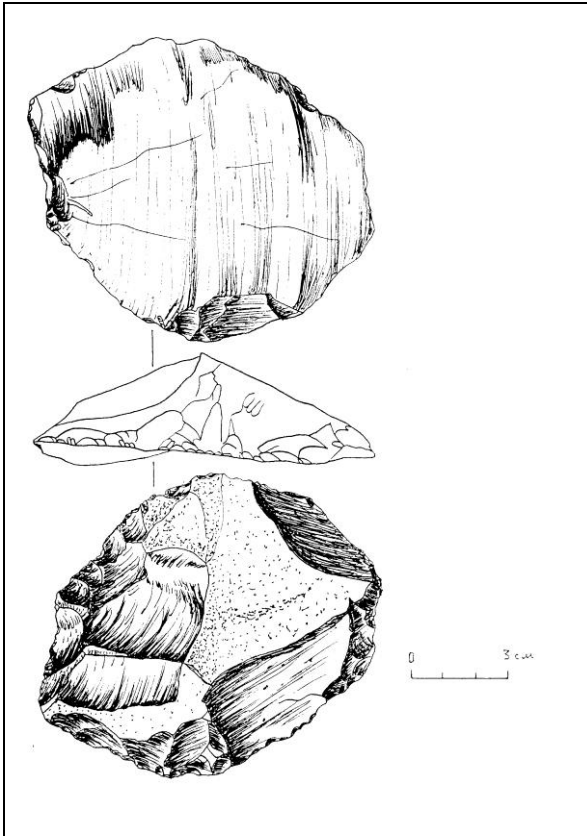

Рис.2 Нуклеус на отщепе

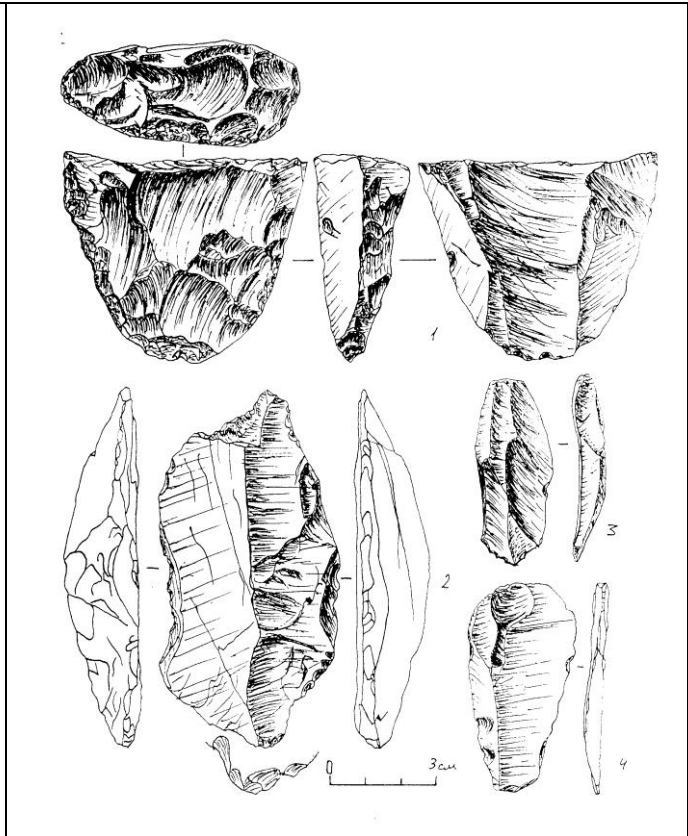

Рис.3. 1-4 предметы каменной индустрии

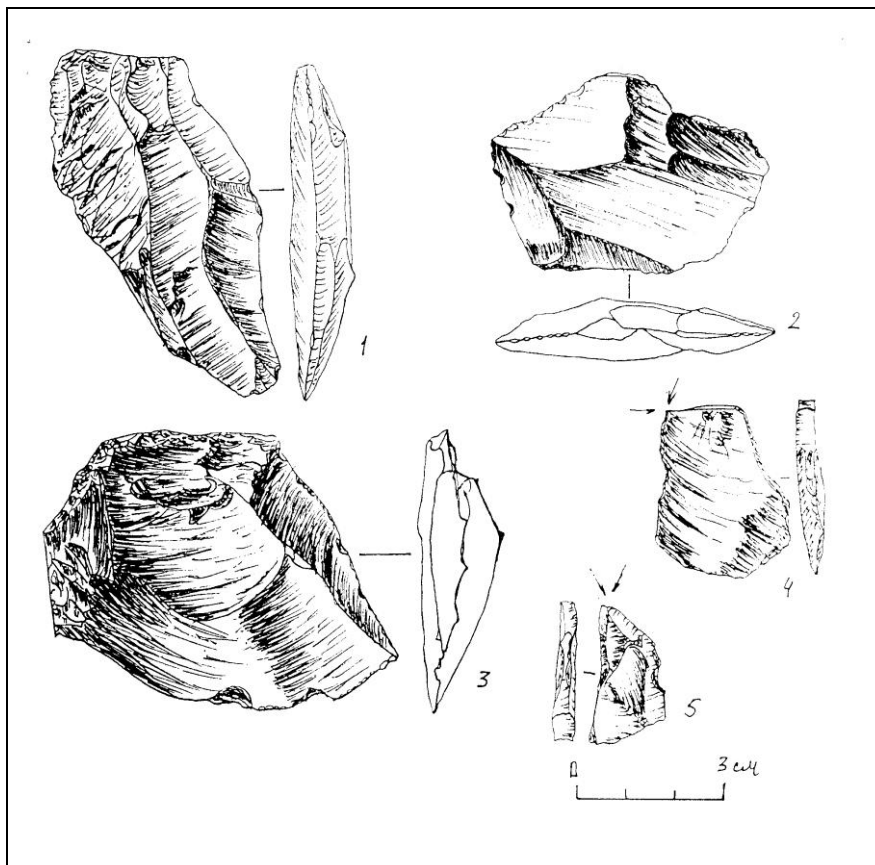

Рис.4. 1-5 – предметы каменной индустрии

Гей И.А.
(г. Москва)

**ОРНАМЕНТЫ НА КЕРАМИКЕ
И ОТПЕЧАТКИ КОНЧИКОВ ПАЛЬЦЕВ ДРЕВНИХ ГОНЧАРОВ
(историографический очерк)**

В конце XIX – начале XX вв. в археологии России наблюдается начальный период сбора и осмысления материалов по теме первобытного гончарства. Практически сразу одним из направлений в данной обширной теме становится изучение орнамента глиняных изделий. Многообразие отпечатков на поверхностях сосудов побудило археологов углубиться в их специальное рассмотрение и подготовиться к созданию общих принципов по их обработке и классификации. Среди всевозможных отпечатков и следов, оставленных на глине архаичными орнаментирами (заостренными и тупыми деревянными палочками, костями животных, костями и перьями птиц, шнуром или веревочкой, сколами предметов из кремня, раковинами и т.д.), были особо отмечены отпечатки пальцев людей.

Первые сведения о следах кончиков пальцев руки человека на изделиях из глины, найденных при археологических раскопках, появляются в работах археологов XIX столетия. Эти работы носили описательный характер, и их авторы, как правило, ставили перед собой цель зафиксировать необычные отпечатки, встреченные на керамике. В ряде случаев были выполнены зарисовки черепков с такими отпечатками. В их число попали и черепки с отпечатками пальцев (Уваров А.С., 1881, Т. I, с.322, Т. II, табл.16-4054, табл.30-325; Иностранцев А.А., 1882, с.234-235, фиг.120-122; Штукенберг А., Высоцкий Н., 1885, с.21; Витковский Н., 1889, с.20).

Постепенное накопление в русской археологии сведений по орнаментам на керамике привело к появлению специальных работ, посвященных их изучению. Одна из первых таких работ была написана П.А. Путятиним (Путятин П.А., 1884). При осмотре черепков глиняной посуды стоянки Бологовского мыса, П.А. Путятин обратил внимание на следы разных инструментов, какими производилась орнаментация посуды. Особо были выделены орнаменты, выполненные кончиками пальцев. Именно отпечатки пальцев, встретившиеся на фрагментах глиняных изделий, привели П.А. Путятину к предположению, что “ногтевой орнамент произошел от какого-нибудь случайного отпечатка ногтя на приготовленной для сосуда глине. Человек воспользовался простейшим резцом и стал им чертить различные узоры. Мною найден кусок глины, на котором ясно заметны следы ногтя” (Путятин П.А., 1884, с.299). Таким образом, по мнению исследователя, отпечатки пальцев, произвольно оставшиеся на глиняных изделиях в процессе лепки, привели их изготовителей к мысли о возможности использования в качестве простейшей формы орнаментира кончика пальца.

В этой же работе П.А. Путятин выдвинул гипотезу о том, что в гончарном деле основными производительницами посуды являлись женщины, и, кроме женщин, могли также принимать участие дети. В качестве аргумента, подтверждающего данную мысль, исследователь указал на маленькие размеры кончиков пальцев рук, замеченных им на фрагментах сосудов. Это были отпечатки пальцев, оставленные или при нанесении орнаментов, или следы в процессе самой лепки (Путятин П.А., 1884, с.296-297, 299).

В ходе обобщения своих наблюдений по отпечаткам на керамике, П.А. Путятин подошел к проблеме общей эволюции орнаментов, встречающихся на древних изделиях, изготовленных из глины, и вступил в полемику с французским археологом Г. Мортилье, который считал ногтевой орнамент самым древним. Оспаривая точку зрения Г. Мортилье, П.А. Путятин предположил, что древнее ногтевого орнамента является “орнамент, происшедший из плетенки”, а также “орнамент с отпечатками из растительной и животной жизни” (Путятин П.А., 1884, с.258-259). Однако высказывания обеих сторон носили спорный характер, так как они не подтверждались ни специально подобранными источниками, ни весомой аргументацией.

Подводя итог деятельности П.А. Путятин, нужно отметить, что он был одним из первых исследователей, заинтересовавшихся проблемой определения пола и возраста изготовителей древней керамики. Кроме того, он попытался установить место ногтевого орнамента среди общей иерархии видов орнаментов древней глиняной посуды. Примечателен тот факт, что очень небольшое количество имеющихся обломков глиняных сосудов позволили исследователю сформулировать и выдвинуть на обсуждение важные вопросы по древнему гончарству. Но все же исследования П.А. Путятин, отличавшиеся строгой продуманностью и конкретностью, не объединялись в систему, а общие выводы строились исключительно на логике и интуиции ученого.

Практически одновременно с работой П.А. Путятин появилась работа другого археолога – А.Е. Теплоухова (Теплоухов А.Е., 1884). В данной работе рассматривалась керамика из Чудского селища в Соликамском уезде Пермской губернии. А.Е. Теплоухов попытался создать общую систему изучения орнаментов первобытной керамики с употреблением определенных терминов, обозначающих как виды инструментов, так и элементы орнамента. Для инструментов с твердым рабочим краем А.Е. Теплоухов предложил использовать термин “чекан”. Именно с “чеканами”, по классификации А.Е. Теплоухова оказался связан “ногтевой орнамент”.

А.Е. Теплоухов выделил особо все имеющиеся в коллекции черепки с отпечатками кончиков пальцев и высказал предположение, каким именно пальцем был оставлен тот или иной отпечаток. На одном из черепков, по его мнению, оказался виден след от большого пальца, а на другом - отпечаток был сделан “указательным пальцем со знаком ногтя” (Теплоухов А.Е., 1884, с.182). Также автором было высказано предположение, что встреченные на керамике отпечатки пальцев являются женскими. Но данные высказывания не были подкреплены никакой аргументацией. Тем не менее, важность данной работы состояла в том, что исследователь выделил отпечатки пальцев как объект специального рассмотрения, предварительно отсортировав их и поместив в определенную классификационную ячейку.

Несколько позднее, другими исследователями, О.Е. Клером и К.И. Фаддеевым, на основании материалов гончарного производства одного из поселений на реке Исеть, была усовершенствована и дополнена система описания орнаментов керамики, составленная А.Е. Теплоуховым (Клер О.Е., Фаддеев К.И., 1896). Учитывая специфические особенности рабочих краев инструментов – “чеканов”, а также в некоторых случаях способы работы этими инструментами были выделены разные типы орнаментов: “линейный”, “чешуйчатый”, “копытовидный”, “лунчатый”, “ногтевой”, “ямочный” и др. По представлениям О.Е. Клера и К.И. Фаддеева, древний человек не всегда специально искал орудия для украшения сосудов, он мог пользоваться ногтем своего пальца как “чеканом”. В общей типологии подобный орнамент был выделен в “тип ногтевой”. Среди узоров такого типа ряды вдавлений могли дополнительно различаться в зависимости от особенности их воспроизведения: а) “острием ногтя”, б) “тыльной стороной ногтя” (Клер О.Е., Фаддеев К.И., 1896, с.10). Других замечаний про орнамент, состоящий из отпечатков кончиков пальцев, сделано не было.

На рубеже XIX и XX столетий в русской археологии появились исследования В.А. Городцова, в которых большое место отводилось изучению керамики. Так, например, по итогам изучения керамических находок с поселений реки Оки эпохи неолита и более позднего времени была написана обобщающая работа, в которой была предложена расширенная система изучения орнаментов с учетом уже созданного ранее А.Е. Теплоуховым, О.Е. Клером и К.И. Фаддеевым (Городцов В.А., 1901). Для составления представлений об основных деталях инструментов и орудий, а также способах их использования В.А. Городцов предложил специальные приемы работы с материалом. Во-первых, снимать гипсовые или восковые слепки с орнаментов на древней керамике и изучать их. Во-вторых, экспериментально воспроизводить в мягких материалах (глина, воск) технику нанесения узоров: либо найденными при раскопках инструментами, либо вычисленными гипотетически по отпечаткам (Городцов В.А., 1901, с. 40). Детальное исследование орнаментов позволило В.А. Городцову представить их изучение в виде системы, построенной подобно классификациям естественных наук. В основу был положен принцип деле-

ния элементов орнамента на семейства, роды и виды. Орудия и инструменты, служившие для нанесения орнамента, выступали в качестве отправной точки всей классификационной системы. Различные способы применения орудий и инструментов учитывались на уровне семейства, а общие или типовые формы самих инструментов служили основанием деления на роды. Далее, на уровне вида, выявлялись детальные особенности орудий, влияющие на воспроизведение элементов орнамента.

В номенклатуре орудий и инструментов В.А. Городцова наряду с разными названиями для инструментов (“сеть”, “веревочка”, “чекан круглый”, “чекан полый”, “чекан граненый”, “раковина”, “гребешок” и т.д.) были выделены “ногти”, как отдельная дефиниция. “Ногти. – Ногтями воспроизводились довольно характерные вдавления: то тонкие в виде молодого месяца, то более грубые и глубокие, иногда с трудом отличающиеся от простых ямочных вдавлений” (Городцов В.А., 1901, с.43). При разделении орнаментов на уровне семейства (по способам их нанесения) орнаменты, нанесенные кончиками пальцев, заносились либо – в “семейство чеканных”, либо – в “семейство лепных”.

В “семейство чеканных” объединялись элементы орнамента, воспроизводимые посредством нажатия упругими или твердыми инструментами на сырые стенки сосуда (Городцов В.А., 1901, с.49). Орнамент, охарактеризованный как “семейство чеканных – род ногтевой – вид ногтевой” был выделен в число наиболее древних орнаментов, известных с эпохи неолита. Именно для материалов эпохи неолита внутри орнаментов “ногтевого вида” выделялись дополнительные разновидности: а) “серповидная (тонкая серповидная изогнутая черта)”; б) “ямочная (довольно глубокие ямки с полуарочным очертанием с одной стороны)” (Городцов В.А., 1901, с. 58). Исследователь писал, что “ногтевой вид” орнаментации занимает обширную область и прослежен от берегов Енисея до пределов Франции. В России, по его мнению, этот вид появился в неолитическую эпоху и получил наибольшее развитие в конце ее. Затем, в эпоху бронзы, вместе с другими представителями орнаментов “семейства чеканных” “ногтевой вид” отстает из южных областей России, сохраняясь в северных и восточных областях. В керамике железного века подобные орнаменты не известны, они полностью вытесняются орнаментами, принадлежащими к “защипному виду” “семейства лепных” (Городцов В. А., 1901, с. 58).

Другое семейство классификации – семейство лепных” объединяло орнаменты “сформированные из сырой глины и возвышающиеся рельефом над поверхностью стен сосуда” (Городцов В.А., 1901, с.65). Балканский полуостров определялся как область скопления керамики с подобными орнаментами, откуда шло их распространение на другие территории Европы. Для материалов России в качестве одного из наиболее ранних видов “семейства лепных” был определен “защипный” орнамент. По разработанной системе он причислялся к “роду пластики”, “виду защипному”. “Вид воспроизводился защипыванием глины из сырых стен сосудов, с целью сделать небольшие возвышения для украшения последних” (Городцов В.А., 1901, с.66). Предполагалось, что в России возникновение подобных орнаментов произошло “самостоятельно из ногтевого вида”. Наиболее древние образцы В.А. Городцов отмечал в неолитической керамике Западной и Южной России (Волынская и Полтавская губернии Украины). Позднее “защипный вид” орнамента, по мнению исследователя, продолжал существовать: “мы находим его и в днепровской керамике начала бронзового века и скифской эпохи, а также и в керамике железного века Средней и Восточной России” (Городцов В.А., 1901, с.66).

Оценивая исследования В.А. Городцова, следует отметить, что ему удалось представить удачную терминологию и логичную систематику по орнаментике древних гончарных изделий. Причем орнаменты, выполненные кончиками пальцев, органично вошли в данную систематику. Кроме того, была составлена общая сводка распределения материала по эпохам и территориям, возможная для того времени. Однако систематика не получилась универсальной, а взгляды на развитие и распространение определенных видов орнаментов потребовали коррекции в дальнейшем. В ходе археологических исследований появлялись новые материалы, которые не вписывались в исторический очерк развития орнаментов, предложенный В.А. Городцовым. Например, при последующих раскопках памятников культур железного века таких как: дьяковская, юхновская, милградская, зарубинецкая и др. на керамике были обнаружены “ногтевые” орнаменты. На-

ряду с такими орнаментами существовали и “защипные” (Мельниковская О.Н., 1967; Седов В.В., 1970; Розенфельдт И.Г., 1974). То есть на памятниках железного века, расположенных на территории России, “ногтевой” орнамент продолжал существовать наряду с “защипным”, что не было известно В.А. Городцову. Очень перспективными оказались предложенные В.А. Городцовым новые приемы изучения орнаментов на древней керамике с использованием снятия слепков и применением экспериментального моделирования. Позднее эти приемы успешно продолжили М.В. Воеводский и М.П. Грязнов для детального изучения различных отпечатков на керамике.

М.В. Воеводский занимался изучением керамики неолитических стоянок на территории лесной зоны Европейской части РСФСР (Воеводский М.В., 1936).

На черепках глиняной посуды из раскопок неолитических стоянок были встречены разные способы декорирования поверхности. По определению М.В. Воеводского, это “округлые в плане ямки с коническим дном, нанесенные острым концом белемнита, и, так называемые, “гребенчатые” отпечатки, нанесенные краем плоской гальки с нарезанными на нем поперечными зубчиками” (Воеводский М.В., 1936, с.70). Кроме того, были отмечены “кольцеобразные вдавления, нанесенные концом трубчатой кости”, “круглая ямка с плоским дном, нанесенная концом цилиндрической палочки”, “шнуровые отпечатки, нанесенные тонким крученым шнурком” и гребенчатые отпечатки, нанесенные “костяными штампами” (Воеводский М.В., 1936, с.72-73). Помимо визуального осмотра деталей орнамента на поверхностях и их описания, М.В. Воеводский экспериментально получил отпечатки при помощи найденных при раскопках штампов из кости, гальки, сланцевой плитки. Штампы и их отпечатки, сопоставленные с характерными орнаментами на сосудах из тех же раскопок, были представлены в отдельной таблице (Воеводский М.В., 1936, табл.VI). Таким образом, археологи получили возможность увидеть сами орудия, которыми наносилась гребенчатая орнаментация, и сравнить экспериментально полученные слепки с орнаментированной поверхностью фрагментов керамики.

К сожалению, среди орнаментов не были выявлены орнаменты, выполненные кончиками пальцев. Хотя в перечне названий элементов орнамента были названы такие как: “поперечные насечки”, “ямочные вдавления самых разнообразных очертаний – удлиненные, квадратные, дугообразные” (Воеводский М.В., 1936, с.70, 72). Но такого рода отпечатки могли наноситься самыми разными инструментами.

Тем не менее, М.В. Воеводский уделил внимание отпечаткам кончиков пальцев древних гончаров, которые появились на сосудах не как орнаментация, а в процессе лепки. Исследователь отмечал, что на краях обломков сосудов “можно бывает проследить пальцевые вдавления, получавшиеся при склеивании лент”; кроме того, фиксируются “многочисленные отпечатки пальцев на внутренней поверхности” сосудов, так как они лепились от руки без всяких приспособлений и внутри были пустыми (Воеводский М.В., 1936, с.60). Также следы работы “сохраняются часто в виде глубоких пальцевых вдавлений”, когда руками производилось “отгибание стенок на перегибе от дна и у шейки, в верхней части сосуда” (Воеводский М.В., 1936, с.61). Исследователь тщательно осматривал фрагменты керамики с отпечатками пальцев и целенаправленно занимался отбором таких отпечатков. К сожалению, не было отмечено, какие именно отпечатки отбирались. Скорее всего, речь идет в основном об отпечатках мягких тканей кончиков пальцев – “подушечках”. Собранные отпечатки были предложены на определение специалисту по дактилоскопии П.С. Семеновскому, “который высказал мнение, что “отпечатки, по-видимому, принадлежат женской руке в силу её сравнительно небольшой величины” (Воеводский М.В., 1936, с.63). Помимо использования мнения специалиста, по поводу конкретных отпечатков пальцев, встреченных на археологической керамике, М.В. Воеводский ссылался на этнографические примеры женского гончарства племен, находящихся на стадии доклассового общества (горные таджики Средней Азии, племена Америки, Африки, Океании). У данных племен производство горшков носило домашний характер и не выделилось еще в самостоятельное ремесло. Проводя аналогию с этими племенами, М.В. Воеводский предполагал, что изготовлением неолитической керамики, занимались женщины (Воеводский М.В., 1936, с.62). Считая женщин основными производительницами наиболее древней посуды, М.В. Воеводский оказался близок к П.А. Путьяину.

Еще одним примером применения экспериментального моделирования при изучении орнаментов на керамике является работа М.П. Грязнова, связанная с исследованием памятников карасукского облика эпохи бронзы в Центральном Казахстане (Грязнов М.П., 1952). В данной работе тщательному рассмотрению была подвергнута орнаментация сосудов могильников Дандыбай и Бегазы.

С поверхностей сосудов снимались оттиски орнаментов в пластилине. Далее с максимально возможной точностью по слепкам измерялись характерные детали рабочего края штампов, производилась их реконструкция и зарисовка (Грязнов М.П., 1952, рис.13). В отличие от М.В. Воеводского в распоряжении М.П. Грязнова не было археологических находок самих штампов. Но на основании изучения отпечатков орнамента исследователю удалось предположить, какими орудиями они могли наноситься. В качестве наиболее распространенных орудий были зафиксированы различные виды гребенчатых штампов, а у ряда сосудов была встречена орнаментация, проведенная кончиками пальцев: а) ногтевые защипы двумя пальцами; б) ряды отпечатков ногтя одного пальца.

Так в одном из погребений могильника Дандыбай было найдено 12 сосудов, четыре из которых были покрыты оттисками кончиков пальцев. С помощью слепков из пластилина исследователю удалось получить детальную информацию об особенностях этой орнаментации, включая форму и длину ногтей пальцев руки людей, изготовивших эти сосуды. На одном сосуде по имеющимся отпечаткам было определено, что на большом пальце руки гончара ноготь отрос на 2,5 мм, а на указательном подрезан под корень (длина его менее 0,5 мм). Рука, украшавшая другой сосуд, имела на большом пальце ноготь длиной в 4,5 мм, а на указательном – только 1 мм, оба ногтя подрезаны прямо – “лопаточкой”. На третьем сосуде орнамент составляли ногтевые оттиски большого пальца с ногтем, подстриженным коротко (1 мм) и закругленно. Для орнамента на последнем сосуде, исходя из размеров, было высказано предположение, что ногтевые отпечатки были оставлены не большим пальцем, а указательным или каким-то другим, подстриженным опять же коротко и закругленно (Грязнов М.П., 1952, с.150; рис. 8,10-13). Рассматривая свойства орнаментов, выполненных пальцами, М.П. Грязнов считал ноготь своего рода штампом и анализировал его также детально, как прочие орнаменты, учитывая форму и размерные показатели. Оценив проведенные наблюдения, исследователь вывел заключение, что на каждом из четырех сосудов отпечатки пальцев имеют свои индивидуальные черты, не повторяющиеся на других сосудах. Соединив полученную информацию с другими видами орнамента всех сосудов из одного погребения могильника Дандыбай и, учитывая зафиксированные различия, М.П. Грязнов сделал некоторые выводы. Он писал, что: “... рассматриваемые 12 сосудов сделаны если не двенадцатью разными лицами, то, во всяком случае, несколькими лицами и в разное время. Нет двух таких сосудов, которые происходили бы из одной партии продукции какого-либо гончара” (Грязнов М.П., 1952, с.150).

Зафиксированное в одном и то же погребении могильника наличие посуды, изготовленной многими мастерами, позволило М.П. Грязнову сформулировать гипотезу об особенностях традиции погребальной обрядности. Суть гипотезы сводилась к следующим моментам: “... снаряжали покойника в загробный мир не только члены его семьи, но, вероятно, и сородичи, давшие ему от себя пищу в своей посуде. Отсюда становится понятным, почему посуда одного погребения так разнообразна по технике изготовления, по форме, по ее орнаментации” (Грязнов М.П., 1952, с.151).

Используя принцип экспериментального моделирования, применительно к серии орнаментальных отпечатков, в число которых вошли и отпечатки кончиков пальцев, М.П. Грязнов получил возможность подойти к обсуждению вопроса о выявлении в археологических комплексах предметов, изготовленных одним и тем же мастером или несколькими мастерами. Это уже углубленный уровень исследования орнамента, позволяющий строить гипотезы и реконструировать некоторые принципиально важные явления из жизни людей далекого прошлого, оставивших этот орнамент.

Подведем итоги опыта археологов конца XIX – середины XX вв. применительно к изучению орнаментации, выполненной на керамических изделиях, и, в том числе, отпечатков кончиков пальцев древних гончаров. Важным моментом является то, что было выра-

ботано системное описание орнаментов. В целом это помогало характеризовать и выделять археологические культуры на разных территориях в определенные хронологические периоды. Оттиски кончиков пальцев были замечены исследователями и привлекались в числе прочих отпечатков на керамике при составлении классификаций орнаментов различных археологических коллекций, используемых при решении общих вопросов археологии, кроме того, они выступали как своеобразный источник первобытной истории. Так вопросами, связанными с процессами возникновения, развития и распространения орнаментов в виде оттисков пальцев, занимались П.А. Путятин, О.Е. Клер, К.И. Фаддеев, В.А. Городцов. Другие, не менее важные вопросы, связанные с определением половозрастных данных производителей древних глиняных изделий затрагивали в своих работах П.А. Путятин, А.Е. Теплоухов, М.В. Воеводский. И, наконец, совершенно особую информацию, связанную с выявлением в керамических комплексах предметов, произведенных одним и тем же мастером, предложил М.П. Грязнов.

Перейдем далее к исследованиям, второй половины XX столетия и настоящего времени. В процессе постоянных раскопок было накоплено большое количество керамических находок разных археологических эпох на разных территориях. Полученное обилие фактического материала стимулировало дальнейшее развитие исследовательских методов, что в свою очередь способствовало углублению знаний по древней керамике. В изучении проблематики орнаментов наметилось несколько направлений: формально-морфологическое, технологическое, семантическое.

Формально-морфологическое направление связано с созданием типологических схем и классификаций, организующих орнаменты соответственно с их характерными особенностями. На основании формальной обработки данных по орнаментам производится выделение археологических культур и их локальных вариантов, а также раскрывается специфика этнокультурных контактов. Подобных классификаций в современной археологической литературе великое множество. В некоторых из них отражены и оттиски кончиков пальцев (см. например: Гребенщиков А.В., 1990; Глушков И.Г., Захожая Т.М., 2000.) Однако, поскольку для отпечатков кончиков пальцев не разработана унифицированная терминология, данный вид орнаментации учитывается произвольно и не систематически. Это обстоятельство затрудняет собирать и сопоставлять материал из классификаций различных памятников и археологических культур, предложенных разными археологами.

Так в классификации керамики раннего железного века Приамурья, представленной в работе А.В. Гребенщикова по формальным признакам отпечатки пальцев оказываются в двух самостоятельных классах: класс I (орнамент позитивного рельефа) – подкласс II (налепной орнамент) – тип 1 (валик) – “гофрированные валики со следами защипа”; класс II (орнамент негативного рельефа) – подкласс I (тисненный орнамент) – тип 4 (папиллярный оттиск), – “следы, возникающие при надавливании пальцем, отмечены на поверхностях налепных валиков” (Гребенщиков А.В., 1990, с.136-137, 139). В другой работе по эпохе бронзы Нижнего Прииртышья археологи И.Г. Глушков и Т.М. Захожая иначе относятся к “защипному” орнаменту, одному из характерных орнаментов таежных культур эпохи поздней бронзы “гребенчато-ямочной культурной традиции”. Среди используемого материала исследователи упоминают сосуды, у которых “иногда на шейке фиксируется рельефный орнамент (налепной или формованный) и ногтевые защипы” (Глушков А.В., Захожая Т.М., 2000, с.24). Таким образом, “ногтевые защипы” не являются составляющей частью категории рельефного орнамента как у А.В. Гребенщикова, а учитываются отдельно. Из приведенных примеров видно, что в формально-морфологических схемах, прилагаемых к изучению орнамента, отсутствует единообразие. Каждый исследователь предлагает свою терминологию и свой принцип для фиксации отпечатков кончиков пальцев при их классификации.

Другое направление изучения орнаментов на керамике, связано с технологическим аспектом. Это направление, основанное на экспериментальном методе, предложенным В.А. Городцовым, позднее освоенным М.В. Воеводским и М.П. Грязновым, получило дальнейшее развитие и широко применяется в настоящее время. Как отмечалось выше, экспериментальный метод направлен на то, чтобы сопоставлять виды элементов орнамента на поверхности керамики с отпечатками орнаментиров и реконструировать технологию орна-

ментирования. Многочисленные эксперименты исследователей позволили составить список инструментов, которыми проводилось орнаментирование: веревка, кости и зубы животных, позвонки рыб, створки раковин, ископаемые раковины (аммониты и белемниты), а также специально приготовленные штампы из кости, раковины, камня, дерева (Семенов С.А., 1955; Коробков И.А., Крижевская Л.Я., 1958; Титов Ю.В., 1970; Калинина И.В., Устинова (Гаджиева) Е.А., 1988, 1990, 1993, 1995; Волкова Е.В., 1990, 1991, 1994, 1996; Гусенцова Т.М., Андреева Н.А., 1996; Глушков И.Г., Глушкова Т.Н., 1992; Глушков И.Г., 1996; Костылева Е.Л., Калинина И.В., 2002. и др.). К сожалению, отпечатки кончиков пальцев, не попали в поле зрения новых специалистов, применяющих экспериментальный метод и обогативших его современными разработками. Однако результаты работ исследователей в этом направлении являются хорошим примером по организации методики выявления орнаментов и технологических приемов нанесения орнамента.

Третье направление исследований орнаментов – это семантический подход. Он представляет собой совершенно особую область изучения, направленную на выявление смысловой стороны орнамента. Чтобы проследить смысловую сторону орнамента исследователям приходится обращаться к различным источникам и, прежде всего, к этнографии. Представляет интерес зооморфная (тотемическая) точка зрения. Ее придерживаются некоторые археологи, разбирая символику декорирования древних сосудов. Так на неолитических сосудах были выявлены такие орнаменты, которые можно связать с отпечатками амулетов-оберегов (кости, зубы животных) или трактовать как знаковый символ почитаемого животного (шкура). По аналогии с этнографическим материалом подобные орнаменты, как предполагают, должны были выполнять охранную функцию (Калинина И.В., 2002; Костылева Е.Л., Калинина И.В., 2002).

Опираясь на данные, полученные при изучении семантики орнаментов, хотелось бы выяснить, какую смысловую нагрузку несут отпечатки, оставленные кончиками пальцев. Следует отметить, что некоторые сведения по вопросам семантики отпечатков кончиков пальцев, воспроизведенных на глине, уже имеются в распоряжении исследователей.

Так, например, этнография украинского гончарства предоставила материал для объяснения символов отпечатков пальцев. Эта информация подробно описана и разобрана в статье А.А. Бобринского (Бобринский А.А., 1993). В очагах сельского гончарства на территории Украины (Львовская, Тернопольская, Хмельницкая, Ровенская и Житомирская обл.) были встречены сосуды, у которых под ручкой наносился оттиск пальца – “метка”. “Метку” под ручкой изображают в последний момент, когда сама ручка уже прикреплена, т.е. перед снятием сосуда с круга. И в этом случае никаких инструментов не применяют. Наносят ее осторожным движением указательного пальца правой руки” (Бобринский А.А., 1993, с.122; с.123, рис.2; с.125, рис.3). Иногда гончары ставили “метки” под ручкой не придавая им никакого значения, объясняя их как технологический прием для прикрепления ручек. Но, как отмечено, во многих наблюдаемых случаях, оттиск пальца наносился уже после того, как ручка была примазана, и давление не было таким сильным, чтобы иметь возможность прикрепить ее к тулову сосуда. Поэтому более вероятно видеть, по мнению А.А. Бобринского, в нанесении оттисков пальцев отголоски давних традиций, сохранившихся в гончарстве.

В качестве расшифровки символики отпечатков пальца упоминается “женский символ” – обозначающий плодородие. Так например, символика мужских (выступающие отростки на днищах – “пупы”) и женских знаков (лунка от пальца под ручкой – “метка”) зафиксирована в селе Гавареччина Львовской области. “Считалось, что с помощью этих изображений можно повлиять на превращение молока в сметану” (Бобринский А.А., 1993, с.122). В другом селе Шпиколосы из той же Львовской области гончары “почти все ставили под ручкой сосудов “метку” пальцем, так как существовало представление о том, что именно до этого уровня в кувшине будет образовываться сметана” (Бобринский А.А., 1993, с.123). Таким образом, местные жители Львовской области предполагали, что в посуде, отмеченной специальными знаками, будет больше и лучше молочных продуктов. В тех случаях, когда происходила утрата смысла наносимых знаков в виде оттиска пальца под ручкой, гончары объясняли их “знаком мастера” (Бобринский А.А., 1993, с.124).

Следует отметить, что А.А. Бобринскому удалось выявить символы знаков плодородия на посуде не только при знакомстве с этнографическим гончарством, но и собрать примеры символических знаков, найденных среди археологической керамики (Бобринский А.А., 1993, с.128, рис. 5; с.130, рис.6). В одном случае оттиск пальца был нанесен на внутренней поверхности глиняного ковша – Крым, Михайловское городище, I в. н.э. (Бобринский А.А., 1993, с.128, рис.5.1). “Перед нами случай специального изображения оттиска пальца. Никакими техническими целями его не возможно объяснить. Объяснение по существу может быть дано только одно – лунка имела магическое назначение. Если исходить из данных этнографии, то можно добавить – с помощью этого символа надеялись обеспечить постоянное наполнение ковша. Это один из видов контактно – имитативной магии” (Бобринский А.А., 1993, с.129). У остальных находок керамики оттиски пальцев были связаны с ручками сосудов. Так в целой серии одноручных кувшинов (Тамань, VII – VIII вв.) неглубокие “метки” от пальца обнаружены в верхней части ручки (Бобринский А.А., 1993, с.128, рис.5.2). По мнению А.А. Бобринского, то, что знаки мелкие и нанесены слабым движением пальца, говорит в пользу их символического нанесения, а не технического. А расположение знаков в верхней части ручки считается тоже не случайным. “Выбор места для подобных символов, по-видимому, указывает на особенность смысловой нагрузки. В данном случае он должен был обеспечивать наполнение сосуда почти до краёв” (Бобринский А.А., 1993, с.129). Кроме того, в античных памятниках Северного Причерноморья, примерно с V в. до н.э., оттиски пальцев “встречаются у нижнего или верхнего окончания ручек амфор”. Эти оттиски также, вероятно, “следует относить к числу символов, связанных с культом плодородия” (Бобринский А.А., 1993, с.129-130, рис.6).

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что отпечатки кончиков пальцев входят в круг объектов, которые важно привлекать при обсуждении вопросов семантики орнамента. Для этого необходимо целенаправленно проводить сбор и накопление фактического материала, как по археологии, так и по этнографии.

Таким образом, в современной археологической науке ведется многостороннее углубленное изучение орнамента керамики. Существует несколько направлений, применяются разные подходы и методы. Источниковедческие возможности орнаментов неисчерпаемы, но пока осознаны лишь частично.

Особо следует отметить некоторые специальные работы, в которых объектами исследования оказались отпечатки кончиков пальцев, обнаруженные на поверхности древней керамики. Прежде всего, – это работы, основанные на применении метода, созданного для изучения кожного покрова руки человека.

Этот метод очень специфичен и применяется обычно специалистами: антропологами или криминалистами. На основании данного метода по наблюдениям за особенностями папиллярных узоров проводится определение пола, возраста и роста человека, а также решаются вопросы по этнической и расовой дерматоглифике и идентификации личности.

В отечественной антропологии с исследованием папиллярных узоров кожного покрова связано имя Г.Л. Хить (Хить Г.Л., 1973, 1984). Благодаря обследованию населения разных областей России этой исследовательницей было установлено, что кожные узоры или дерматоглифы, с одной стороны, исключительно разнообразны, а с другой – предельно индивидуальны для каждого конкретного человека. Оказалось, что закономерности, заложенные в папиллярных узорах, кожного покрова выводят на межгрупповые и территориальные этнические различия, а также выявляют специфические признаки индивидуумов, в том числе половые. Благодаря проведенным многочисленным исследованиям, Г.Л. Хить высказала мнение, что получение подобных данных, может служить хорошим материалом для решения целого ряда важных проблем не только антропологии и этнографии, но и археологии.

Среди зарубежных исследователей, обративших внимание на изучение папиллярных линий кожного покрова подушечек пальцев руки, мне известен финский археолог Нюман Х. (Нюман Х., 1997). Перед тем как приступить к археологическому материалу он подробно ознакомился с методическими основами и историей изучения отпечатков пальцев. Почерпнутые сведения Х. Нюман изложил в краткой и доступной форме, чтобы археологам было понятно, на чем основывается работа с отпечатками подушечек пальцев на ке-

рамике. Так о дактилоскопическом методе было написано, что он представляет собой тщательно разработанную классификацию, основанную на определениях формы (дуги, петли, завитки), деталей (глаз, вилка, крючок, гребень, точка, фрагменты, разветвление) и количественных показателей (подсчет папиллярных линий между определенными точками) отпечатков. На этой классификации в криминалистике строятся процедуры сравнения с целью проведения точной идентификации по выявлению сходства и различия выделенных вариантов деталей формы отпечатков. При наличии на двух отпечатках одинаковых деталей, можно делать вывод о том, что они оставлены одним и тем же пальцем, и чем большее количество одинаковых деталей зафиксировано, тем большая вероятность идентификации. В криминалистике идентификация считается возможной, когда определяется 8-12 одинаковых деталей, а так как для археологического материала такое число идентичных деталей зафиксировать практически не реально, то проведение процедуры сравнения отпечатков пальцев на древней керамике можно начинать при наличии 3-5 идентичных деталей (Нюман Х., 1997, с. 79-80).

Для проведения исследований с помощью данного метода Х. Нюман специально обследовал неолитическую керамику с поселения Оутокумпи Сятес в Северной Карелии. Из 4248 просмотренных фрагментов на 130 фрагментах были зафиксированы отпечатки от подушечек пальцев – их число составило 201 отпечаток. В большинстве своем это отпечатки на внутренней стороне стенок сосудов типичной гребенчатой керамики, когда гончар придерживал их кончиками пальцев, выполняя снаружи гребенчатый орнамент. Из общей серии фрагментов было выбрано только 11 фрагментов, на которых имелись отпечатки, пригодные для применения дактилоскопического метода. Фрагменты керамики с этими отпечатками поступили в специальную лабораторию, где производилась их обработка. Сам исследователь характеризует данную работу как пробу, а полученные единичные определения (всего 6) считает необходимым расширить. Он пишет о том, что выводная часть об идентификации может быть получена только на основе привлечения большого количества отпечатков, у которых есть папиллярные узоры с хорошо узнаваемыми деталями. Таким образом, работа Нюмана Х., направленная, прежде всего, на определение возможности решения на археологическом материале вопросов по идентификации личности древних людей, с одной стороны дала положительные результаты, и были намечены перспективы для дальнейшего ее развития. Но в то же время исследователь неоднократно подчеркивает, что на черепках древней глиняной посуды обычно присутствует слишком незначительное количество отпечатков, обладающих необходимыми требованиями для применения метода дактилоскопии и составления полноценных выводов.

В нашей стране также появились исследователи, которые заинтересовались отпечатками папиллярных линий подушечек пальцев древних людей на глиняных предметах. Это группа исследователей из Омска (Данченко Е.М., Волосов В.А., Гришаева О.Е., 1996). В качестве исходного материала была использована керамика раннего железного века и раннего средневековья, найденная на памятниках, расположенных на территории Прииртышья в Западной Сибири: городище Богочановское – керамика саровского и богочановского типа с жемчужным орнаментом, Сперановское – керамика саровского типа с жемчужным орнаментом и Ново-Никольское III – сосуды усть-ишимской культуры с защипным орнаментом. Основная цель исследования состояла в том, чтобы выяснить возможность определения по отпечаткам пальцев на керамике пол и возраст человека, оставившего их, а также решать некоторые другие вопросы и, в частности, проводить идентификацию. Очевидно, что формулировка подобных задач основывалась на предварительном знакомстве с возможностями дактилоскопического метода. «Известно, что возможности дактилоскопии позволяют, в зависимости от качества отпечатков, устанавливать пол, возраст, рост, оставившего их человека, а при наличии некоторых специфических деталей (мозоли, порезы и т.п.) в ряде случаев судить даже о его профессиональной принадлежности.» «Пол и примерный возраст может быть установлен по ширине и плотности папиллярных линий, приходящихся на отрезок в 5 мм» (Данченко Е.М., Волосов В.А., Гришаева О.Е., 1996, с.72). Для проведения квалифицированной дактилоскопической экспертизы был привлечен эксперт-криминалист. Данный пробный опыт дактилоскопической экспертизы дал следующие результаты. Следы пальцев на одном из сосу-

дов были определены как следы, принадлежавшие “взрослому мужчине с хорошо развитыми от физического труда крупными пальцами”, совершавшего обработку правой рукой; на других исследованных фрагментах были зафиксированы следы “преимущественно мужские, за исключением двух случаев обнаружения женских отпечатков” (Данченко Е.М., Волосов В.А., Гришаева О.Е., 1996, с.73-74). Из приведенной цитаты видно, что в определениях присутствует разделение по половому признаку, а возраст установлен приблизительно, по принципу возрастной группы, причем, только в одном случае. Задачу найти фрагменты с одинаковыми отпечатками в разных комплексах не удалось решить совсем из-за малой площади отпечатков (Данченко Е.М., Волосов В.А., Гришаева О.Е., 1996, с.74).

Как отметили сами исследователи, применение приемов дактилоскопии к отпечаткам пальцев на древней керамике их мало удовлетворили. В связи с этим инициатор идеи дактилоскопического исследования отпечатков пальцев, археолог Е. М. Данченко, в последующей работе указал, что гораздо более продуктивно с целью выявления изделий, изготовленных одним и тем же человеком изучать оттиски различных орнаментов и штампов при помощи трасологии. “Представляется важным, что для исследований в рамках предлагаемого подхода не требуется особого технического оснащения и специальной подготовки, необходимой при дактилоскопическом анализе следов рук на древней посуде и иных керамических изделиях. При этом открываются широкие возможности для моделирования и эксперимента, которые уже ведутся археологами в различных научных центрах” (Данченко Е.М., 1998, с.60). Таким образом, выбор был перенесен в область исследований экспериментального моделирования и трасологии.

Существует еще работа по применению метода дактилоскопии в археологии, выполнявшаяся в нашей стране. Эта работа также осуществлялась в сотрудничестве с криминалистами и при их непосредственной помощи (Сыроватко А.С., Елистратов А.Я., 2003). Для исследования послужили отпечатки подушечек пальцев на сосудах (с обратной стороны орнаментальных ямочных вдавлений) и мелкой пластике. Использовались керамические находки с городищ дьяковской культуры бассейна Средней Оки (Протопопово, Городищи, Городна 1) и городища Настасьино Коломенского района Московская области. Всего было отобрано 40 предметов, содержащих отпечатки. После отбраковки осталось 11 экземпляров керамических изделий, по которым были проведены анализы и получены результаты (Сыроватко А.С., Елистратов А.Я., 2003, табл.2). Методическая основа исследования строилась на известном в криминалистике приеме подсчета количества папиллярных линий на участке в 5 мм (Сыроватко А.С., Елистратов А.Я., 2003, с.503). В основе используемого метода определения возраста по папиллярным линиям были заложены средние антропометрические показатели, выведенные по современным людям. Эти показатели не учитывают отклонения физического строения индивидуумов. Так, например, взрослые особи грацильного телосложения дают показатели сходные с подростками. В используемой выборке оказались преобладающими подростковые показатели. Исследователи выбрали для объяснения такого распределения особенность антропологического облика населения. “Полученные нами данные свидетельствуют о преобладании у дьяковцев людей грацильного телосложения – худощавых и невысокого роста” (Сыроватко А.С., Елистратов А.Я., 2003, с.504).

Однако, на мой взгляд, для выводов о чертах антропологического типа населения привлекаемая выборка исходного материала слишком мала. Она годится лишь для начального знакомства с методом дактилоскопии. Для решения затронутого вопроса об антропологическом типе требуется существенное пополнение выборки и всесторонняя проверка концепции.

Таким образом, можно отметить, что археологи не прошли мимо исследований папиллярных узоров на сосудах. Однако получить определенные половозрастные показатели отпечатков, ответить на вопрос об идентификации индивидуума им так и не удалось главным образом по причине отсутствия представительных серий пригодных для дактилоскопии отпечатков с хорошо отпечатанным и узнаваемым рисунком папиллярных линий.

В заключение следует упомянуть еще две археологические работы, в которых в качестве источника используются отпечатки кончиков пальцев, но изучаемые не с помощью дактилоскопии, а другими способами.

Одна из них принадлежит польскому археологу А. Межвиньскому (Mierzwiński A., 2003.), построившему свое исследование на материале куницкой культуры конца эпохи бронзы – начала эпохи железа, распространенной в бассейне реки Одры (приток Одера) на территории Польши. Его заинтересовали отпечатки пальцев на различных керамических изделиях. Это, прежде всего, посуда, а также кружки или диски разнообразной формы и величины, которые могли служить для самых разных целей (например, пряслица, подставки для керамического производства или литейного дела и др.). В отобранную коллекцию вошло 4703 отпечатков пальцев. Особый интерес представляют разработки, направленные на определение половозрастной принадлежности индивидов. При построении своих рассуждений исследователь опирался на зависимость между шириной отпечатка кончика пальца от возраста и пола человека. В качестве демонстрации этой зависимости привлекается материал специальных антропометрических таблиц, построенных антропологами на основании измерений больших серий пальцев современных людей. По этим таблицам в результате усреднения величин выявляются диапазоны значений, характеризующих половозрастные группы. Для исследования берутся отпечатки последней фаланги пальцев руки – вторая фаланга большого пальца или третья фаланга всех остальных пальцев (Mierzwiński A., 2003, с.34, рис.7). Материалы археологии сопоставляются с данными антропометрических таблиц. Причем для археологических материалов выводится специальная оценка, исходя из их информативности. А. Межвиньский указывает, что для каждого конкретного отпечатка невозможно проводить заключения, так как они чрезвычайно переменчивы, поэтому требуется работать с представительными сериями. В результате проведенных наблюдений по археологическим отпечаткам удалось уловить тенденцию их принадлежности к возрастной группе и полу. Это позволило исследователю подойти к обсуждению проблемы половозрастных групп, участвовавших в сфере производства керамики и литейном деле у населения куницкой культуры.

Другая работа, построенная не на рассмотрении особенностей папиллярных линий подушечек пальцев, а на морфологических особенностях и количественных показателях отпечатков ногтей проводилась Е.В. Куприяновой. Использовалась керамика из могильников эпохи бронзы Южного Зауралья: Большекараганский – синташтинская культура; Исиной I, Чекатай, Солончанка 1б – алакульская культура (Куприянова Е.В., 2003). Всего было отобрано и проанализировано более 300 отпечатков с поверхностей 50 сосудов. Задача данной работы состояла в определении половозрастной принадлежности данных отпечатков. В качестве основного признака привлекалась «ширина отпечатков ногтей» – авторский термин (Куприянова Е.В., 2003). Но в данном случае, в отличие от А. Межвиньского, использовалось сопоставление археологии не с большими сериями антропометрических таблиц, а с очень незначительной экспериментальной серией отпечатков ногтей современных людей (всего 27 человек: 11 женщин, 10 мужчин в возрасте 25-40 лет и шесть детей 5-6 лет).

Тем не менее, исследовательница на основе измерений, проведенных по этой экспериментальной серии, выводит размерные отличия для мужских, женских и детских отпечатков. Археологические отпечатки сопоставляются с полученными данными и делаются выводы о принадлежности отпечатков. Среди отпечатков были определены отпечатки трех групп – женские, мужские и детские. На основании произведенных определений выстраиваются предположения о характере керамического производства и его участниках в алакульской и синташтинской культурах. Несмотря на продемонстрированный автором интерес к поставленной проблеме многие высказывания носят спорный характер. Кроме того, вызывают сомнение выведенные диапазоны для половозрастных градаций, из-за малого количества участников эксперимента и очень огрубленных измерений выделенной для различия величины.

Итак, состояние разработанности проблематики, связанной с отпечатками кончиков пальцев выглядит следующим образом. Вплоть до сегодняшнего дня не созданы продуктивные способы определения пола и возраста гончаров в древних человеческих коллективах. Однако в литературе по археологии и первобытной истории данная тема постоянно обсуждается и вызывает интерес. При этом исследователи считают вполне достаточным делать ссылки на этнографические данные или используют для аргументации размерные

особенности отпечатков, считая, что пальцы мужской руки больше, чем женские и детские (Сальников К.В., 1952, с.39, 55; Горюнова Е.И., 1961, с.178; Халиков А.Х., 1969, с.358; Максимов Е. В., 1972, с.90-91; Розенфельдт И.Г., 1974, с.134; История первобытного общества, 1986, с.339; Кузьмина Е.Е., 1994, с.110 и др.) В действительности реальная величина отпечатков пальцев без специальной методики изучения и выработки необходимых критериев не может привлекаться для обсуждения половозрастной темы по двум причинам. Во-первых, размер пальцев является очень индивидуальным показателем и варьирует в широком диапазоне, как у мужчин, так и у женщин. Во-вторых, глина, на которой были оставлены отпечатки, при сушке и обжиге может уменьшаться в размерах (линейная усадка), что сказывается на размерах отпечатанного объекта.

Чтобы получить наиболее объективные данные о половозрастных особенностях индивидов, оставивших о себе информацию в виде следов на глиняных изделиях, необходима специальная организация исследования основных объектов – кончиков пальцев руки человека, с детальным изучением структурных единиц строения. Именно такой подход к исследованию отпечатков кончиков пальцев на керамике был намечен А.А. Бобринским и в настоящее время разрабатывается под его руководством в Группе “История керамики” ИА РАН (Бобринский А.А., Гей И.А., 1991; 1996; Гей И.А., 2005). Для выделения структурных единиц строения кончиков пальцев, определения их формы и количественных характеристик используются большие экспериментальные серии отпечатков пальцев современных людей. Эти экспериментальные серии (более 1500 индивидов разного пола от 4 до 80 лет) являются основной базой для выработки приемов и методов исследования. По экспериментальным сериям уже имеются предварительные результаты, которые дают основания фиксировать возрастные и половые отличия. Также есть наблюдения по археологическим отпечаткам, свидетельствующие о возможности применения к ним данных, выведенных на экспериментальных сериях. Важно отметить, что работа с археологическим материалом требует еще специальной отбраковки псевдо-пальцевых отпечатков и проведения оценки информативности непосредственно пальцевых отпечатков. Только после этого можно заниматься изучением морфологических особенностей кончиков пальцев, отражающих возрастные и половые отличия, заложенные в строении.

Подводя общий итог, хочется еще раз подчеркнуть, что отпечатки пальцев древних людей являются уникальным источником исторической и биологической информации, поэтому очень важно продолжать их исследование. Но при этом следует помнить о необходимости соотносить поставленные задачи и реальные возможности изучаемых объектов.

Литература

1. Бобринский А.А. О двух символах плодородия на украинской керамике // Українське гончарство. – Київ–Опішне, 1993. – Кн.1. – С.120-135.
2. Бобринский А.А., Гей И.А. Отпечатки ногтей древних гончаров как исторический источник // Междунар. конф. по применению методов естественных наук в археологии, посвященная памяти д.и.н. Б.А. Колчина. Тез. докл. – СПб., 1994. – С.107
3. Первые итоги изучения отпечатков кончиков пальцев на керамике // Гуманитарная наука в России: соросовские лауреаты. История, археология, культурная антропология и этнография. – М., 1996. – С.183-189.
4. Витковский Н. Следы каменного века в долине реки Ангары. – М., 1889. – 73 с.
5. Воеводский М.В. К изучению гончарной техники первобытно-коммунистического общества территории лесной зоны Европейской части РСФСР // СА. – 1936. – №1. – С.51-77.
6. Воеводский М.В. К истории гончарной техники народов СССР // Этнография. – 1930. – №4. – С.55-70.
7. Волкова Е.В. Культурные традиции в гончарстве неолита: по материалам Деснинской экспедиции // КСИА. – 1990. – Вып.201. – С.39-48.
8. Волкова Е.В. Историко-культурный подход к изучению орнаментов на древней глиняной посуде // Керамика как исторический источник (подходы и методы изучения). Тез. докл. Всесоюз. науч. археологич. конф. – Куйбышев, 1991. – С.115.

9. Волкова Е.В. Керамика могильника Новинки I (по материалам раскопок 1990-92 гг.) // Тверской археологический сборник. – Тверь, 1994. – Вып.1. – С.94-100.
10. Волкова Е.В. Гончарство фатьяновских племен. – М., 1996. – 121 с.
11. Гей И.А. О методике различения отпечатков кончиков пальцев на предметах из глины // *Opus*. Междисциплинарные исследования в археологии. – М., 2005. – Вып.4.– С.221-233.
12. Глушков И.Г. Керамика как археологический источник. – Новосибирск, 1996. – 327 с.
13. Глушков И.Г., Глушкова Т.Н. Текстильная керамика как исторический источник. – Тобольск, 1992. – 130 с.
14. Глушков И.Г. Захожая Т.М. Керамика эпохи поздней бронзы Нижнего Прииртышья. – Сургут, 2000. – 199 с.
15. Горюнова Е.И. Этническая история Волго-Окского междуречья // МИА. – 1961. – № 94. – 267 с.
16. Гребенчиков А.Ф. Опыт классификации орнамента древней керамики Приамурья (по материалам поселения раннего железного века на о-ве Урильском) // Древняя керамика Сибири: типология, технология, семантика. – Новосибирск, 1990. – С.130-144.
17. Городцов В.А. Русская доисторическая керамика. – М., 1901. – 96 с.
18. Грязнов М.П. Памятники карасукского этапа в Центральном Казахстане // СА. – 1952. – Вып.XVI. – С.129-162.
19. Гусенцова Т.М., Андреева Н.А. Некоторые особенности изготовления неолитической керамики Межозерья (юго-восточное Приладожье и Прионежье) // Тверской археологический сборник. – Тверь, 1996. – Вып.2. – С.226-234.
20. Данченко Е.М., Волосов В.А., Гришаева О.Е. О возможностях дактилоскопического исследования следов рук на древней керамике // Интеграция археологических и этнографических исследований. Материалы IV Всероссийского научного семинара, посвященного 60-летию со дня рождения В.И. Васильева. – Новосибирск – Омск, 1996. – Часть1. – С.72-74.
21. Данченко Е.М. Об одном из аспектов изучения орнаментальных штампов // Интеграция археологических и этнографических исследований. Материалы VI Международного научного семинара, посвященного 155-летию со дня рождения Д.Н. Анучина. – Омск, 1998. – Часть 1. – С.59-60.
22. Иностранцев А.А. Доисторический человек каменного века побережья Ладожского озера. – СПб., 1882. – 242 с.
23. История первобытного общества. – М., 1986. – 573 с.
24. Калинина И.В. Морфология декора неолитических сосудов и стилистические особенности деревянной зоо-антропоморфной скульптуры // Тверской археологический сборник. – Тверь, 2002. – Вып.5. – С.241-247.
25. Калинина И.В., Гаджиева Е.А. Архаические орнаменты для керамики // Археологические изыскания. AD POLUS Памяти Л.П. Хлобыстина. – СПб., 1993. – Вып.10. – С.83-94.
26. Калинина И.В., Устинова Е.А. Опыт использования метода экспериментального моделирования для технологического анализа керамики (по материалам неолитических памятников Полуденка I, Хуторская стоянка) // АСГЭ. – 1988. – № 29. – С.5-17.
27. Калинина И.В., Устинова Е.А. Технологическая классификация орнаментов неолитической-энеолитической керамики Уральского региона // АСГЭ. – 1990. – № 30. – С.7-19.
28. Калинина И.В., Устинова (Гаджиева) Е.А. Использование челюстей древних животных для орнаментации древней керамики // СА. – 1995. – №2. – С.69-83.
29. Клер О.Е. и Фаддеев К.И. Гончарное производство доисторического человека, жившего на городище у деревни Палкино // МАВГР. – М., 1896. – Вып.2. – С.1-12.
30. Коробков И.А. Крижевская Л.Я. Использование первобытным человеком аммонитов и белемнитов для орнаментации керамики // Вестник ЛГУ. Серия геологических наук. – 1958. – №18. – С.54-59.
31. Костылева Е.Л., Калинина И.В. Использование костей животных для орнаментирования ямочно-гребенчатой керамики // Тверской археологический сборник. – Тверь, 2003. – Вып.5. – С.248-256.

32. Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? – М., 1994. – 464 с.
33. Куприянова Е.В. Отпечатки ногтей на древней керамике как исторический источник // Древняя керамика: проблемы и перспективы комплексного подхода. – Челябинск, 2003. – С.62-71.
34. Ньюман Х. Древние отпечатки пальцев // Археология севера. – Петрозаводск, 1997. – Вып.1. – С.78-85.
35. Максимов Е.В. Среднее Поднепровье на рубеже нашей эры. – Киев, 1972. – 183 с.
36. Путятин П.А. О гончарном искусстве в каменном веке. // Известия ИРГО – СПб., 1884. – Т. XX. – Вып.3. – С.280-309.
37. Розенфельдт И.Г. Керамика дьяковской культуры // Дьяковская культура. – М., 1974. – С.90-197.
38. Сальников К.В. Древние памятники истории Урала. – Свердловск, 1952. – 159 с.
39. Семенов С.А. К изучению техники нанесения орнамента на глиняные сосуды // КСИ-ИМК. – 1955. – № 57. – С.137-144.
40. Титов Ю.В. Об орнаменте керамики типа Сперрингс // СА. – 1970. – №1. – С.224-226.
41. Сыроватко А.С., Елистратов А.Я. Об опыте определения отпечатков пальцев на дьяковских керамике и мелкой пластике // Тверской археологический сборник. – Тверь, 2003. – Вып.5. – С.503-507.
42. Теплоухов А.Е. Описание коллекции черепков глиняной посуды из Чудского селища близь села Кудымкорского в Соликамском уезде. Замечание о глиняных черепках, найденных на берегу Аятского озера и у д. Палкино на р. Исети // ЗУОЛЕ. – Екатеринбург, 1884. – Т.VII. – Вып.4. – С.177-188.
43. Уваров А.С. Археология России. Каменный период. – М., 1881. – Т. I – 439 с. Т. II – 49 с.
44. Халиков А.Х. Древняя история Среднего Поволжья. – М., 1969. – 395 с.
45. Хить Г.Л. Дерматоглифическая дифференциация населения СССР. – М., 1973. – 20 с.
46. Хить Г.Л. Дерматоглифика народов СССР. – М., 1983. – 280 с.
47. Штукенберг А. Высоцкий Н. Материалы для изучения каменного века в Казанской губернии // Труды общества естествоиспытателей при Императорском Казанском Университете. – Казань, 1885. – Т.XIV. – Вып.5. – С.1-89.
48. Mierzwiński A. Znaki utrwalone w glinie. Społeczno-obrzędowe aspekty działań wytwórczych końca epoki brązu i wczesnej epoki żelaza. Model nadodrzański. – Wrocław, 2003. – 289 с.

Кубарев В.Д.
(г. Новосибирск)

СЮЖЕТЫ И ОБРАЗЫ ПЕТРОГЛИФОВ БИЛУУТ-ТОЛГОЙ (МОНГОЛЬСКИЙ АЛТАЙ)

На территории национального парка «Тавын-Богдо-Ула», расположенном на границе с Китаем и Россией, в настоящее время известно более 10 крупных местонахождений наскальных изображений. Многие из них уникальны и содержат разнообразную информацию о кочевом быте, мифологии, культуре священных животных и обрядах древних племен Монголии. Отдельные сюжеты или даже целые повествовательные сцены представляют собой, настоящие произведения искусства и становятся эталонными, каноничными в изобразительном творчестве населения Центральной Азии. К числу таких неординарных памятников, недавно открытых в акватории оз. Хотон-Нуур, относится и комплекс петроглифов в местности Билуут-Толгой (Баян-Улэгейский аймак). Он находится в 34 км от Арал-Толгой (другого известного памятника наскального искусства), в местности Узген и почти в устье р. Хайтун-Гол (рис.1). Координаты памятника: 48° 39' 10,2" с.ш. – 88° 19' 50,5" в.д., высота над уровнем моря 2161 м. Скопления древних изображений (не бо-

лее одной тысячи рисунков) отмечены на трех скалистых возвышениях, которые были условно обозначены как самостоятельные пункты: Билуут-Толгой 1,2,3 (Kortum R., Batsaikhan Z., Edelkhan X., Gambrell J., 2005).

Значительная часть рисунков датируется эпохой бронзы. К этому периоду относятся изображения быков. Например, очень интересна ярусная композиция из семи фигур быков, ориентированных вправо (рис.2). Изображения выполнены в одном стиле, но каждое животное отличается от другого оригинальным оформлением туловища (округлые пятна, квадраты или линии из чередующихся точек, и т.п.). Индивидуальность быков подчеркнута и различной формой рогов (лировидная, серповидная, кольцевидная и т.д.). Рога отдельных животных сильно гипертрофированы, и надо полагать, что таким утрированным приемом, выражена их семантическая связь с небом и всем космосом. На других рисунках быков внимание художника было акцентировано на окончании хвостов. Оно представляет собой диск с короткими черточками-лучами, также явно свидетельствующий о принадлежности животного к небесной сфере. Ту же идею избранности, сакральной сущности священного животного, очевидно, передает и рисунок «клетчатого» быка. На его прямоугольном туловище можно насчитать 12 квадратов – священное «небесное» число у многих азиатских народов.

Возможно, локальным своеобразием памятника следует объяснить отсутствие в Билуут-Толгое изображений вьючных быков (за исключением одного эскизного рисунка), а ведь они присутствуют на многих местонахождениях петроглифов Монголии и Алтая. Тем не менее, и на данном памятнике, в редких композициях человек находится рядом с быком. В одном случае он ведет на привязи быка, в другом сидит на его спине. Есть и другие бытовые сцены с участием быков. Так, очень выразительны фигуры, противостоящих, реалистично исполненных быков, найденных в пункте Билуут-Толгой 3.

К бронзовому веку, очевидно, надо отнести рисунки лосей и оленей (маралов) с древовидными рогами. Этим же периодом датируются изображения лошадей, которые, как и другие животные, показаны в движении и ориентированы вправо. Обычно, это небольшой табун, от 3 до 8 особей, сопровождаемый волками или собаками. Отсутствие человека в таких сценах, дает основание предположить, что на рисунках отображены дикие животные. Но и среди них представляется возможным различить два типа изображений. Одни лошади достаточно реалистичны и грациозны. У них длинные ноги, длинная шея и маленькая голова. Вторые, – отличаются другой стилистикой: короткое туловище, короткие толстые ноги, короткая шея с большой головой, иногда, наклоненной вниз. Первый тип лошадей в Билуут-Толгой присутствует в контексте с изображениями быков и рисунков колесниц (ранняя и развитая бронза). Второй тип лошадей (рис.3 – 1,2), вероятно, датируется поздней бронзой (андроновская или карасукская эпоха) и в стилистическом отношении близок образу коня, воплощенному в петроглифах Казахстана (Самашев З., Курманкулов Ж., Жетыбаев Ж., 2000, рис. 2-4).

Эпохой поздней бронзы датируются несколько хвостатых лучников в серповидных головных уборах. Некоторые исследователи интерпретируют подобный головной убор, как прическу или нимб вокруг головы божественного героя, но две мужские фигуры из Билуут-Толгой имеют прическу в виде косы с «бантиком» или с узлом на конце, а серповидный головной убор нависает над их головами (рис.4 – 3). Такое сочетание, опровергает первое предположение о пышной прическе антропоморфного персонажа. В том, что это головной убор убеждает еще один петроглиф. На одиночной фигуре мужчины, выбитой на небольшом валуне, обнаруженным в пойме р. Цагаан-Гол, традиционный головной убор или шлем (?) серповидной формы, подвязан ремешком под подбородком человека (Кубарев В.Д., 2005, табл. I, 16).

Достаточно интересными (в плане сопоставления) являются небольшие фигурки изящных оленей: на высоких тонких ногах, с приподнятой головой и «лосиными» рогами (рис.3 – 4). Идентичные олени, как по стилю, так и по размерам и характерной позе, известны на петроглифах Бага-Ойгура в Монголии (Кубарев В.Д., Цэвээндорж Д., Якобсон Э., 2005, прил. 1, рис. 1064), на памятниках Бураты и Жалгыз-Тобе, в Российском Алтае. Непонятно только почему Л.С. Марсадалов (1999, рис.1, 6,7) определяет их, как изображения лосей.

Несколько, тщательно выбитых фигур всадников, коней и оленей (рис.3 – 5), как предполагается, были созданы на аржано-майэмирском этапе древних кочевников. Изображения животных выполнены в декоративном протозверином стиле, характерном для отдельных изобразительных памятников Алтая и Тувы. Несколько «орнаментированных» изображений лошадей использованы вторично в раннесредневековый период. Так на одну лошадь весьма органично налегает фигура человека в треугольном шлеме с плюмажем, длинном халате и с копьем в руках (рис.3 – б). Тяжеловооруженному(?) всаднику противопоставлена миниатюрная и схематичная фигура пешего воина с копьем. Подобный сюжет несколько раз повторяется и на других петроглифах Билуут-Толгой. Фигуры воинов, как и в описанном рисунке, также выбиты поверх лошадей эпохи бронзы и раннескифского времени. Кроме таких палимпсестных рисунков тюркских воинов, на памятнике имеются и изображения всадников древнетюркского периода. Они, как правило, отличаются меньшими размерами рисунков, но по тщательности исполнения и проработке деталей упряжи не уступают прототипам

Рис.1
 Карта Баян-Улэгэйского аймака Монголии

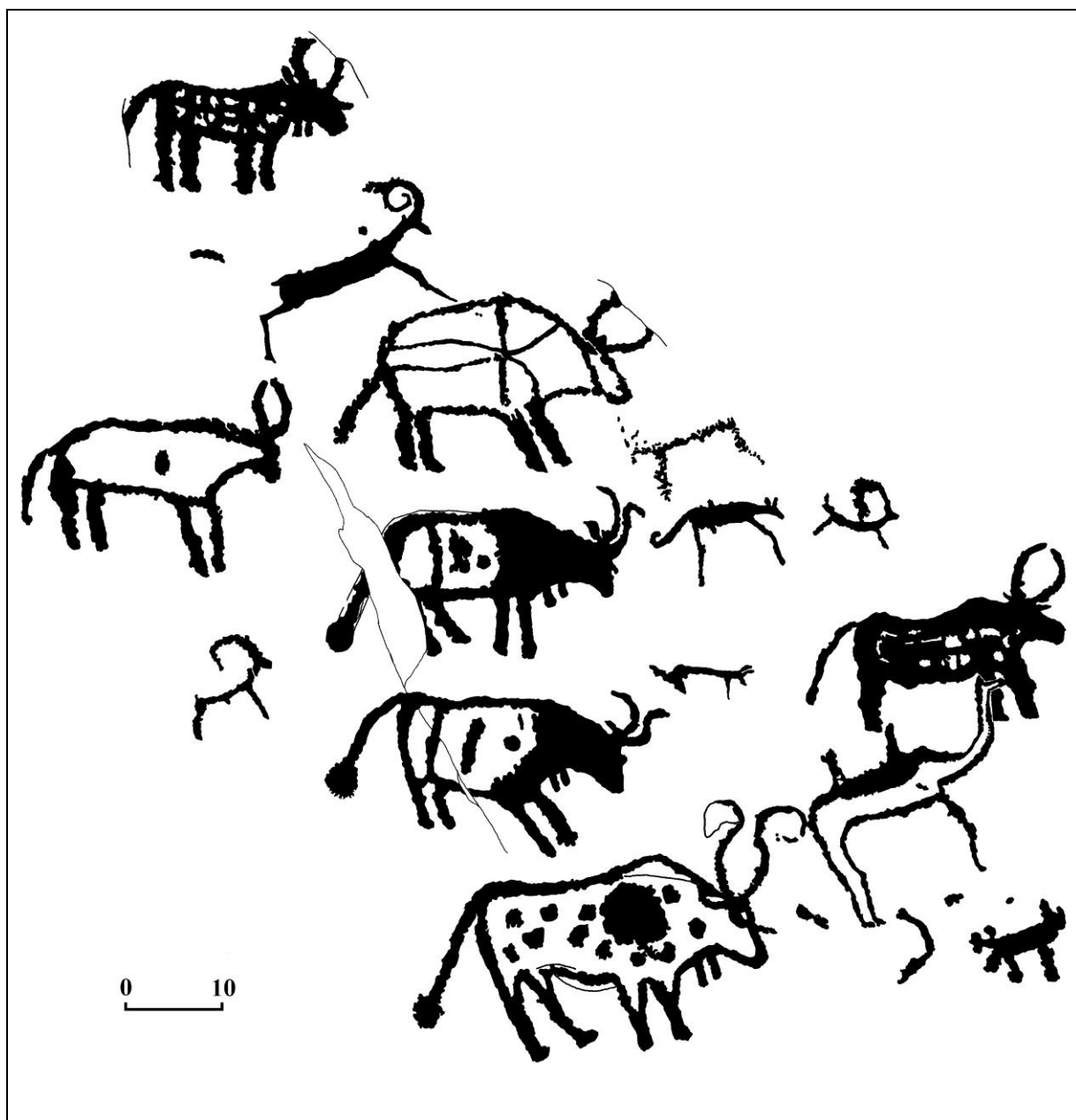

Рис.2
Петроглифы Билуут-Толгой.
Монгольский Алтай

Рис.3
Петроглифы Билуут-Толгой.
Монгольский Алтай

раннескифской эпохи. Но есть и исключения. Особенно впечатляют две большие фигуры всадников в пункте Билуут-Толгой 1, одна из которых в длину составляет более двух метров.

К числу редко встречаемых сюжетов на обследованном памятнике относятся колесницы (8 рисунков). Они сконцентрированы в определенном месте святилища (Билуут-Толгой 3) и выполнены сочетанием гравировки и выбивки. Одна колесница заключена в круг. Всего один рисунок верблюда обнаружен в пункте Билуут-Толгой 2. Надо сказать и о единственном изображении женщины (рис.3 – 7). Распознать образ позволяет: анфасный ракурс фигуры, длинные косы до плеч и длиннополая одежда.

На скалах Билуут-Толгой нанесено несколько знаков-тамг в виде схематичной фигурки козла. Одна из них, предельно стилизованная (рис.3 – 8), находит прямые аналогии в петроглифах Хар-Салаа и Бага-Ойгура (Кубарев В.Д., Цэвээндорж Д., Якобсон Э., 2005, прил. 2, рис. 116, 15,16). Подобная тамга также известна на стелах в долинах рек Барбургазы (Кубарев В.Д., 1979, табл. XIII, 1,3) и Кобдо (Кубарев В.Д., Якобсон Э., Цэвээндорж Д., 2000, с. 68, рис. 3а). Другие знаки в виде фигурки козла по начертанию близки тамге, вырезанной на памятной стеле, установленной в поминальном храмовом комплексе, в честь древнетюркского полководца Кюль-Тегина.

Итак, приведен, далеко не полный перечень образов и сюжетов, известных на новом местонахождении, но работы по копированию рисунков в Билуут-Толгое только начинаются и их изучение, несомненно, следует продолжить в следующем полевом сезоне 2007 года.

Литература

1. Кубарев В.Д. Древние изваяния. Оленные камни. – Новосибирск, 1979. – 120с.
2. Кубарев В.Д. Об одном традиционном сюжете в петроглифах Центральной Азии // «Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия». – Красноярск, 2005. – С.172-175.
3. Кубарев В.Д., Цэвээндорж Д., Якобсон Э. Петроглифы Цагаан-Салаа и Бага-Ойгура (Монгольский Алтай). – Новосибирск, 2005. – 640с.
4. Кубарев В.Д., Якобсон Э., Цэвээндорж Д. Алтай – Заповедная Зона // Международная конференция по первобытному искусству. – Труды. – Кемерово, 2000. – Том II. – С.64-77.
5. Марсадолов Л.С. Художественные образы и идеи на великом степном пути Евразии в IX – VII вв. до н.э. // Международная конференция по первобытному искусству. – Труды. – Кемерово, 1999. – Том I. – С.152-163.
6. Самашев З., Курманкулов Ж., Жетыбаев Ж. Петроглифы Казахского мелкосопочника // Международная конференция по первобытному искусству. – Труды. – Кемерово, 2000. – Том II. – С.98-100.
7. Kortum R., Batsaikhan Z., Edelkhan X., Gambrell J. Another new complex in the Altai mountains, Bayan Olgii ainag, Mongolia: Biluut 1,2 and 3 // International Newsletter on Rock Art (INORA). – 2005. – No.41. – P. 7-14.

Едилхан Х.

(г. Баян-Улэгей, Монголия)

РАЗРАБОТКА МЕТОДИКИ ДЕШИФРОВКИ ПЕТРОГЛИФОВ МОНГОЛЬСКОГО АЛТАЯ

Изучением наскальных изображений Монголии многие годы занимались российские ученые: А.П. Окладников, В.В. Волков, Э.А. Новгородова, В.Д. Кубарев, американская исследовательница Э. Якобсон, а также монгольские ученые Б. Ринчин, Д. Дорж, Н. Сэроджав, Д. Цэвээндорж, Д. Баяр и другие археологи. Несмотря на некоторые различия во взглядах ученых на датировку, происхождение и семантику наскальных изображений, достигнуты большие успехи в этой отрасли исторической науки.

Наскальные рисунки Монгольского Алтая, несмотря на большое сходство с петроглифами, известными в других регионах Монголии и России (Урал, Енисей, Ангара, Хакасия, Тува, Российский Алтай), Казахстана (Тяньшань, Саймалыташ. Тамгалы, Тесиктас, Карангур), имеются заметные различия не только в количественном отношении, но и в способе их изображения. Это связано, по-видимому, с развитием местной каменной индустрии, наличием кремневых орудий, необходимых для нанесения изображений на скалы и отдельные камни. То есть с периодом зарождения наскального искусства и временем примитивного производства предметов быта. Причем, для каждого региона Северной Азии первые произведения наскального носит ярко выраженный местный колорит. Если рисунки периода каменного века передаются в виде единичных изображений зверей и животных, то в петроглифах эпохи бронзы чаще всего изображаются целые композиции, основанные на определенном событии человеческой деятельности. Исследованиями установлено, что прародителями современного изобразительного искусства являются древние художники бронзового века, оставившие на скалах многочисленные петроглифы. Они, при создании своих произведений применяли разные приемы и способы нанесения рисунков. В связи с актуальностью изучения сущности этих способов, мы придаем этому вопросу большое значение. На наш взгляд, разнообразие способов и приемов древних художников при нанесении рисунков, позволяет классифицировать их следующим образом:

1. Звери и животные изображены, в основном, в профиль.
2. Четко показываются рога коровы, шея страуса, и т.д., что наиболее полно характеризует изображение животного.
3. Во избежание многочисленных поворотов и ракурсов, при нанесении рисунка использован «способ пятна».
4. Пол животных обозначен отчетливо, некоторые животные изображены вместе с молодняком.
5. На туловище некоторых животных высечены эллипсоидные символы.
6. Отдельные части тела животных на скале специально не выбиты (парциальные).
7. На фоне других животных особо почитаемые культовые фигуры, выбиты крупным планом.
8. Отдельные изображения соединяются между собой плавными переходами.
9. Некоторые рисунки иногда между собой соединяется «веревками».
10. Животные часто изображаются в движении.
11. Молодые животные высечены на спине взрослых особей.
12. Контур тела отдельных животных показан в виде четырехугольной фигуры, к которой пририсовываются отдельные детали (голова, ног и т.д.).
13. Голова, руки и пальцы человека часто изображаются при виде их движения.
14. В сценах иногда передается хроника отдельных событий.
15. В композиции животные изображаются однообразно и в одном традиционном стиле.
16. Некоторые трудно читаемые объекты передаются абстрактно.
17. Помимо главного образа изображаются и их вспомогательные черты.
18. Человеческие устремления, желания и род деятельности – угадываются в их активном движении.
19. По замыслу художника рога, шеи и хвосты животных иногда изображались очень крупно.
20. Процесс приручения отдельных животных маркируются соответствующими отличительными символами.
21. Расстояние передается, в виде рисунков животных, показанных в перспективе
22. Тело и передняя часть с головой животных иногда изображаются на нескольких плоскостях одновременно.
23. Основное содержание рисунка дополняются несколькими вспомогательными деталями.
24. Содержание отдельных изображений обогащаются с оптимальным применением традиционных способов.

Значительная часть из этих способов изображения отмечена в трудах других ученых, однако, 12 способов (7-9,11,12,17-24), автор предлагает впервые.

Необходимо отметить, что развитие и прогресс общества прямо повлияло на сознание и способности древних художников, и привело их к применению более совершенных способов.

Определив способы расшифровки наскальных изображений, мы условно их разделили на 6 основных методов:

1. Метод прямой связи изображений.
2. Метод соединительных «веревочек».
3. Метод применения вспомогательных изображений.
4. Метод изображения человеческой деятельности путем активного движения.
5. Метод абстракции.
6. Метод изображения с обогащением содержания.

Приведем несколько примеров, обосновывающих наше выделение методов передачи изображений на скальных поверхностях.

Метод прямой связи изображений

Этот метод широко применялся в период бронзового века для передачи содержания разных рисунков, касающихся одного определенного события путем их связки. Например, на скале изображен табун лошадей. В сцене три рисунка кобыл, один жеребец и жеребенок. Художник изобразил на скале их путем «связки», т.е. нога лошади перекрываются головой следующей лошади. Эта сцена связана, возможно, с ранним периодом бронзового века. Древние художники этого многовариантного метода использовали его применительно для передачи определенной жизненной ситуации.

Метод «веревочек»

Он широко применялся в бронзовом веке и смысл разных рисунков выражался путем подсоединения их между собой «веревками». На одной из скал Бага-Ойгура изображен караван кочевников, в котором, идущие за человеком быки соединены между собой веревками (рис.1 – 1). Вокруг них нарисованы мелкие изображения горных козлов. Эта сцена, по-видимому, относится к позднему периоду бронзового века. Следует отметить, что древние художники, расстрелянных из лука диких лошадей, также изображали путем соединения их рисунков между собой линиями-«веревками» (рис.1 – 2).

Метод применения вспомогательных рисунков

На одной композиции из Билуут-Толгой крупным планом изображен человек сидящей на быке, а недалеко от них обособленно выбиты восемь фигур быков. Короткие веревки на их шеях, возможно, указывают на то, что быки домашние. Еще одной характерной особенностью древних художников является и то, что процесс domestikации диких животных ими показываются при помощи вспомогательных рисунков. Например, в той же сцене с быками другие дикие животные изображаются убегающими от человека тремя горными козлами и тремя дикими лошадьми. Эти, казалось бы, малозначимые детали придают наскальной сцене полноту жизненной повседневной ситуации, наблюдаемой древним художником несколько тысячелетий назад.

Наскальные изображения рассмотренного метода, прежде всего характерно для среднего периода бронзового века.

Метод изображения человеческой деятельности путем активного движения

Наскальные рисунки человека является важнейшим документом, характеризующим род его деятельности. Древний человек в петроглифах изображался: бегущим, шагающим, стоящим, танцующим, или охотящимся на животных с разными видами оружия. На одной из скал Куйген-Хораского местонахождения петроглифов изображена борьба двух человек (рис.1 – 3). Причем один человек, в шапке, держащий на правой руке какой-то длинный предмет, левой рукой притягивает к себе за пояс второго человека. По рисунку хорошо видно, что второму человеку хочется убежать от нападающего. Слева от них находится анфасная фигурка женщины с длинными косами и расставленными в стороны руками. Возможно, она и является причиной конфликта двух мужчин? Здесь же, на другом рисунке изображен человек, стреляющий из лука в горного козла (рис.1 – 4).

Еще один пример: на памятнике Хату, на скале выбит всадник с луком и горный козел, причем передние ноги последнего, соединены с лошадью, а к голове всадника, прикреплен хвост пощади. Данным рисунком древний художник, очевидно, хотел сообщить об удачной охоте и о способе транспортировки добычи на лошади до места своего проживания. Эту композицию можно отнести к позднему периоду бронзового века.

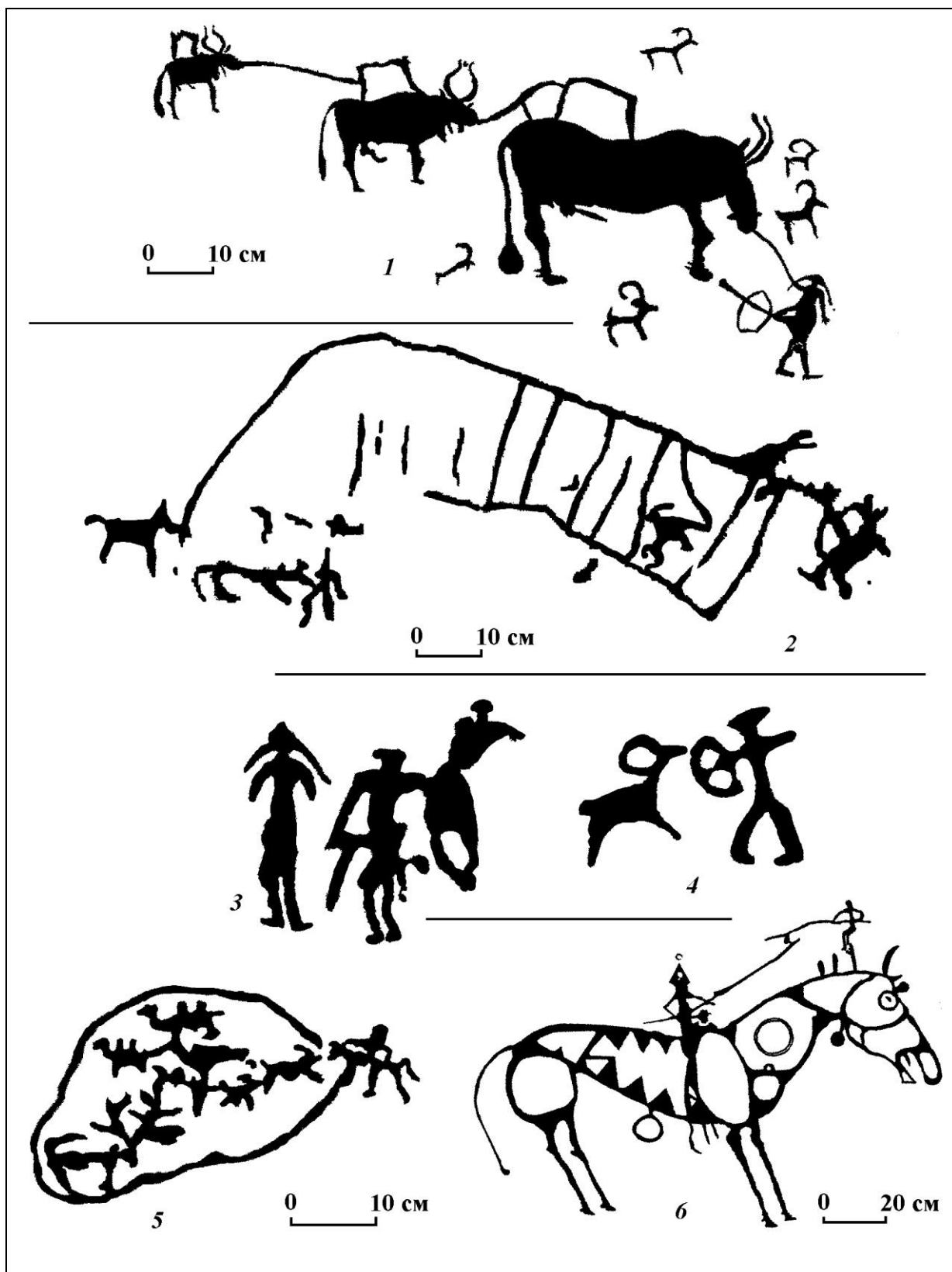

Рис.1
 Петроглифы Монгольского Алтая.
 1,2 – Бага-Ойгур, 3,4 – Куйген-Хораск,
 5 – Хату, 6 – Билуут-Толгой

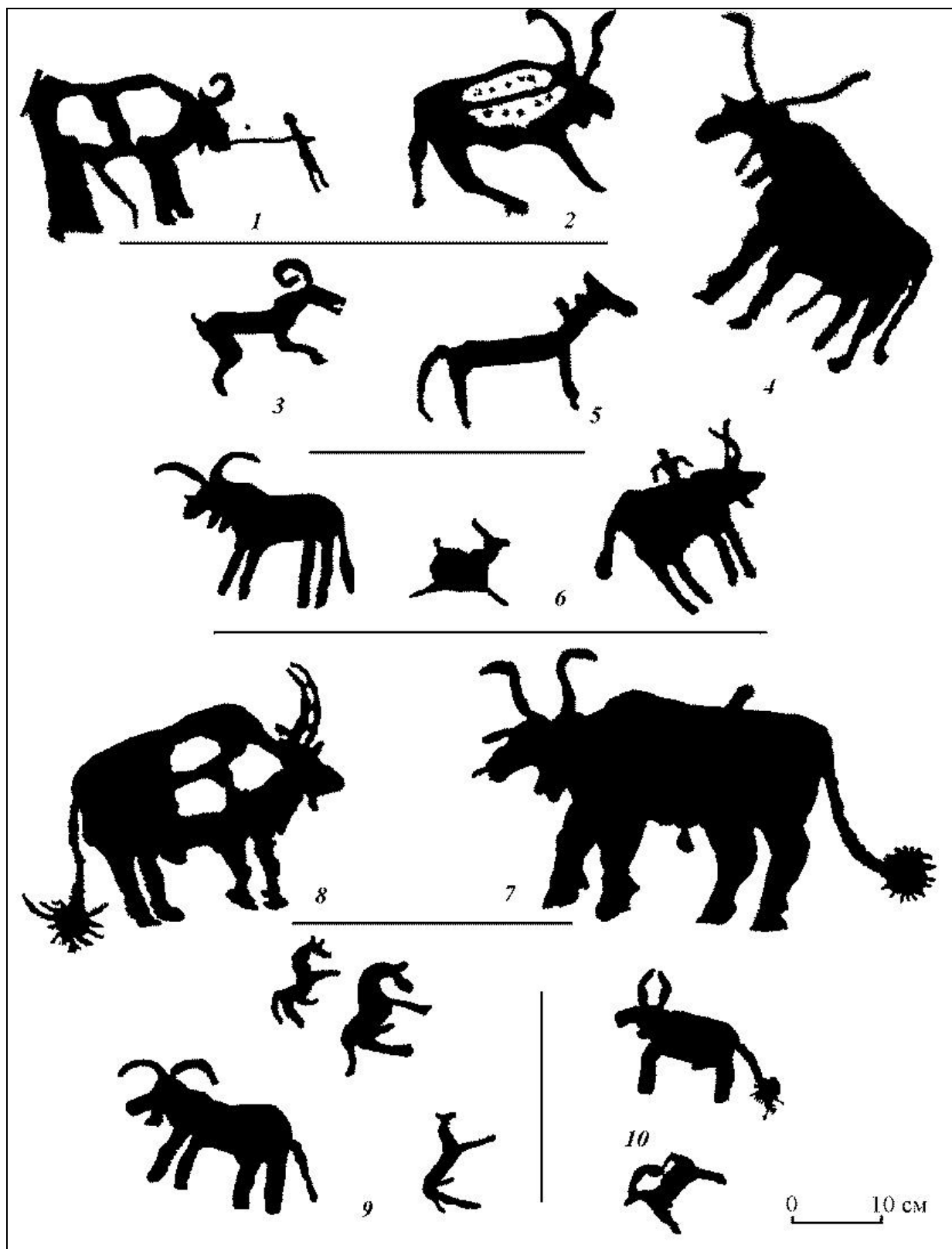

Рис.2
Петроглифы Монгольского Алтая.
1-10 – Билуут-Толгой

Метод абстракций

В верховье долины Хату, на левом берегу узкого ущелья, на гигантском валуне обнаружено любопытная композиция. На ней изображено узкое ущелье, в которое всадник загоняет диких животных (рис.1 – 5). Внимательно осмотрев местность, можно прийти к заключению, о том, что охотники, загоняя в это ущелье диких животных, охотились таким образом, чтобы не одному животному не удавалось спастись бегством. В расширенной части этого ущелья выбит рисунок всадника, причем передние ноги лошади окружены тонкой линией (путы?). Загнанные в это ущелье дикие верблюды, олени, горные козлы и козлята соединены одной линией. Такое абстрактное представление о диких животных характерно для среднего периода бронзового века.

Метод обогащения содержания

Некоторые наскальные изображения Монгольского Алтая по сравнению с другими районами Монголии по содержанию весьма богатые и интересные. На западном склоне горы Билуут-Толгой, на отдельной скальной плоскости запечатлена великолепная сцена битвы воинов (рис.1 – 6). Под одним из них изображена породистая лошадь, выполненная в декоративном стиле. Все тело, шея и голова коня покрыта разными геометрическими фигурами. Если подойти к интерпретации этих фигур с абстрактной точки зрения, то в треугольниках на туловище коня можно представить треугольные горы Загагтайн Уул, находящееся западнее от этого места, а озеро Хотон-Нуур угадывается в форме эллипса. Солнце, луна и другие светила изображены на коне в виде круга. Воин на коне-аргаме, несомненно, культурный герой-богатырь, может быть связанный с эпической традицией, очень выделяется среди других рисунков всадников. Различие выражено в более небрежном исполнении рисунков, а также в небольших размерах изображений. Такое противопоставление наблюдается и в рассматриваемой сцене поединка: вооруженному герою на коне противостоит маленькая фигура пешего воина.

В заключении мы прилагаем таблицу главных образов наскального искусства нового памятника Билуут-Толгой (рис.2). Они наглядно демонстрируют нам общие представления о повседневной жизни, о зарождающейся мифологии и абстрактном мышлении древних людей, несколько тысячелетий обитавших в акватории озера Хотон-Нуур.

Соёнов В.И.
(г. Горно-Алтайск)

МАТЕРИАЛЫ К АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТЕ УСТЬ-КОКСИНСКОГО РАЙОНА РА* (по результатам полевых работ 2002-2004 гг.)

В 2000-2004 годах археологической экспедицией под руководством автора производились разведки на локальных участках в Чемальском, Чойском, Турачакском, Шибалинском, Онгудайском, Кош-Агачском, Улаганском, Усть-Канском, Усть-Коксинском районах Республики Алтай и раскопки на могильниках Тепкиш в Онгудайском районе и Верх-Уймон в Усть-Коксинском районе.

Разведки осуществлялись для решения различных задач, основными из которых были: обследование по заявке Агентства по культурно-историческому наследию Республики Алтай (АКИН) участков строительства и реконструкции автодорог и мостов, мест разработки карьеров; проверка литературных и устных сведений об археологических объектах;

* Работы производились на средства проекта Центра науки и технологий Республики Алтай «Древние города Алтая»; на бюджетные и договорные средства Агентства по культурно-историческому наследию Республики Алтай; на бюджетные средства Горно-Алтайского государственного университета; на средства проекта РГНФ и Центра науки и технологий Республики Алтай «Горный Алтай в гунно-сарматскую эпоху» (№04-01-61007а/Т).

поиск и исследование памятников гунно-сарматской эпохи, а также древних и средневековых крепостей и городищ по соответствующим научным проектам. В полевых работах участвовали аспиранты кафедры археологии, этнологии и источниковедения Горно-Алтайского государственного университета С.В. Трифанова, Т.А. Вдовина, М.А. Черепанов, А.В. Исов; сотрудник университета В.Ю. Коробченко; директор АКИН В.П. Ойношев; студенты исторического факультета ГАГУ и школьники.

Информация о разведках и раскопках, а также часть полученных материалов публиковались нами в ряде работ. В настоящем сборнике мы представляем сведения об археологических памятниках, обследованных экспедицией на территории Усть-Коксинского района (рис.1), которые будут полезны при составлении археологической карты района.

В результате обследования участка строительства мостового перехода через р. Катунь у с. Верх-Уймон и подъездной дороги к нему обнаружены два могильника (Верх-Уймон II и V), одиночный курган (Верх-Уймон III) и поселение Притор, расположенные на правом берегу Катунь на участке предполагаемой подъездной дороги (рис.2).

Могильник Верх-Уймон II. Расположен в 1,5 км к северо-западу от центра с. Верх-Уймон, на краю поля, на участке предполагаемой подъездной дороги к мостовому переходу через р. Катунь в с. Октябрьское, у подножья безымянной горы, заканчивающейся у реки местом под названием Притор, на выходе предполагаемой трассы на дорогу Верх-Уймон – Гагарка (рис.2). Географические координаты памятника по GPS-приемнику: N – 50°13'16,5"; E – 085°43'17,4". Высота 946 м над уровнем моря (по балтийской системе высот).

Могильник включает три визуально фиксируемых объекта: две западины и один курган. Все они задернованы. Диаметр западин 8 и 9 м, глубина соответственно 0,3 и 0,1 м. Третий объект – каменно-земляной курган диаметром 16 м, высотой 0,5 м. Он расположен в углу, образованном дорогой Верх-Уймон – Гагарка и примыкающей к ней грунтовой дорогой. Насыпь кургана с южной стороны частично разрушена при строительстве дороги. Датировка объектов затруднена.

Одиночный курган Верх-Уймон III. Расположен в 1,7 км к северо-западу от центра с. Верх-Уймон, на краю поля, на участке предполагаемой подъездной дороги к мостовому переходу через р. Катунь в с. Октябрьское, у подножья безымянной горы, заканчивающейся у реки местом под названием Притор, в небольшом логу (рис.2). Географические координаты памятника по GPS-приемнику: N-50°13'26,9", E-085°43'18,6". Высота 945 м над уровнем моря (по балтийской системе высот). Курган задернован и зарос в центре кустарником. Опахан. Диаметр 10 м, высота 0,5 м. В центре насыпи – два крупных камня, расположенные параллельно друг к другу по линии С-Ю. Датировка кургана затруднена.

Могильник Верх-Уймон V. Расположен в 1,75 км к северо-западу от центра с. Верх-Уймон, на краю поля, на участке предполагаемой подъездной дороги к мостовому переходу через р. Катунь в с. Октябрьское, в небольшом логу у подножья безымянной горы, заканчивающейся у реки местом под названием Притор (рис.2).

Курган 1. Насыпь кургана запахана и сильно задернована. Диаметр 5 м, высота 0,1 м. Курган 2. Расположен в 30 м к юго-западу-югу от кургана 1. Насыпь кургана запахана и сильно задернована. Диаметр 3 м, высота 0,1 м. В 0,5 м к северо-западу от полы кургана лежал большой валун со следами выбивки (в настоящее время валун находится в Верх-Уймонском филиале Национального музея Республики Алтай). Датировка объектов затруднена.

Поселение Притор. Расположено в 1,8 км к северо-западу от центра с. Верх-Уймон, на северном краю поля, на участке предполагаемой подъездной дороги к мостовому переходу через р. Катунь в с. Октябрьское, у подножья безымянной горы, на месте прижима перед Катунью, который местные жители называют Притор (рис.2, 3). Узкий участок шириной 10-15 м ограничен с запада склоном горы, густо заросшим кустами акации, а с востока протокой Катунь, заросшей ивой и березой. Лагерь экспедиции располагался перед самым участком прижима около забора из сетки-рабицы, проходящего от Верх-Уймона до Катунь.

Около лагеря экспедиции у подошвы горы нами обследован небольшой котлован длиной 4,5 м, шириной 3 м, глубиной 0,4 м, видимо, вырытый в 2003 г. экскаватором при производстве изыскательских работ. При осмотре котлована найдены два маленьких фрагмента неорнаментированной керамики серо-коричневого цвета, черные на изломе. Еще два ма-

леньких фрагмента неорнаментированной керамики черного и серо-коричневого цвета обнаружены при осмотре края берегового обрыва рядом с котлованом. Датировка памятника затруднена, предположительно можно отнести его к эпохе средневековья.

При обследовании участка дорожного карьера, расположенного на автодороге Усть-Кокса – Огневка – Мараловодка и прилегающей к нему территории обнаружено разрушенное погребение.

Погребение карьер грунтовый резерв №4. Участок карьера грунтового резерва №4 расположен у автодороги, в 5,5 км к юго-западу от с. Огневка Усть-Коксинского района РА, на левом берегу р. Катунь, у подножья холма – отрога хребта Ак-Тайга (рис.4). При осмотре западной стенки карьера обнаружены остатки разрушенного погребения. Географические координаты памятника по GPS-приемнику: N-50°11'22,6", E-085°28'22,0". Высота 1006 м над уровнем моря (по балтийской системе высот).

На настоящий момент сохранилась западная часть могильной ямы и часть насыпи каменного кургана. Курган был сложен из рваных камней и плит сине-серой породы (сланец?). Размеры сохранившейся насыпи с небольшой западиной в центре 3,9x1,5 м. Ширина оставшейся части ямы 1,05 м, глубина 1,1 м. Видимо, погребение было перекрыто плитами. Судя по расположению черепа, погребенный лежал головой на запад, а лицом был обращен на север. Хотя не исключено, что череп смещен. Под черепом имелся древесный тлен коричневого цвета. Справа от человеческого черепа найдены фрагменты трубчатых костей, фрагменты зубов и костей черепа животного (лошади?). Датировка кургана затруднена. Предположительно курган можно отнести к раннескифскому времени или гунно-сарматской эпохе.

В ходе маршрутных работ обследованы 5 памятников, расположенные около сел Карагай, Ак-Кобы, Мульта, Абай Усть-Коксинского района.

Могильник Карагай I. Расположен в 900 м к востоку от окраины с. Карагай, на левом берегу р. Карагай (рис.5). Включает 3 сильно задернованных кургана диаметром 8-10 м, высотой 0,3-0,4 м, расположенных меридиональной цепочкой с небольшим отклонением. Насыпи не имеют видимых повреждений. Датировка курганов затруднена.

Могильник Карагай II. Расположен в 300 м к востоку от окраины с. Карагай, на левом берегу р. Карагай (рис.6). Включает 2 кургана, диаметром соответственно 12 и 16 м, высотой 0,4 м. Насыпь кургана 1 не имеет видимых повреждений. Южная часть насыпи кургана 2 разрушена частично при попытке вскрыть погребение бульдозером. Датировка курганов затруднена.

Могильник Ак-Кобы I. Расположен в 2 км к юго-западу от с. Ак-Кобы, на левобережной террасе р. Катунь, над дорогой Усть-Кокса – Тюнгур (рис.7). Географические координаты памятника по GPS-приемнику: N – 5015162; E – 8604189.

Могильник представляет собой цепочку из 6 плоских каменных курганов диаметром 6-7 м, высотой 0,3-0,4 м. Цепочка ориентирована СВ-ЮЗ и расположена перпендикулярно существующей дороге. Все курганы сильно задернованы. Часть кургана 6 разрушена в результате дорожных работ. Насыпи остальных не имеют видимых повреждений. Датировка курганов затруднена, предположительно могильник относится к пазырыкской эпохе.

Одиночный курган Ак-Кобы II. Расположен в 1,8 км к юго-западу от с. Ак-Кобы, на левобережной террасе р. Катунь, в 2 м справа от обочины дороги Усть-Кокса – Тюнгур (рис.7). Географические координаты памятника по GPS-приемнику: N – 5015217; E – 8603937. Диаметр насыпи кургана 10 м, высота 0,8 м. Курган сильно задернован, зарос кустарником, в северо-восточной части насыпи растет лиственница. При расширении дороги может подвергнуться разрушению. Предположительно курган относится к пазырыкской эпохе.

Могильник Мультинский мост. Расположен в 4 км к северо-востоку-северу от с. Мульта, на левом берегу р. Катунь, в 400 м к северо-востоку от Мультинского моста (рис.8). В 100 м к западу от могильника проходит дорога Усть-Кокса – Мульта. Географические координаты памятника по GPS-приемнику: N – 5019397; E – 8596562.

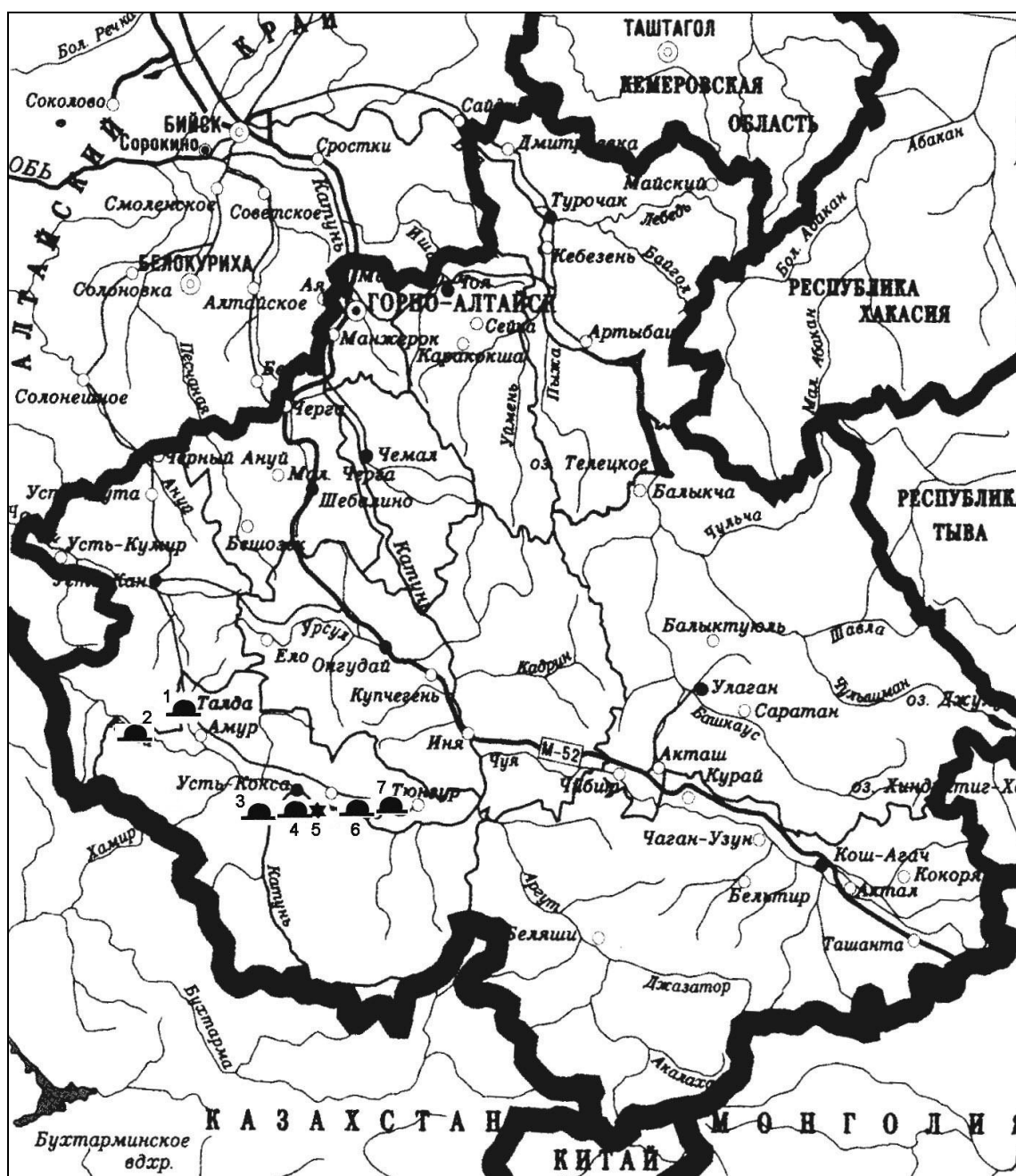

Рис.1

Месторасположение обследованных памятников.

- 1 – одиночный курган Талда;
- 2 – могильники Карагай I и II;
- 3 – Погребение карьер грунтовый резерв №4;
- 4 – могильники Верх-Уймон II и V, одиночный курган Верх-Уймон III;
- 5 – поселение Притор;
- 6 – могильник Мультинский мост;
- 7 – могильник Ак-Кобы I, одиночный курган Ак-Кобы II

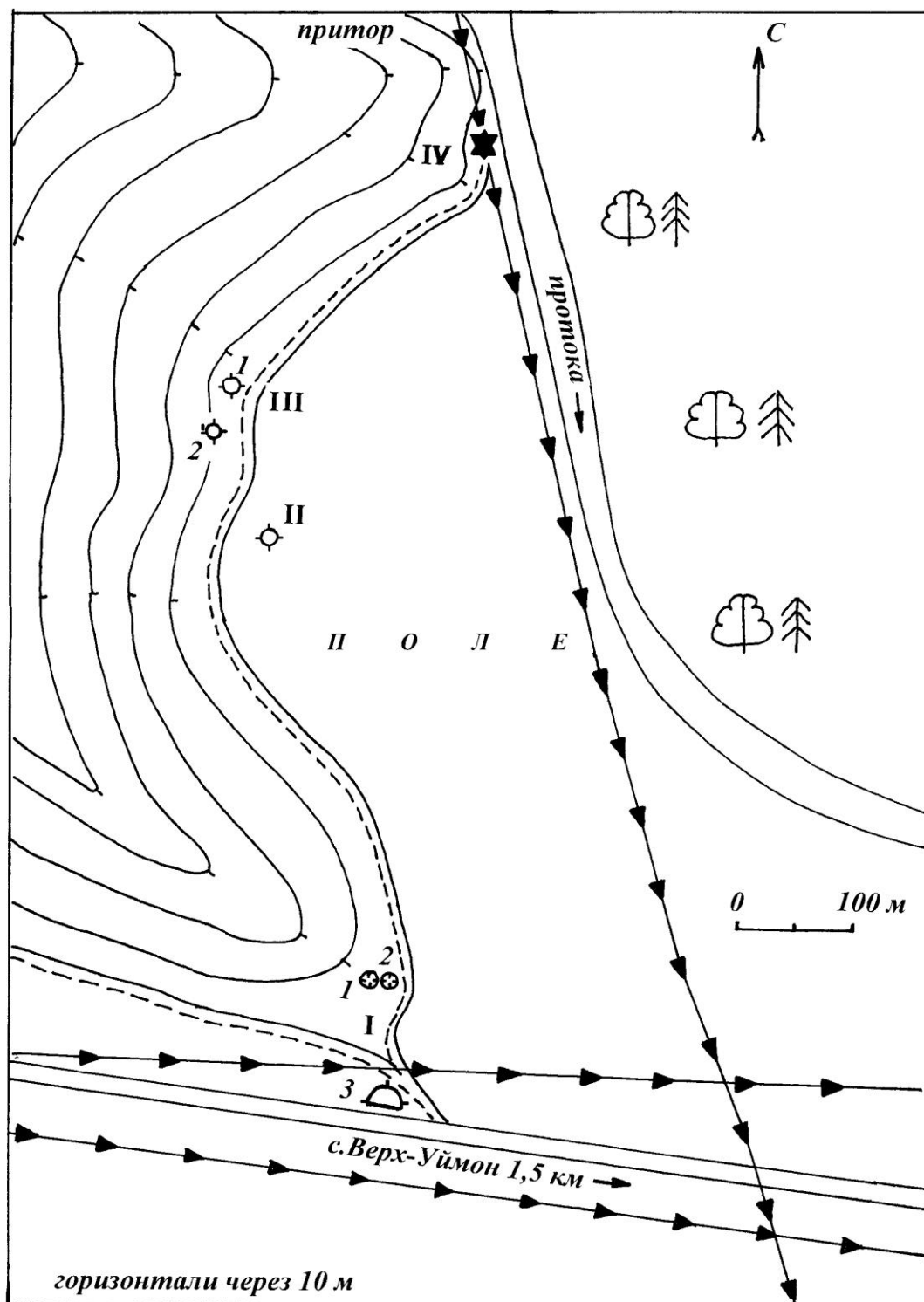

Рис.2

Глазомерный план памятников.
 I – могильник Верх-Уймон II,
 II – одиночный курган Верх-Уймон III;
 III – могильник Верх-Уймон V;
 IV – поселение Притор

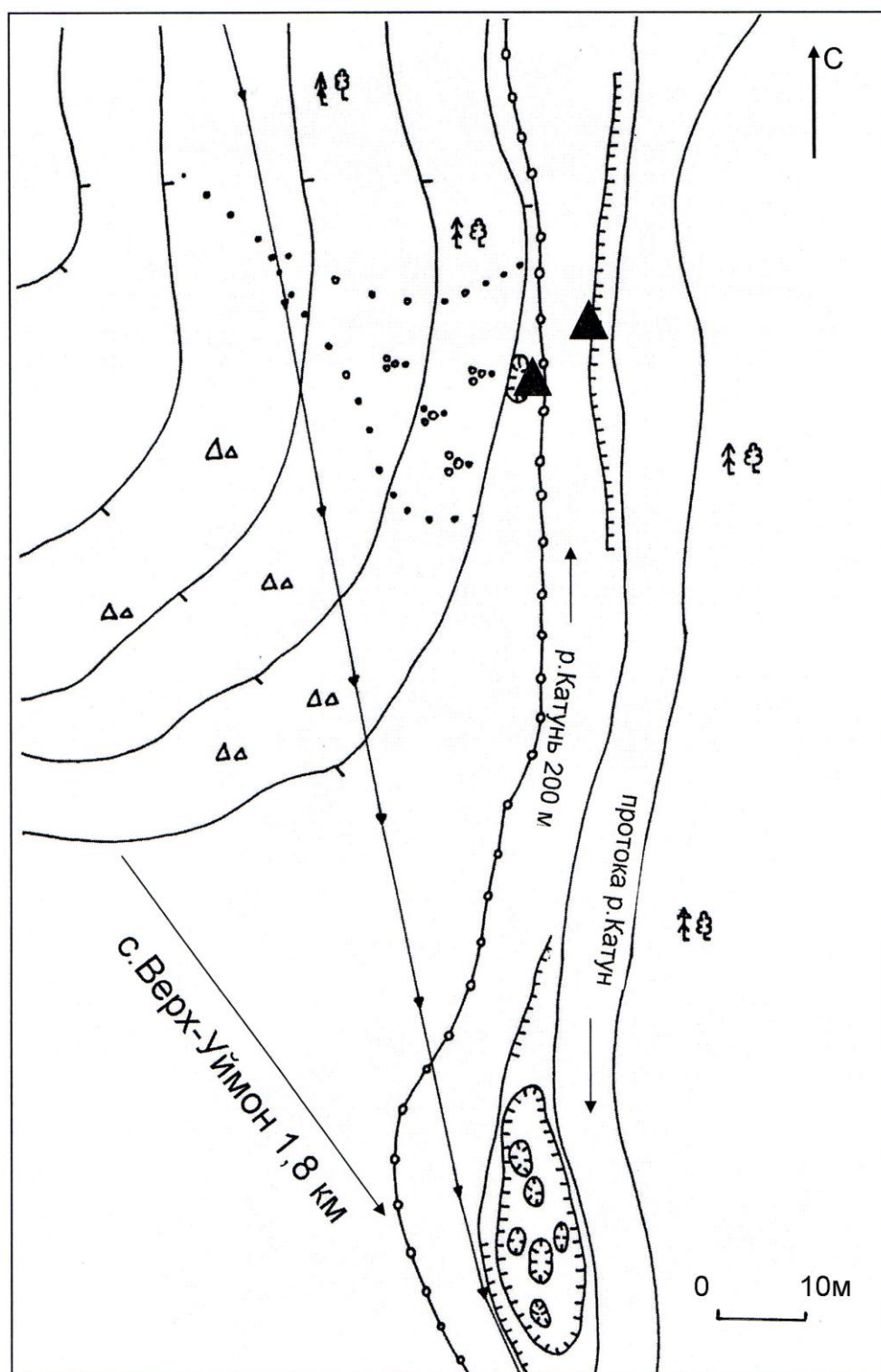

Рис.3
Глазомерный план поселения Притор

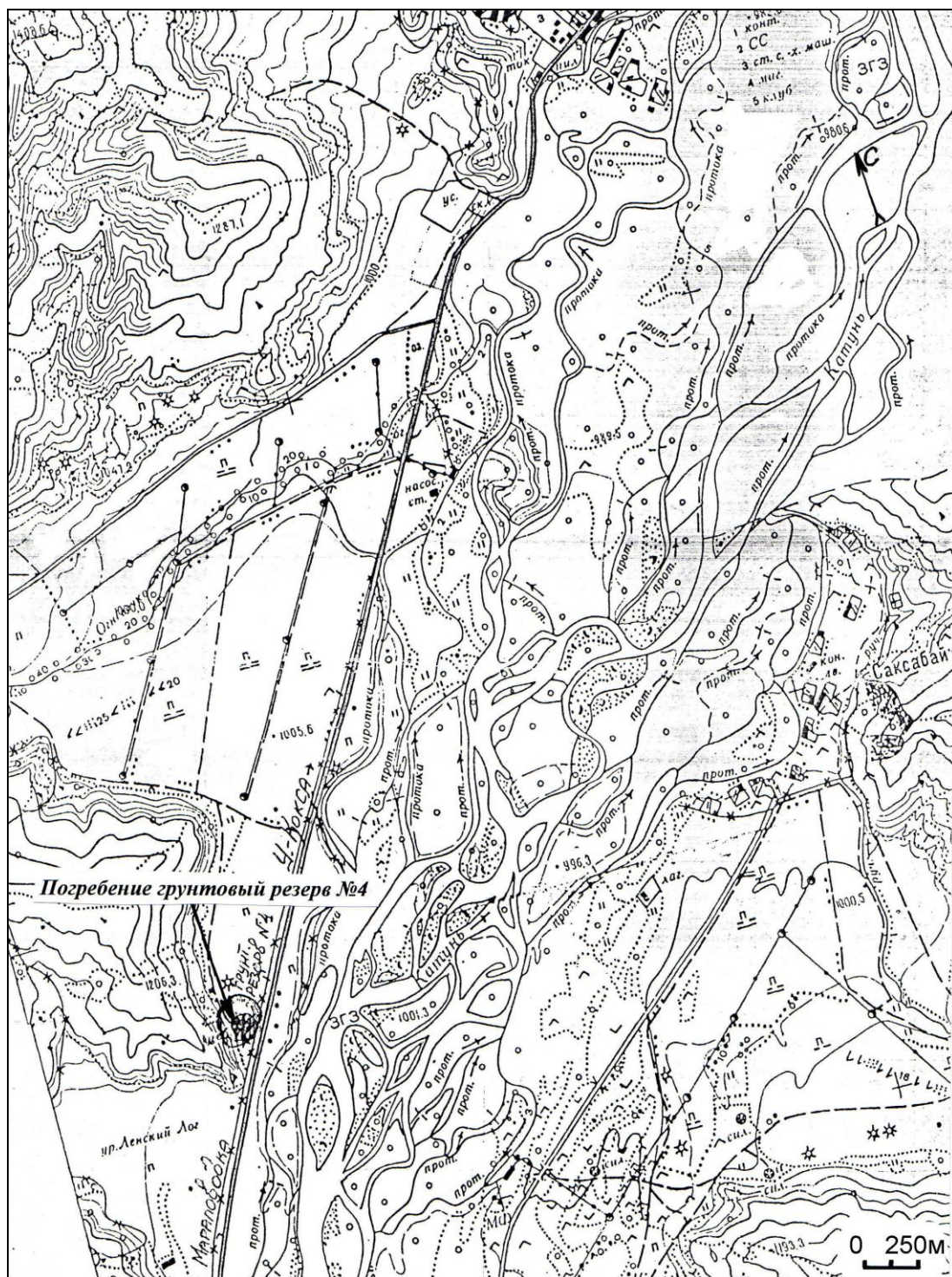

Рис.4

Местонахождение Погребения карьер грунт. резерв №4

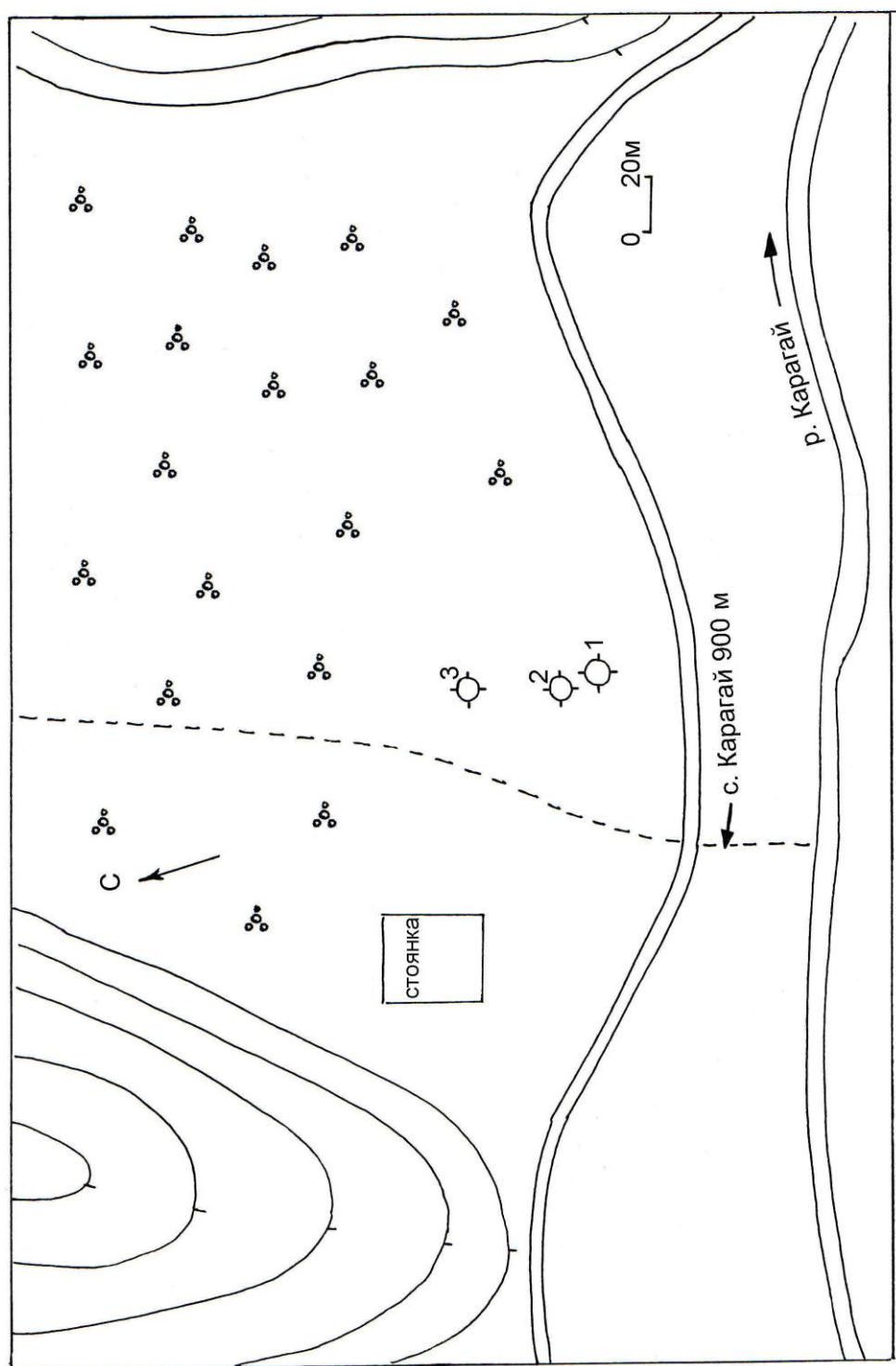

Рис.5
Глазомерный план могильника Карагай I

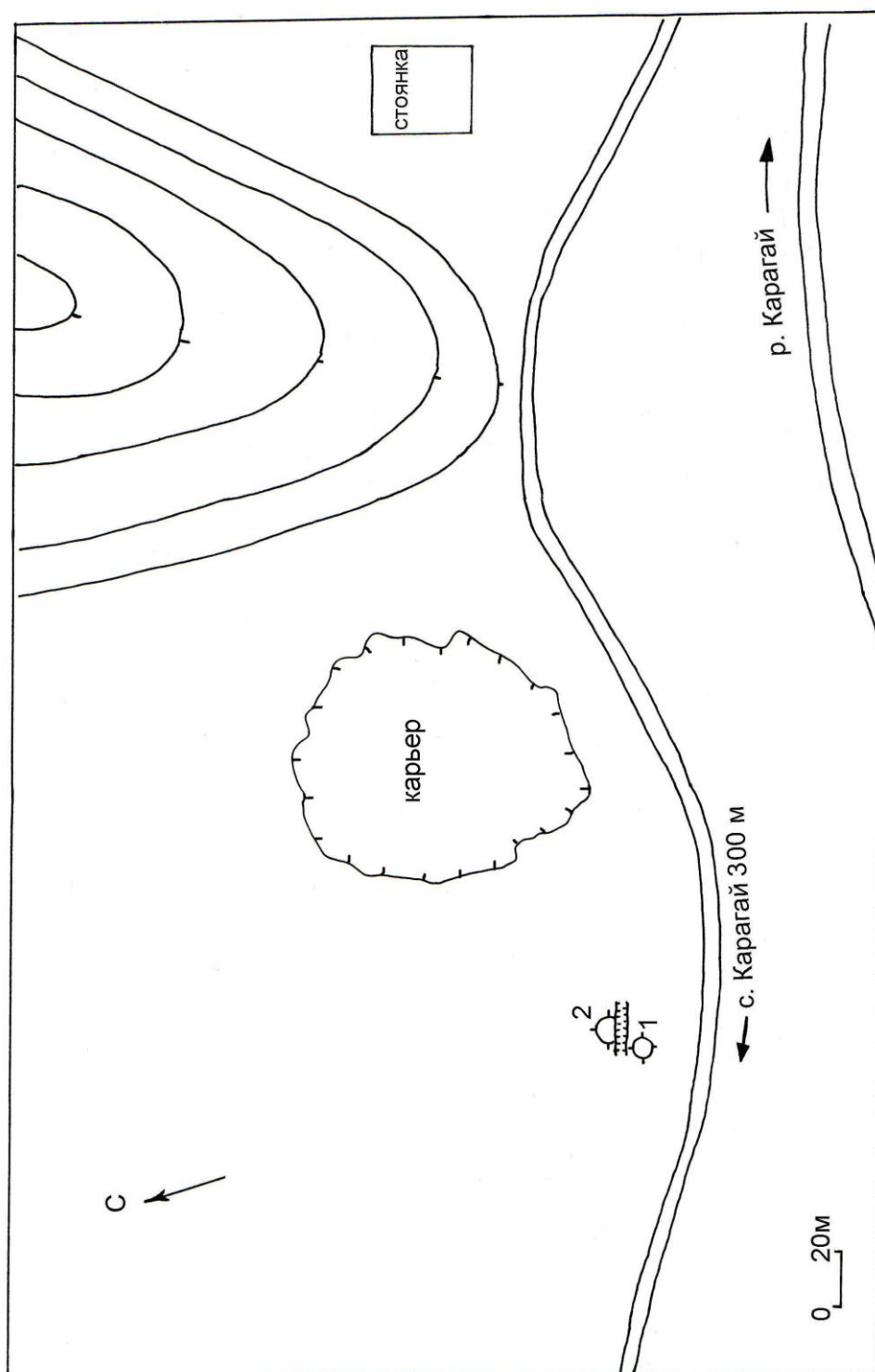

Рис.6
Глазомерный план могильника Карагай II

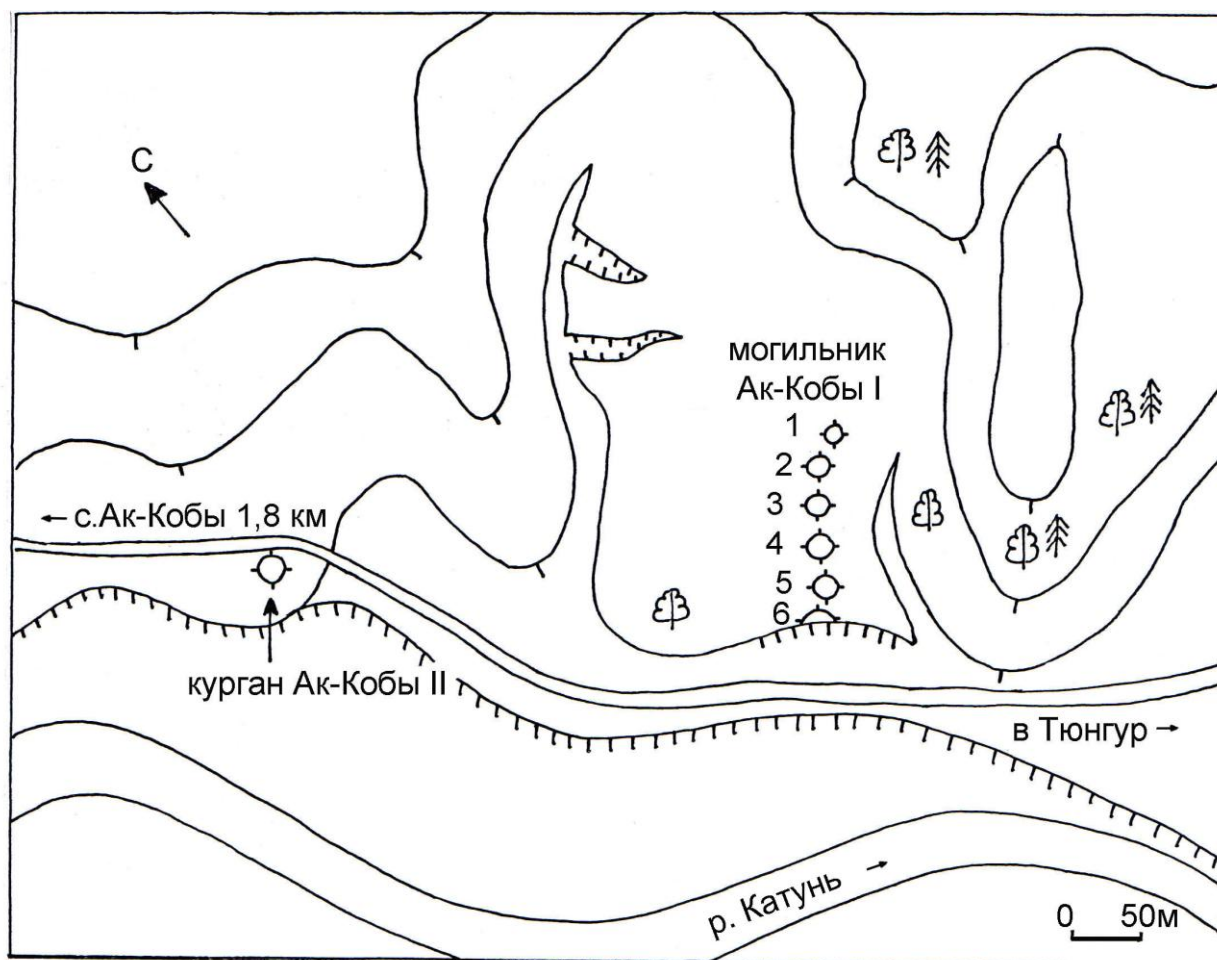

Рис.7

Глазомерный план могильника Ак-Кобы I и одиночного кургана Ак-Кобы II

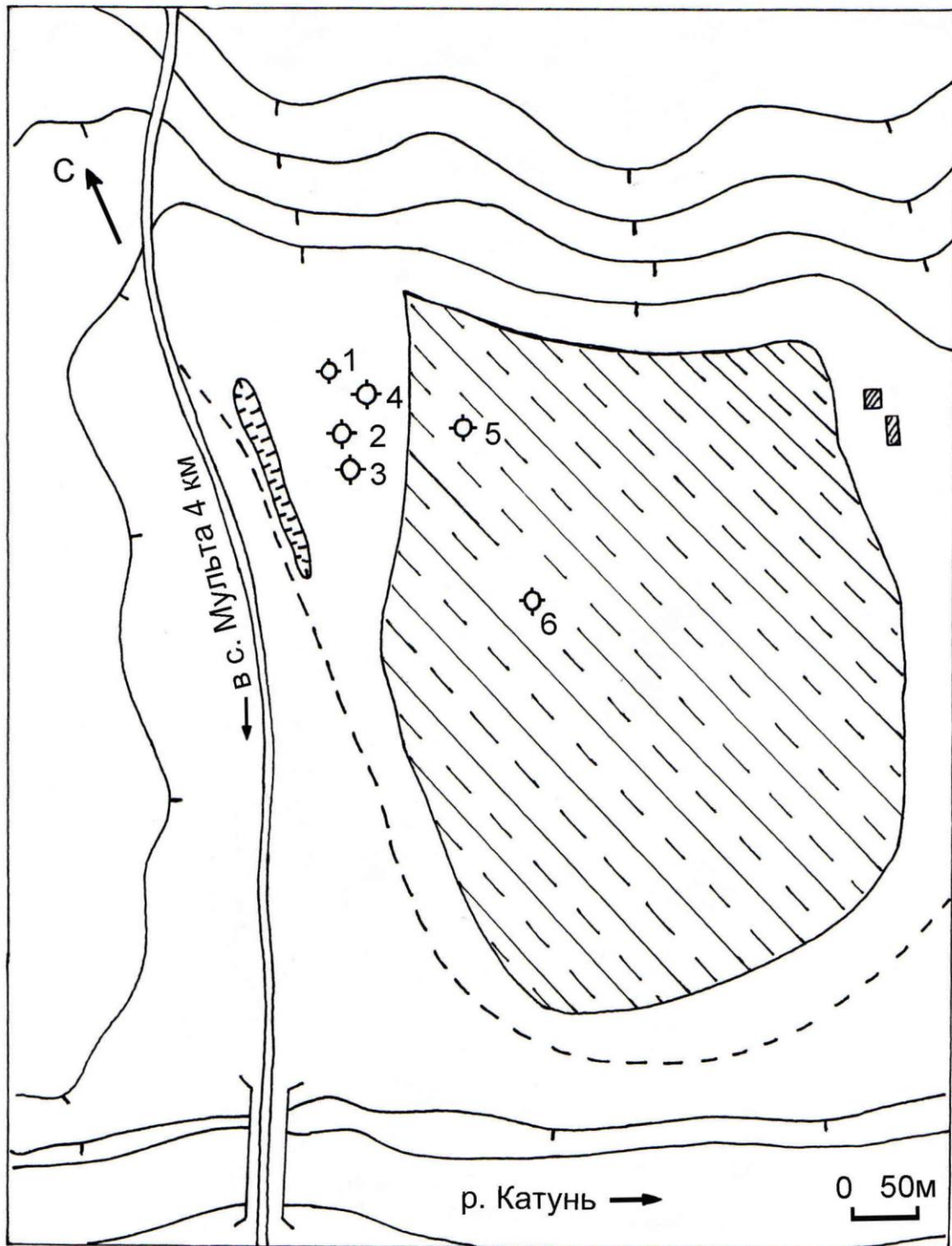

Рис.8
Глазомерный план могильника Мультинский мост

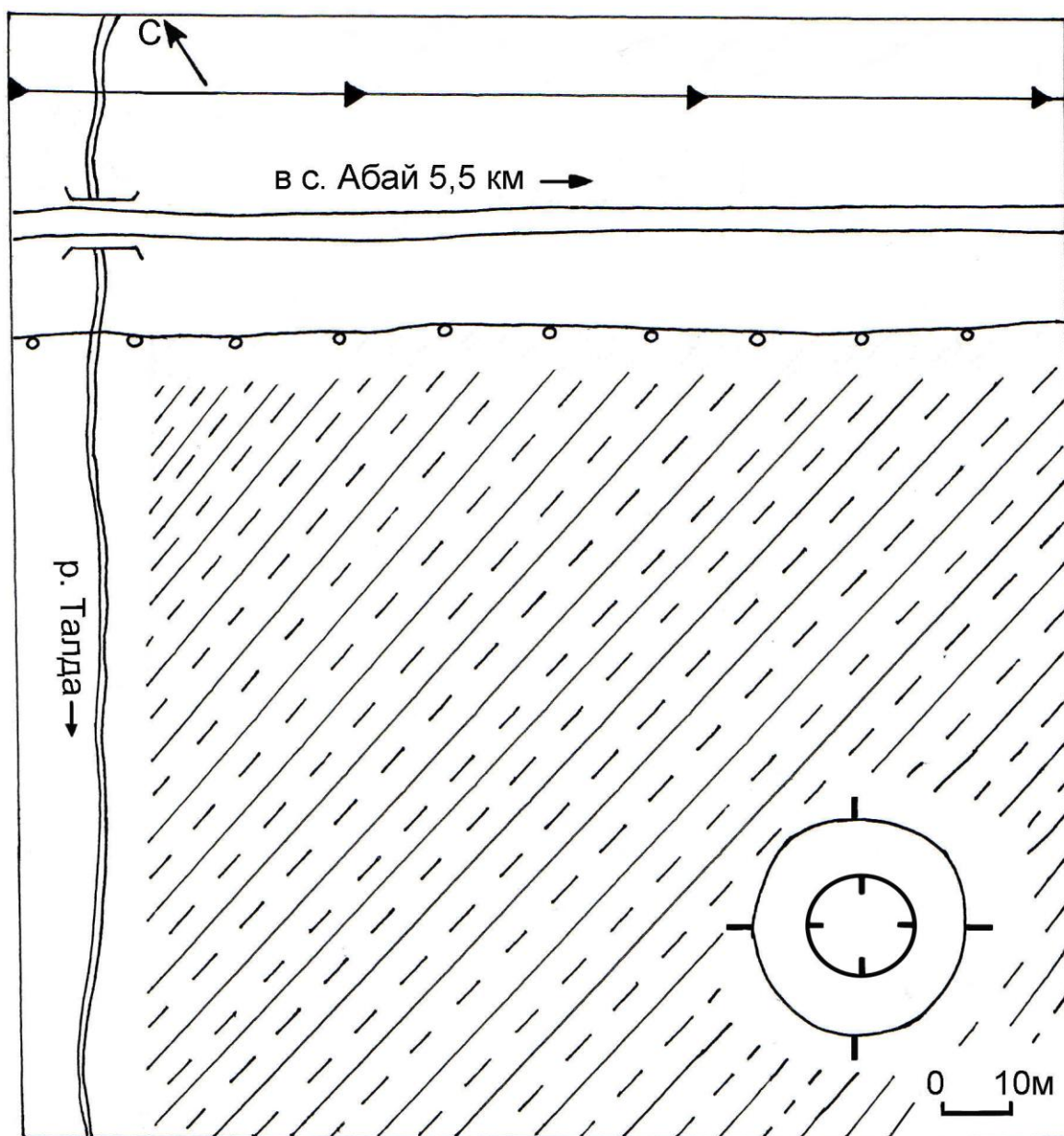

Рис.9
Глазомерный план одиночного кургана Талда

Могильник включает 6 сильно задернованных и заросших кустарником каменных курганов диаметром 8-15 м, высотой 0,3-1,0 м. Три кургана (1-3) образуют цепочку поперек русла р. Катунь, ориентированную С-Ю с незначительным отклонением, которая расположена параллельно дороге. Курган 4 пристроен к цепочке с восточной стороны. Курганы 5 и 6 находятся на пашне. Их насыпи опуханы, на южной стороне насыпи кургана 6 камни выворочены плугом. Датировка курганов затруднена, предположительно могильник относится к пазырыкской эпохе.

Одиночный курган Талда. Расположен в 5,5 км к северо-западу от с. Абай, в 100 м справа от дороги Усть-Кан – Усть-Кокса (рис.9). Географические координаты памятника по GPS-приемнику: N – 5047661; E – 8500549. Диаметр насыпи кургана 30 м, высота 3 м. В центре насыпи имеется глубокая западина (диаметр 10 м, глубина 3 м). Курган сильно задернован, опухан. Западина заросла кустами шиповника. Предположительно курган относится к пазырыкской эпохе.

Кроме вышеописанных могильников были обследованы также известные ранее памятники около сел Катанда, Тюнгур и Кучерла (Радлов В.В., 1989, с.442, 445-449; Захаров А.А., 1926, с.80-106; Гаврилова А.А., 1965, с.6, 61; Худяков Ю.С., Кратко О.В., 1987, с.24-28; Мамадаков Ю.Т., 1995, с.125-131; Мамадаков Ю.Т., Горбунов В.В., 1997, с.115-129; Соёнов В.И., Суразаков А.С., 2001, с.63).

Литература

1. Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. – М. – Л., 1965. – 144 с.
2. Захаров А.А. Материалы по археологии Сибири. Раскопки акад. В.В. Радлова в 1865 г. // Труды Государственного Исторического Музея. – М., 1926. – Выпуск 1. – С.71-106.
3. Мамадаков Ю.Т. Аварийные раскопки могильника Катанда III // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. Тезисы научно-практической конференции. – Барнаул, 1995. – С.125-131.
4. Мамадаков Ю.Т., Горбунов В.В. Древнетюркские курганы могильника Катанда-3 // Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск, 1997. – №2. – С.115-129.
5. Радлов В.В. Из Сибири. – М., 1989. – 749 с.
6. Соёнов В.И., Суразаков А.С. Археологические памятники особо охраняемых природных территорий Республики Алтай. – Горно-Алтайск, 2001. – 68 с.
7. Худяков Ю.С., Кратко О.В. Археологические исследования на территории Катунского заповедника // Новые памятники эпохи металла на Среднем Амуре. – Новосибирск, 1987. – С.22-46.

Абдулганеев М.Т.
(г. Барнаул)

ПОСЕЛЕНИЕ ЕНИСЕЙСКОЕ-2 НА Р.БИЯ*

Поселение Енисейское-2 находится в 6 км к ВСВ от с. Енисейское Бийского района Алтайского края и в 3 км к ЮЗ от с. Стан-Бехтемир на первой надпойменной террасе правого берега р. Бия. Высота террасы от поймы составляет 15 м. С востока протекает безымянный ручей, с юга расположена старица р. Бия. Края террасы разрушены: выемкой для дороги и задернованными раздувами. В ЮЗ части террасы восточнее раздувов фиксировалось четыре западины, расположенные в ряд вдоль береговой кромки

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 06-01-00510а «Происхождение культур скифского круга на Верхней Оби».

(рис.1 – 1,2). В 1990 г. центральная из западин была раскопана. На современной поверхности выбранное для раскопок жилище выглядело западиной подпрямоугольной формы размерами 8x8 м и глубиной 0,3 м. Для ее исследования был заложен прямоугольный раскоп 12x12 м, ориентированный по сторонам света. После раздерновки оказалось, что жилище перекрывает слой надутого песка мощностью до 0,25 м. Ниже его находился слой погребенной почвы и гумусированная супесь. Находок в этих слоях почти не было: 4-6 неорнаментированных фрагмента керамики и 2-3 обломка камня на 1 кв.м. На уровне погребенной почвы проявились и контуры жилища, но они были нечеткими.

Только на уровне материка (глубина 0,55-0,6 м от современной поверхности) контур стал четким: заполнение жилища – темная гумусированная супесь, материк – светло-желтая супесь. Жилище имело подпрямоугольную форму, размеры 8,2x8,8 м (длинная ось ЮЗ-СВ). От середины ЮВ стенки прослеживался выход в форме выступа с более узкой при входе частью. Его размеры 1,75x1,0 (вход) или 2,0 м (выход). Находок в заполнении не было; все они залегали на дне, которое зафиксировано на глубине 0,75-1,0 м. Разница отметок связана с тем, что заполнение большей частью накапливалось по краям жилища, а не в центре, а само дно ровное и почти горизонтальное. Стенки у жилища были слегка покатыми, почти вертикальными. Мощность заполнения жилища составила 0,45-0,6 м, в материке – 0,35-0,5 м.

Вдоль стенок жилища у дна прослеживался слой черной пережженной земли вперемежку с мелкими угольками шириной 0,1-0,2 м и мощностью 2-3 см. Этот слой четко оконтуривал выход из жилища, ЮВ, ЮЗ и, частично – СЗ стенки. Вероятнее всего, этот слой следует интерпретировать как остатки сгоревших деревянных стенок жилища, имея в виду и другие свидетельства гибели жилища в результате пожара. Вдоль стен фиксировалось 26 вертикальных столбовых ямок диаметром 0,1-0,45 м, заглубленных в пол на 0,15-0,45 м. В пяти таких ямках сохранились сгоревшие деревянные столбики диаметром 7-12 см, еще в восьми – угли. Второй ряд ямок (всего их 12) окружал расположенный в центре очаг. В пяти из них найдены сгоревшие столбики или угли. У выхода, а также вдоль ЮВ и ЮЗ стен у дна фиксировался слой прокаленной супеси мощностью 2-3 см.

Вдоль стен жилища зафиксировано 12 хозяйственных ям различных форм (подпрямоугольная, овальная, неправильная) и размеров: от 0,35x0,35 м до 0,85x1,7 м. Пять ям располагались у СЗ стенки, четыре – у ЮЗ, три – у ЮВ. Внутри ям найдены развалы 11 сосудов и предметы каменной индустрии: отщепы, сломанный пест, галечное лощило. В одной из ям у СЗ стенки обнаружены черепа 3 лисиц и 1 собаки (определения А.В. Гальченко).

В центре жилища находился сложенный из речной гальки очаг. Он имел подпрямоугольную форму и внешние размеры 1,5x1,3 м (длинная ось ЮВ-СЗ). Заполнение очага – углисто-золистый слой мощностью 3-5 см, ниже слой прокаленной материковой супеси мощностью 10-15 см. В СЗ части очага найден развал сосуда. Вокруг очага обнаружены: три развала сосудов, бронзовый нож, оселок и пряслице. Еще 9 развалов сосудов найдены вдоль стен жилища, в основном с СВ. Кроме того, обнаружены обломок зернотерки, галечное лощило, костяная пластинка, в небольшом количестве мелкие обломки костей животных, камни, отдельные фрагменты керамики.

Керамика Енисейского-2 представлена двумя основными типами сосудов: плоскодонными баночными сосудами и круглодонными чашами. Развалы сосудов большей частью неполные, хотя встречаются и целые экземпляры. Баночные сосуды закрытые, в основном вытянутых форм, достаточно больших размеров: диаметр венчика до 38 см, высота до 32 см (всего 14 сосудов). Срезы венчиков плоские, зачастую вывернуты наружу. Орнаментирована только верхняя часть сосуда. Обычно это 2 ряда жемчужника, разделенного уголком лопаточки, причем почти всегда каждый ряд дополняется прочерченной линией сверху (10 экз.). Кроме того встречены другие варианты орнаментации: жемчужник с разделителем в сочетании с рядом уголковых вдавлений; два ряда жемчужника с разделителем и между ними – ряд уголковых вдавлений жемчужник с разделителем и ниже – два ряда уголковых вдавлений; жемчужник с разделителем и выше – косые резные линии (рис.3 – 1-3,5; 4 – 1,4; 5 – 1-4). К этому типу близок приземистый баночный сосуд на небольшом поддоне. Он украшен рядом жемчужника с разделителем, ниже которого располагается гребенчатая сеточка, ограниченная рядом уголковых вдавлений (рис.4 – 2).

Чаши открытые (11 экз. и фрагменты еще двух) большей частью небольших размеров. Диаметр их венчика не более 20 см и высота до 14 см, срезы венчиков округлые. Одна неорнаментированная чашка имеет небольшие размеры, другая, плоскодонная чаша при большом диаметре (26 см) имеет небольшую высоту (6,5 см). Последняя украшена одной прочерченной линией сверху и имеет небольшую ручку-налеп. Резными линиями сверху (1-4) украшены еще две чаши. Остальные имеют более богатую орнаментацию: гребенчатая сеточка (7 экз.) или елочка (1 экз.). Зубчатый штамп дополняется горизонтальными резными линиями сверху (от 1 до 3-5) и снизу. В пяти случаях еще ниже находится ряд уголковых отпечатков. Одна чаша украшена наклонными отпечатками зубчатого штампа, поверх которых – 3 горизонтальные резные линии (рис.4 – 3,5-9; 5 – 5-8). К этому типу близок плоскодонный приземистый баночный сосуд, имеющий округлый срез венчика и украшенный в верхней части горизонтальной прочерченной линией (рис.3 – 4). Характерно, что орнаментация двух типов частично совпадает. Это, в первую очередь, наличие резных горизонтальных линий и рядов уголковых вдавлений.

Инвентарь, найденный в жилище 1 Енисейского-2, представлен изделиями из металла, керамики, кости и камня. Из бронзы (?) изготовлен нож. Он без выделенной рукояти с горизонтально-вытянутым отверстием в верхней округлой ее части (рис. 1 – 4). Длина ножа 12,8 см. Среди материалов Верхнего Приобья, предгорного и горного Алтая 6 - нач. 5 вв. до н.э. автору статьи неизвестно абсолютных аналогий данному экземпляру. Он близок бронзовым ножам эпохи поздней бронзы и раннего железного века, а по оформлению верхней части близок ножам с «аркой на кронштейне». Вероятнее всего, находка с Енисейского-2 является завершающей в типологическом ряду данного типа изделий.

Из керамики изготовлено пряслице. Оно плоскостное, изготовлено из стенки сосуда (рис.1 – 6). Размеры его 2,6-4,8 см, толщина 0,4-0,8 см. Диаметр разработанного отверстия 0,3-0,7 см. Следует отметить, что в данном случае наименование «пряслице» условно. И по размерам и по весу оно отличается от изделий подобного рода и вероятнее всего использовалось в других целях. Из кости изготовлено шесть изделий. Это в первую очередь костяное двуручное скребло для разминания кожи (здесь и далее определения Н.Ю. Кунгуровой).

Помимо керамики, наибольшее количество находок представлено орудиями из камня (45 целых и фрагментированных), отщепами (около 200 экз.) и обломками галек. Кроме оселка (рис.1 – 5), зернотерок и курантов (10 целых и фрагментированных), остальные определяются только трасологически. Они использовались в различных целях. Это абразивы для заточки металлических инструментов, скребла для мездрения (рис.2 – 2,3) и лощила для шкур, песты для растирания глины и дресвы (рис.2 – 1,4,5), а также орудия, связанные с обработкой камня (отбойники из галек и плоскостной нуклеус). Учитывая многочисленные остеологические остатки можно говорить о комплексном хозяйстве с преобладанием скотоводства и развитых домашних производствах.

Керамика Енисейского-2 находит полные аналогии в керамических комплексах бийского этапа и в первую очередь в расположенном на р.Бия поселении Малоугренево-1. Типологически керамика завершает ряд: мыльниковский тип – ближнеелбанский тип – протобийский тип – бийский тип. С этим вопросом связан и другой: является ли бийский тип керамикой отдельного самостоятельного этапа большереченской культуры, как считает автор данной статьи (Абдулганеев М.Т., 1991; 1993) или локальной группой большереченской культуры (Фролов Я.В., 1999, с.216). На мой взгляд, второму выводу противоречит, в первую очередь, локализация ближнеелбанских и бийских памятников. Первые встречены значительно шире: на Оби до г.Новосибирск, на Бии до Телецкого озера, на Катунь до ее среднего течения, а также и в Кузбассе (Бородаев В.Б., Кадиков Б.Х., 1986, с.39; Троицкая Т.Н., 1990, с.119-121; 1997; Абдулганеев М.Т., 1996, рис.2; Окунева И.В., Ширин Ю.В., 1999, рис. 6-7; Степанова Н.Ф., 1998; Папин Д.В., Шамшин А.Б., 1998, с.93-96). Находки бийской керамики на р.Обь севернее устья р.Большая Речка и в низовьях Катунь единичны, в Кузбассе и на Средней Катунь ее нет (Абдулганеев М.Т., 1993, рис.1; 1995, с.74). Об основном ареале распространения стационарных поселков бийского этапа уже говорилось, но можно отметить, что именно в предгорьях Алтая сосредоточены и поселения, имеющие ряд черт орнаментации сосудов бийского этапа (Усть-Кажа-1, Солонцы-1,2, Березовка-2, Новозыко-

во-3) (Абдулганеев М.Т., Владимиров В.Н., 1997, рис.59,61; Абдулганеев, 2005, с.8-10). Окончательно решить этот вопрос могло бы помочь только уточнение хронологии, но, к сожалению, датирующие вещи на бийских памятниках практически отсутствуют. Наконечники стрел с Борового-3 встречены и на ближнеелбанских памятниках (Абдулганеев М.Т., 1991, рис.2; 2001, рис.4; Шамшин А.Б., 1989, рис.1).

Относительно характера жилища и поселка можно сделать некоторые предварительные выводы: 1) жилище 1 Енисейского-2 относится к полуназемным (по терминологии томских этнографов – Лукина Н.В. 1995, с.66-79). Длинные стены его, особенно с СВ, свободны от хозяйственных ям, что может свидетельствовать о наличии нар. Можно предположить также каркасно-столбовую конструкцию стен. Наличие второго, внутреннего ряда столбиков делает обоснованным вывод о четырехскатной форме крыши и наличии центрального дымового отверстия. Вместе с тем, достаточно близкое расположение столбовых ям может говорить и о плетеной конструкции стен, хотя не исключено и совмещение двух принципов домостроительства (включая наличие сруба). 2) жилище было покинуто внезапно, о чем свидетельствует характер находок (часть сосудов и большинство вещей целые). Вероятнее всего, жилище сгорело: сгоревшие остатки стен и столбики, мощный прокол вдоль одной из стен. Таким же образом были покинуты жилища на Ближних Елбанах-1 (Грязнов М.П., 1956, с.85). 3) Сам поселок можно считать стационарным, вероятно, зимним, причем подобного рода поселения немногочисленны и локализованы они только в низовьях Бии и самых верховьях Оби. Это Костенкова Избушка, Малоугренево-1 и 3, Енисейское-2, причем во всех случаях их площадь незначительна и количество жилищ невелико. Остальные памятники являются стоянками, даже в том случае, если раскопаны жилища (Кукушкин Елбан-1) (Абдулганеев М.Т., 1993; Семибратов В.П., Ведянин С.Д., 2001). Само же поселение Енисейское-2 на данный момент можно считать самым изученным и, возможно, эталонным памятником бийского этапа большеереченской культуры.

Литература

1. Абдулганеев М.Т. Бийский этап (хронологические рамки и содержание понятия) // Материалы к изучению прошлого Горного Алтая. - Горно-Алтайск, 1991. - С. 91–105.
2. Абдулганеев М.Т. Памятники бийского этапа на Верхней Оби // Культура древних народов Южной Сибири. - Барнаул, 1993. - С. 51–56.
3. Абдулганеев М.Т. Аварийные раскопки в лесостепном и предгорном Алтае // Проблемы охраны, и использования культурного наследия Алтая (тезисы конференции). - Барнаул, 1995. - С. 72–75.
4. Абдулганеев М.Т. "Неизвестные" памятники раннего железного века в северных предгорьях Алтая // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая (материалы конференции). - Барнаул, 1996. - С. 128–134.
5. Абдулганеев М.Т. Культурно-хронологические комплексы городища Елбанка // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. - Горно-Алтайск, 2001. - Вып.№ 6. - С.80-88.
6. Абдулганеев М.Т., Владимиров В.Н. Типология поселений Алтая VI–II вв. до н.э. - Барнаул, 1997. - 147 с.
7. Абдулганеев М.Т., Кунгурова Н.Ю. Новые поселения эпохи железа на реке Бия // Актуальные проблемы археологии, истории и культуры. - Новосибирск, 2005. - Т.2. - С.4-12.
8. Бородава В.Б., Кадиков Б.Х. Находки у поселка Иогач на Телецком озере // Скифская эпоха Алтая. - Барнаул, 1986. - С.38-40.
9. Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка // МИА. - М.-Л., 1956. - N 48. - 160 с.
10. Лукина Н.В. Введение // Этнокультурная история народов Западной Сибири.– Томск, 1995. – Т.1, - Кн.1. - С.63-78.
11. Окунева И.В., Ширин Ю.В. Поселения эпохи раннего железа в Томь-Кондомском предгорном районе // Кузнецкая старина. - Новокузнецк, 1999. - Вып. № 1. - С.3-24.
12. Папин Д.В., Шамшин А.Б. Поселения переходного времени от бронзы к железному веку в лесостепном Алтайском Приобье // Древние поселения Алтая. - Барнаул, 1998. - С.85.

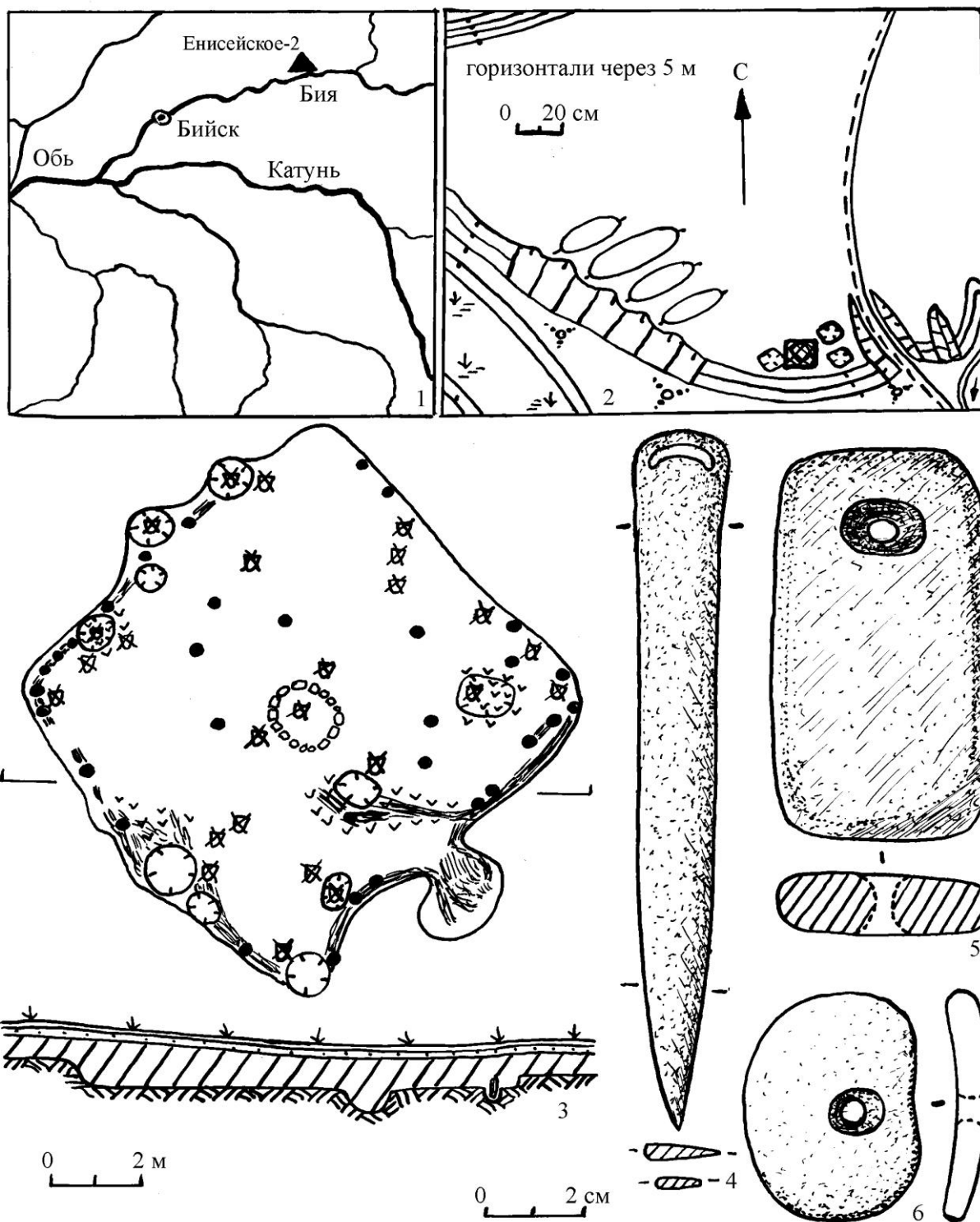

Рис.1

Схема расположения поселения Енисейское-2 (1).

План поселения Енисейское-2 (2).

План и разрез жилища 1 (3), бронзовый нож (4), каменный оселок (5) и керамическое пряслице (6) из жилища 1

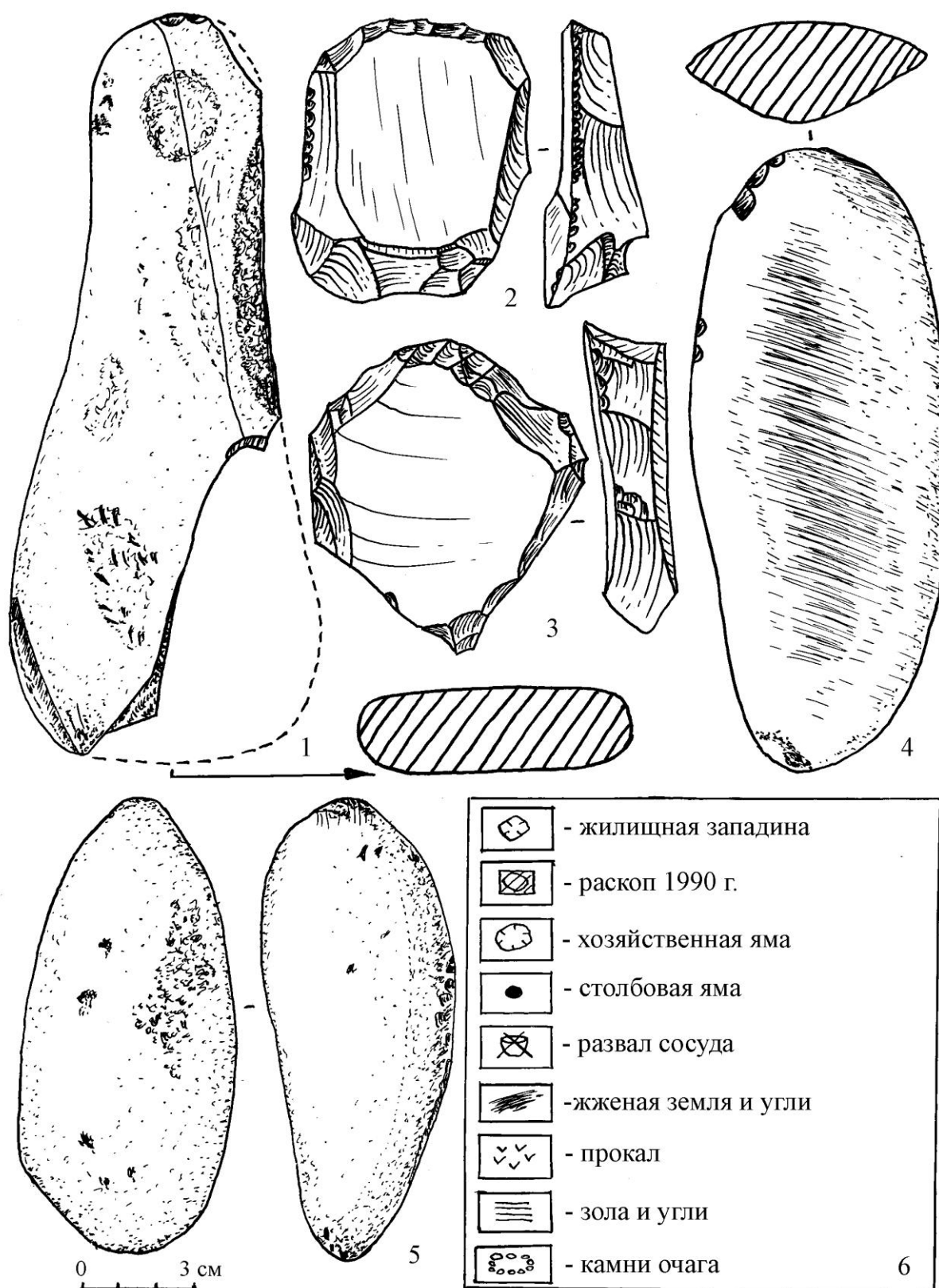

Рис.2

Каменные изделия из жилища 1

(1,5 – песты; 2,3 – скребла, 4 - лоцило) и условные обозначения к рис.1-2,3 (6)

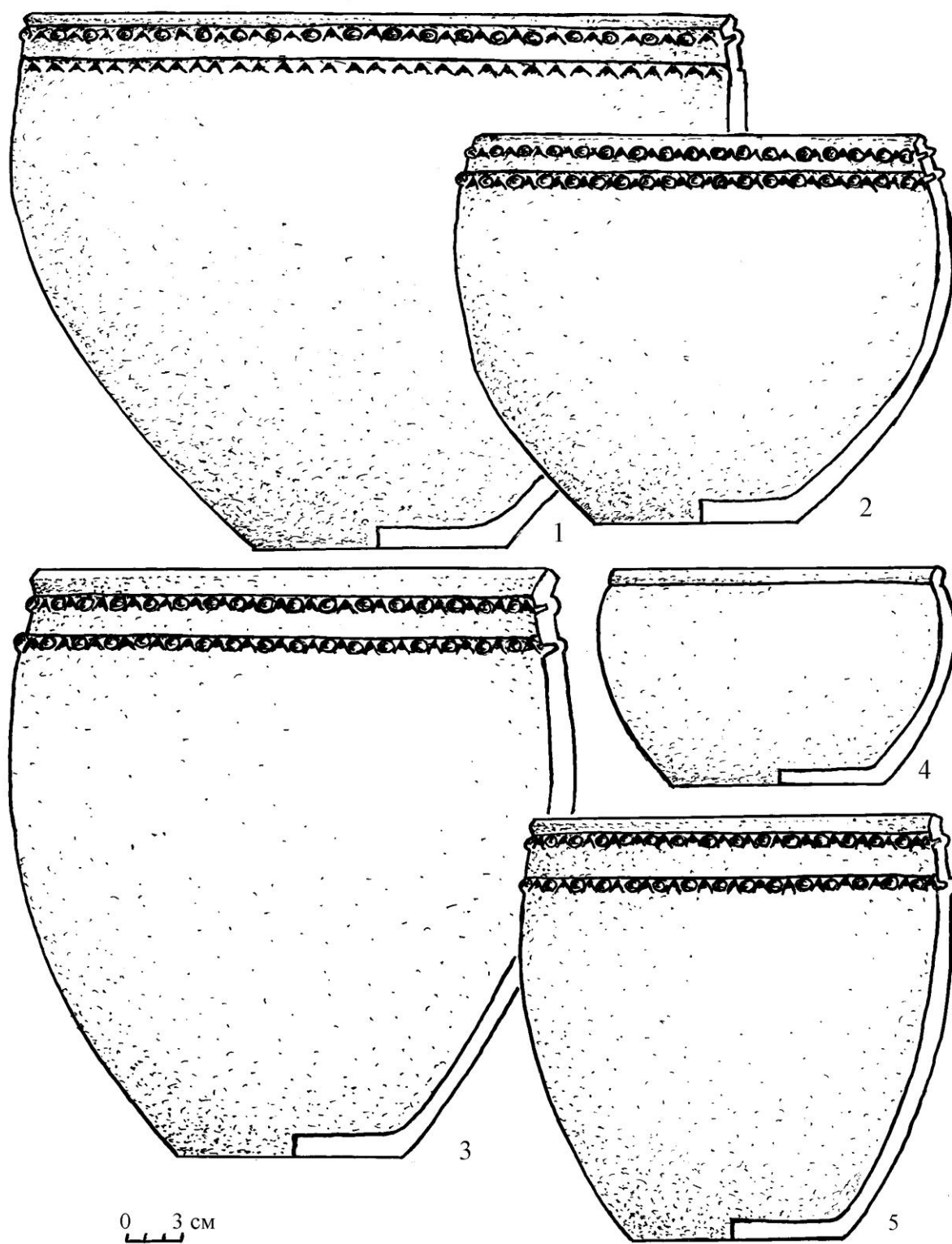

Рис.3
Керамические сосуды 1 типа (1-3,5) из жилища 1

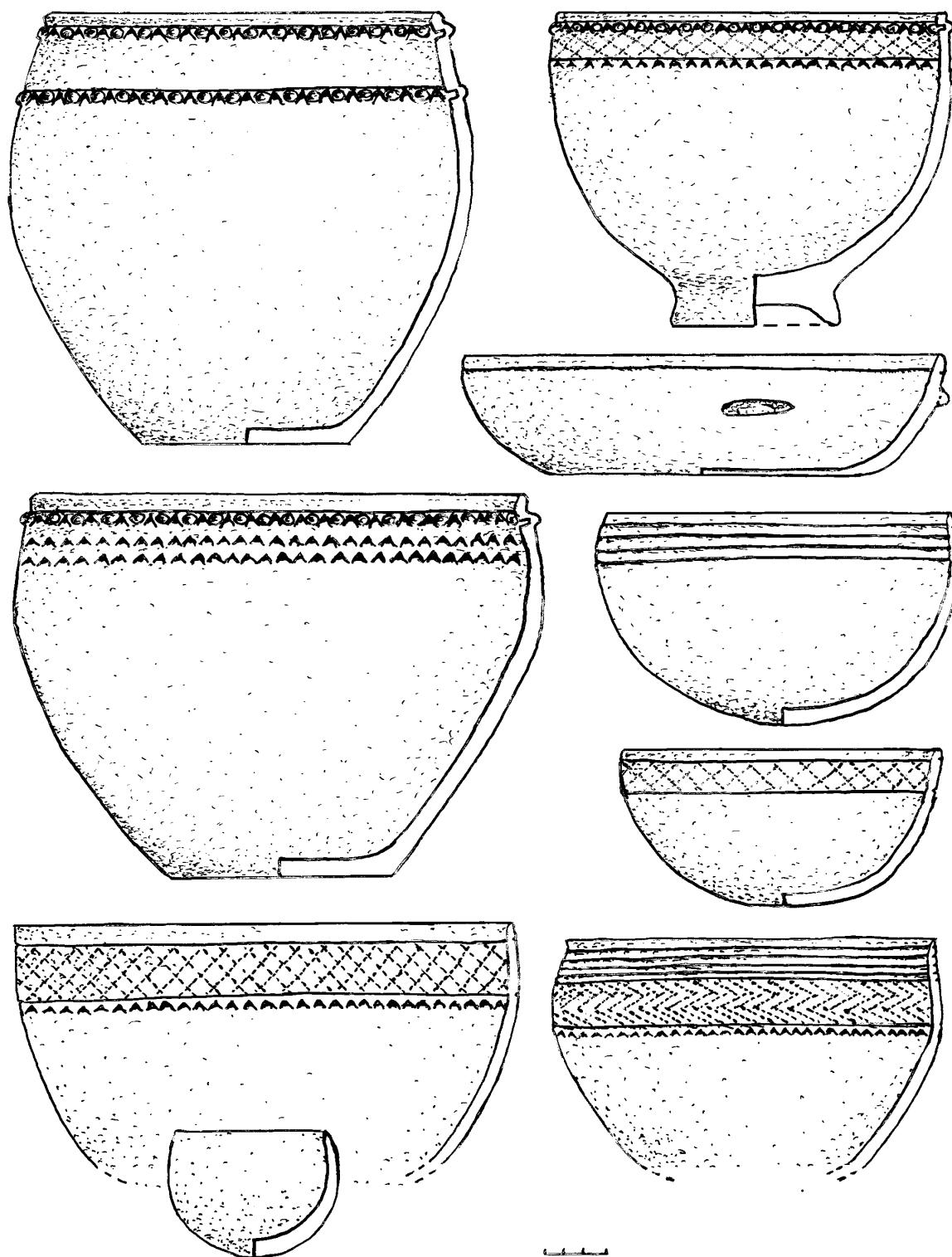
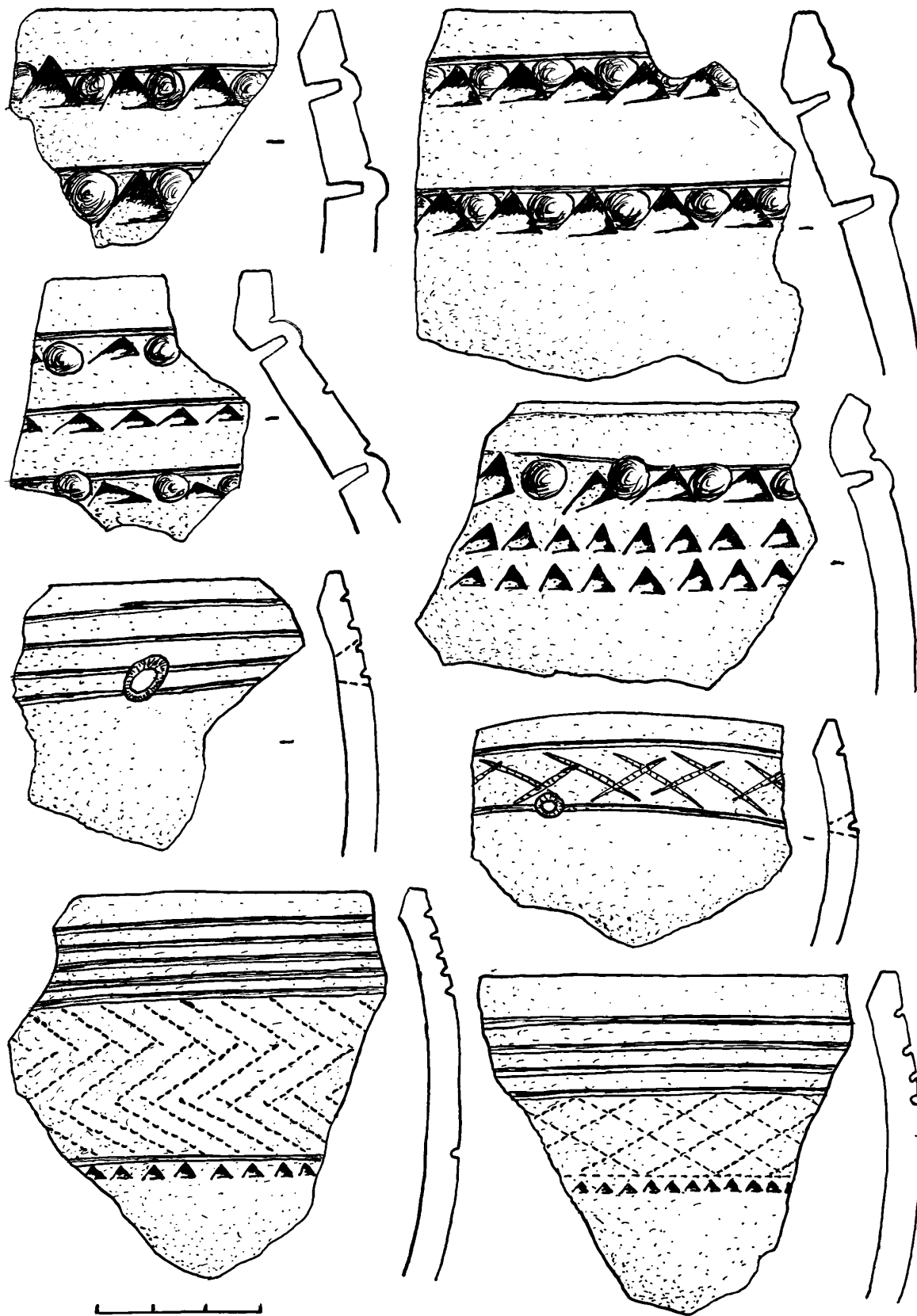

Рис.4

Керамические сосуды 1 (1,4) и 2 (3,5-9) типов из жилища 1

Рис.5

Венчики керамических сосудов из жилища 1 (1-4 – тип 1; 5-8 – тип 2)

13. Папин Д.В., Шамшин А.Б. Барнаульское Приобье в переходное время от эпохи бронзы к раннему железному веку. - Барнаул, 2005. - 200 с.
14. Семибратов В.П., Ведянин С.Д. Новое поселение бийского этапа большереченской культуры Малоугренево-3 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. - Барнаул, 2001. - Вып. XII.
15. Степанова Н.Ф. Керамика VIII–VI вв. до н.э. с поселений Средней Катунь // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. - Барнаул, 1998. - Вып. IX. - С.117-119.
16. Троицкая Т.Н. Керамика переходного периода поселения Ближние Елбаны 1 // Древняя керамика Сибири: типология, технология, семантика. - Новосибирск, 1990. - С. 114-122.
17. Троицкая Т.Н. К вопросу о керамике бийского этапа большереченской культуры // Известия лаборатории археологии. - Горно-Алтайск, 1997. - Вып. №2. - С.143-144.
18. Фролов Я.В. Некоторые проблемы в изучении памятников, датируемых VI-V вв. до н.э. в Барнаульско-Бийском Приобье // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. - Барнаул, 1999. - С.211-226.
19. Шамшин А.Б. Переходное время от эпохи бронзы к эпохе железа в Барнаульском Приобье (VIII-VI вв. до н.э.) // Западносибирская лесостепь на рубеже бронзового и железного веков. - Тюмень, 1989. - С.116-129.

Шамшин А.Б., Сингаевский А.Т.
(г. Барнаул)

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СИТУАЦИЯ НА ТЕРРИТОРИИ БАРНАУЛЬСКОГО ПРИОБЬЯ В КОНЦЕ III В. ДО Н.Э. – I В. Н.Э.

Определение и содержание понятия «постскифское» время в археологии Южной Сибири во многом является дискуссионным. По сложившейся в историографии традиции, в период II-I вв. до н.э. на территории Алтая, Тувы, Минусинской котловины и Казахстана происходит смена культур (Степная полоса..., 1992). Согласно другой точке зрения, основные элементы культурного комплекса, характерные для скифо-сибирского мира, сохраняются вплоть до рубежа эр – I в. н.э. (Мартынов А.И., 1979; Дураков И.А., Мжельская Т.В., 1999; Семёнов В.А., 2002; Шамшин А.Б., Фролов Я.В., 1999; Миняев С.С., 2001).

Данные противоречия в основном связаны с неразработанностью региональных периодизаций, слабой изученностью памятников II-I вв. до н.э. и, следовательно, недостаточным пониманием этнокультурных процессов, протекавших в этот период.

Перечисленные явления соответствуют ситуации сложившейся в археологии Верхнего Приобья. В настоящее время существует относительно строгая систематизация для ранней стадии каменной культуры – VI-IV вв. до н.э., в то время как памятники III-I вв. до н.э. изучены значительно хуже. По мнению А.П. Уманского и П.И. Шульги, начиная с IV в. до н.э., «на равнине и в горах Алтая встречается довольно однородный аморфный инвентарь... и... надёжных хронологических индикаторов пока нет» (Уманский А.П., Шульга П.И., 2005, с. 130). В.А. Могильников (1997, с. 142) считает, что миграция кулайцев была возможна в связи с тем, что каменная культура во II-I вв. до н.э. по неясным причинам прекращает своё существование, хотя из материалов немногочисленных позднекаменных могильников (Быстровка III, Фирсово XI), датируемых рубежом эр, следует, что процесс исчезновения культур скифского типа в Верхнем Приобье был более длительным. Также не разработана хронология поселенческих комплексов. В монографии М.Т. Абдуганеева и В.Н. Владимировой (1997) «Типология поселений Алтая VI-II вв. до н.э.» обоснованно выделена только нижняя хронологическая граница, в то время как ни одно из 39 анализируемых поселений нельзя достоверно отнести к III-II вв. до н.э.

К настоящему времени накоплен массовый поселенческий материал характерный именно для конца I тыс. до н.э., однако, он происходит из многослойных комплексов, таких как Чудацкая гора, Раздумье-1а, Аллак 1, Бочанцево 1, Усть-Чумышская пристань-1 (Абдулганеев М.Т., Казаков А.А., 1994; Ширины Ю.В., 2004; Иванов Г.Е., 1991; Уманский А.П., 1987; Белоусов Р.В., 2004; Очерки истории Камня-на-Оби, 1996; Шамшин А.Б., Уманский А.П., 1997).

Проблема отсутствия чёткой стратификации на указанных памятниках порождает противоречивые мнения относительно хронологии и культурной принадлежности керамического комплекса. Р.В. Белоусов выделяет два культурных слоя раннего железного века на городище Раздумье 1а. Первый, по его мнению, относится к V-III вв. до н.э., второй – к III-II вв. до н.э. и отражает дальнейшую эволюцию каменной культуры, связанную с проникновением в её среду носителей саргатской традиции (Белоусов Р.В., 2001). М.Т. Абдулганеев, А.А. Казаков (1994) и Г.Е. Иванов (1991) на материалах поселений Чудацкая гора и Бочанцево 1 синхронизируют каменный и кулайский комплексы. Ю.В. Ширин, с другой стороны, не исключает, что «произвольная синхронизация "кулайской" и каменной керамики, собранной на таких поселениях, создаёт только иллюзию культурного контакта» (Ширин Ю.В., 2004б, с.56). К сожалению, материалы всех поселений опубликованы в крайне сжатом виде, что не позволяет составить целостной картины. Решение перечисленных вопросов прежде всего зависит от детального анализа каждого в отдельности и корреляции керамических комплексов всех поселений.

Поселение Усть-Чумышская Пристань I. Находится в Тальменском районе Алтайского края, на останце в обско-чумышской пойме. Открыто А.П. Уманским в 1959 г. В 1978, 1980 и 1984 гг. поселение исследовалось А.Б. Шамшиным. Общая площадь раскопа составила 64 кв.м. В раскопе обнаружено несколько хозяйственных ям, насыщенных керамикой и костями животных, и золистых пятен (очаги). Мощность культурного слоя около 1 м. Стратиграфические наблюдения не позволили выявить достоверные тенденции в залегании керамики в раскопе, что, видимо, связано с небольшой его площадью. Всего обнаружено 230 венчиков. Выделяется керамика четырёх культурных групп – поздней бронзы (5%), переходного времени от бронзы к железу (23,04%), староалейской (32,17%) и кулайской (39,14) культур (Уманский А.П., Шамшин А.Б., 1997).

В статье использованы как опубликованные, так и неопубликованные материалы из раскопок А.Б. Шамшина разных лет (отчёты 1979, 1980, 1985 гг.), а также коллекции из фондов АлтГУ.

Городище Аллак 1. Впервые обследовано А.П. Уманским в 1968 г. Городище находится на длинной стрелке, образованной Обью и речкой Аллак, выше устья последнего. По описанию А.П. Уманского (1972, с. 54), – «мыс перерезан почти по прямой линии рвом глубиной до 1,5 м и шириной до 3,5-4 м. и мощным внутренним валом высотой около 1,5-2 м. и толщиной у подошвы около 6 м. Длина рва и вала равна 50 м. На расстоянии около 280 м от конца мыса в самом узком его месте был дополнительно прокопан ров, глубиной не менее 2 м, частично засыпанный, видимо позднее, при устройстве колёсного пути. На приобской стороне городища видны 6 жилищных впадин».

В 1984 г. А.Б. Шамшиным на городище были проведены разведочные работы – сборы, зачистки обрывистого берега, заложены небольшие шурфы. Наряду с культурным слоем поздней бронзы (X-VIII вв. до н.э.) и большереченского (VII-VI вв. до н.э.) времени, здесь найдены материалы эпохи раннего железа. Во рву обнаружены обломки нижнего камня и куранта зернотёрки, а по аллакскому берегу множество черепков посуды, как грубой ручной работы, так и исполненной на гончарном круге. К этому времени вал и ров городища были практически сnivelированы распашкой.

В статье использованы неопубликованные материалы из раскопок А.Б. Шамшина (отчёт 1985 гг.), а также коллекции из фондов АлтГУ.

Городище Раздумье 1а. Исследовалось А.П. Уманским в 1960, 1961, 1966 г. В 1984 г. сборы и небольшие раскопки кромки осыпающегося в Обь берега проводились А.Б. Шамшиным (отчёт 1985 г.). В настоящее время аварийные работы на памятнике проводят сотрудники БГПУ. Материалы исследований частично опубликованы (Уманский А.П., 1987; Очерки истории Камня на Оби, 1996, с. 14-19; Белоусов Р.В., 2000, 2001, 2004).

Городище расположено на невысоком обрывистом мысу Оби, с северо-запада и с севера отделяется от соседней с мысом дюны глубокой ложиной. С напольной стороны городище окружено эсвидным рвом, шириной до 2,5 м, глубиной до 1 м, выходящим концами дуги к обрывистому берегу Оби, так что по форме оно представляет почти правильный круг. Со стороны ложины ров был сравнительно неглубок и дополнен невысоким валом. Но со стороны поля городище укреплено двумя валами: внутренним и внешним. Внешний вал имеет у основания толщину около 3 м, а высоту более 1 м. Внутренний вал также достигает нескольких метров толщины и высоты до 1 м. Городище довольно резко выделяется на местности, т.к. занимает самую высокую часть её, и имеет мощные валы. Глубина культурного слоя (до 70 см) и насыщенность его находками говорят о стационарности поселения. Многочисленные костные остатки свидетельствуют о развитом животноводстве. Вероятно, животных держали при доме, благодаря чему культурный слой во многих местах чёрный. Данная черта характерна для раннекулайских поселений (Троицкая Т.Н., 1979).

Первоначально А.П. Уманский отнёс время сооружения городища к XVII в. н.э., эпохе телеутского преобладания на Оби и сравнил его с «чатскими городками», известными на территории Новосибирского Приобья (Уманский А.П., 1972, с. 58). Однако, впоследствии автор раскопок передатировал памятник и, соответственно, сооружение укреплений, отнеся полученные материалы к концу I тыс. до н.э. (Уманский А.П., 1987).

В статье, помимо опубликованных сведений, мы используем данные, полученные в ходе раскопок А.Б. Шамшина в 1984 г., и неопубликованные материалы А.П. Уманского из раскопок 60-х гг., которые приводятся в статистическом выражении.

Поселение Чудацкая гора 1. Находится в 35 км. севернее г. Барнаула, в Павловском районе Алтайского края. Расположено на высоком мысу, образованном р. Обь и её притоком р. Касмала, на правом берегу последней. Исследовалось М.П. Грязновым в 1925, 1927 и 1928 гг. В ходе изучения Чудацкой горы М.П. Грязнов заложил три раскопа общей площадью около 121 кв.м. (Грязнов М.П., 1930). Материалы поселения относятся к различным эпохам от неолита до средневековья, однако большая часть находок принадлежит к раннему железному веку.

В нашей работе использованы сведения М.Т. Абдулганеева* по керамическому комплексу Чудацкой горы из коллекций Государственного Эрмитажа (колл. № 4568, 4772, 5511, 5597), а также опубликованные материалы разных лет (Грязнов М.П., 1930; Абдулганеев М.Т., Казаков А.А., 1994; Ширин Ю.В., 2004б). При статистической обработке учтено 728 венчиков, из них 678 орнаментированных.

Методика анализа керамики базировалась на принципах, заложенных М.Т. Абдулганеевым, В.Н. Владимировым (1997). При систематизации орнаментов мы исходили не столько из учёта соотношения элементов орнамента, сколько из анализа орнаментальных схем. Кроме этого использовался классификационный принцип, когда признаки вещей разбиваются по степени изменчивости – от наименее изменчивых к наиболее изменчивым. Первоначально были выделены восемь различных элементов организованных в традиционные мотивы – наклонно-вертикальный, горизонтальный, зигзаг и волна, что дало 10 сочетаний.

1. *Горизонтальный ряд жемчужника с разделителем или без него.*
2. *Ряд ямок.*
3. *Горизонтальная лента наклонной или вертикальной гребёнки.*
4. *Наколы (подтреугольные, овальные, трапецевидные, когтевидные и пр.), чаще всего выполненные уголком палочки.*
5. *Ряд наклонных, вертикальных резных линий.*
6. *Ряд горизонтальной гребёнки.*
7. *Горизонтальная прямая, выполненная обычной или проташенной гребёнкой.*
8. *Волна, выполненная проташенной гребёнкой.*
9. *Горизонтальный гребенчатый зигзаг.*
10. *Горизонтальная лента уточки.*

* Выражаем свою признательность исследователю за предоставленные материалы.

Группа из первых пяти сочетаний даёт всё многообразие орнаментов скифского времени, рассмотренных в монографии М.Т. Абдулганеева, В.Н. Владимирова (1997). Последующие пять орнаментов на территории Барнаульского Приобья впервые появляются на поселениях III-I вв. до н.э. и, в основном, связаны с кулайской традицией.

В дальнейшем керамический комплекс рассматривался с точки зрения парной взаимовстречаемости выделенных орнаментальных признаков (табл. 3 – 2). При этом отсеялся орнамент из резных линий, т.к. он не даёт сочетаний с орнаментами второй группы. Попарно также не дают сочетаний, с одной стороны наколы, а с другой, уточка, проташенная волна или горизонтальная прямая. Уточка и наколы, выполненные уголком палочки, встречаются вместе только в материалах раннекулайского могильника Каменный мыс 1 в Новосибирском Приобье (Троицкая Т.Н., 1979, табл. XVII-XXI). Учитывая также роль горизонтальной гребёнки, зигзага и волны как разделителей зон, не встречающихся самостоятельно, мы решили указать все возможные сочетания оставшихся девяти элементов и мотивов, которые бы в полной мере характеризовали орнаментальные традиции культуры населения Барнаульского Приобья в конце I тыс. до н.э.

При выделении групп орнаментов мы исходили из приоритета какого-либо одного элемента или сочетания двух элементов. Первая группа объединяет наиболее простейшие орнаменты. Вторая, третья и пр. группы организовывались по принципу усложнения за счёт предшествующих групп, с добавлением в них нового элемента или мотива. Варианты выделялись по наличию или отсутствию такого признака как жемчужник. Виды характеризуют композиционное построение орнамента (табл. 4).

Орнаменты, характерные для скифского времени, мы классифицировали по схеме М.Т. Абдулганеева – орнаменты 1-12 (Абдулганеев М.Т., Владимиров В.Н., 1997; табл. 1). Исключением является орнамент №6 – оттиски короткого гребенчатого штампа, образующие наклонные полосы, либо один, два ряда ёлочки (Абдулганеев М.Т., Владимиров В.Н., 1997, с.35), который был включён в нашу схему в качестве орнамента группы 1, варианта 1 и разновидности 1 (табл. 4). Данный вид орнаментации характерен как для каменной, так и для кулайской традиции. Следует отметить, что в материалах анализируемых памятников чистая гребёнка, как правило, организована в два ряда наклонных линий и не образует сочетаний в виде елочки и др. Также, короткая мелкозубая гребёнка, характерная для керамики каменной культуры, заменяется в основном средней и крупной.

Группа I. Наклонные, горизонтальные ряды гребёнки.

I.1. В сочетании с ямками или без них.

1. наклонные ряды гребёнки.
2. наклонные ряды гребёнки и ряд ямок.
3. наклонные, горизонтальные ряды гребёнки.
4. наклонные, горизонтальные ряды гребёнки, ряд ямок.

I.2. С жемчужником.

5. наклонные ряды гребёнки и ряд жемчужника.
6. наклонные, горизонтальные ряды гребёнки, и ряд жемчужника.

Группа II. Горизонтальный гребенчатый зигзаг в сочетании с другими элементами и мотивами.

II.3. В сочетании с ямками или без них.

7. горизонтальный зигзаг и ряд ямок.
8. горизонтальный зигзаг, наклонные ряды гребёнки.
9. горизонтальный зигзаг, наклонные ряды гребёнки, ряд ямок.
10. горизонтальный зигзаг, наклонные, горизонтальные ряды гребёнки.
11. наклонные, горизонтальные ряды гребёнки, горизонтальный зигзаг и ряд ямок.

II.4. С жемчужником.

12. горизонтальный зигзаг и ряд жемчужника.
13. горизонтальный зигзаг, наклонные ряды гребёнки, ряд жемчужника.

–Наклонные, горизонтальные ряды гребёнки, горизонтальный зигзаг, ряд жемчужника.

Группа III. Уголок палочки, наклонные, горизонтальные ряды гребёнки в сочетании с другими элементами.

III.5. В сочетании с ямками или без них.

14. Уголок палочки, наклонные ряды гребенки.
15. Уголок палочки, наклонные ряды гребенки, ряд ямок.
16. Уголок палочки, наклонные и горизонтальные ряды гребенки.
17. Уголок палочки, наклонные и горизонтальные ряды гребенки, ряд ямок.
 - Уголок палочки, наклонные ряды гребенки, горизонтальный зигзаг.
 - Уголок палочки, наклонные и горизонтальные ряды гребенки, горизонтальный зигзаг.
18. Уголок палочки, наклонные и горизонтальные ряды гребенки, горизонтальный зигзаг, ряд ямок.

III.6. С жемчужником.

19. Уголок палочки, наклонные ряды гребенки, ряд жемчужника.
 - Уголок палочки, наклонные и горизонтальные ряды гребенки, ряд жемчужника.
 - Уголок палочки, наклонные ряды гребенки, горизонтальный зигзаг, ряд жемчужника,
 - Уголок палочки, наклонные и горизонтальные ряды гребенки, горизонтальный зигзаг, ряд жемчужника.

Группа IV. Наколы различных форм (чаще уголок палочки) в несколько рядов.

IV.7. Без жемчужника.

20. Наколы различных форм в несколько рядов.
21. Наколы до дна сосуда.

IV.8. С жемчужником.

22. Наколы в несколько рядов в сочетании с жемчужником.
 - Накол до дна сосуда, в сочетании с жемчужником.

Группа V. Уточка в сочетании с разными элементами и мотивами.

V.9. В сочетании с ямками или без них.

23. Уточка без дополнительных элементов.
24. Уточка, ямки.
 - Уточка, наклонные ряды гребёнки.
25. Уточка, наклонные ряды гребёнки, ряд ямок.
26. Уточка, наклонные и горизонтальные ряды гребёнки.
 - Уточка, наклонные и горизонтальные ряды гребёнки, ряд ямок.
27. Уточка, горизонтальный зигзаг.
28. Уточка, горизонтальный зигзаг, ряд ямок.
29. Уточка, наклонные или горизонтальные ряды гребёнки, горизонтальный зигзаг.
 - Уточка, наклонные и горизонтальные ряды гребёнки, горизонтальный зигзаг, ряд ямок.

V.10. С жемчужником.

30. Уточка, жемчужник.
 - Уточка, жемчужник, наклонные ряды гребёнки.
 - Уточка, жемчужник, наклонные и горизонтальные ряды гребёнки, горизонтальный зигзаг.

Группа VI. Волна или горизонтальная прямая из протращенной гребёнки в сочетании с вышеуказанными элементами.

VI.11. В сочетании с ямками или без них.

- Волна в сочетании с уточкой.
31. Волна в сочетании с уточкой, ямками и наклонными рядами гребёнки.
 32. Волна в сочетании с ямками и наклонными рядами гребёнки.
 33. Горизонтальная прямая в сочетании с уточкой ямками и волной.
 34. Горизонтальная прямая в сочетании с ямками.
 35. Горизонтальная прямая в сочетании с наклонной гребёнкой.
 - Горизонтальная прямая, ямки, наклонная гребёнка.

Полученная схема является открытой, что позволяет дополнять её новыми элементами, как своего рода базу данных. Добавление нового элемента или мотива в новую группу будет, соответственно, дополняться элементами всех предшествующих групп. С другой стороны, данная схема позволяет рассматривать орнаментальные традиции не только формально-типологически, но и семантически, т.к. композиции имели определённую структуру, в которой могли быть одни элементы и мотивы и не могло быть других. Так из более 70 возможных сочетаний девяти вышеуказанных мотивов в действительности представлены только 35 (табл. 4).

В отдельную группу были выделены защипы и треугольные фестоны из-за малочисленности на поселенческих комплексах и принадлежности к саргатской традиции. Так два сосуда с защипами встречено на городище Раздумье 1а, где они сочетались с жемчужником, один сосуд на Аллаке 1, и один фрагмент венчика, где защипы сочетались с уточкой, происходит с поселения Чудацкая гора (Ширин Ю.В., 2004б, рис. 2). Также в группу редких элементов были включены сосуды с рогами-налепами и имитацией швов, происходящих с городища Раздумье 1а.

Хронология памятников. Выделенные шесть групп и 11 вариантов орнаментов характеризуют новый этап культуры населения Барнаульского Приобья. Несмотря на относительно малочисленность коллекций (всего 402 венчика), большинство вариантов имеет довольно незначительный коэффициент вариации (табл. 2), что является признаком культурно-хронологической близости памятников. Особенно монолитно распределяются орнаменты вариантов 1 (коэф. 16,15), 2 (коэф. 31,4), 7 (коэф. 30,1), что, вероятно, свидетельствует об их эпохальном характере. Наличие вариантов – с жемчужником, является одним из следствий смешения каменных и кулайских комплексов на данных поселениях. Одним из основных факторов соотношения каменной и кулайской керамики является отсутствие орнамента группы 4 (по М.Т. Абдулганееву) – жемчужник разделённый отрисками короткой гребёнки (1 экз. на поселении рубежа эр Усть-Чумышская Пристань – I скорее всего относится к раннему староалейскому комплексу поселения) (табл. 1). В то же время, жемчужник разделённый гребёнкой был характерен практически для всех лесостепных поселений скифской эпохи. Этот орнамент маркирует "степную" (каменскую) группу поселений, близкую к памятникам Новосибирского Приобья (Абдулганеев М.Т., Владимиров В.Н., 1997, с.58, 112). Очевидно, что орнамент 4 является хронологически значимым. Его отсутствие на поселении Чудацкая гора, городищах Раздумье 1а и Аллаке 1, может свидетельствовать, во-первых, об их позднем характере, во-вторых, о возможной синхронизации каменского и кулайского комплекса на данных поселениях. Также, довольно часто на типично каменных сосудах с жемчужником срез венчика украшался отрисками гребёнки. Другим поздним признаком является сочетание ямок и гребёнки, которое не зафиксировано в каменных и староалейских материалах. Там, как правило, гребёнка является самостоятельным элементом или выступает разделителем. Также важным отличием является способ нанесения гребенчатого штампа. В скифское время – это короткая мелкозубая гребёнка, а на рассматриваемых поселениях – это в основном средняя и крупная печатная гребёнка. Относительная хронология памятников определяется по наличию орнаментов VI группы (волна или горизонтальная прямая из проташенной гребёнки). Так, на поселении Чудацкая гора орнаменты группы VI отсутствуют. На Раздумье 1а присутствует только горизонтальная прямая из проташенной гребёнки. Для керамического комплекса Усть-Чумышской Пристань-1 характерны как горизонтальная прямая, так и волна. Последовательность бытования памятников могла быть следующей: наиболее ранним является поселение Чудацкая Гора 1, затем Раздумье 1а, и самым поздним – Усть-Чумышская Пристань – 1. Уточка наиболее широко представлена на поселении Чудацкая гора и Усть-Чумышская Пристань-1. Её малое количество на Раздумье 1а может быть связано с тенденцией, выделенной Т.Н. Троицкой (1979) на материалах Новосибирского Приобья, – на втором этапе развития кулайской культуры количество сосудов, орнаментированных уточкой, значительно сокращается. Другой признак, выделенный Т.Н. Троицкой – ямки поверх орнамента, встречается только на поселении Усть-Чумышская Пристань 1. Как мы уже отмечали, это наиболее поздний памятник, датирующийся, вероятно, рубежом эр, и являющийся переходным от раннекулайских к фоминским комплексам.

Соотношение форм и орнаментов полной картины, к сожалению, не даёт, так как восстановлена пока незначительная часть сосудов. Встречаются плоскодонные и круглодонные банки, иногда с ребром по тулову, горшки, кувшины, сосуды на поддоне, с носиком-сливом и рогами-налепами, глиняные курильницы (рис. 4, 5, 6, 7, 9). Наибольший интерес представляет находка на Раздумье 1а двух рогатых сосудов, которые нехарактерны для лесостепного Алтая. Наиболее ранние, баночной формы, происходят с памятников староалейской культуры Фирсово XIV (2 экз), Фирсово VI (1 экз), Тузовские Бугры I,

датирующихся VI-V вв. до н.э. Здесь рога представлены довольно мощными загнутыми отростками. В позднестароалейском могильнике Староалейка 2 на одном кувшине наряду с ушками также отмечены небольшие налепы, которые, однако, нельзя назвать "рогами". Один экземпляр опубликован А.П. Уманским (1993, с. 90) и происходит из могильника Раздумье VI. Он также отличается от староалейских сосудов меньшими пропорциями выступов-налепов. находка подобной керамики на городище Раздумье-1а скорее всего не связана с указанными аналогиями. Наиболее вероятно их проникновение в лесостепной Алтай вместе с носителями кулайской традиции из Притомья и Кузнецкой котловины, где подобные сосуды получают широкое распространение в рамках шестаковского этапа лесостепной тагарской культуры – II-I вв. до н.э. А.И. Мартынов (1979) прототипы таких сосудов связывает с хуннами Забайкалья и Монголии, так как ни в предшествующее тагарское время, ни в последующий за ним тесинско-таштыкский период, на территории Хакасско-Минусинской котловины подобные формы неизвестны.

Относительная хронология анализируемых поселений может быть установлена также путём сопоставления с более поздними памятниками фоминской культуры. Эта задача является даже более актуальной, принимая во внимание точку зрения Ю.В. Ширина (2003) о формировании фоминской культуры в конце II-III вв. н.э. В отличие от общепринятой хронологии Ю.В. Ширин омолодил фоминские памятники примерно на 150-200 лет. Соответственно, можно сделать вывод, что смешанные раннекулайско-позднекаменские поселения и могильники исчезают примерно к тому же времени.

Учёт каждого элемента декора сосудов на большом количестве объектов позволяет рассмотреть его с позиции хронологического индикатора. Исходя из проведённой корреляции элементов орнамента (табл. 5), можно увидеть, что поселения, отнесённые нами к раннекулайским, не соотносимы с фоминскими даже без учёта синхронного каменско-саргатского комплекса. В то же время имеются выраженные переходные памятники, такие как Усть-Чумышская Пристань I, Усть-Чумыш I, II, Ближние Елбаны IV, которые отражают генетическую преемственность орнаментальных традиций. Только здесь имеется орнамент из волны, выполненный протраченной гребёнкой (рис. 8 – 15-17). Наряду с другими орнаментами – горизонтальной прямой и зигзагом, он маркирует переход к фоминским комплексам. Характерно, что основная часть керамики с фигурно-штампованной орнаментацией и волной, аналогичной саровской, происходит с поселения Ближние Елбаны IV и культурного слоя могильника Ближние Елбаны VII (Троицкая Т.Н., 1979; Ширин Ю.В., 2003). В погребениях БЕ VII встречен только один венчик с пояском взаимопроникающих треугольников, тогда как вся остальная керамика принадлежит к собственно фоминскому типу с обеднённой орнаментацией или IX группе кулайской керамики по Л.А. Чиндиной (1984). Следовательно, саровские орнаменты в Верхнем Приобье датируются несколько раньше чем фоминские, а могильник Ближние Елбаны VII существовал позже, чем поселения в одноимённом урочище. Если хронология могильников БЕ VII и Усть-Абинский, предложенная Ю.В. Шириным, и верна, то формирование самой фоминской культуры могло произойти значительно раньше.

Сложнее дело обстоит с установлением абсолютной хронологии. С поселений происходит значительный и разнообразный инвентарь (рис. 10 – 2), представленный комплексом керамического (пряслица) и косторезного производства (скорняжные изделия, наконечники стрел, ложки, пряжки и т.д.), предметами бронзового литья – кельт, наконечники стрел, фрагмент кулайского ажурного изделия (Чудацкая гора), ложечковидной застёжкой (Раздумье 1а). На основе бронзового инвентаря М.Т. Абдулганеевым и А.А. Казаковым предложена датировка Чудацкой горы IV-III вв. до н.э., что вызвало у исследователей некоторые сомнения. Ю.В. Ширин (2004б, с. 58) считает, что раннекулайские комплексы с Чудацкой горы и Новообинцевского клада не могут быть отнесены к более раннему времени, чем могильник на Каменном мысу (конец III-II вв. до н.э.). На основе керамического комплекса Чудацкой горы, мы можем датировать памятник II в. до н.э., т.к. по особенностям орнаментации сосуды отличаются от каменномысских и производят несколько более позднее впечатление. Это не исключает, что ряд вещей кулайского облика на территории Барнаульского Приобья могли появиться и в III в. до н.э., о чём свидетельствуют находки из Новообинского клада (Бородаев В.Б., 1987).

Благодаря выразительному инвентарю, датировка городища Раздумье 1а не вызывает затруднений. Датировочными находками являются ложечковидная застёжка, костяная ложка, пряжка-блок, крупные наконечники стрел, аналогичные представленным на рис. 10 (рис. 10 – 2,6). Ложечковидная застёжка, найденная на Раздумье 1а, имеет широкие аналогии в материалах хуннов Забайкалья и Монголии (Степная полоса..., 1992), тесинского и шестаковского этапов тагарской культуры (Дэвлет М.А., 1989; Мартынов А.И., 1979), озен-алабелигского этапа саглынской культуры (Семёнов В.А., 2002). Подобные изделия датируются II-I вв. до н.э. Костяные ложки есть в материалах Каменного мыса и Шестаковских курганов и также датируются концом I тыс. до н.э. Указанная дата (II-I вв. до н.э.), в целом, соответствует особенностям керамического комплекса поселения. На поселении Усть-Чумышская Пристань-1, кроме кулайского гарпунного наконечника стрелы, других вещей не обнаружено. Как уже отмечалось, здесь впервые появляются композиции, характерные для саровского или фоминского этапа. Однако в орнаментальных традициях преобладают ещё раннекулайские черты. На основе керамического комплекса поселение может быть датировано рубежом эр или I в. н.э.

Общие проблемы хронологии позднескифских памятников в Южной Сибири и сравнительная датировка каменных и кулайских могильников в Верхнем Приобье. Хронология поселенческих комплексов будет неполной без привлечения материалов погребений этого времени. Как правило, основанием для датировки постскифских памятников являются хуннские аналогии. Если их нет, то критерии для датировки становятся достаточно размытыми. В настоящее время существуют разногласия о времени распространения категорий вещей центральноазиатских типов в Южной Сибири. По мнению С.С. Миняева (2001, с. 304-305), следует различать время установления политического господства сюнну на пространствах Центральной Азии и Южной Сибири, и время формирования собственно сюннуского культурного комплекса, который складывается в Забайкалье и Северной Монголии не ранее (конца II) I в. до н.э. Соответственно, «предлагаемая корректировка может существенно повлиять на локальную периодизацию археологических памятников Сибири...» и позволяет «...допустить существование характерных памятников скифского периода и во II-I вв. до н.э.» (там же, с. 304). Учитывая находку бронзовой ложечковидной застёжки с зооморфной гравировкой на Раздумье 1а, можно несколько омолодить дату памятника до I в. до н.э.

Наиболее ранний кулайский могильник Каменный мыс синхронизируется с могильником каменной культуры Быстровка 1 по наличию проволочных восьмёрковидных серёг с большим и малым колечком, колоколовидным подвескам с гофрированным навершием, бронзовым наконечникам и крупным костяным наконечникам стрел кулайского образца. Дату сооружения этих комплексов можно определить III-II вв. до н.э., т.к. здесь ещё нет вещей хуннских типов (Троицкая Т.Н., 1979; Троицкая Т.Н., Бородовский А.П., 1994). Следующая линия синхронизации (I в. до н.э.-I в. н.э.) – могильники Фирсово 11, Ордынское 1, Быстровка 3 (Шамшин А.Б., Фролов Я.В., 1999; Троицкая Т.Н., 1979; Дураков И.А., Мжельская Т.В., 1999). Здесь встречены железные пряжки с подвижным язычком или неподвижным шпеньком, бронзовые фигурно-рамчатые пряжки, костяные накладки на лук и серьги нового типа, не имеющие ранее аналогий (рис. 10 – 4,7,8). Таким образом, подтверждается ошибочность мнения В.А. Могильникова и Т.Н. Троицкой об исчезновении каменной культуры ко II-I вв. до н.э. или её поглощении кулайской культурой.

Этнокультурная ситуация. На основе керамического комплекса поселений можно уже с достаточной уверенностью говорить о смешанном характере памятников конца I тыс. до н.э. На каждом поселении комплексы каменной, саргатской и кулайской культур представлены неравноценно.

Саргатские элементы на памятниках Верхнего Приобья встречаются начиная с IV-III вв. до н.э. Сосуды саргатского облика известны в могильниках быстрянской и каменной культур – Быстрянка, к. 5, м.1; Бийск I, к.1; Бийск II, к.1; Новотроицкое I,II, Быстровка I,III, Усть-Иштовка и т.д. Наиболее ярко симбиоз саргатских и каменных традиций прослеживается в погребениях могильника Масляха II, где около 35 % керамики определённно саргатской. По мнению авторов раскопок (Могильников В.А., Уманский А.П., 1992), могильник оставлен каменским населением, мигрировавшим из Барабинской лесостепи в конце III-II

вв. до н.э. в лесостепное Приобье, и культура которого имела явно выраженные саргатские черты, возникшие в результате длительного взаимодействия. Причины миграции были вызваны отчасти давлением кулайцев, начавших в это время своё продвижение к югу. В.А. Могильников считает маловероятным инфильтрацию саргатцев непосредственно из Прииртышья на восток (Могильников В.А., 1991, с.12). С данными утверждениями не во всём можно согласиться. На территории Барабы известны и поздние (до 1 в. н.э.) памятники каменско-саргатского конгломерата (Елагин В.С., Молодин В.И., 1991, с. 100-102; Полосьмак Н.В., 1987). Согласно В.С. Елагину и В.И. Молодину (1991, с. 102), кулайские племена появляются на территории средней и южной Барабы к рубежу эр, что не совсем согласуется с вынужденной миграцией барабинского населения на территорию Верхнего Приобья в конце III-II вв. до н.э. Очевидно, что каменная общность до нач. I тыс. н.э. не испытывала серьёзной потребности в миграциях и мирно сосуществовала в пределах своей территории как с кулайцами, так и с саргатцами. Более того, материалы ряда памятников, в том числе анализируемых нами, подтверждают родственное смешение племён, принадлежавших к различным культурным традициям. В Быстровке III саргатский компонент становится ещё более выраженным. Кроме керамики появляются типичные признаки погребальной обрядности саргатцев – угольки и сажа в заполнении могильных ям, обожжение внутримогильных конструкций, а иногда и тел покойников, погребения во рву и пр. (Дураков И.А., Мжельская Т.В., 1995). Таким образом, причины миграционной активности и распада ранее устойчивых этнокультурных ареалов не совсем понятны.

На материалах поселений мы видим, что эта миграция не была эпизодическим явлением и присутствие саргатских элементов фиксируется повсеместно, начиная с III-II в. до н.э. В керамическом комплексе это наличие круглодонных или яйцевидных сосудов, банок с носиком-сливом. Ведущими элементами орнамента являются резная ёлочка, оттиски по шейке и тулову уголком палочки (иногда также по дну сосуда), зацепы, сочетание наколов с треугольными фестонами или резными линиями. Наколы в несколько рядов характерны и для раннекулайских памятников Среднего Приобья (васюганский этап по Л.А. Чиндиной (1984). Следует отметить, однако, что в кулайской культуре по сравнению с саргатской наколы в несколько рядов и до дна сосуда распространены в меньшей степени.

В ходе распада прежних этнокультурных ареалов на территории Верхнего Приобья также появляются кулайские племена. В настоящее время существует две миграционные версии проникновения кулайцев на юг. Наиболее ранняя из них рассматривает этот процесс как перемещение в конце III в. до н.э. на территорию Новосибирского Приобья численно значительной экзогамной группы, вступившей в вынужденный контакт с каменцами и в дальнейшем продвигавшейся всё южнее. К концу I в. до н.э. каменная (большереченская – по Т.Н. Троицкой) культура, поглощённая кулайской, прекращает своё существование (Троицкая Т.Н., Бородовский А.П., 1994, с. 104). Согласно второй теории, появившейся не так давно (Соловьёв А.И., 1996; Троицкая Т.Н., Солодская О.В., 2004), процесс миграции был сложным и многоэтапным с тактикой постепенного проникновения на территорию более сильного соседа. В результате длительных контактов появляются смешанные памятники, как в Новосибирском, так и в Барнаульском Приобье.

Поселенческие материалы Барнаульского Приобья пока трудно сопоставить с памятниками Новосибирского варианта кулайской культуры, главным образом по причине различия в методах анализа керамического комплекса. Большинство признаков выделенных Т.Н. Троицкой для первых двух этапов Новосибирского варианта присутствуют и в материалах алтайской лесостепи. Тем не менее, рассмотренные нами группы орнаментов и их статистические выражения могут значительно отличаться территориально. Поэтому мы не исключаем возможности некоторых локальных отличий двух регионов.

В целом, следует отметить, что на материалах анализируемых поселений, за исключением староалейского слоя на Усть-Чумышской Пристань-1, наблюдается достаточно схожая картина в распределении элементов орнаментации. Очевидно, что комплексы саргатской, каменной и кулайской культур синхронны. Не до конца понятны механизмы трансформации этих культур на территории Барнаульского Приобья. Можно ли рассматривать памятники III-I вв. до н.э. в рамках одной культуры синкретичного облика или раз-

личные этнокультурные традиции существовали самостоятельно? С аналогичной проблемой при исследовании этнокультурных взаимодействий археологам приходится сталкиваться довольно часто. По мнению А.С. Федорука (2006, с.17-18), в эпоху поздней бронзы на территории степного Обь-Иртышья фиксируются несколько культурных традиций – бегазы-даныбаевская, саргаринско-алексеевская и ирменская, которые первоначально существовали отдельно, но затем сливаются в единое общество. Т.Н. Троицкая (1979, с. 48-49) также отмечает механическое взаимодействие каменцев и кулайцев на первом этапе и общую линию развития на втором этапе. Интересен также вопрос как складывались отношения каменцев и кулайцев. Если для саргатской и каменской культур характерны общие принципы социальной организации, кочевого уклада жизни, близкие параллели в погребальной обрядности (многомогильные курганы, устройство погребальной камеры, ориентировка погребённых и т.д.), антропологический тип, а возможно и общность происхождения, несмотря на различный удельный вес сакского и савроматского компонентов, то кулайцы имели совершенно чуждые для каменцев черты. Именно поэтому миграция кулайских племен носила постепенный характер и, очевидно, была взаимовыгодной с позиции торгово-обменных и политических связей (пушной путь, проходивший по акваториям Оби, Томи и Чулыма уже с V в. до н.э. тесно связывал кулайские племена с каменскими и тагарскими). Поселения и могильники конца III в. до н.э. - I в. н.э. с кулайской керамикой не приурочены к определённой территории или берегу Оби (табл. 3-1; Бородаев В.Б., Горбунов В.В., 1993; Григоров Е.В., 1999), что исключает компактное проживание мигрантов.

Аналогичная ситуация прослеживается на территории Притомья и Ачинско-Мариинской котловины. Кулайские памятники появляются в Томском Приобье к III в. до н.э. (Чиндина Л.А., 1984; Бобров В.В., 1978; Мартынов А.И., Мартынова Г.С., 1978). В Среднее Притомье, предгорья Кузнецкого Алатау и далее на восток кулайцы продвигаются ко II в. до н.э. Именно здесь известна аналогичная верхнеобской раннекулайская керамика (Бобров В.В., 1978; Окунева И.А., 2003, с. 50). Очевидно, что миграция ранних кулайцев в Верхнее Приобье и Притомье имела общие истоки. В это же время (III-II вв. до н.э.) усиление миграционной активности отмечено у племён лесостепной тагарской культуры, продвинувшихся далеко на запад до Томи, сформировавших памятники шестаковского этапа (культуры), и вступивших во взаимодействие с кулайскими племенами (Мартынов А.И., 1979, с. 151-152; Мартынов А.И., Мартынова Г.С., 1978; Вадецкая Э.Б., 1985, с. 122). Крупные курганные могильники шестаковского этапа – Шестаково, Алчедат, Утинка расположены компактной группой по реке Кие (Мартынов А.И., Мартынова Г.С., Кулемзин А.М., 1971; Мартынов А.И., 1974; Бобров В.В., 1979). В коллективных усыпальницах этих памятников вещи кулайского облика довольно распространённая находка. Здесь встречены типично раннекулайские сосуды баночного типа, орнаментированные рядами гребёнки, уточкой, гребенчатым зигзагом, наколами в несколько рядов, ямками и т.д. (рис. 10 – 6).

Т.Н. Троицкая отмечает, что в период второго этапа новосибирского варианта кулайской культуры (I в. до н.э. – I в. н.э.), прослеживаются некоторые связи с таштыкской культурой и «не исключено, что появление на третьем этапе обряда сожжения связано с этим же влиянием» (Троицкая Т.Н., 1979, с. 53). К сожалению, выход трудов Т.Н. Троицкой и А.И. Мартынова произошёл в одном 1979 году, что не позволило авторам ознакомиться с новыми материалами. Как нам кажется, связи раннекулайских памятников прослеживаются не с далёкой таштыкской культурой, а с шестаковской. Как уже отмечалось, памятники этой общности расположены в сопредельном с Верхним Приобьем регионе Среднего Притомья, северных отрогах Кузнецкого Алатау и Ачинско-Мариинской котловине.

В настоящее время для выяснения характера этнокультурных процессов рубежа эр – I в. н.э. нам представляется наиболее актуальным сравнительный анализ материалов приобской лесостепи и Кузнецкой котловины. Согласно Ю.В. Ширину, эти территории «входят в единую историко-культурную область и динамика культурных изменений в них взаимосвязана» (Ширин Ю.В., 2004б, с. 59).

Во-первых, можно синхронизировать постскифские могильники и поселения Верхнего Приобья с шестаковскими, – это сходные орнаментальные мотивы и формы сосудов, в ча-

стности, с рогами-налепами, ложечковидные застёжки и другие предметы поясного набора, некоторые общие специфические категории инвентаря. Во-вторых, именно восточные связи имели определяющее влияние при формировании фоминской культуры в нач. I тыс. н.э.

Относительно происхождения фоминской культуры в настоящее время существует несколько версий. По мнению Т.Н. Троицкой (1979) и Л.А. Чиндиной (1984), фоминские памятники возникают в результате второй миграционной волны кулайцев из Томско-Нарымского Приобья в I в. н.э. Впоследствии Т.Н. Троицкая и О.В. Солодская (2004) несколько скорректировали данную версию: «...первый этап действительно происходил из Среднего Приобья, а последующий этап (возможно, несколько последовательных) из тех регионов, которые были заняты кулайцами, и где они смешались с новым населением. Таким образом, на первом этапе перемещалось само кулайское население, позже, в основном, перемещались носители новых возникших культурных традиций». С точки зрения Ю.В. Ширина, фоминские памятники составляют особую культурную общность, а не этап. Их появление не является результатом миграции таёжных групп кулайского населения на юг. В сложении фоминской общности участвовали какие-то иные культурные компоненты, «название которых пока не может быть обозначено, но которые были связаны с кругом степных культур северо-западной Азии» (Ширин Ю.В., 2003). Действительно, облик фоминских памятников значительно отличается от саровских. Если бы миграция исходила из таёжных районов Западной Сибири, то непременно бы остались и пережитки того ХКТ, который существовал на прежней территории расселения. Однако по материалам фоминских памятников мы видим население с устойчивым кочевым укладом. Об этом свидетельствует слабо насыщенный культурный слой и отсутствие свидетельств содержания скота на площади поселений. Орнамент керамики по сравнению со Средним Приобьем более упрощён и разрежен, оттиски плотно поставленного фигурного и гребенчатого штампа, многозональные композиции, характерные для саровского этапа, практически не встречаются.

Если обратить взгляд на восток, то можно убедиться, что многие признаки фоминской культуры появляются там в более раннее время. Именно на шестаковском этапе распространяется новая черта погребальной обрядности – трупосожжение на стороне (Мартынов А.И., 1979). В ряде погребальных камер шестаковских курганов, по такому же обряду были погребены кулайцы, что свидетельствует о принятии ими подобной погребальной традиции. Это стало возможно в результате длительного взаимодействия кулайских и тагарских по происхождению племён. Трудно предположить, что шестаковцы растворились в раннекулайской среде. Тем не менее, с начала нашей эры огромные курганы с коллективными усыпальницами шестаковской культуры исчезают. С этого времени здесь фиксируются только фоминские памятники. Очевидно, в результате трансформации двух традиций, возникает новая фоминская культурная общность. Первые следы проникновения фоминцев на Верхнюю Обь отмечены помимо поселений в погребениях могильника Фирсово XI (Шамшин А.Б., Фролов Я.В., 1999). В заполнении большинства могил этого некрополя встречаются кальцинированные косточки, нередки обожжения перекрытия, а в одном случае обнаружена безинвентарная могила с трупосожжением. Усиление культа огня в позднекаменных памятниках обычно связывают с саргатским влиянием (Дураков И.А., Мжельская Т.В., 1995). Это присутствие угольков и сажи в заполнении могил, следы огня на внутримогильных конструкциях или на теле покойника, кострищ в культурном слое (Корякова Л.Н., 1988). В то же время кальцинированные кости свидетельствуют о культе иного характера – трупосожжения на стороне, который во II-I вв. до н.э. не имел распространения к западу от Кузнецкого Алатау. Наличие кальцинированных костей животных во внешнемогильном пространстве и заполнении могильных ям, отмечается исследователями как характерная черта фоминской погребально-поминальной обрядности (Ширин Ю.В., 2003, с. 138). Таким образом, материалы могильника у с. Фирсово указывают на восточные связи, и, возможно, являются одним из вариантов переходных к фоминским памятников.

В настоящей работе мы попытались наполнить содержанием такое сложное историко-культурное явление как постскифское время на территории Верхнего Приобья. Безусловно, для решения многих вопросов необходимо провести дополнительные исследования. Однако, уже сейчас можно сделать следующие выводы:

1. В конце III-II вв. до н.э. на территории Верхнего Приобья фиксируется распад прежних этнокультурных ареалов и в результате миграций формируется синкретичная культура, сочетающая черты каменной, саргатской и кулайской традиций. Феномен синкретичных культур характерен в это время для всей лесостепной части Южной Сибири.

2. На основе статистического анализа и корреляции керамики поселений подтверждается предположение о синтезе нескольких культурных традиций и единой линии их развития. Незначительный коэффициент вариации у ряда орнаментов, таких как чистая гребенка, гребенка с ямками или жемчужником, наколы в несколько рядов, свидетельствует об их эпохальном характере.

3. Поселения и могильники с кулайской керамикой не имеют определённой этнотерриториальной локализации и не привязаны к какому-либо берегу Оби.

4. Погребальные комплексы с каменным обрядом погребения существуют вплоть до I в. н.э., при значительном участии саргатского и кулайского компонентов. В наиболее позднем могильнике Фирсово XI фиксируются черты влияния фоминской культуры.

5. На основе предварительного анализа можно предположить, что фоминская культура формируется к востоку от Оби на базе шестаковских и родственных раннекулайских племён.

Поселение		Чудацкая Гора 1	Раздумье 1а	Аллак 1	Усть-Чу- мышская Пристань 1
По М.Т. Абдулганеву, В.Н. Владимирову	Наколы в один ряд (орнамент №1).	57 / 13,34	6 / 13,4	1 / 8,3	3/12
	Жемчужник (орнамент №2).	87 / 20,37	10 / 22,3	3 / 25	
	Жемчужник разделённый наколами (орнамент №3).	172 / 39,5	2 / 4,4	1 / 8,3	12 / 48
	Жемчужник разделённый отгисками короткой гребенки (орнамент № 4).				2 / 8
	Наколы и резные линии (орнамент №5).	20 / 4,7	5 / 11,2		3 / 12
	Наколы в 2 ряда (орнамент №7).	15 / 3,51		2 / 16,7	3 / 12
	Жемчужник с разделителем или без и наколы в 1,2 ряда (орнамент №8).	48 / 11,24	5 / 11,2	1/8,3	1 / 4
	№9	10 / 2,3	3 / 6,6		1 / 4
	№10			1 / 8,3	
	№11	18 / 4,2	4 / 8,8	3 / 25	
		Защипы	1 / 0,23	3 / 6,6	1/8,3
	Треугольные фестоны		1 / 2,2		
	Итого	427/100%	45/100%	12/100%	25/100%
	Вариант 1	23,1	24	33,3	23,6
	Вариант 2	9,8	4	9,5	11
	Вариант3	9,4	4		
	Вариант 4	4,8	0		
	Вариант 5	10	13,3	4,8	1,8
	Вариант6	3,9	2,7		
	Вариант 7	21,5	37,3	52,4	34,5
	Вариант 8	2,8	5,3		
	Вариант 9	13,5	4		18,2
	Вариант 10	1,2			3,6
	Вариант 11		4		7,3
	Итого:	251/100%	75/100%	21/100%	55/100%

Табл.1 Матрица исходных данных

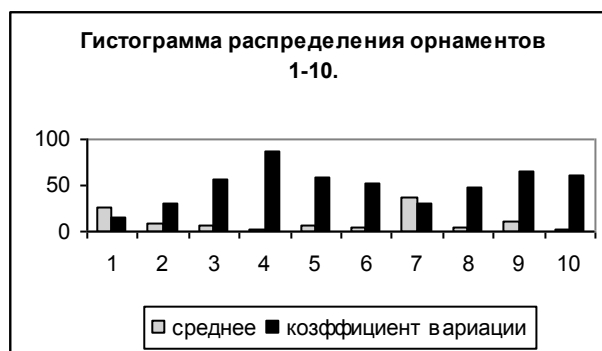
Поселение	Чудацкая гора	Раздумье 1	Аллак 1	У-Ч Пр.-1	Среднее	Коеф. вариации
1	23,1	24	33,3	23,6	26	16,15
2	9,8	4	9,5	11	8,575	31,4
3	9,4	4			6,7	57,3
4	4,8	0			2,4	86,25
5	10	13,3	4,8	1,8	7,475	59,6
6	3,9	2,7			3,3	51,5
7	21,5	37,3	52,4	34,5	36,425	30,1
8	2,8	5,3			4,05	48,8
9	13,5	4		18,2	11,46667	65,4
10	1,2			3,6	2,4	60,8
11		4		7,3	5,65	39,7

1

	V ar1	V ar2	V ar3	V ar4
V ar1	1,00			
V ar2	0,84	1,00		
V ar3	0,84	0,96	1,00	
V ar4	0,88	0,82	0,89	1,00

3

2

3

	V ar1	V ar2	V ar3	V ar4	V ar5	V ar6	V ar7	V ar8	V ar9	V ar10
V ar1	1,00									
V ar2	0,12	1,00								
V ar3	0,52	0,16	1,00							
V ar4	0,38	0,26	0,91	1,00						
V ar5	0,30	0,83	0,68	0,33	1,00					
V ar6	0,55	0,41	0,96	0,76	0,84	1,00				
V ar7	0,87	0,10	0,81	0,78	0,33	0,75	1,00			
V ar8	0,48	0,87	0,60	0,20	0,96	0,79	0,38	1,00		
V ar9	0,71	0,60	0,19	0,38	0,40	0,06	0,71	0,26	1,00	
V ar10	0,51	0,64	0,21	0,00	0,66	0,32	0,38	0,49	0,92	1,00

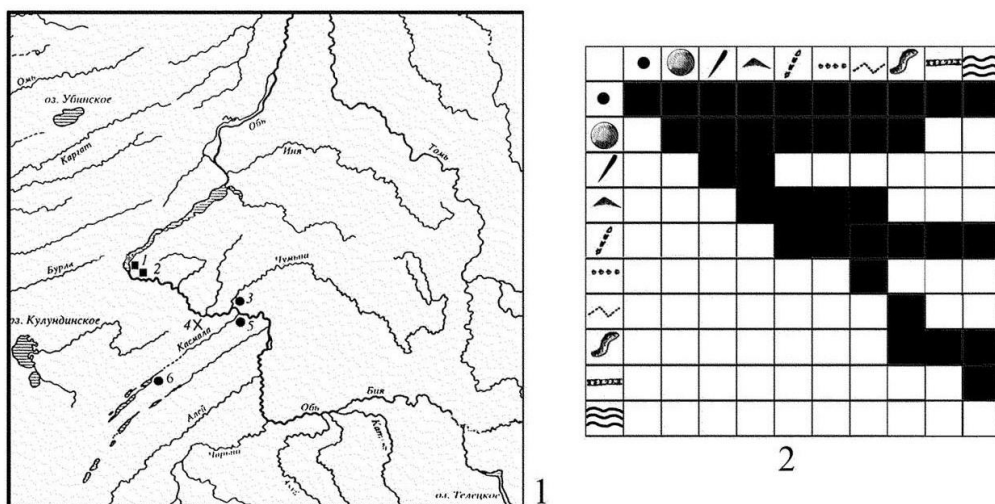
4

Табл.2

таблица вычисления коэффициента вариации орнаментальных признаков,
2 – матрица коэффициентов парной линейной корреляции керамических комплексов

1 –

поселений, 3 – гистограмма распределения орнаментов 1-10, 4 – матрица коэффициентов парной линейной корреляции орнаментальных признаков

Вариант	Чудацкая гора 1	Раздумье 1а	Аллак 1	Усть-Чумышская Пристань 1
1	23.1%	24%	33.3%	23.6%
2	9.8%	4%	9.5%	11%
3	9.4%	4%		
4	4.8%			
5	10%	13.3%	4.8%	1.8%
6	3.9%	2.7%		
7	21.5%	37.3%	52.4%	34.5%
8	2.8%	5.3%		
9	13.5%	4%		18.2%
10	1.2%			3.6%
11		4%		7.3%
12				
100%	251	75	21	55

3

Табл.3 1-карта памятников конца III-I вв. до н.э. в Барнаульком Приобье (1-Раздумье 1а, 2-Аллак 1, 3-Усть-Чумышская пристань-1, 4-Новообинцевский клад,

Табл.4 Таблица разновидностей и композиций орнаментов (начало)

Группа	Вар-нт	Вид	Чудацкая гора 1	Раздумье 1а	Аллак 1	Усть-Чу- мышская Пристань 1	Композиция					
3		18	0,4									
	VI	19	2,8	2,7								
4	VII	20	21,5	33,3	42,8	30,9						
		21	0	4	9,5	3,6						
	VIII	22	2,8	5,3								
5	IX	23	7,17	2,7		16,36						
		24	0,8									
		25	1,2			1,8						
		26	1,2									
		27	0,4									
		28	1,2									
		29	1,6									
	X	30	1,2			3,6						
6	XI	31				1,8						
		32				1,8						
		33				1,8						
		34		1,3								
		35		2,7								
Всего:			100%	100%	100%	100%						

Табл.4 (окончание)

Этап орнамент	ранние кулайцы					фоминская культура										
	Чулацкая гора	Раздумье Ia	Аллак I	Бочанцево I	Усть-Чумыш ская Пр. I	Усть-Чумыш 1,2	Завьялово 1, 2	Завьялово 19	Ближние Елбаны IV	Ближние Елбаны VII	Ивановка IV	Ирмень II	Троицк I	Малый Иткуль I	Бийские городища	Усть-Абин ский мог.
Кол-во	678	120	33	40	80	35	23	32	62	74	30	11	68	30	26	18
Всего	951					267						142				

Табл.5 Таблица распределения элементов орнамента по памятникам

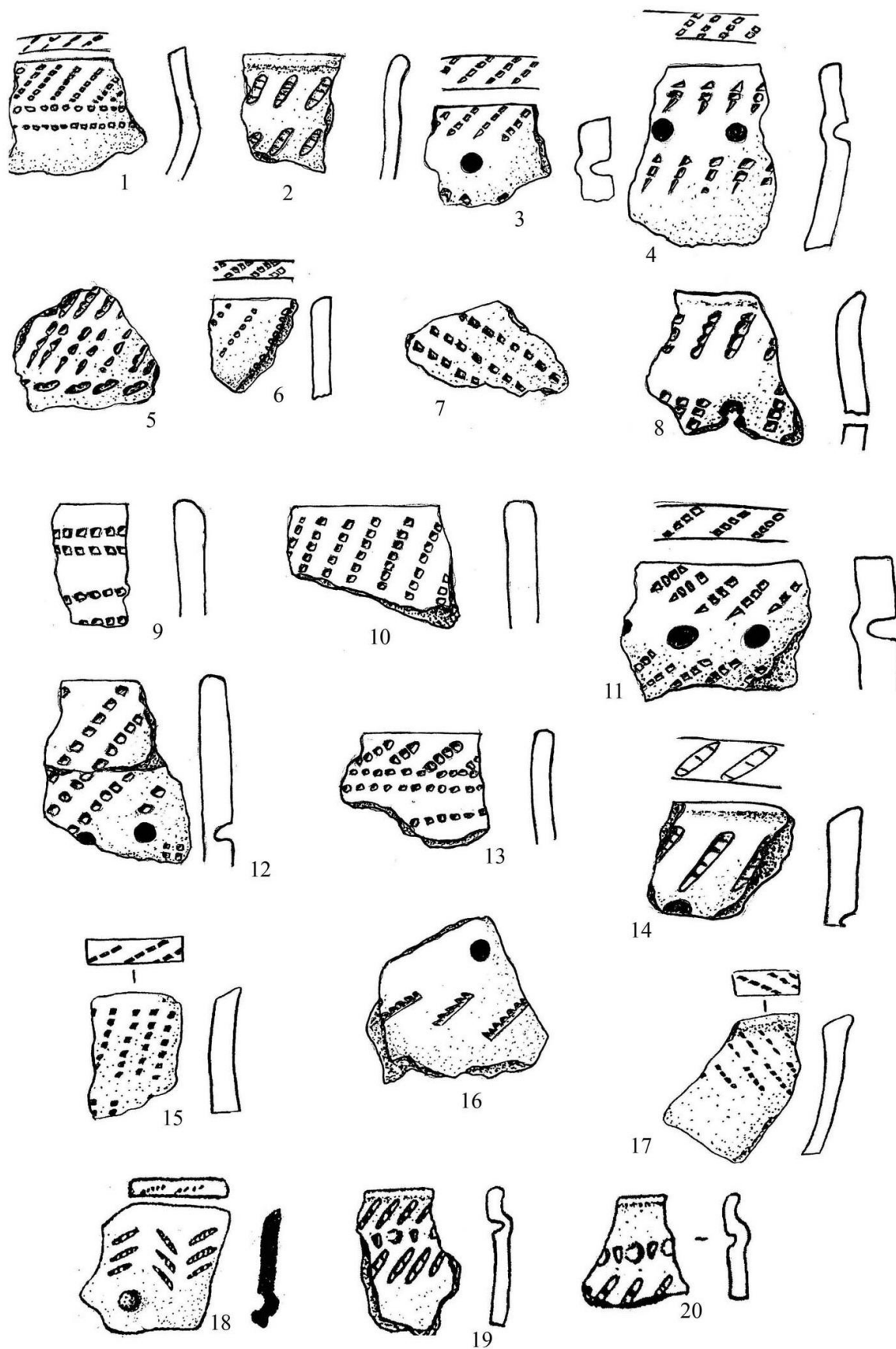

Рис.1
Раздумье 1а. Образцы орнаментов 1 (1-17), 2 (18-19)

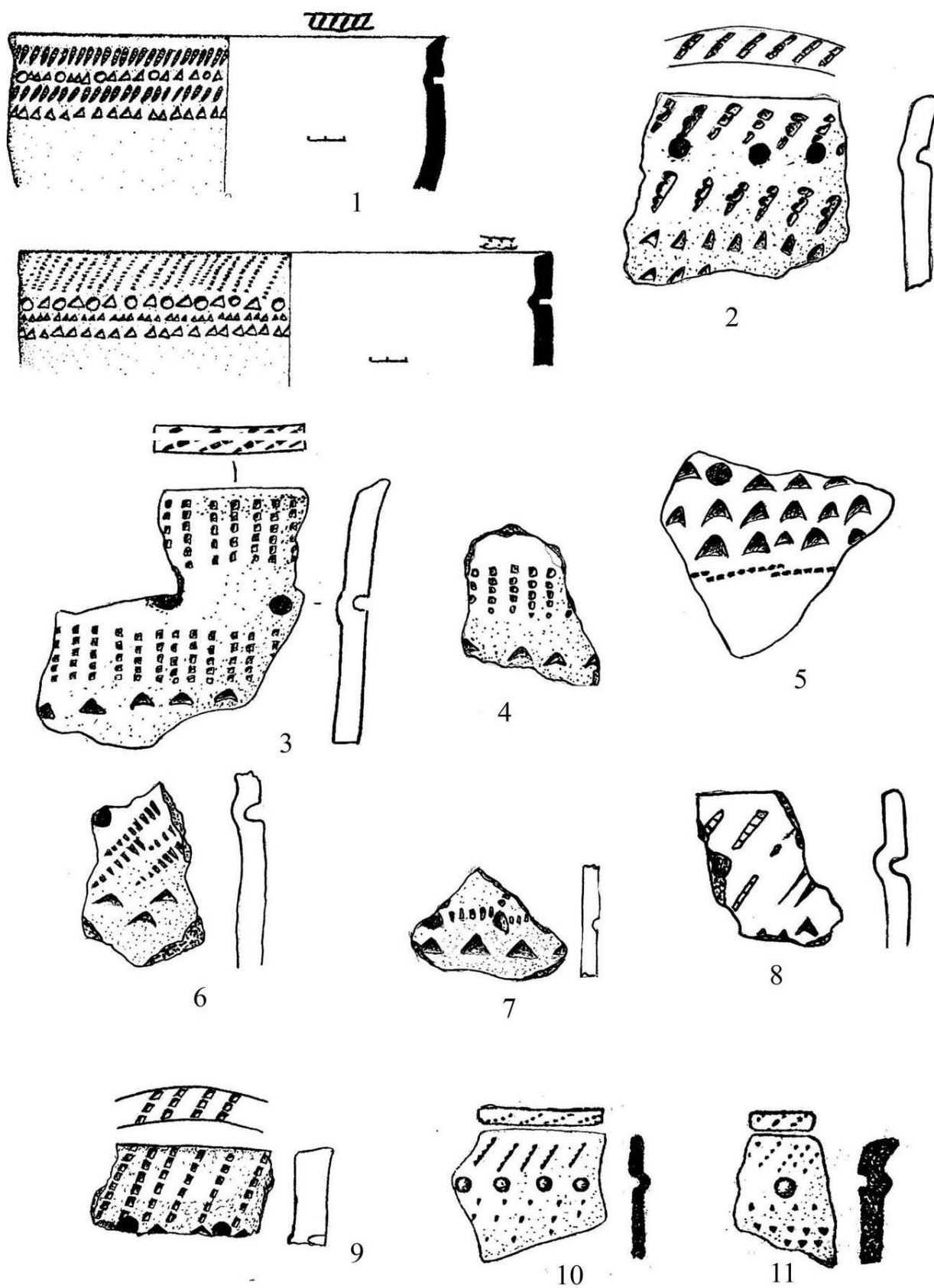

Рис.2

Раздумье 1а. Образцы орнаментов 5 (1-9) и 6 (10,11)

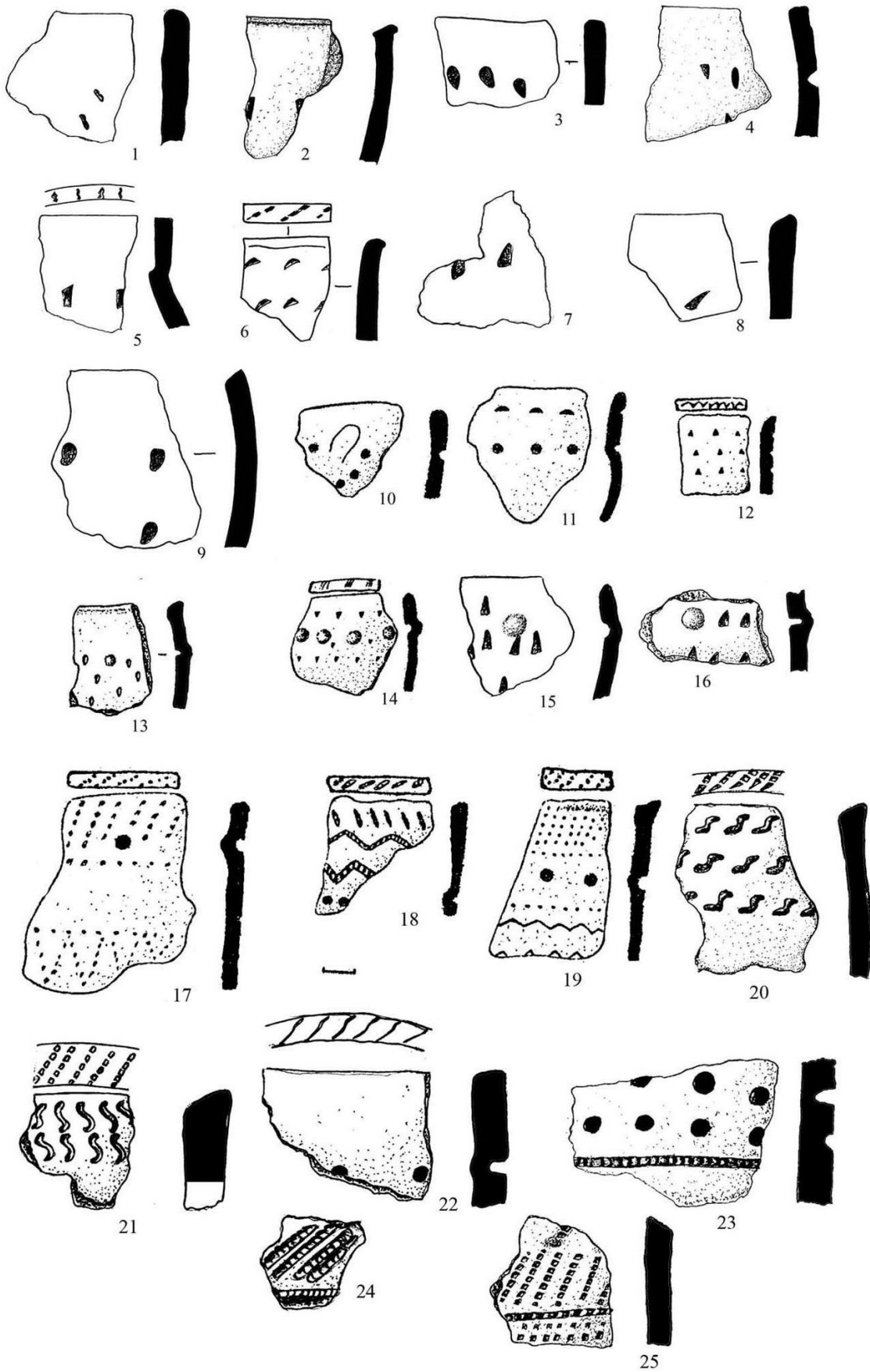

Рис.3

Раздумье 1а. Образцы орнаментов 3 (17-19), 7 (1-12), 8 (13-16), 9 (20-22), 11 (23-25)

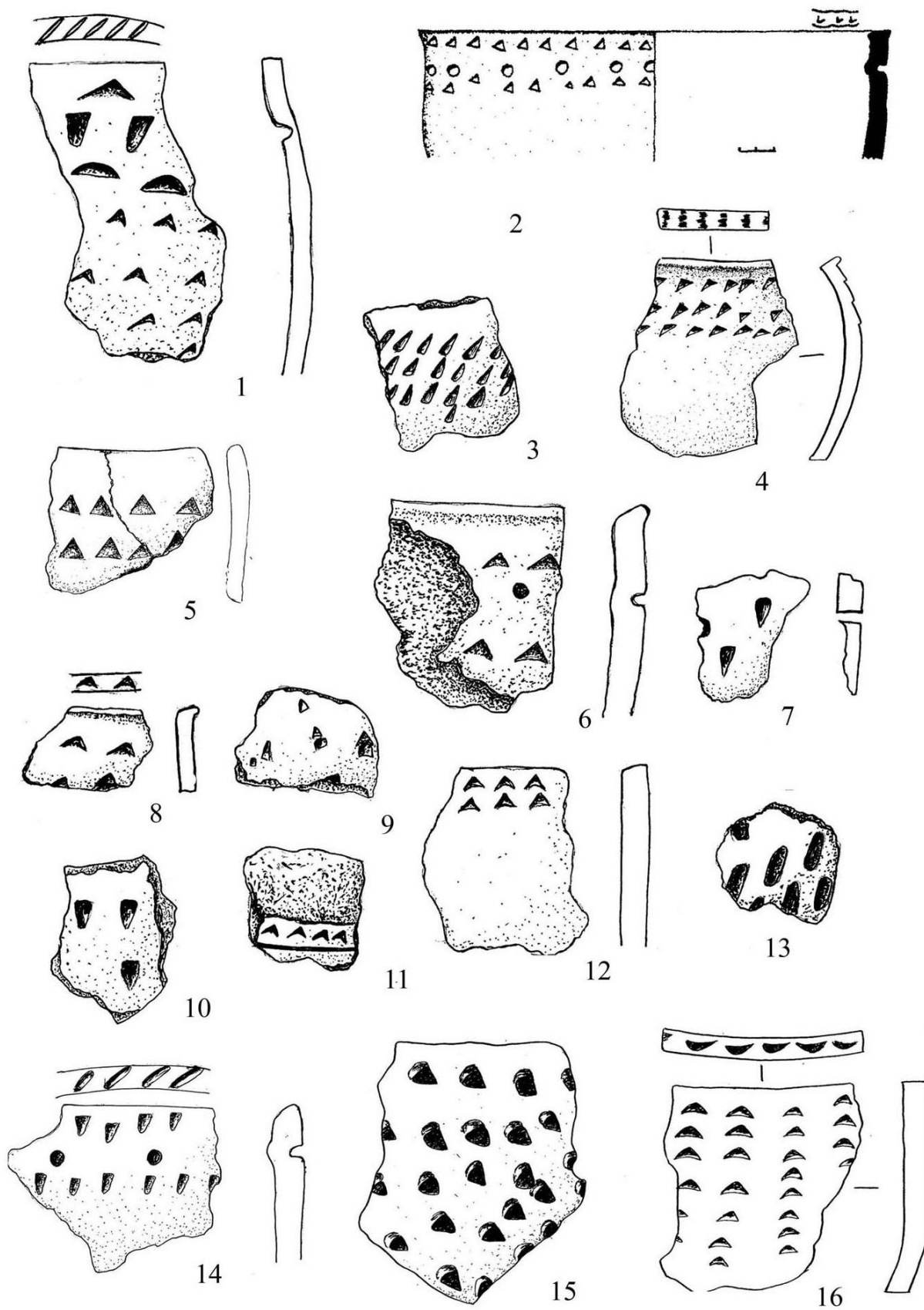

Рис.4

Раздумье 1 а. Образцы орнамента 7

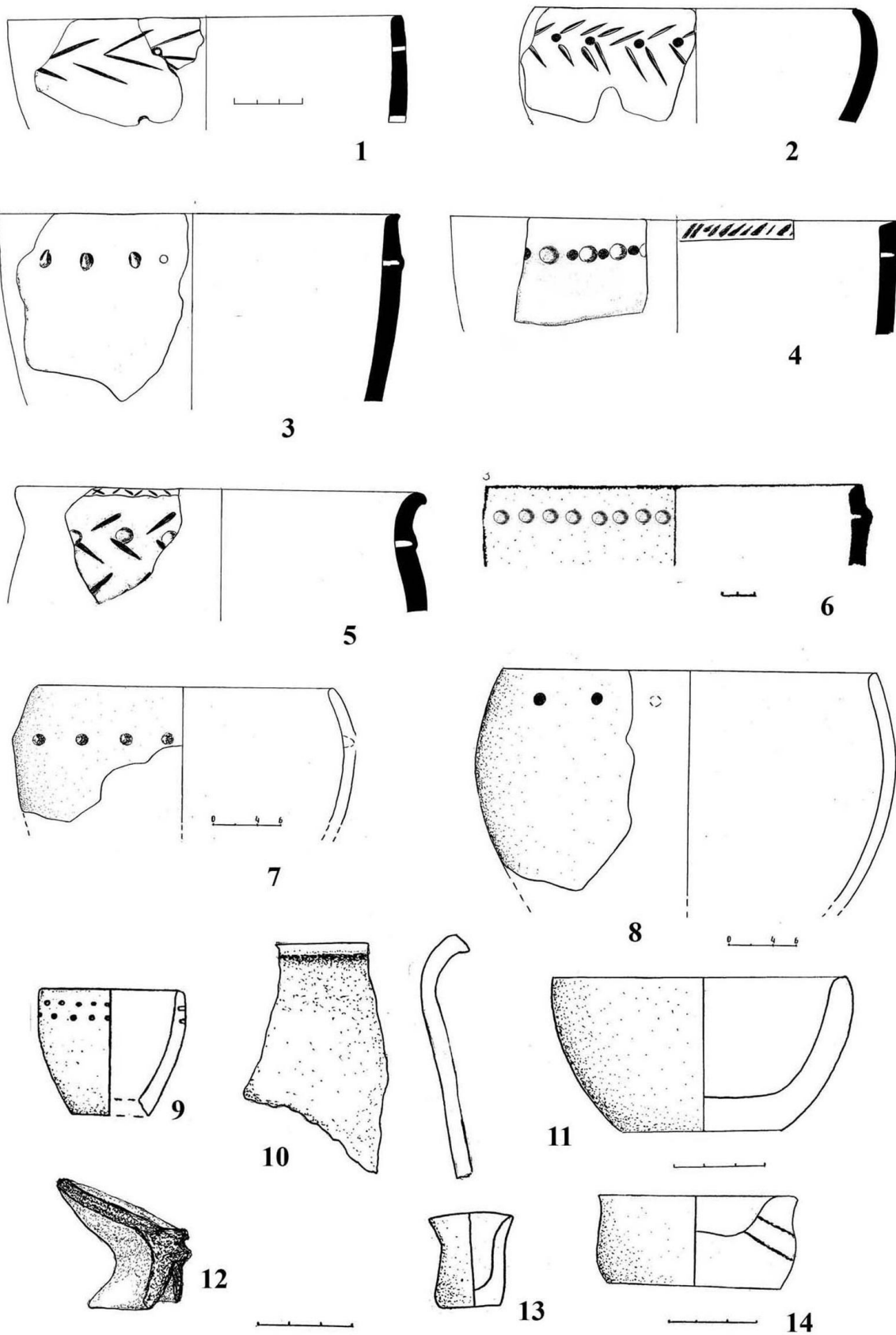

Рис.5
Реконструированные сосуды каменной культуры с городища Раздумье 1а

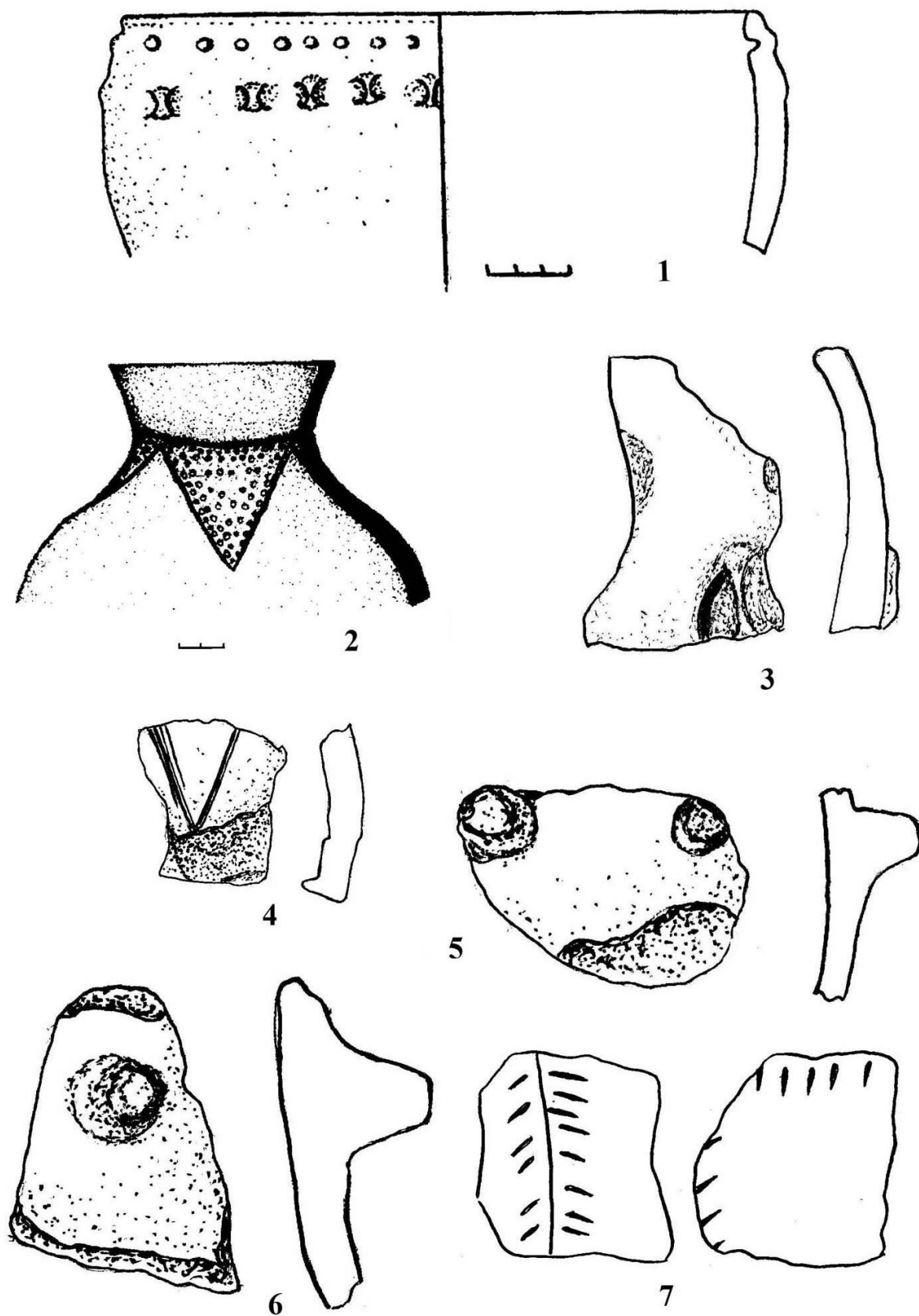

Рис.6

Раздумье 1а. Образцы керамики саргатской (1-4),
тагарской (5,6), каменной культур (7)

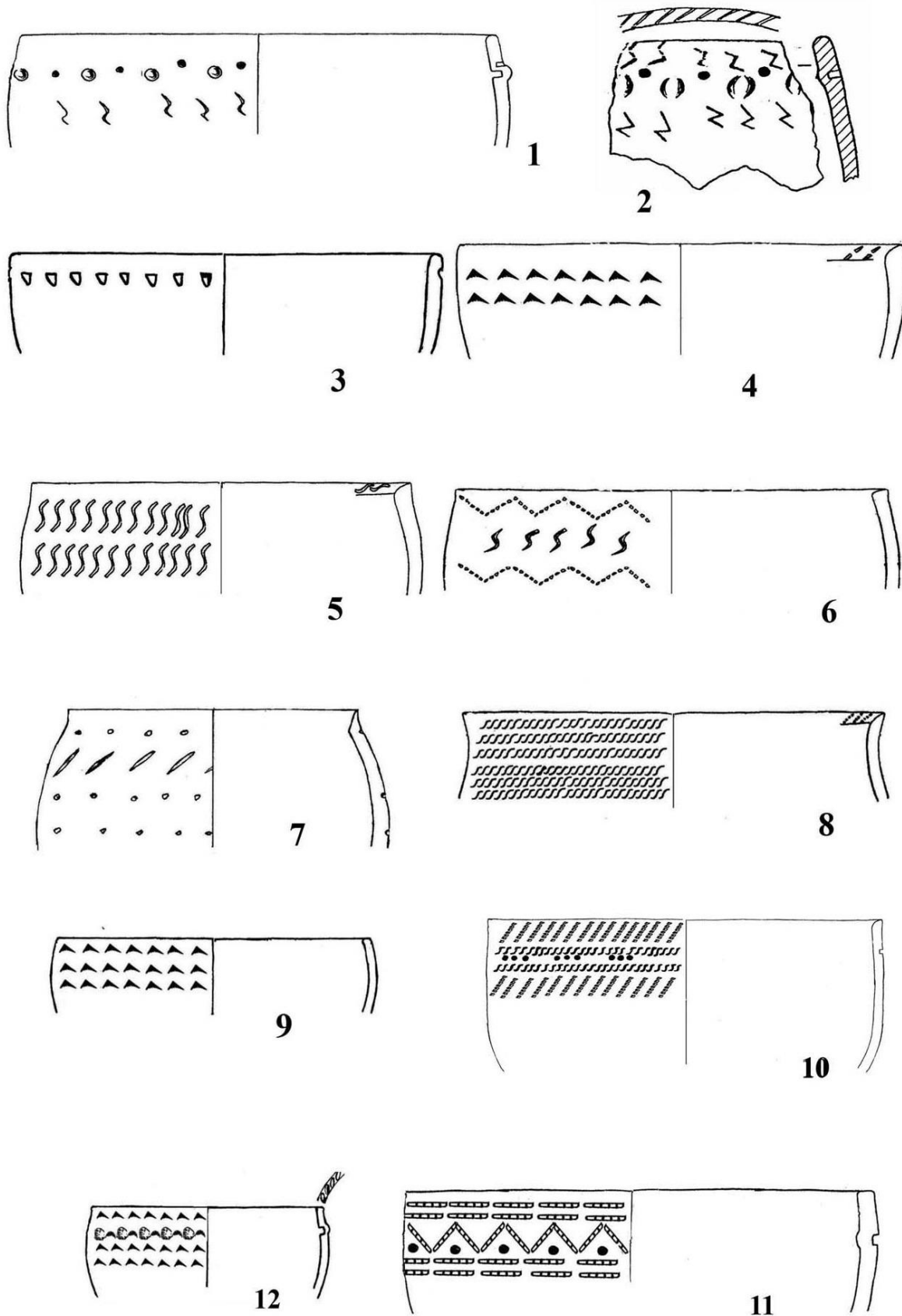

Рис.7
Чудацкая гора. Реконструированные сосуды

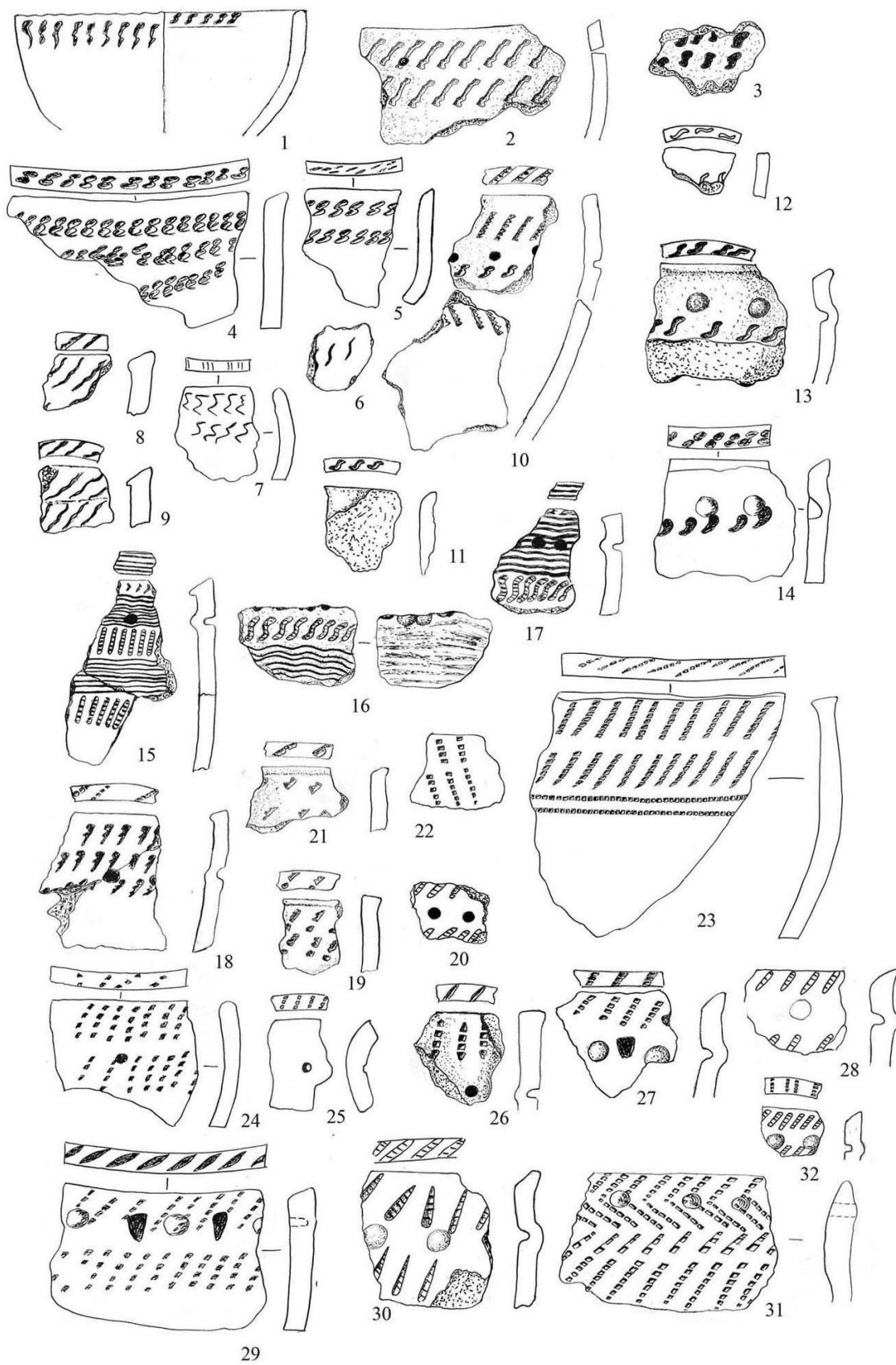

Рис.8

Поселение Усть-Чумышская пристань-1. образцы орнаментов
1 (18-26), 2 (27-32), 9 (1-12), 10 (13,14), 11 (15-17)

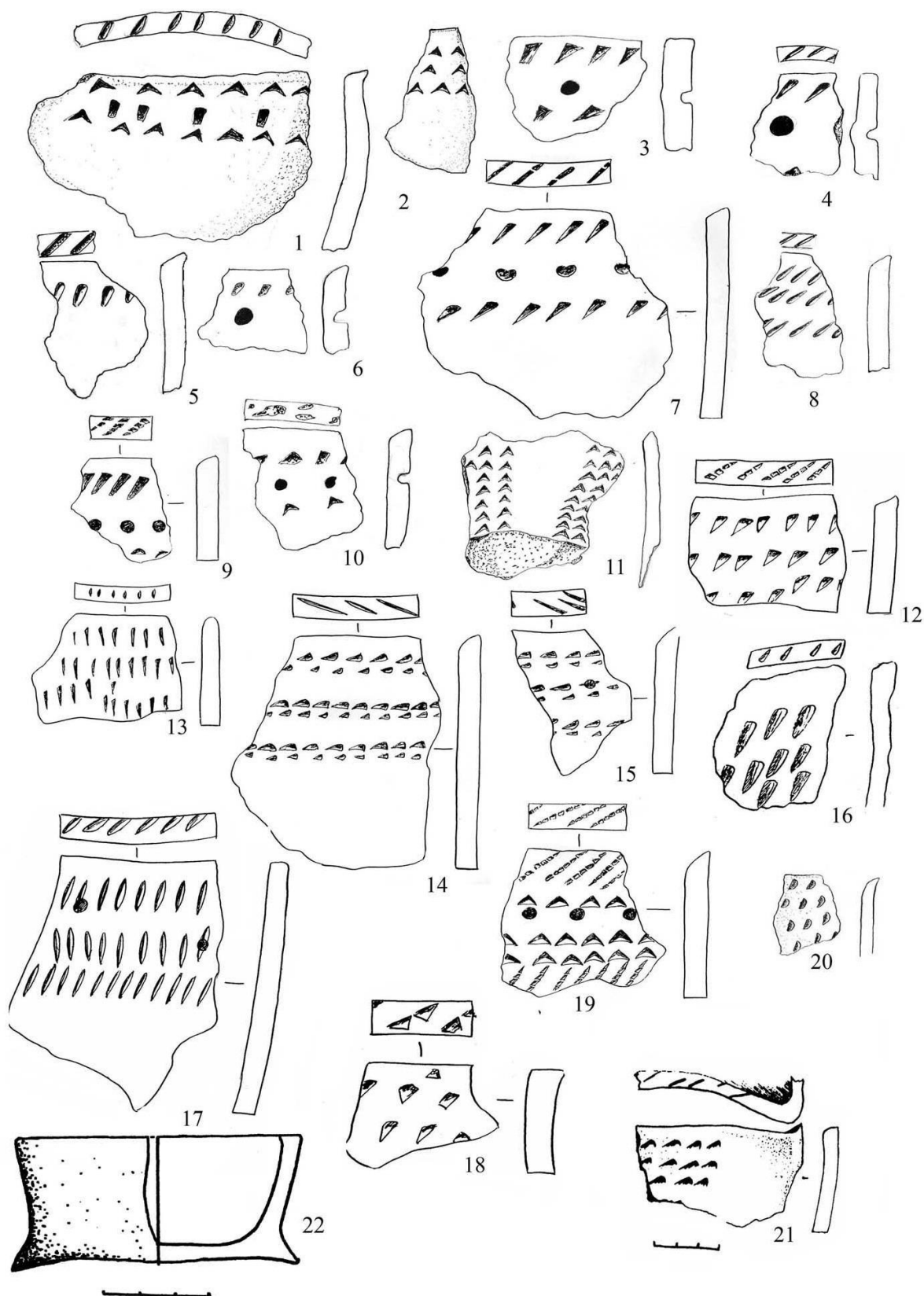

Рис.9

Поселение Усть-Чумышская пристань -1. Образцы орнаментов

5 (19), 7 (1-18, 20, 21); 22 – миниатюрная чашечка на поддоне

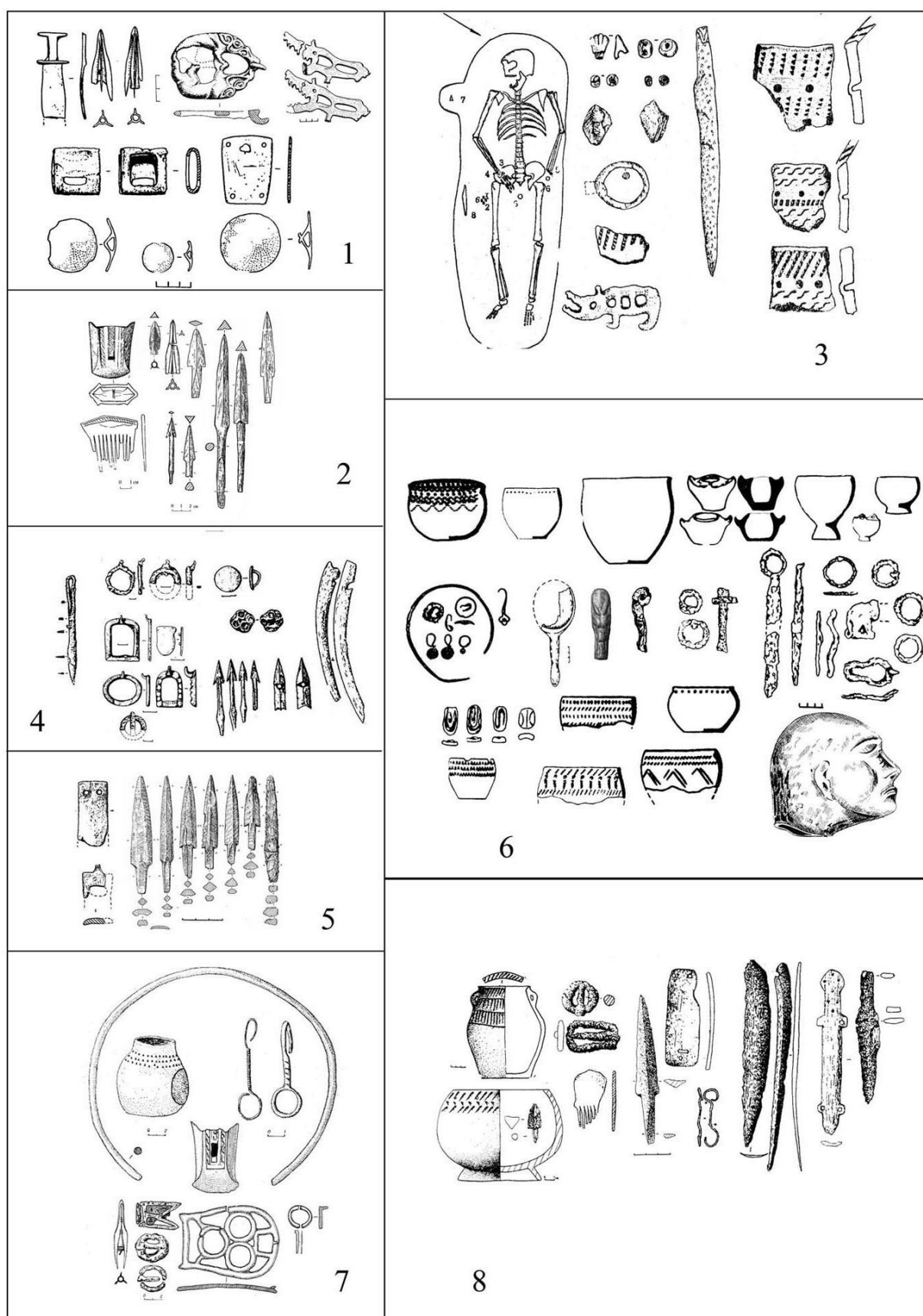

Рис.10

Комплексы конца III в. до н.э. - I в. н.э. с территории Верхнего, Томского Приобья и предгорий Кузнецкого Алатау. 1 – Новообинцевский клад, 2 – Чудацкая гора, 3 – Усть-Киндинский мог., 4 – Быстровка III, 5- Кармацкий, 6 – Шестаковские курганы, 7- Ордынское I, 8- Фирсово XI

Архивные материалы

1. Шамшин А.Б. Отчёт об археологических разведках, проведённых Тальменским отрядом Алтайской археологической экспедиции летом 1978 года в Тальменском районе Алтайского края. Барнаул, 1978. Архив ИА РАН. PI, № 8567.
2. Шамшин А.Б. Отчёт об археологических исследованиях Западного и Тальменского отрядов Алтайской археологической экспедиции летом 1980 года в Алтайском крае. Барнаул, 1980. Архив ИА РАН. PI, № 8457.
3. Шамшин А.Б. Отчёт об археологических исследованиях Приобского отряда Алтайской археологической экспедиции летом 1984 года в Алтайском крае. Барнаул, 1985. Архив ИА РАН. PI, № 10414.

Литература

1. Абдулганеев М.Т., Владимиров В.Н. Типология поселений Алтая VI-II вв. до н.э. – Барнаул, 1997. – 148 с.
2. Абдулганеев М.Т., Казаков А.А. Поселение Чудацкая Гора // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. – Барнаул, 1994.– С. 111-115.
3. Белоусов Р.В. Новые находки с урочища Раздумье // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. – Барнаул, 2000. – С. 191-194.
4. Белоусов Р.В. Археологическая разведка в Каменском районе Алтайского края// Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул, 2001. – С. 123-125.
5. Белоусов Р.В. Некоторые результаты работ каменного археологического отряда в урочище Раздумье// Традиционные культуры и общества северной Азии с древнейших времён до современности. – Кемерово, 2004. – С. 146-148.
6. Бобров В.В. Кулайские элементы в тагарской культуре // Ранний железный век Западной Сибири. – Томск, 1978. – С. 33-42.
7. Бобров В. В. Тагарский курган на оз. Утинка // Древние культуры Сибири и тихоокеанского бассейна. – Новосибирск, 1979. – С. 170-181.
8. Бородаев В.Б., Горбунов В.В. Троицк-I – новое поселение кулайской культуры на Алтае // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. – Барнаул, 1993. – Вып. IV. – Ч. 2. – С. 189-193.
9. Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. – Л.: «Наука», 1985. – С. 120-122.
10. Григоров Е.В. К вопросу о нижней хронологической границе памятников фоминского типа в Верхнем Приобье (по материалам поселений) // Древние поселения Алтая. – Барнаул, 1998. – С. 212-213.
11. Грязнов М.П. Древние культуры Алтая // Материалы по изучению Сибири. Вып. 2. – Новосибирск, 1930.
12. Дураков И.А., Мжельская Т.В. Исследования могильника Быстровка-3 // 75 лет Новосибирскому областному краеведческому музею. – Новосибирск, 1995. – С. 47-65.
13. Дэвлет М.А. Сибирские поясные ажурные пластины: II в. до н.э.-I в. н.э. – М., 1989. – 89 с.
14. Елагин В.С., Молодин В.И. Бараба в начале I тысячелетия н.э. – Новосибирск, 1991. – 126 с.
15. Иванов Г.Е. Поселение Бочанцево-I – памятник кулайской культуры в степном Алтае // Охрана и исследования археологических памятников Алтая. – Барнаул, 1991. – С. 117-122.
16. Корякова Л.Н. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири (саргатская культура). – Свердловск, 1988. – 240 с.
17. Мартынов А. И. Алчедатский курган // ИЛАИ. – Кемерово, 1974. – Вып. 5. – С. 52-67.
18. Мартынов А.И. Лесостепная тагарская культура. – Новосибирск, 1979. – 207 с.

19. Мартынов А.И., Мартынова Г.С. Лесостепная тагарская культура и вопросы происхождения и хронологии кулайской культуры // Ранний железный век Западной Сибири. – Томск, 1978. – С. 25-32.
20. Мартынов А. И., Мартынова Г. С., Кулемзин А. М. Шестаковские курганы. – Кемерово, 1971. – 250 с.
21. Миняев С.С. Суннуский культурный комплекс: время и пространство // Древняя и средневековая история Восточной Азии. Владивосток, 2001. С. 295-305.
22. Могильников В.А. Некоторые проблемы изучения саргатской культуры // Проблемы изучения саргатской культуры. – Омск, 1991. – С. 8-16.
23. Могильников В.А., Уманский А.П. Курганы Масляха I по раскопкам 1979 года // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири. – Барнаул, 1992. – С. 69-93.
24. Окунева И.А. Керамика с фигурно-штампованной орнаментацией в Среднем Притомые // Археология Южной Сибири. – Кемерово, 2003. – С. 49-50.
25. Очерки истории Камня-на-Оби. – Камень-на-Оби, 1996. – С. 14 -19.
26. Полосьмак Н.В. Бараба в эпоху раннего железа. – Новосибирск, 1987. – 144 с.
27. Семёнов В.А. Могильники Суйлуг-Хем и Хайыракан. – СПб., 2002. – 204 с.
28. Сингаевский А.Т. Поселения кулайской культуры на Алтае // Культурология и история древних и современных обществ Сибири и Дальнего Востока. – Омск, 2002. – С. 356-359.
29. Сингаевский А.Т. Эволюция кулайской керамики в Верхнем Приобье // Истоки, формирование и развитие евразийской поликультурности. Культуры и общества Северной Азии в историческом прошлом и современности. – Иркутск, 2005. – С. 221-223.
30. Соловьёв А.И. К вопросу о характере проникновения кулайского населения в Новосибирское Приобье // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири (материалы IV годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. Декабрь 1996 г.). – Новосибирск, 1996. – С. 224-228.
31. Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М., 1992. – 449 с.
32. Троицкая Т.Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. – Новосибирск, 1979. – 124 с.
33. Троицкая Т.Н., Солодская О.В. О некоторых аспектах кулайской миграции // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. – Барнаул, 2004. – С. 89-93.
34. Уманский А.П. Археологические памятники урочища Раздумье // Археологические исследования на Алтае. – Барнаул, 1987. – С. 81-100.
35. Уманский А.П. К вопросу о датировке и этнической принадлежности верхнеобских городищ «кокуев» // Вопросы археологии Сибири. – Новосибирск, 1972. – Вып.38 – С. 47-59.
36. Уманский А.П., Шульга П.И. Предварительные результаты исследования предметов вооружения из Новотроицкого некрополя // Теория и практика археологических исследований. – Барнаул, 2005. – Вып 1. – С. 121-133.
37. Федорук А.С. Этнокультурное взаимодействие древнего населения степного Обь-Иртышья в эпоху поздней бронзы: Автореф. дис... к.и.н. – Барнаул, 2006. – 22 с.
38. Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. – Томск, 1984. – 255 с.
39. Шамшин А.Б., Уманский А.П. Поселение Усть-Чумышская Пристань-I (пос. Мостовой) // Нижнее Причумышье: Очерки истории и культуры. – Тальменка, 1997. – С. 26-36.
40. Шамшин А.Б., Фролов Я.В. Некрополи раннего железного века в окрестностях с. Фирсово // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул, 1999. – С. 135-139.
41. Ширин Ю.В. Верхнее Приобье и предгорья Кузнецкого Алатау в начале I тыс. н. э. (погребальные памятники фоминской культуры). – Новокузнецк, 2003. – 288 с.
42. Ширин Ю.В. Погребальные памятники эпохи раннего железа на юге Кузнецкой котловины // Кузнецкая старина. Вып. 6. – Новокузнецк, 2004а. – С. 5-40.
43. Ширин Ю.В. О ранних кулайских памятниках Верхнего Приобья // Российская археология. – 2004б. – № 2. – С. 51-60.

Трифанова С.В.
(г. Горно-Алтайск)

ИЗУЧЕНИЕ УКРАШЕНИЙ САЯНО-АЛТАЯ ГУННО-САРМАТСКОЙ ЭПОХИ*

Украшения являются одним из массовых материалов в погребениях большинства археологических культур. Как археологический и исторический источник украшения представляют собой сложно организованную систему, включающую большое количество компонентов, каждая из которых рассматривается самостоятельно и во взаимосвязях с другими (Бобров В.В., Умеренкова О.В., 2001, с. 137), несут различную информацию для понимания процессов культурогенеза и некоторых вопросов этнической истории народов.

Обзор и анализ накопленного отечественной археологической наукой опыта исследования украшений демонстрирует, что их изучению посвящено достаточное количество работ (Арциховский А.В., 1930; Фехнер М.В., 1967; Алексеева Е.М., 1975; Деопик (Ковалевская) В.Б. 1959, 1961, 1998, 2000; Петренко В.Г., 1978, Патрушев В.С., 1985; Яценко С.А., 1985; Бородовский А.П., 1987; Засецкая И.П., 1994; Соёнов В.И., 1999; Тишкин А.А., 1999; Тетерин Ю.В., 2001; Чугунов К.В., 2003 и др.), тем не менее, методика изучения украшений как самостоятельного источника еще не разработана.

В отличие от археологической науки в этнографии изучению украшений уделено достаточно внимания – существует ряд специальных исследований, посвященных традиционным украшениям различных народов. В них разработана научная методика описания и изучения украшений, определены основные этапы происхождения и функционирования тех или иных типов изделий. Однако, необходимо отметить, что этнографические методы изучения украшений не всегда подходят для археологических исследований, т.к. украшения как археологический источник имеют свою специфику: в погребениях они часто бывают перемещены со своего первоначального места и зачастую сохранность изделий фрагментарная.

В этнографии под термином «украшение» ранее понимались все те объекты и приемы убранства человеческого тела, которые независимо от своего первоначального генезиса, либо с самого начала, либо с течением времени стали предназначаться для того, чтобы вызывать в других благоприятные для украшаемой личности эмоции – эстетические, эротические, удивления, уважения, страха и т.п. (Штернберг Л.Я., 1902, с. 638). Современные же авторы придерживаются следующего определения: «украшение» – это «съемное, подвижное убранство из постоянных или проходящих материалов в отличие от неподвижных украшающих элементов таких, как разрисовка тела, татуировка, деформирования тела или укладывания волос» (Материальная культура, 1989). В «Толковом словаре русского языка» слово «украшение» определяется как предмет, украшающий собой кого-что-нибудь; например: украшение человека, украшение одежды, то есть украсить придать кому-чему-нибудь красивый вид, сделать нарядным (Ожегов С.И., Шведова Н.Ю., 2003, с. 830). Таким образом, в основе современного понимания смысла украшений лежит сформировавшаяся эстетическая потребность людей к прекрасному. Несомненно, в разные исторические периоды украшения использовались не только для удовлетворения эстетических чувств, но были связаны и с апотропеическими (оберегов, охранителей) и лечебными функциями (Полубояринова М.Д., 1991, с. 16; Королькова Е.Ф., 1996, с. 24), а также они являлись символами, отражением эмоционального состояния людей, передавали закодированную информацию, свидетельствовали об изменениях в обществе, культуре, идеологии, производстве и о многом другом (Тишкин А.А., 1999, с. 184).

При разработке методики изучения украшений населения Саяно-Алтая гунно-сарматского времени мы опирались на подходы и базовые принципы, разработанные А.А. Тишкиным и Т.Г. Горбуновой, относительно изучения украшений конского снаряжения (Тишкин А.А., Горбунова Т.Г., 2003, 2004, Горбунова Т.Г., Тишкин А.А., 2005; Горбунова

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФНФ (проект №06-01-61111а/Т).

Т.Г., 2003, 2004, 2005). Авторы в качестве наиболее эффективной формы исследования выделили системный подход, представляющий собой целостное рассмотрение определенной совокупности объектов, при котором выясняется, что их взаимосвязь приводит к появлению новых интегративных свойств системы. Данный метод также предполагает построение моделей систем и их свойств, включая модели динамики систем, их развития и иерархического строения. Применительно к археологическому материалу отдельные предметы и комплексы исследователи рассматривают как обособленное и развивающееся целое, состоящее из согласованных, необходимых и достаточных элементов, каждый из которых обладает способностью к самостоятельному развитию при сохранении целостных характеристик системы. Таким образом, рассматриваемый подход базируется на исследовании объектов как систем. Системный подход не существует в виде строгой методологической концепции, а является совокупностью принципов, основной смысл которых состоит в соответствующей ориентации конкретных исследований (Горбунова Т.Г., Тишкин А.А., 2005, с.11-12).

Систематизация украшений в первую очередь требует подробного описания формы украшений, конструкции, отдельных элементов декора, место и характер обнаружения изделий, степень их сохранности. При описании украшений мы применили систему научного описания украшения, разработанную для музейных предметов, т.е. была соблюдена последовательность описания изделия, соответствующая естественному его расположению в момент использования и процессу его изготовления. Расположение предмета украшения соответствует вертикальной линии человеческого тела (с головы до ног) – верх/вниз – это первый уровень описания конструктивно сложных вещей. Второй уровень – внутренний, где ориентация совпадает с последовательностью изготовления целого или части целого украшения (Заднепровская А.Ю. и др., 2004, с. 55-56).

Такой массовый материал как украшения невозможно проанализировать без применения методов статистики, что в свою очередь, требует систематизации материала, через формальную классификацию изделий, корреляцию признаков и их группировку. При систематизации данных мы использовали схему, где применялись единицы «раздел», «подраздел», «отдел», «тип», «подтип». Каждая единица классификации включала в себя характеристику признаков в зависимости от степени их всеобщности для данной категории, тем самым, выявлялась и степень их изменчивости во времени и пространстве (Кызласов И.Л., 1983, с. 10). В соответствии с требованиями естественной классификации (Городцов В.А., 1995, с. 27-30) все классы являются основанными на едином признаке деления и соподчиненными друг другу, а подтипы – самые мелкие единицы классификации, характеризуются самым общим и наименее изменчивым признаком. Все последующие единицы связаны с другими признаками, поэтапно выявляя все более изменчивые черты.

Классификация является подготовительной ступенью для типологического анализа, в основе которого лежат эволюционные идеи. Л.С. Клейн определил соотношение методов классификации и типологии, следующим образом: «в практической археологии классификация важна на первых этапах исследования, ибо решает не только вспомогательные задачи (хранение и розыск информации и т.п.), но и задачи описания... Типология же применяется на последующих этапах – когда решаются задачи построения типологических рядов, выявления эволюции, познания археологических культур» (Клейн Л.С., 1987, с. 35). Метод типологии – это рассмотрение развития типов изделий во времени и пространстве. Теоретической основой данного метода является положение о том, что изменчивость и наследственность свойственны миру вещей и являются основными факторами эволюции. Изделия, предназначенные для одних и тех же целей, при их изготовлении мастерами разных поколений изменялись так, что современный исследователь может наблюдать появление, совершенствование и «вырождение» отдельных особенностей, присущих конкретным предметам. Детали, которые утрачивают свою первоначальную функцию (или назначение), могут сохраняться, как бы по инерции и именуется реликтивными (пережиточными) признаками. По ним можно судить о том, какая вещь была изготовлена раньше, а какая – позже. Учитывая степень перерождения того или иного показателя, можно расположить вещи в один ряд, в начале которого данный признак имеет функциональное на-

значение, а затем постепенно перерождается (изменяется) и исчезает. Такой ряд вещей называется типологическим. Типологический метод позволяет извлечь максимальное количество информации при работе с более или менее массовыми сериями материала. Анализ археологических вещей с точки зрения типологии обеспечивает возможность проследить наиболее подробное и детальное их развитие во времени и пространстве, определить время и место их появления, направления дальнейшего распространения, новации в области технологий производства и декорирования изделий, установить, когда тот или иной предмет вышел из употребления либо было изменено его функциональное назначение (Тишкин А.А., Горбунова Т.Г., 2004, с. 77-82; Горбунова Т.Г., Тишкин А.А., 2005, с. 15-16).

Завершающим этапом системного изучения вещественных источников является реализация метода реконструкции, т.е. представление первоначального вида предмета или комплекса изделий. На этапе реконструкции, как завершающей части предлагаемого системного исследования, задействуются результаты применения морфологического, классификационного и типологического методов. Восстанавливая объект, ученый использует знания о форме и структуре предмета (или группы вещей), об их назначении, временных и этнокультурных показателях, о возможном сочетании одновременных типов изделий в рамках единого комплекса (Горбунова Т.Г., Тишкин А.А., 2005, с. 16-15).

Реконструкция комплекса украшений по археологическим источникам является сложной процедурой. Ее можно провести лишь в самых общих чертах, но не в деталях. Анализ местонахождения украшений, их конструктивных особенностей, позволяют реконструировать отдельные элементы комплексов украшений и принципы их орнаментации.

Понятие «реконструкция» в словаре определяется как 1) коренное переустройство; перестройка по новым принципам; 2) восстановление чего-либо по сохранившимся остаткам или описаниям (Словарь иностранных слов, 1979, с. 436). В археологической науке под реконструкцией понимается воссоздание нарушенного первоначального облика чего-либо, выполненное в натуре или выражающееся в составлении описания объекта, его чертежа, рисунка, модели. Реконструкция осуществляется на основании сохранившихся частей или фрагментов памятника, изделия и т.д. (Красовский В.П., 1975, с. 615-616). При создании реконструкции целесообразно применение комплексного подхода, то есть использование всех имеющихся групп источников: археологических, иконографических, письменных (Тишкин А.А., Горбунова Т.Г., 2004, с. 91).

Для реконструкции первоначального облика комплексов украшений из могильников Саяно-Алтая гунно-сарматской эпохи мы выбрали погребения с богатым комплексом украшений, а также с не нарушенным порядком расположения предметов. Для получения достоверной реконструкции тщательно изучались останки погребенных, так как на костях скелета могут сохраниться следы окисления металла. Как, например, в кургане 30 могильника Верх-Уймон на черепе погребенной сохранились следы от бронзовых пластин – декоративных элементов диадемы.

В случаях, когда наборы украшений происходили из потревоженных погребений, реконструкция осуществлялась по аналогии с уже известными комплексами в соответствии с категориями украшений и их количеством.

Для реконструкции комплексов украшений также привлекались изобразительные источники. В склепах Хакасско-Минусинской котловины обнаружены гипсовые погребальные маски, на шее которых были изображены ожерелья, включающие разные категории украшений. Полученные данные позволили реконструировать ожерелья включавшие бусы и подвески. Назначение и способ ношения нагосников из могильников Хакасско-Минусинской котловины было установлено на основании их местонахождения и по изображениям людей на тепсейских планках.

Также для создания наиболее полной реконструкции изучались аналогии рассматриваемых украшений в памятниках других регионов и других исторических эпох. Проводился анализ этнографической одежды сибирских народов сохранивших древний пласт отдельных категорий вещей и элементов. В заключении на основе полученных результатов, создавались реконструкции комплексов украшений населения Саяно-Алтая гунно-сарматской эпохи.

В большей части погребений сохранились металлические, каменные и глиняные украшения. Именно они использовались при создании реконструкций комплексов украшений. Кроме этого в погребениях Горного Алтая (Айрыдаш I, кк. 60, 67; Курайка, кк. 47, 48; Катанда I, к. 5, Усть-Эдиган, к. 10, Яломн II, к. 51) сохранились фрагменты органической основы украшений и одежды, которые показывают, что основными материалами для их изготовления являлись кожа, мех и различные виды тканей (шерсть, шелк).

Для того чтобы реконструировать комплексы украшений населения Саяно-Алтая гунно-сарматской эпохи были рассмотрены комплексы изделий, характерные для каждого могильника. Сравнительный анализ результатов исследования позволил получить информацию для выявления общих и особенных черт комплексов украшений для каждого региона Саяно-Алтая.

Литература

1. Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. – М., 1975. – Вып. Г1-12. – 120 с.
2. Арциховский А.В. Курганы вятичей. – М., 1930. – С. 66-71.
3. Бородовский А.П. Интерпретация обойм-накосников и некоторые вопросы ритуального значения волос в раннем железном веке // Скифо-Сибирский мир: Искусство и идеология. – Новосибирск, 1987. – С. 117-120.
4. Деопик (Ковалевская) В.Б. Классификация бус Юго-Восточной Европы VI-IX вв. // СА. – 1961. – №3.
5. Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV-V вв.). – СПб., 1994. – 222 с.
6. Ковалевская В.Б. Компьютерная обработка массового археологического материала из раннесредневековых памятников Евразии. – М., 2000. – 361 с.
7. Ковалевская В.Б. Математическая обработка массового материала // Компьютерная обработка массового археологического материала из раннесредневековых памятников Евразии. – М., 2000. – С. 234-241.
8. Ковалевская В.Б. Хронология восточно-европейских древностей V-IX веков. Каменные бусы Кавказа и Крыма. – М., 1998. – Вып. 1. – 84 с.
9. Патрушев В.С. Шейные гривны эпохи раннего железа из Волго-Камья. // СА. – М., 1985. – №2. – С. 173-192.
10. Петренко В.Г. Украшения Скифии VII-III вв. до н.э. // САИ. – М., 1978. – Вып. Д4-5. – 114 с.
11. Соёнов В.И. Классификация бронзовых серёг гунно-сарматского времени Горного Алтая // Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов. – Томск, 1999. – С. 209-210.
12. Тетерин Ю.В. Гривны гунно-сарматской эпохи Южной Сибири // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск, 2001. – №6. – С. 107-115.
13. Тишкин А.А. Украшения раннескифского времени из Горного Алтая // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул, 1999. – С. 184-190.
14. Чугунов К.В. Серьги раннескифского времени Саяно-Алтая (происхождение традиции и типологическое развитие) // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. – Барнаул, 2003. – С. 386-395.
15. Штернберг Л.Я. Украшения // Энциклопедический словарь. – М., 1902. – Т. XXXIV. – 638 с.
16. Бобров В.В., Умеренкова О.П. Украшения в социально-пространственной структуре археологических культур (к постановке проблемы) // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории. – Томск, 2001. – С. 137-138.
17. Тишкин А.А., Горбунова Т.Г. Методика изучения снаряжения верхового коня эпохи раннего железа и средневековья. – Барнаул, 2004. – 126 с.
18. Горбунова Т.Г., Тишкин А.А. Методика системного изучения археологических источников // Теория и практика археологических исследований. – Барнаул, 2005. – Вып. 1. – С. 11-18.

19. Кызласов И.Л. Аскизкая культура Южной Сибири X-XIV вв. // САИ. – Вып. ЕЗ-18. – М., 1983. – 268 с.
20. Городцов В.А. Типологический метод в археологии // Аналогия советской археологии (1917-1933). – М., 1995. – Т.1. – С. 27-30.
21. Клейн Л.С. Классификация и типология // Исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. – Омск, 1987. – С. 33-35.

Матренин С.С., Шелепова Е.В.
(г. Барнаул)

**МАТЕРИАЛЫ ПО ИЗУЧЕНИЮ РИТУАЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ
КОЧЕВНИКОВ ГОРНОГО АЛТАЯ II В. ДО Н.Э. – V В. Н.Э.
(булан-кобинская культура)**

Одной из наименее разработанных тем в археологии Горного Алтая раннего железного века является реконструкция системы мировоззрения населения булан-кобинской культуры (II в. до н.э. – V в. н.э.). В немалой степени это вызвано недостаточной изученностью специально организованных пространств, связанных с реализацией различных ритуальных действий. Трудность атрибуции и интерпретации таких объектов обусловлена неопределенностью критериев, на основе которых определяется ритуальный характер сооружения, а также недостаточным количеством опубликованных результатов раскопок памятников II в. до н.э. – V в. н.э. на территории Горного Алтая и отсутствии для них датирующих показателей (Соёнов В.И., 2003а, с. 27–29; 2003б, с. 54–55). Учитывая, что к настоящему моменту изучено свыше 700 погребений булан-кобинской культуры, малочисленность исследованных ритуальных комплексов вряд ли можно объяснить состоянием накопления источниковой базы. Данная ситуация отчетливо демонстрирует специфику погребально-поминальной обрядности населения рассматриваемого региона в конце I тыс. до н.э. – 1-й половине I тыс. н.э., отражает своеобразие развития религиозно-мировоззренческих представлений. В связи с этим актуальным представляется выявление, систематизация и анализ всех имеющихся в научной литературе сведений, касающихся обозначенной проблематики.

Разнообразие археологических остатков, отражающих разные по форме и содержанию элементы ритуальной практики населения Горного Алтая указанного хронологического отрезка, послужила основанием для их разделения на следующие группы.

Первая группа – самостоятельные, законченные комплексы взаимосвязанных конструкций, предназначенные для проведения определенных обрядовых действий. Эта совокупность памятников объединяет несколько типов построек.

Жертвенники^{*}. Конструкции представляют собой каменные насыпи округлых или вытянуто прямоугольных очертаний, высотой до 1 м, под которыми вырыты одна или несколько ямок с керамическими сосудами внутри (могут располагаться почти по одной линии). Рядом с сосудами фиксируются сланцевые плитки. В набросках располагаются более крупные валуны и плиты, образующие оградку трапециевидной формы или сложную систему пристроенных друг к другу кольцевых (полукольцевых) и подпрямоугольных выкладок. Под насыпями (в пределах ограды), как правило, фиксируются кости животных, прокалы, реже предметы (так называемые железные напильники). Сооружения с отмеченными признаками исследованы в настоящее время на территории Южного Алтая в пунктах Бертек-3–4 (Савинов Д.Г., 1994, с. 94–104, 144–146), Мойнак-2, объект №3, Кальджин-6,

^{*} Приводимые в тексте наименования отчасти условные и могут измениться при дальнейшем выяснении назначения рассматриваемых объектов.

объект №25, курган №24 (Молодин В.И., Полосьмак Н.В., Новиков А.В., Богданов Е.С., Слюсаренко И.Ю., Черемисин Д.В., 2004, с. 144, 165, 166, рис. 228, 264, 268).

Аналогичные по оформлению сооружения, обозначаемые в литературе как «поминальные курганы», «захоронения сосудов», более характерны для материалов кокзельской культуры Центральной Тувы, а также отмечены на территории Монголии, Хакасско-Минусинской котловины, Восточного Казахстана (Кызласов Л.Р., 1979, с. 94–95, рис. 76, 117–118; Вайнштейн С.И., Дьяконова В.П., 1966; Савинов Д.Г., 1996, с. 48–59; Овчинникова Б.Б., 2001, с. 188–191; и др.). Они могут быть расположены в непосредственной близости от погребальных объектов и характеризуются однообразным устройством: в центре сооружения на древней поверхности находятся сосуды (иногда в каменном ящике), украшенные орнаментом, характерным для керамики II в. до н.э. – V в. н.э.

Своеобразие горно-алтайских комплексов состоит в том, что они не связаны с синхронными и однокультурными погребениями, но могут быть пристроенными к пазырыкским курганам. Судя по обнаруженным керамическим изделиям, близкой посуде из захоронений, нижнюю хронологическую границу появления подобных памятников в Горном Алтае следует определить не ранее начала II в. н.э. Присутствие таких сооружений отражает проникновение на указанную территорию отдельных групп населения из более восточных районов Внутренней Азии, импульсом для которого стала военно-политическая экспансия кочевой державы Сяньби (Савинов Д.Г., 1994, с. 146). Отметим, что в тюркской культуре описанные ритуальные комплексы не представлены, хотя некоторые из них по ряду элементов (ямки-углубления, ограждающие квадратные постройки, сооружения наподобие «ящичков») обнаруживают определенное сходство с раннесредневековыми оградками (Вайнштейн С.И., 1966, с. 331–332; Кубарев В.Д., 1979, с. 92; Могильников В.А., 1992, с. 181–182, 188–189; Соёнов В.И., Эбель А.В., 1996, с. 117; 1997, с. 104).

Кольцевые оградки с захоронением лошади. По конструкции и внешним параметрам они обычно не отличаются от курганов булан-кобинской культуры. Это округлые или овальные выкладки в один-два слоя в основании каменной и каменно-земляной насыпи. Лошади помещались в узкие подквадратные или округлые ямы (в одном случае дополнительно в каменный ящик с перекрытием из плит) на разную глубину и укладывались на бок, спину, живот с подогнутыми конечностями, свертывались в «кольцо», головой в восточном или западном (с отклонениями) направлении. Иногда вместе с лошадью находятся кости животных (крестец и позвоночник овцы?). В ямах отсутствует свободное пространство для умершего человека, а также предназначенный для него сопроводительный инвентарь, что не позволяет интерпретировать данные объекты как «классические» кенотафы. Пока только в одной такой оградке обнаружены вещи: железные детали узды. Планиграфически сооружения локализуются рядом с курганами, выстраиваясь с ними в одну цепочку, реже представляют одиночные объекты, находящиеся, тем не менее, по соседству с могилами. Описанные ритуальные памятники исследованы на некрополях Чендек, объект №8 (Киреев С.М., Кудрявцев П.И., Вайнбергер Е.В., 1992, с.60, рис.1), Сары-Бел, курган №249 (Соёнов В.И., 1999, с.134–135), Яломан-II, курган №23 и 46а (Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2003, с.489, 491–492), Верх-Уймон, курган №7 и др. (Соёнов В.И., Эбель А.В., 1992, с.20, 23). Во многих случаях можно они синхронны раскопаным там погребениям II в. до н.э. – I в. н.э. и 2-й половины IV – 1-й половины V вв. н.э.

Появление кольцевых оградок с захоронениями лошадей не связано с погребально-поминальной обрядностью носителей пазырыкской культуры и, видимо, отражает мигра-

^{*} Имеющиеся к настоящему моменту археологические источники не позволяют положительно решить вопрос о местном появлении подквадратных оградок тюрок, демонстрируя пока несостоятельность попыток датировки некоторых раннесредневековых объектов временем существования булан-кобинской культуры (Мамадаков Ю.Т., 1994, с. 59; Николаев Н.Н., 2001, с. 209–210; Дворников Э.П., 2004, с. 19, 21–22). Традиция строительства данных «мемориалов» в Горном Алтае в предыдущую эпоху не известна, а единичные сооружения обозначенной формы в скифское время (Ларин О.В., 1990, с. 192–196; Худяков Ю.С., 2001, с. 126) нельзя напрямую связывать с культурным комплексом тюрок. Следует указать, что оградка №30 на памятнике Ороктой-Эке, из которой происходят фрагменты лепного горшка раннего железного века, в плане приближается к кольцевой выкладке. Округлые очертания имеют и многие другие ритуальные сооружения данного археологического комплекса.

цию в Горный Алтай в хуннское время нового населения. За пределами рассматриваемой территории во II в. до н.э. – V в. н.э. указанный тип памятников не известен.

Некоторые параллели таким ритуальным конструкциям наблюдаются в памятниках раннескифского времени. Захоронения лошадей (преимущественно отдельных частей) под самостоятельными выкладками обнаружены при раскопках комплексов могильников Кызык-Телань-I, Чоба-7, Тыткескень-I и некоторых других (Ларин О.В., Суразаков А.С., 1994, с. 86–87; Суразаков А.С., 1990, с. 197; Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997, с. 37). Не представляя устойчивой традиции, практика возведения данных сооружений тем не менее оказала влияние на сохранение у местных тюрок 2-й половины V – 1-й половины VI вв. обычая устройства округлых оградок (Матренин С.С., Сарафанов Д.Е., 2006, с. 207–208). Следует указать на сходство некоторых округлых и подквадратных оградок кызылташского этапа тюркской культуры по ряду таких элементов как захоронение лошади, каменные ящики, столбики с «миниатюрными» кенотафами «булан-кобинцев» (Матренин С.С., 2005, с. 37). Новыми чертами раннесредневековых комплексов можно считать обособленное расположение с синхронными курганами, наличие стел-изваяний, балбалов, более частое нахождение вещей, относительную многочисленность остатков ритуальных действий (Могильников В.А., 1992, с. 175–212; 1994, с. 94–116, 257–280; Соёнов В.И., Эбель А.В., 1992, с. 19; Бородовский А.П., 2001, с. 176–179; Худяков Ю.С., 2001, с. 126; Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю., Кыпчакова К.Ы., 2001, 2002, 2003; и др.). Отмеченное сходство свидетельствует о формировании у кочевников Горного Алтая в середине I тыс. н.э. новых принципов реализации ритуальных действий, характеризующих тюркскую культуру.

«Поминальные курганы-кенотафы» по внешнему виду, размерам, признакам планиграфии аналогичны обычным курганам, но не содержат могилы. Они располагаются в цепочке с булан-кобинскими погребениями или пристраиваются к ним. В небольшой группе таких сооружений обнаружены угли, фрагменты керамики, кости животных, в единичных случаях – находки предметов. Своеобразие этих объектов заключается в соединении пространств, предназначенных для выполнения погребального и «поминального» обрядов. К настоящему моменту в Горном Алтае насчитывается более двух десятков «поминальных курганов-кенотафов» II в. до н.э. – V в. н.э., вскрытых на многих некрополях: Булан-Кобы-IV, курган №28 (Мамадаков Ю.Т., 1985, с. 178), Чендек, курганы №1, 3, 15, 21, 23, объект №5 (Соёнов В.И., Эбель А.В., 1992, с. 9–19; Киреев С.М., Кудрявцев П.И., Вайнбергер Е.В., 1992, с. 60), Бике-I, курган №29 (Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В., 1990, с. 82), Айрыдаш-I, курган №46 (Соёнов В.И., 2003а, табл. 1, с. 108, табл. 2, с. 114), Берель (Гаврилова А.А., 1965 с. 54–55) и других. Такие погребально-ритуальные памятники существуют на протяжении всего II в. до н.э. – V в. н.э. и отражают широко распространенное явление, известное на этой территории со скифо-сакского времени (Тишкин А.А., Дашковский П.К., 2003, с. 267). Интересная ситуация зафиксирована на могильнике Усть-Эдиган в кургане №22, к юго-восточной стороне которого примыкали две каменные насыпи меньшего размера схожие по устройству с погребальным сооружением (Худяков Ю.С., Скобелев С.Г., Мороз М.В., 1990, с. 132–136, рис. 40). Данные выкладки, по-видимому, отражают промежуточное явление между поминальниками и курганами.

Вторая группа ритуальных объектов представлена различного рода околочурганными сооружениями.

Каменные столбики и «обелиски». Вертикально вкопанные камни и плиты высотой до 0,8 м, располагаются к востоку (в основном с отклонением в северный сектор), западу, иногда к югу от курганов, преимущественно на расстоянии до 5 м. Обнаруживают один, реже несколько таких объектов (до пяти в ряд), обычно ближе к «изголовью» могилы. «Обелиски» встречаются значительно реже и отличаются более грубым оформлением и большими размерами, достигая 0,4 м в ширину. Указанные памятники зафиксированы у 22 курганов булан-кобинской культуры на следующих некрополях: Сары-Бел, курганы №27, 149, 249, 250 (Соёнов В.И., 1999, с. 134–135, рис. 1; 2003а, табл. 1, рис. 33.-2), Кок-Паш,

* На могильнике Усть-Эдиган исследован объект в виде несомкнутого каменного кольца, внутри которого находились фрагменты глиняной посуды (Худяков Ю.С., Скобелев С.Г., Мороз М.В., 1990, с. 144). К сожалению, керамический материал данного поминальника не опубликован, а поэтому говорить о его принадлежности к хунно-сяньбийскому времени мы не можем.

курганы №27, 40 и др. (Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, с. 179, рис. 3), Урочище Балчигова-3, курганы №5, 6 (Шульга П.И., Горбунов В.В., 2002, с. 112, 113, 117, рис. 1), Кальджин-6, курган №17 (Молодин В.И., Полосьмак Н.В., Новиков А.В., Богданов Е.С., Слюсаренко И.Ю., Черемисин Д.В., 2004, с. 161–162, рис. 261). В одном случае (Сары-Бел, курган №249) каменный столбик находился рядом с кольцевой оградкой с захоронением лошади. Подобные околмогильные сооружения отмечены на всех этапах развития булан-кобинской общности.

Параллели каменным столбикам фиксируются в синхронных комплексах из Тувы и Хакасско-Минусинской котловины. Это «камни-стояки» по соседству с погребальными и поминальными курганами кокзельской культуры (Вайнштейн С.И., 1970, с. 7; Дьяконова В.П., 1970, с. 193; Кызласов Л.Р., 1979, с. 100; Овчинникова Б.Б., 2001, с. 189, 191–192; Панкова С.В., 2003, с. 92–94; и др.) и ряды вертикально вкопанных камней (часто рядом с ними находятся керамические сосуды с пищей, помещенные в специальные углубления) возле таштыкских склепов (Кызласов Л.Р., 1979, с. 85). Вопрос о генезисе каменных столбиков у носителей булан-кобинской культуры остается открытым, поскольку так называемые «балбалы» были хорошо известны еще в пазырыкское время.

Семантика данных объектов на примере таштыкских материалов исследователями решается по-разному: камни соответствуют числу совершенных поминок; ряды камней являются свидетельством кормления, в котором принимала душа покойного; «стояки» выступают символами присутствия, показателем социального статуса умершего человека либо вместилищем его души (Овчинникова Б.Б., 2001, с. 191–192). В.Е. Войтов (1996, с. 122) склоняется к интерпретации таких столбиков по аналогии с тюркскими балбалами. Какой смысл имели похожие по форме обрядовые действия у номадов Горного Алтая II в. до н.э. – V в. н.э. еще предстоит выяснить. Следует отметить, что каменные столбики и «obelisks» встречены пока только рядом с погребениями мужчин, что, судя по сопроводительному инвентарю, не зависело от их положения в обществе.

Ритуальные костры, очаги. Рядом с курганами II – 1-й половины IV вв. н.э., исследованными на могильнике Тыткескень-VI, были выявлены прокалы диаметром до 0,5 м, глубиной не более 2,5 см (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Мамадаков Ю.Т., 1992, с. 126–128, рис. 1). Они отмечены с северо-восточной (курган №1), восточной (курган №3), северо-западной (курган №4) стороны надмогильных конструкций почти вплотную к ним и между насыпями (курган №1–3). Таких пятен могло быть два и более возле одного кургана. Наличие очажных пятен рядом с насыпями и в околмогильном пространстве является наиболее массовым в кокзельской культуре (Вайнштейн С.И., 1966, с. 72; Дьяконова В.П.; 1970, с. 193; Николаев Н.Н., 1991, с. 56–57).

На могильнике Кара-Коба-II был раскопан курган №6 пазырыкской культуры, в юго-западной части которого, у края насыпи, располагалась квадратная яма («впускное погребение №3») размером 1x1 м, облицованная с внутренней стороны и по дну плоскими каменными плитами. В ней на глубине 0,5 м обнаружен слой кальцинированных костей мощностью 0,2 м (Могильников В.А., 1983, с.59, 82, рис.14). Данный очаг, по-видимому, связан с находящимися по соседству впускными могилами хунно-сяньбийского времени. Какой этап погребального обряда отражают данные объекты сказать пока трудно. Важно отметить, что в исследованных по соседству захоронениях следы огня отсутствуют. На других некрополях булан-кобинской культуры, раскапывавшихся широкими площадями, прокалы не обнаружены.

Третья группа материалов включает остатки ритуального характера, связанные с проведением различных циклов погребально-поминального обряда: тризны, представленные фрагментами керамики, костями животных в курганах и окружающем пространстве; угли в насыпях, заполнении могильных ям, камерах, иногда охра; подношения вещей в насыпях. В этом контексте, вероятно, следует рассматривать факты обнаружения керамической посуды хуннского времени в насыпях курганов пазырыкской культуры, характеризующие некоторые аспекты мировоззрения населения II в. до н.э. – I в. н.э. Показательно, что в отличие от скифской эпохой такие свидетельства фиксируются заметно реже. Для определения семантического содержания этих действий нужно провести классификацию и анализ конкретных зафиксированных ситуаций. Требуется решения вопрос о культовом назначении памятника Кучерла-I, содержащего объекты хуннского времени (Деревянко А.П., Молодин В.И., 1991, с. 3–7).

Систематизированная и проанализированная в общем виде совокупность археологических источников позволяет сделать следующие выводы.

1. У населения булан-кобинской культуры ритуальные сооружения сравнительно малочисленны. Многие из них до проведения раскопок визуально не отличаются от погребальных объектов. Наблюдается относительно слабое выделение пространств, связанных только с поминальной сферой.

2. Представленные у кочевников Горного Алтая II в. до н.э. – V в. н.э. формы организации сакрального пространства не связаны с традициями пазырыкской культуры. Появление ранее неизвестных типов ритуальных сооружений вызвано миграцией на эту территорию в указанное время новых групп населения. С накоплением источниковой базы появилось больше оснований говорить о влиянии «поминальной» обрядности населения указанного периода на формирование ритуальной практики тюрок.

3. Большинство ритуальных сооружений относится к булан-кобинской культуре. Инородным в этой среде, видимо, является «жертвенник» из комплекса Бертек-3-4 и некоторые другие постройки, выявленные на плоскогорье Укок. Датировка отдельных объектов остается спорной.

4. Вариативность конструкции рассмотренных памятников свидетельствует о разнообразии производимых культовых действий. Семантика сооружений и действий, связанных с ритуальной сферой была различной, вопрос о назначении многих объектов является дискуссионным.

5. Материалы для исследования ритуальной практики населения Горного Алтая II в. до н.э. – V в. н.э. представлены не только непортативными объектами. Всестороннее изучение таких ритуальных остатков пока затруднено недостаточной публикацией таких сведений.

Проведение целенаправленной работы по обнаружению и раскопкам ритуальных сооружений, сбору и систематизации всех материалов сделает возможным реконструкцию еще неизвестных аспектов мировоззрения кочевников Горного Алтая в указанное время.

Литература

1. Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А. Восточный Алтай в эпоху Великого переселения народов (III–VII века). – Новосибирск, 2003. – 223 с.
2. Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Реконструкция женских головных уборов из могильника Усть-Эдиган в Горном Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. – Новосибирск, 2004. – №1 (17). – С.65-72.
3. Бородовский А.П. Позднетюркский поминальник на нижней Катунь // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского Края. – Барнаул, 2001. – Вып. XII. – С.176-179.
4. Вайнштейн С.И. Памятники 2-й половины I тыс. в Западной Туве // ТТКАЭ. Материалы по этнографии и археологии районов бассейна р. Хемчика. – М.-Л., 1966. – Т. II – С. 292-334.
5. Вайнштейн С.И. Раскопки могильника Кокэль в 1962 году // ТТКАЭЭ. – Л., 1970. – Т. III. – С. 7-79.
6. Вайнштейн С.И., Дьяконова В.П. Памятники в могильнике Кокэль конца I тысячелетия до нашей эры – первых веков нашей эры // ТТКАЭЭ. – М.; Л., 1966. – Т. II. – С.185-291.
7. Войтов В.Е. Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках Монголии VI–VII вв. – М., 1996. – 152 с.
8. Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. – М.; Л., 1965. – 144 с.
9. Деревянко А.П., Молодин В.И., Относительная хронология и культурная принадлежность памятника Кучерла-I // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. – Барнаул, 1991. – С. 3-7.
10. Дворников Э.П. Поминальные памятники древних и средневековых кочевников Горного Алтая: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Барнаул, 2004. – 24 с.
11. Дьяконова В.П. Большие курганы-кладбища на могильнике Кокэль (по результатам раскопок за 1963, 1965 гг.) // ТТКАЭЭ. – Л., 1970. – Т. III. – С. 80-209.
12. Киреев С.М., Кудрявцев П.И., Вайнбергер Е.В. Археологические исследования в Уймонской котловине // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. – Горно-Алтайск, 1992. – С.59-61.

13. Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. I: Культура населения в раннескифское время. – Барнаул, 1997. – 232 с.: илл.
14. Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Мамадаков Ю.Т. Некоторые результаты археологических исследований памятника Тыткескень-VI на Средней Катуні // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. – Барнаул, 1992. – С.125-130.
15. Кубарев В.Д. Новые сведения о древнетюркских оградках Восточного Алтая // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск, 1979. – С. 135-160.
16. Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В. Курганы урочища Бике // Археологические исследования на Катуні. – Барнаул, 1990. – С. 43-95.
17. Кызласов Л.Р. Древняя Тува (от палеолита до IX в.). – М., 1979. – 207 с.
18. Ларин О.В. Исследования на могильнике Айрыдаш-II // Археологические исследования на Катуні. – Горно-Алтайск, 1990. – С.192-197.
19. Ларин О.В., Суразаков А.С. Раскопки могильника Чоба-7 // Археология Горного Алтая. – Барнаул, 1994. – С. 86-91
20. Мамадаков Ю.Т. Новые материалы гунно-сарматского времени в Горном Алтае // Алтай в эпоху камня и раннего металла. – Барнаул, 1985. – С.173-198.
21. Мамадаков Ю.Т. Ритуальные сооружения булан-кобинской культуры // Археология Горного Алтая. – Барнаул, 1994. – С.58-63
22. Матренин С.С. Способы захоронения населения Горного Алтая II в. до н.э. – V в. н.э. // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. – Горно-Алтайск, 2005. – Вып. 2. – С.35-51.
23. Матренин С.С., Сарафанов Д.Е. Классификация оградок тюркской культуры Горного Алтая // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. – Горно-Алтайск, 2006. – Вып. 3, 4. – С. 203-218.
24. Могильников В.А. Курганы Кара-Коба-II // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 гг. – Горно-Алтайск, 1983. – С.52-89.
25. Могильников В.А. Древнетюркские оградки Кара-Коба-I // Материалы к изучению прошлого Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1992. – С.175-212.
26. Могильников В.А. Культурные кольцевые оградки и курганы Кара-Коба-I // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. – Горно-Алтайск, 1994. – С.94-116, 257-280.
27. Молодин В.И. Культурный комплекс Беретек-3-4 // Древние культуры Бертекской долины. – Новосибирск, 1994. – С. 144-146.
28. Молодин В.И., Полосьмак Н.В., Новиков А.В., Богданов Е.С., Слюсаренко И.Ю., Черемисин Д.В. Археологические памятники плоскогорья Укок (Горный Алтай). – Новосибирск, 2004. – 256 с. (Материалы по археологии Сибири. Вып. 3).
29. Николаев Н.Н. К вопросу о погребальной обрядности могильника Кокэль // Проблемы хронологии и периодизации в археологии. – Л., 1991. – С. 55-60.
30. Николаев Н.Н. Некоторые аспекты синхронизации булан-кобинской культуры Горного Алтая // Евразия сквозь века. – СПб, 2001. – С.208-210.
31. Овчинникова Б.Б. О поминальном обряде древних племен в гунно-сарматскую эпоху в Туве (по материалам могильника Даг-Аразы) // Евразия сквозь века. – СПб., 2001. – С.187-193.
32. Панкова С.В. Погребение середины I тыс. н.э. в западной Туве // Древности Алтая. – Горно-Алтайск, 2003. – №11. – С.92-106.
33. Савинов Д.Г. Гунно-сарматское время // Древние культуры Бертекской долины. – Новосибирск, 1994. – С. 144-146.
34. Савинов Д.Г. Ритуальные комплексы с захоронениями сосудов хуннского времени в Туве // Ритуал и ритуальный предмет. – СПб., 1996. – С. 48-59.
35. Савинов Д.Г. Кокэльский могильник в Туве // Социальная структура ранних кочевников Евразии. – Иркутск, 2005. – С.200–223.
36. Соёнов В.И. Археологические памятники Горного Алтая гунно-сарматской эпохи (описание, систематика, анализ). – Горно-Алтайск, 2003а. – 160 с.
37. Соёнов В.И. К вопросу об изучении ритуальных памятников гунно-сарматской эпохи на Алтае // Вестник НГУ. Серия: история, филология. Т. 2. Вып. 3: Археология и этнография. – Новосибирск, 2003б. – С.54–56.

38. Соёнов В.И. Раскопки на могильнике Сары-Бел // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск, 1999. – №4. – С.134–152.
39. Соёнов В.И., Эбель А.В. Курганы гунно-сарматской эпохи на Верхней Катуня. – Горно-Алтайск, 1992. – 116 с.
40. Соёнов В.И., Эбель А.В. Новые материалы из алтайских оградок // Гуманитарные науки Сибири. Серия: археология и этнография. – Новосибирск, 1996. – №3. – С.115-118.
41. Соёнов В.И., Эбель А.В. Ритуальные сооружения могильника Мендур-Соккон-I // Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск, 1997. – №2. – С.103-115.
42. Суразаков А.С. Раскопки в долине Айрыдаш // Археологические исследования на Катуня. – Новосибирск, 1990. – С. 197-200.
43. Тишкин А.А., Горбунов В.В. Исследования погребально-поминальных памятников кочевников в Центральном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2003. – Т. IX. – Ч. I. – С.488-493.
44. Тишкин А.А., Дашковский П.К. Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи. – Барнаул, 2003. – 430 с.
45. Худяков Ю.С. Раскопки поминальных сооружений в долине р. Ороктой // Древности Алтая. – Горно-Алтайск, 2001. – №6. – С.124-131.
46. Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю., Кыпчакова К.Ы. Изучение древнетюркских поминальных комплексов в бассейне р. Эдиган // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2001. – Т. VII. – С.456-470.
47. Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю., Кыпчакова К.Ы. Продолжение раскопок поминальника Биченег // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2002. – Т. VIII. – С.479-483.
48. Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю., Кыпчакова К.Ы. Раскопки поминальника Биченег в 2003 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2003. – Т. IX. – Ч. I. – С.510-515.
49. Худяков Ю.С., Скобелев С.Г., Мороз М.В. Археологические исследования в долинах рек Ороктой и Эдиган в 1988 году // Археологические исследования на Катуня. – Новосибирск, 1990. – С. 95-150.
50. Шульга П.И., Горбунов В.В. Фрагмент доспеха из тюркского кенотафа в долине р. Сентелек // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул, 2002. – С.112-130.

Леонтьев Н.В., Леонтьев С.Н.
(г. Минусинск, г. Кемерово)

ПАМЯТНИКИ ЧЕРНОЙ МЕТАЛЛУРГИИ КИЗИРО-КАЗЫРСКОГО РАЙОНА

Кизиро-Казырский район (далее – ККР) Среднего Енисея включает в себя бассейны рек Кизира и Казыра, которые вместе с Амылом образуют р. Тубу – основной правый приток Енисея в Хакасско-Минусинской котловине (далее – ХМК). Общая площадь ККР около 20 тыс. км². Он протянулся узкой трехсот километровой полосой в широтном направлении от восточной окраины ХМК к центру стыка Восточного и Западного Саяна. Район естественно ограничен с севера Канским Белогорьем и отходящим от него к западу Шиндинским хребтом, с юга – хребтом Ергак-Таргак-Тайга и его отрогами – Шандынским и Хайдынским хребтами. Восточной границей ККР являются Агульские белки с узлами высот до 3000 м, на западе же он оканчивается широким выходом в Минусинскую котловину (160-300 м над уровнем моря).

ККР исключительно богат залежами железных руд. Их месторождения образуют полосу, вытянутую в северо-западном направлении на 330 км при ширине от 40 до 90 км. Вы-

деляется три основных железорудных района. Два из них – Ирбинско-Краснокаменский и Кизирский – локализируются в бассейне Кизира. Третий – Таят-Табратский железорудный район – в бассейне р. Казыр (Сердюк С.С., Забияка И.Д. и др., 1998, с. 24).

Рудные тела некоторых месторождений залегают на небольшой глубине либо даже выходят на дневную поверхность и потому могли эксплуатироваться еще задолго до появления на Енисее русских людей. Однако в документах XVII – XVIII в.в. нет никаких сведений о занятии местного таежного населения железоделательным производством. Только народная память сохранила предание о том, что в начале XVIII в. Курага – князец бывшего Тубинского княжества – показывал енисейскому воеводе Римскому-Корсакову нож, сделанный одним из его кыштымов из железа, добытого на р. Ирбе. Нож был инкрустирован свинцом и серебром, выплавленными из руд этой же местности. Пользуясь этими сведениями, кузнец Абаканского острога Косевич открыл на левом берегу Ирбы месторождение железной руды и в течение нескольких лет производил выплавку и кузнечную переработку железа, пока там в 1738 г. не началось строительство казенного железоделательного завода (Ватин В.А., 1913, с. 179; Карцов В.Г., 1963, с. 95). Ученые-путешественники И.Г. Гмелин и Г.Ф. Миллер, побывав в 1739 г. на Ирбе, обратили внимание на то, что «там и сям в горе виднеются места, в которых руду выкапывали прежние обитатели» (Ватин В.А., 1913, с. 179). В 1889 г. горный инженер-маркшейдер В.Д. Коцовский тоже обнаружил по обоим берегам р. Большой Ирбы следы старых шурфов, свалов руды и нескольких древних выработок в горе Железной (Коцовский В.Д., 1892, с. 135-136; Сунчугашев Я.И., 1979, с. 86-87). Инженер-маркшейдер Г.К. Яворовский предпринял в 1893 г. разведочные раскопки нескольких ям древних выработок. Он выявил в них несомненные следы добычи руд – древесный уголь, куски магнетита и «большие речные валуны» – молоты, служившие орудиями для добычи руды (Яворовский Г.К., 1894, с. 36). В те же годы с Ирбы поступил в Минусинский краеведческий музей (далее – МКМ) обломок каменного песта, использовавшегося для измельчения руды^{*}, а в 1946 г. геолог В.В. Богацкий обнаружил в древней горной выработке на г. Свинцовой средневековое железное орудие типа кайла или мотыги (Сунчугашев Я.И., 1979, с. 88).

Основываясь на этих фактах, Я.И. Сунчугашев высказал предположение о том, что в эпоху средневековья часть добытой в Ирбе руды плавилась на месте, остальная же увозилась на поселения долины р. Тубы (Сунчугашев Я.И., 1979, с.89). Эту версию подтверждают обломки руды, встречающиеся вдоль старой гужевого дороги из Ирбы в с. Курагино (Посохов В.Т., Толстихин Н.В., 1999, с. 330).

Более удобной для транспортировки была железная руда Изыгского месторождения, расположенного непосредственно на правом берегу р. Кизир, в 25 км от его устья и в 18 км к юго-востоку от Ирбинской группы. Гора Изыг обращена к реке отвесным утесом. В нем имеются редкие нишеобразные выемки искусственного происхождения. Основные древние горные выработки расположены на вершине горы, на высоте 85 метров над уровнем реки. Они имеют вид больших ям, впервые зафиксированных еще Г.К. Яворовским (1894, с. 30). В 1932 г. в одной из них на глубине 2,6 метра геологами был найден продольно расколотый каменный молот, который был передан в МКМ. На берегу Кизира были выявлены свалы магнетитовых руд, свидетельствующие о том, что добытую руду там грузили на плоты и отправляли вниз по реке для последующей переработки. Один из таких плотов когда-то сел на мель возле д. Оихи. Здесь в 1954 г. на песчаной отмели р. Тубы было найдено большое скопление магнетита, анализ которого показал, что он происходит из Изыгского месторождения (Посохов В.Т., Толстихин Н.В., 1999, с.18-19).

Следы деятельности древних металлургов были выявлены также на железорудном месторождении горы Кара-Тайга, расположенном в междуречье Казыра и Кизира, у их слияния (Вологдин В.А., 1931, с.29).

В Таят-Табратском железорудном районе, локализованном в среднем течении р. Казыр и включающем Таятское, Табратское, Хабалыкское, Покровское, Петропавловское месторождения и целый ряд мелких рудопроявлений, следов древних выработок не зафиксировано. Данное обстоятельство объясняется, очевидно, лишь относительно сла-

^{*} МКМ, № 9530/1366.

бой изученностью этих месторождений геологами. Попытки проведения археологических исследований в ККР вплоть до конца XX века не приносили положительных результатов. Этот обширный район оставался представленным на археологической карте Среднего Енисея лишь немногочисленными случайными находками, самой известной из которых является Тюхтятский «клад» (Евтюхова Л.А., 1948, с. 67-72, рис. 117-136; Киселев С.В., 1951, табл. XI, XII; Сунчугашев Я.И., 1979, с. 138-139, табл. XXIX-XXX).

Ситуация изменилась после 2000 г., когда в ККР начал археологические исследования отряд Минусинского краеведческого музея под руководством С.Н. Леонтьева. За истекшие годы им было открыто десять поселенческих памятников, материалы которых представляют все исторические эпохи от неолита до позднего средневековья (Леонтьев Н.В., Леонтьев С.Н., 2006; Леонтьев С.Н., 2006). Наибольшая концентрация археологических объектов выявлена в нижнем течении Казыра в окрестностях с. Таяты (Каратузский район Красноярского края). Здесь, на узком участке левого берега реки протяженностью около 2,5 км открыто шесть местонахождений, получивших наименования Таяты I–V и Каменушка. На пяти из них, наряду с разнообразной бытовой утварью, орудиями труда и предметами вооружения, встречены также материалы, связанные с древним железодельным производством.

Таяты I (рис. 1). Памятник расположен 1 км к ССВ от с. Таяты, на ровной слабо залесенной пойменной террасе левого берега р. Казыр, имеющей протяженность около 150 метров. Здесь, на небольшом участке песчано-галечной береговой полосы южной узкой оконечности террасы было обнаружено скопление кусков железных шлаков, глиняной обмазки сыродутных горнов и разрозненных фрагментов керамических сосудов эпохи средневековья. Находки происходят из разрушаемого весенними паводками обрывистого края террасы. Визуальный осмотр других участков берега не принес положительных результатов, в силу чего создается впечатление, что люди обитали здесь только непосредственно под склоном горы. В нем они добывали железную руду и здесь же на месте ее плавил.

Таяты II (рис. 1). Памятник располагается в 2 км к северо-востоку от с. Таяты, на ровной слабо залесенной пойменной террасе левого берега р. Казыр общей площадью около 2,5 км². Терраса имеет протяженность вдоль берега реки около трехсот метров и ширину до 55-ти метров. С юга она обрамлена руслом старицы Казыра, с севера - ограничена береговым скальным «быком» и подступающей вплотную к реке первой надпойменной террасой. Территория поселения Таяты II охватывала, по-видимому, только средний, повышенный участок поймы. Здесь, под обрывом террасы, на поверхности выступали беспорядочные скопления кусков металлургических шлаков, ошлакованной глиняной обмазки плавильных горнов и немногочисленных фрагментов стенок и венечных частей неорнаментированных керамических сосудов. Еще большее количество отходов железоплавильного производства, очевидно, погребено в намытом рекой песке.

В 2001 г. на северо-западной оконечности памятника был заложен шурф, материалы которого составили свыше двухсот фрагментов не менее чем от двадцати пяти керамических сосудов эпохи средневековья, а так же куски железного шлака и ошлакованные обломки глиняной обмазки шахты сыродутного горна.

Таяты III (рис. 1). Памятник расположен на обширной первой коренной террасе левого берега р. Казыр, с южной – юго-восточной стороны непосредственно примыкающей к территории поселения Таяты II. Терраса возвышается над уровнем поймы на 3-7 метров и имеет протяженность вдоль берега реки свыше 100 метров. Она образована мощными (до 5 м) аллювиальными отложениями, покоящимися на слое валунов и имеет сильно сглаженный рельеф. С северо-западной стороны терраса ограничена резким понижением к пойме протоки Казыра – Каменушке, а с восточной – слабо выраженным руслом старицы Казыра, за которой находится возвышающаяся на 5-9 метров терраса урочища «Площадь». Обе эти террасы почти полностью очищены от леса с целью использования их под покосы и пашню. На первой террасе в 1980-ых годах была сооружена скотоводческая ферма, впоследствии сгоревшая. В настоящее время значительная часть этой террасы занята развалинами обгорелых деревянных строений, густо заросшими крапивой.

Как было установлено, местонахождение Таяты III представляет собой группу стоянок и поселений эпохи неолита - средневековья, стратиграфия которых почти полностью

нарушена неоднократными природными и антропогенными воздействиями. В 2000-2001 гг. на территории данного памятника заложено четыре разведочных шурфа, в которых были найдены многочисленные фрагменты керамических сосудов бронзового и раннего железного веков, галечные сколы, а также два мелких обломка глиняного сопла, куски железного шлака и глиняной обмазки шахт сыродутных горнов.

В 2006 г. было вскрыто 180 м² площади северо-западной оконечности территории памятника. В раскопе, помимо многочисленных фрагментов керамических сосудов разных эпох, каменных и металлических орудий труда, а так же сколов и отщепов, были выявлены останки двух сыродутных горнов и связанные с ними орудия железоделательного производства – два массивных галечных молота и каменные песты для измельчения руды.

Под склоном этой части террасы на поверхности проступают беспорядочные скопления кусков металлургического шлака и ошлакованной глиняной обмазки горнов. Здесь же встречаются отдельные куски железной руды. Аналогичные скопления, но полностью задернованные, очевидно, имеются и на других участках подножья террасы.

Таяты IV (рис. 1). Памятник расположен в 0,5 км к северо-западу от поселения Таяты III. Здесь залесенный пологий юго-западный склон горы Макаркиной образует узкую береговую террасу Казыра высотой от 4-х до 6-ти м. Под ее обрывом, на песчано-галечной береговой полосе в 2000 г. были собраны довольно многочисленные разновременные артефакты, происходящие из разрушаемого паводками края террасы.

Относительно ровный участок береговой террасы, к которому приурочен данный памятник, не превышает в ширину двадцати метров при длине до 50 метров. В 2002 и 2005 гг. здесь было заложено три раскопа, охватившие 153 м² площади поселения. Материалы раскопок составили многочисленные фрагменты около полутора сотен разнотипных керамических сосудов эпох камня, бронзы, раннего железа и средневековья, разнообразные каменные и металлические орудия труда, большое число отщепов и галечных сколов, мелкие куски металлургических шлаков и валунный молот для дробления руды. Там же было встречено несколько мелких кусков доломита, покрытых каплевидными натеками шлака. Они, очевидно, представляют собой остатки специальных флюсов, которые вводили в шихту для искусственного снижения температуры плавки в сыродутном горне (Зиняков Н.М., 1997, с.59-60).

Большое количество относительно крупных кусков железных шлаков и глиняной обмазки горнов залегало под обрывом террасы. Найденные здесь же три куска железной руды представляют собой разбитые речные валуны.

Таяты V (рис. 1). Шурфом, заложенным на краю высокой второй надпойменной террасы Казыра, над юго-восточной оконечностью поселения Таяты III, в нижней части 28-сантиметрового слоя слабо гумусированной супеси, подстилаемой толщей суглинка, было выявлено беспорядочное скопление валунов и несколько кусков металлургического шлака, представляющее, по-видимому, остатки железоплавильного горна, хотя кусков глиняной обмазки его не было. Здесь же найден фрагмент конусовидного поддона таштыкского сосуда. Данное местонахождение, территориально смежное поселению Таяты III, вероятно, представляет его крайнюю юго-восточную оконечность, которая могла заселяться в период затопления поймы весенними паводками.

Как видно из приведенного краткого описания археологических памятников окрестностей с. Таяты, везде, где была встречена таштыкская и средневековая керамика, выявлены и следы железоделательного производства. Большинство найденных здесь репрезентативных кусков глиняной обмазки горнов массивны и имеют значительную толщину. Внешняя поверхность многих из них покрыта земляной коркой, свидетельствующей о том, что они являются частями каких-то ямных конструкций. Представление о них можно составить по останкам двух горнов, выявленных на территории поселения Таяты III.

Горн 1 (рис. 2 – 1-2) был расчищен сразу под дерном на верхнем краю обращенного к реке склона коренной террасы. Он имел вид овальной в плане ямы размерами 90x68 см и глубиной до 38 см, ориентированной по линии ССВ-ЮЮЗ. Стенки ямы обмазаны слоем красной глины, у южного ее края достигающим мощности 28 см и 10-15 см толщины с

* Средневековая керамика ККР, типологически несколько отличающаяся от синхронной ей посуды приенисейских степей, здесь нами не рассматривается, поскольку требует отдельного и самостоятельного анализа.

других ее сторон. Глиняная обмазка обрамляла коническую камеру с земляным полом. Она была смещена к северной части ямы и заполнена конгломератом железного шлака, образующим подобие воронки с пустотой в центре. От глиняной обмазки стен ямы его отделял толстый слой ошлакованного прокала.

С южной стороны к горну примыкала заполненная шлаковым отвалом яма. Она представляла собой небольшой котлован, имевший в плане вид обращенного вершиной на восток неправильного треугольника размерами 115x95 см. Глубина котлована – до 40 см от верхнего края глиняной обмазки горна. Западная оконечность ямы уходила за пределы раскопа. Максимальной своей глубины котлован достигал сразу под южной стенкой горна. В этом месте его шлаковое заполнение имело мощность до 36 см.

Горн 2 (рис. 2 – 3-5) располагался в 5,3 м к юго-востоку от первого, на середине обращенного к реке склона коренной террасы. Он имел вид овальной в плане ямы размерами 123x92 см и глубиной до 25 см, ориентированной по линии СВ-ЮЗ. Стенки ямы были обмазаны неровным слоем красной глины толщиной от 20 до 35 см. Глиняная обмазка обрамляла коническую камеру, имевшую в плане форму вытянутого по линии СВ-ЮЗ неправильного овала, слегка смещенного к северо-восточной части ямы. От верха до земляного пола камера заполнена конгломератом железного шлака, отделенным от глиняной обмазки стен ямы толстым слоем ошлакованного прокала.

С юго-запада к горну примыкала яма, заполненная шлаковым отвалом. Она представляла собой небольшой котлован, имевший в плане вид обращенного вершиной на северо-восток неправильного треугольника размерами 85x80 см. Его глубина – до 26 см от верхнего края глиняной обмазки горна, мощность шлакового заполнения – до 20-25 см.

Оба описанных металлургических объекта в разной степени пострадали от воздействия природных факторов. Вместе с тем, можно утверждать, что это – останки горнов одноразового использования с котлованами-шлакосборниками. Обмазанные толстым слоем глины овальные ямы представляют собой их подземные части – шлакоаккумуляторы, над которыми возводилась небольшая надземная шахта. Представление о ней дает фрагмент колошниковой части обмазки шахты, встреченный на поселении Таяты IV. Судя по нему, шахта горна имела форму, близкую к усеченно-конической. Ее стенки довольно грубо сбились из глины с примесью крупнозернистой дресвы. Толщина их, очевидно, была не очень значительной и к верхней части постепенно уменьшалась до 1,5-2 см, а высота едва ли превышала 60-100 см. Вполне вероятно, что формовка стенок шахты производилась на деревянном или прутьяном каркасе, но следов его на найденных кусках ошлакованной обмазки не выявлено. Примыкавшие к горнам котлованы-шлакосборники, очевидно, выполняли функцию и рабочих площадок для установки мехов. Фурма делалась на стыке шахты и шлакоаккумулятора, со стороны своеобразной «полки», образованной заметным утолщением глиняной обмазки стенок последнего. Через это отверстие, вероятно, и выпускался шлак.

По своим конструктивным особенностям данные металлургические объекты в равной степени отличны и от ямных горнов таштыкской культуры, и от стационарных плавильных енисейских кыргызов (Сунчугашев Я.И., 1979). В наибольшей степени они сходны с некоторыми типами сыродутных печей эпохи раннего – развитого средневековья Западной Сибири (Зиняков Н.М., 1997, с. 27-37).

Рядом с обоими описанными выше останками сыродутных горнов были встречены орудия для измельчения руды. Так, в 2-2,5 м к востоку от первого горна в нижней части дернового слоя найдены три массивных галечных песта (рис. 3 – 1-2, 4). Еще три подобных орудия встречены в 4-5 м к северо-востоку от него (рис. 3 – 3, 5-6). Вблизи же второго горна было найдено два больших каменных молота (рис. 3 – 7-8). В то же время здесь не было ни одного артефакта, указывающего на хронологическую принадлежность этих металлургических объектов. Заключение о времени их создания позволяют сделать лишь стратиграфические наблюдения. Так, ямы для обоих горнов прорезали слой гумусированной супеси, содержащий фрагментированную керамику и вещевой материал таштыкской культуры. В то же время, южную оконечность шлакового отвала первого горна перекрывало пятно кострища, в котором были найдены мелкие разрозненные обломки посуды эпохи развитого средневековья. Данное обстоятельство позволяет предположить, что оба горна

были сооружены в период раннего либо даже развитого средневековья. К этому же времени относится большинство материалов сопредельного поселения Таяты II.

Железо производилось средневековыми таятскими металлургами, очевидно, в относительно небольших количествах и в основном для нужд местного населения. На это указывает как отсутствие здесь больших шлаковых куч, характерных для средневековых железоплавилен ХМК, так и расположение сыродутных горнов непосредственно на территории поселений.

Отдельного упоминания заслуживают встреченные на территории памятников немногочисленные куски железной руды. Все они имели окатанную поверхность, что прямо указывает на то, что для плавок использовалась галечная руда, подобранная здесь же на берегу. Рудные тела месторождений магнетита, расположенных выше по течению Казыра, в нескольких местах либо пересекают его русло, либо образуют борта реки. Казыр тысячелетиями разрушал их, преобразуя перемещаемые куски руды в валуны и гальки. Галечно-валунная руда зафиксирована также на р. Ирбе. Ее не было необходимости обогащать, обжигая в кострищах: для подготовки к плавке валуны достаточно было лишь раздробить каменными молотами и измельчить пестами. В связи с этим примечательны сообщения средневековых китайских хроник о том, что хагасы «в каждый дождь получают железо» (Бичурин Н.Я., 1950, с. 352) либо что «их государство имеет железо небесного дождя, его собирают, чтобы делать ножи и мечи, [оно] отличается от [обычного] железа» (Кюннер Н.В., 1961, с. 59). Вопреки распространенному мнению о метеоритном происхождении данного железа, в источниках, вероятнее всего, идет речь о валунно-галечной руде. Ее, действительно, легче всего собирать именно после дождя, пока камни по берегам рек еще мокрые: тогда гальки и валуны руды контрастно выделяются на фоне других камней. Такая высококачественная руда, по-видимому, ценилась и поставлялась в степь.

Таежные металлурги эпохи средневековья занимались не только производством железа, но и его кузнечной переработкой. Они удовлетворяли потребности комплексного хозяйства населения подтаежной зоны в принадлежностях конской сбруи, серпах, наконечниках стрел, рыболовных крючках, острогах, тесловидных орудиях и пр. Эти предметы представлены и в материалах исследованных нами поселений, и в Тюхтятском «кладе», и среди случайных находок в ККР.

Наибольшее количество железных изделий находится в составе Тюхтятского «клада», по вопросу происхождения которого высказаны разные суждения (Евтюхова Л.А., 1948, с. 67; Сунчугашев Я.И., 1979, с. 138; Кызласов Л.Р., 1981, с. 54; Конькова Л.В., Король Г.Г., 2005, с. 119-120). Мы разделяем мнение Л.Р. Кызласова о том, что основу Тюхтятского «клада» составляют инвентари средневековых погребений. Часть этих захоронений, очевидно, была совершена по обряду трупосожжения, т.к. многие железные изделия «клада» и отдельные бронзовые имеют ярко выраженные следы пребывания на погребальном костре. Есть также предметы, происходящие, по-видимому, из погребений по обряду трупоположения. Признаки пребывания в огне у них отсутствуют, а у ряда сбруйных блях сохранились даже остатки кожаных ремней. Оба вида захоронений, вероятнее всего, принадлежали ассимилированным кыштымам кыргызов, т.к. даже в ХМК погребений енисейских кыргызов второй половины IX-X в.в. известно крайне мало. Это объясняется их исходом в Центральную Азию после разгрома Уйгурского каганата (Савинов Д.Г., 1994, с. 55-56).

Спектральный анализ бронзовых изделий «клада» показал, что они различаются по составу сплавов и, следовательно, имеют разное происхождение (Конькова Л.В., Король Г.Г., 2005, с. 119-122). Подавляющее большинство их, по-видимому, было изготовлено за пределами ККР. Железные удила, стремяна, кинжалы и наконечники стрел «клада» представляют собой традиционный набор погребального инвентаря средневековых мужских погребений в степях ХМК. Формы их тоже соответствуют степным и потому трудно сказать были ли они изготовлены в ККР или завезены из степи. Обращает на себя внимание лишь присутствие в составе «клада» двух серпов, двух молоточков и шести «гарпунов». Подобные предметы, не встречающиеся в кыргызских погребениях, отображают комплексный характер хозяйства местного таежного населения, сочетавшего скотоводство и земледелие с охотой и рыболовством.

Детальный анализ средневековых железных изделий, найденных в ККР, выходит за рамки данной статьи, поэтому остановимся лишь на тех предметах, которые либо не находят аналогий в степях ХМК, либо имеют некоторые существенные отличия. К числу таких предметов относится наконечник остроги с поселения Таяты IV (рис. 4 – 1). Он имеет конусовидную втулку, длинную четырехгранную шейку и остроконечное перо с двумя длинными шипами. В ХМК остроги такого типа неизвестны, но подобные пропорции имеют втулки и шейки наконечников кыргызских копий. Единственная известная нам аналогичная острога была найдена в составе раннесредневекового «клада» у пос. Дзержинского на р. Томи (Чиндина Л.А., 1991, с. 36, рис. 12, 2).

Еще более интересны шесть «гарпунов» из Тюхтятского «клада». Они имеют удлинено-ромбовидную форму с шипами на одном конце, круглым отверстием посередине и выемкой на боку (рис. 4 – 2). В действительности эти «гарпуны» являлись своеобразными рыболовными крючками, предназначавшимися для ловли очень крупной рыбы. Все они вырублены из листового железа. Кузнечные зубила, которыми производилась эта операция, также представлены в составе «клада». Они имеют вид молоточков весом не более 40 г, с несколько расширенными и заостренными обушками-зубилами (рис. 4 – 3). Плоские бойки молоточков слегка деформированы от нанесения по ним сильных ударов при рубке металла. Это единственные кузнечные инструменты эпохи раннего средневековья, найденные на территории ККР. Близких аналогий им, как и рыболовным «крючкам», в ХМК нет.

К числу нетипичных для степей ХМК изделий относятся также некоторые наконечники стрел из памятников ККР. Так, в жертвеннике на вершине скального «быка» Каменушки был найден трехлопастной наконечник стрелы с ярко выраженными шипами (рис. 4 – 4). В собрании МКМ, насчитывающем свыше 4, 5 тысяч железных наконечников стрел, нашлось только два аналогичных наконечника. Места находок их не известны, поэтому не исключено, что они тоже происходят из подтаежных территорий. Второй наконечник стрелы с «быка» Каменушки отличают от близких ему по форме степных короткие шипы на концах трех узких лопастей (рис. 4 – 6). Наконечник стрелы с плоским фигурным пером, происходящий с поселения Таяты III (рис. 4 – 7), в отличие от степных, имеет одностороннее ребро жесткости. Интересен также и наконечник стрелы, найденный на Жаровской скальной стоянке (рис. 4 – 8). Он ярусный, трехлопастной, с прорезями в лопастях нижнего яруса. Второй такой же наконечник был найден в таежной Каратавской (Чибжекской) пещере (бассейн р. Кизир). Два других наконечника стрел из этой пещеры тоже ярусные, но без прорезей в лопастях. И.Л. Кызласов обратил внимание на явное своеобразие этих каратавских стрел, выражающееся в сочетании черт хуннской и южно-сибирской (шурмакской) линий развития наконечников (Кызласов И.Л., 1999, с. 188). В Минусинской котловине ярусные наконечники стрел с прорезями и без них тоже встречаются, но распространены они преимущественно на ее таежной периферии (Худяков Ю.С., 1980, с. 99). Все эти немногочисленные факты дают основание утверждать, что кузнецы подтаежных территорий не только копировали виды и формы «степных» предметов, но и создавали свои собственные.

Освоение ККР древними металлургами началось еще в гунно-сарматское время. В начале таштыкской эпохи подтаежная зона становится объектом экспансии населения лесостепи ХМК. Керамика, аналогичная раннеташтыкской правобережья Енисея, встречена на всех памятниках Казыра, от его низовьев до озера Убинского. Самым крупным памятником таштыкцев на сегодняшний день является поселение Таяты III. Здесь фрагментированная раннеташтыкская посуда резко преобладает над керамикой всех других эпох. При этом фрагменты керамики, сопоставимые с посудой предшествующей степной тагарской культуры, единичны; очень мало их также и на других поселениях.

Население лесостепи влекло в тайгу прежде всего месторождения железорудного сырья, практически отсутствующие на правобережье ХМК. Хотя металлургических объектов таштыкского времени в ККР пока не выявлено, с большой долей вероятности можно утверждать, что «варка» железа таштыкцами производилась здесь же, в подтайге. В ХМК на правобережье Енисея раннеташтыкские железоплавильни неизвестны, а на левобережье они располагаются только возле месторождений железных руд (Сунчугашев Я.И., 1979, с. 28-49).

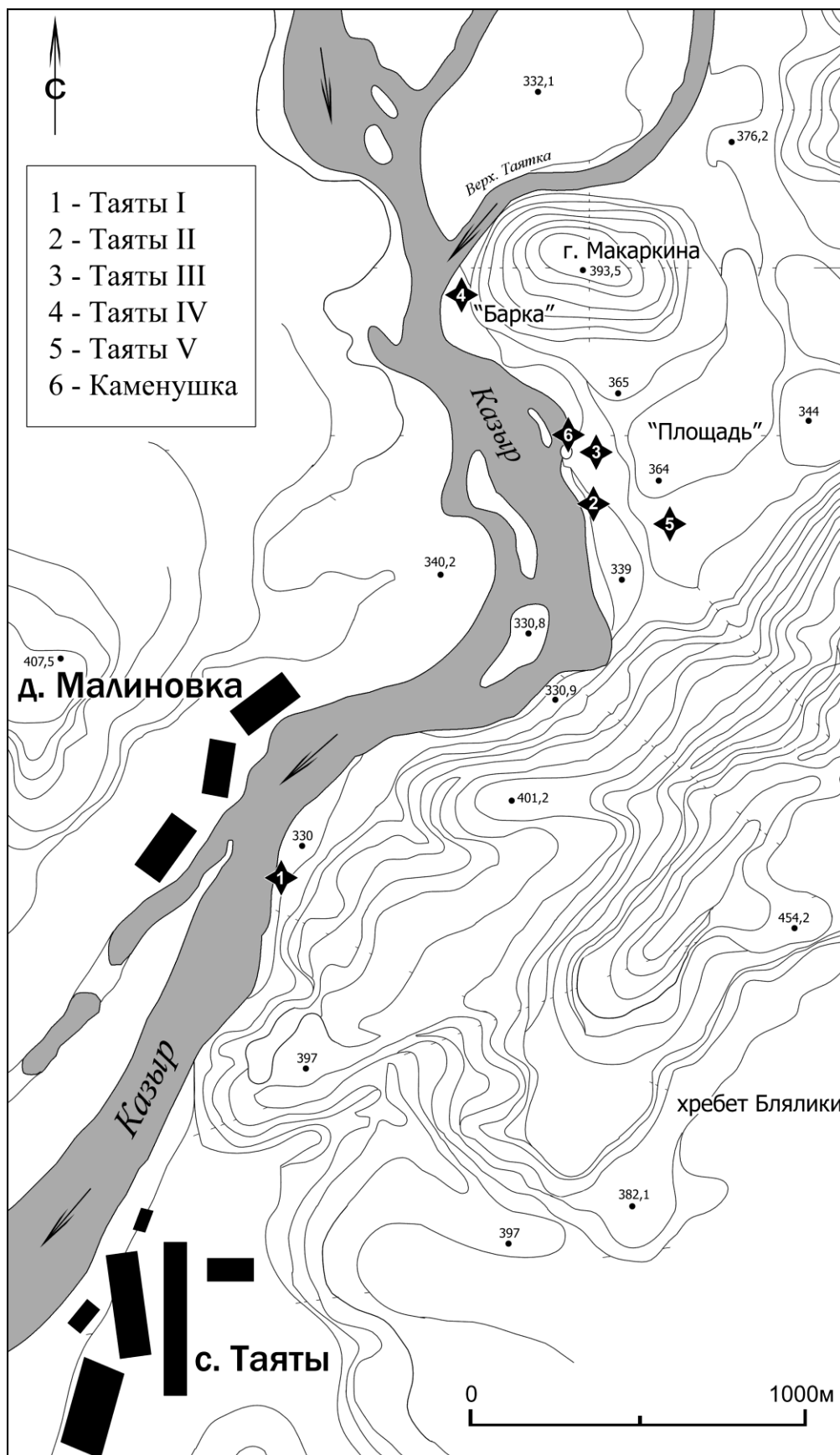

Рис.1

Расположение памятников в окрестностях с. Таяты: план-схема

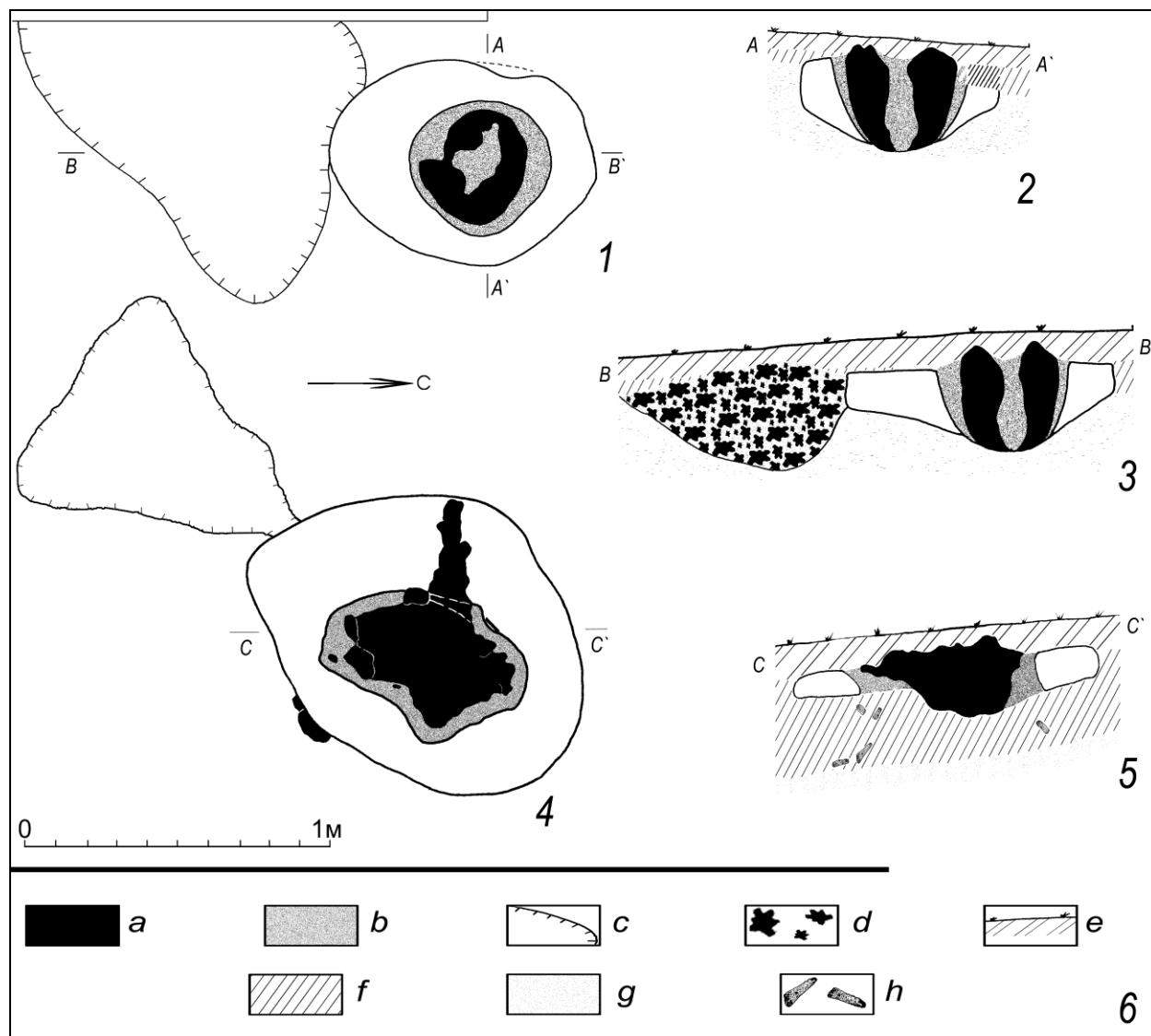

Рис.2

Металлургические горны (Таяты III):

1-3 – горн № 1 (план, разрезы), 4-5 – горн № 2 (план, разрез), 6 – условные обозначения (а – конгломерат шлака; б – слой ошлакованного прокала; с – границы ямы (котлована); d – шлак; е – дерновый слой; ф – культурный слой; г – материковый слой; h - керамика)

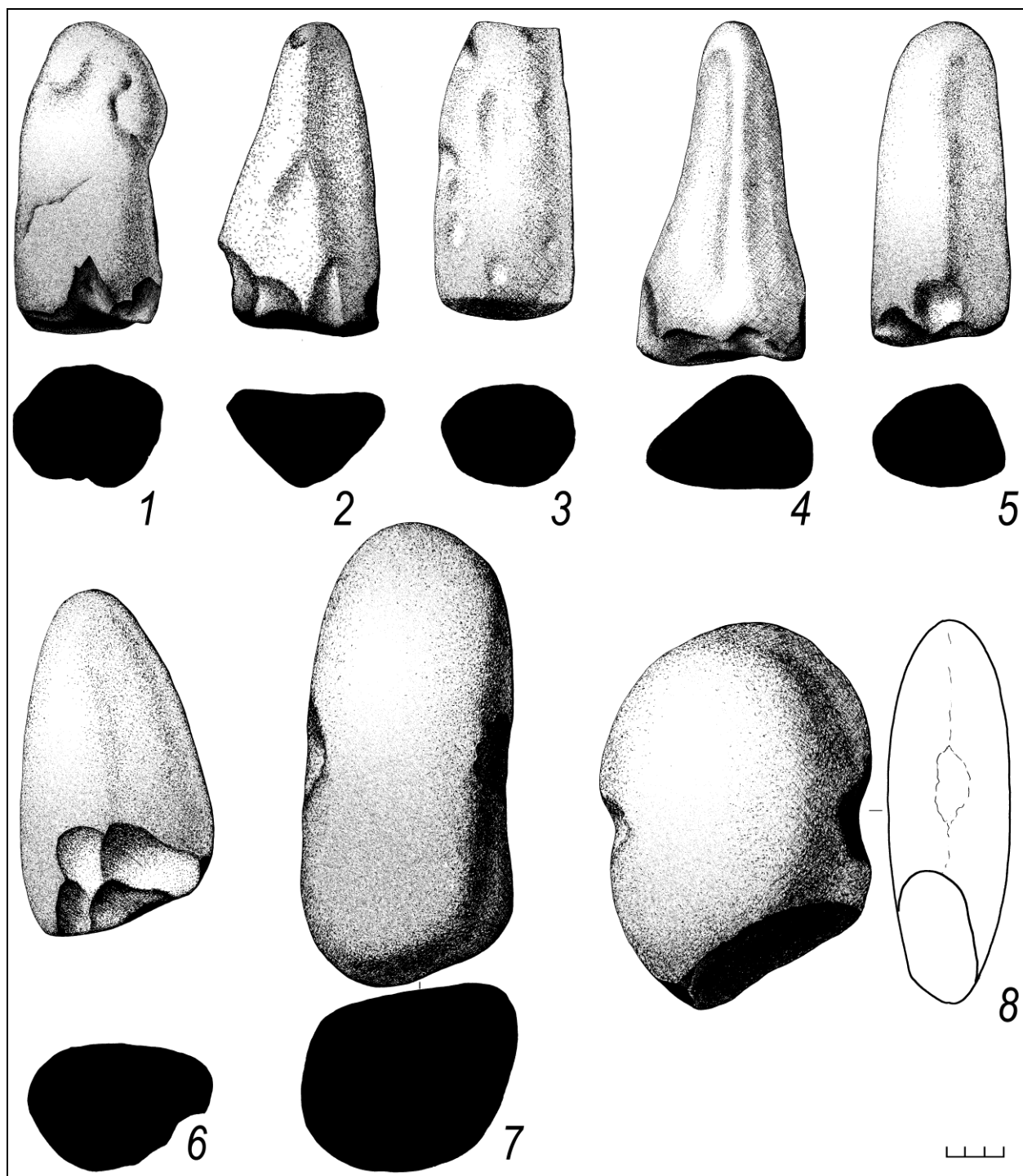

Рис.3

Таяты III: 1-6 – каменные песты; 7-8 – каменные молоты

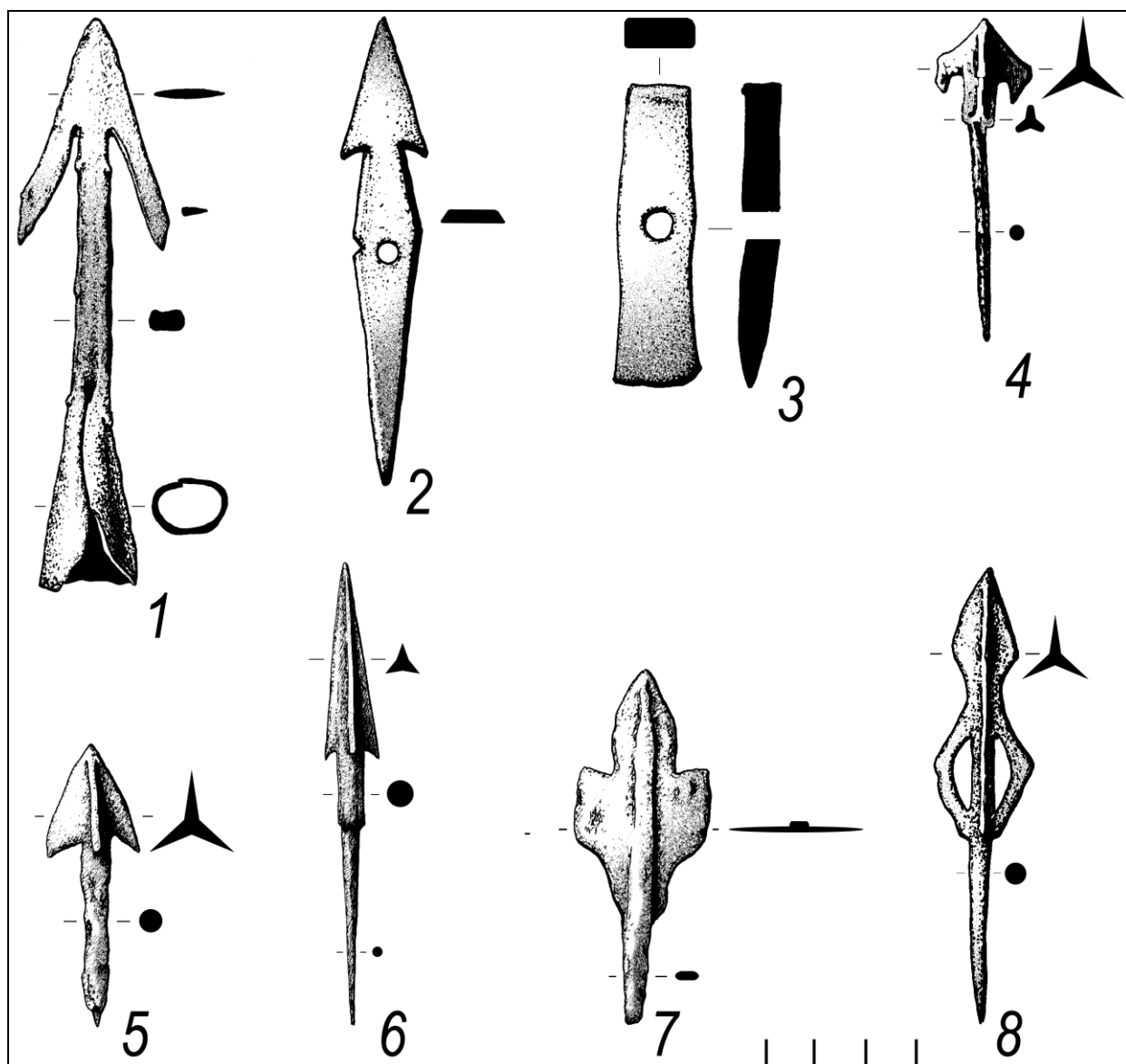

Рис.4

Железные изделия: 1- наконечник остроги (Таяты IV), 2 – «гарпун» (тюхтятский «клад»), 3 – зубило (тюхтятский «клад»), 4-8 – наконечники стрел (4, 6 – Каменушка, 5, 7 – Таяты III, 8 – Жаровская стоянка)

В ХМК горны ямной конструкции вытесняются к концу таштыкской эпохи стационарными ящичными горнами многократного использования. Это привело к коренной перестройке железоделательного производства. Значительная часть добытой в тайге руды теперь не перерабатывалась на месте, а поставлялась с железорудных месторождений в поселки металлургов, возникшие на окраинах сосновых боров по берегам р. Тубы. Большинство населения этих поселков, по-видимому, составляли потомки раннетахтыкских металлургов, покинувших к этому времени тайгу ККР. Вероятность их ухода подтверждает ничтожно малое количество керамики позднетахтыкского облика на казырских поселениях.

В эпоху раннего и развитого средневековья железоделательное производство в ККР сосредоточилось в руках местного населения. На поселениях и стойбищах продолжали

воздвигать ямные сыродутные печи для «варки» местного железа. Наибольшая их концентрация фиксируется на памятнике Таяты III, где, судя по подъемному материалу, весь обращенный к реке юго-западный склон террасы представлял собой рабочую площадку металлургов.

Наиболее поздним памятником черной металлургии в ККР, относящимся к концу эпохи средневековья, является упомянутое А.Г. Вологдиным местонахождение металлургических шлаков и черпаков в районе юго-западного отрога г. Кара-Тайга (Вологдин А.Г., 1931, с. 29). Не исключено, что и хранящийся МКМ черпак для розлива расплавленного металла с неустановленным местом находки происходит именно с этого местонахождения. Он изготовлен из толстого листового железа и по своим конструктивным особенностям не может быть датирован раньше времени позднего средневековья.

Литература

1. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – М.-Л., 1950. – Т. 1. 380 с.
2. Ватин В.А. Минусинский край в XVIII веке. – Минусинск, 1913. – 212 с.
3. Вологдин А.Г. Кизир-Казырский район // Труды Главного Геолого-Разведочного Управления ВСНХ СССР. – М.-Л., 1931. – Вып. 92. – 37 с.
4. Зиняков Н.М. Черная металлургия и кузнечное ремесло Западной Сибири. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 1997. – 368 с.
5. Евтюхова Л.А. Археологические памятники енисейских кыргызов. – Абакан, 1948. – 109 с.
6. Карцов В.Г. Металлургическая промышленность Средней Сибири в XVIII-начале XIX в.в. // УЗ ХНИИЯЛИ. – Абакан, 1963. – Вып. IX. – С. 94-117.
7. Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. – М., 1951. – 643 с.
8. Конькова Л.В., Король Г.Г. Тюхтятский клад: состав цветного металла ременных украшений // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия. – Красноярск, 2005. – С. 119-123.
9. Коцовский В.Д. Описание Ирбинской дачи // Вестник золотопромышленности. № 10. – 1892. – С. 135-136.
10. Кызласов И.Л. Скальные захоронения – особая категория погребальных памятников // Погребальный обряд. Реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений. – М.: Восточная литература, 1999. – С. 169-199.
11. Кызласов Л.Р. Тюхтятская культура древних хакасов // Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. – М.: Наука, 1981. – С. 54-59.
12. Кюннер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. – М., 1961. – 392 с.
13. Леонтьев С.Н. Керамика андронидного типа в верховьях р. Тубы // Археологические Вести № 13. – СПб.: 2006а. – С. 77-81.
14. Леонтьев Н.В., Леонтьев С.Н. Материалы эпохи бронзы Кизиро-Казырского междуречья // Окуневский сборник 2: Культура и ее окружение. – СПб., 2006. – С. 228-234.
15. Посохов В.Т., Толстихин Н.В. Трудный путь к железу Ирбы. Красноярск, 1999. – 330 с.
16. Савинов Д.Г. Государства и культуригенез на территории Южной Сибири в эпоху раннего средневековья. – Кемерово: КГУ, 1994. – 214 с.
17. Сердюк С.С., Забияка И.Д., Глушков А.П., Зверев А.И., Злобин М.Н., Кузнецов Л.Л. Состояние и перспективы развития минерально-сырьевых ресурсов Красноярского края // Геология и полезные ископаемые Красноярского края. – Красноярск, 1998. – С. 10-45.
18. Сунчугашев Я.И. Древняя металлургия Хакасии. Эпоха железа. – Новосибирск: Наука, 1979. – 191 с.
19. Худяков Ю.С. Вооружение енисейских кыргызов. – Новосибирск: Наука, 1980. – 175 с.
20. Чиндина Л.А. История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья. – Томск: ТГУ, 1991. – 178 с.
21. Яворовский Г.К. О геологических исследованиях, произведенных в 1893 году в северо-восточной части Минусинского округа и в Ирбинской горнозаводской даче // Отдельный оттиск из «Горного журнала» за ноябрь 1894 г. – 42 с.

Кочеев В.А., Кызласов И.Л.
(г. Горно-Алтайск, г. Москва)

ФИЛОСОФСКИЙ ЛАКОНИЗМ НАСКАЛЬНОЙ НАДПИСИ

В августе 1997, а затем и в феврале 1998 г. В.А. Кочеев сообщил И.Л. Кызласову об обнаружении новой рунической надписи. Она была замечена весной 1997 г. Александром Таспашевичем Урбановым, фотокорреспондентом, живущим в Горно-Алтайске, но происходящим из села Кара-Кол. Урочище Устюгю-Сары-Кобы (алт. Ыстүгү-Сары-Кобы «Верхний Желтый Лог») лежит в 3 км к западу от деревни Бичикту-Бом. В.А. Кочеев уже в 1997, а затем и в 1998 г., обследовал, описал и скопировал надпись. В 2001, 2003 и 2006 г. надпись на месте изучали оба автора настоящих строк. В 2003 г. ее осмотрели тюркологи Л.Н. Тыбыкова и И.А. Невская, а в 2006 г. вместе с ними в логу работал и М. Эрдал. В том же году краткая история обнаружения и изучения надписи, а также ее прорисовка были изданы (Кочеев В.А., 2006, с. 11, 12, рис. 1 – 13). В настоящей статье публикуется прорисовка, уточненная в отношении последней (левой буквы) и передающая общий вид скальной плоскости (рис. 1).

Надпись находится вдалеке от реки Кара-Кол (не менее чем в 1,5 км), на западном борту лога, где несколько в глубине перед высоким отрогом отдельно стоит невысокая горка. Скальный выход ее размещен близ вершины и смотрит на восток. У его основания и находится остроугольный камень с надписью. Надпись нанесена на очень небольшой, горизонтально расположенной поверхности – на обращенном вверх основании когда-то сломавшейся и рухнувшей сланцевой массы. Такое размещение надписи в целом необычно для Горного Алтая. Выход камня здесь сходит вниз четырьмя ступенями. Общая его высота 170 см, а ширина 145 см. Уступ с надписью (третий сверху) имеет высоту и длину по 42 см.

Надпись из 10 рунических знаков нанесена на плоскости размерами 10 x 5 см. Горизонтальная строка протянулась на 7,3 см (рис. 1). Высота букв от 1,5 до 0,9 см. Размеры письменных знаков уменьшаются от начала текста к его окончанию. Руны вырезаны уверенно, глубокими и широкими (до 0,5 мм) бороздами, которые, при всей прямолинейности, несут следы курсивных начертаний. Легкий штрих дополнительно отходит от вершины 5-й руны. Облик знаков совершенно ясен, но надпись долго не удавалось прочесть. Причины в особенностях ее орфографии, трудно поддававшихся осмыслению в столь кратком тексте.

Условия расположения надписи показывают, что вырезавший ее человек стоял на коленях и склонялся головой к скале. Здесь, в отличие от прочих мест, таких как Ялбак-Таш или Адыр-Кая, нет никаких наскальных изображений, предшествующих или одновременных надписи. Окружающие плоскости и соседний с юга скальный выход покрыты этнографическими рисунками алтайцев, вероятно, относящимися к XVIII в. Однако нельзя думать, что людей привлекала сюда руническая надпись – на горе попросту нет других гладких каменных экранов.

Надпись читается справа налево.

Текст: **Y € ↑ Γ) Λ ↑ Λ X >**

Транслитерация: **od²čugč5n¹ī(i)gugl²10**

Транскрипция: **öd (u)čug č(i)nī kūg(ü)**

Перевод: **Время, окончись! Истина Его, возвысься!**

Разбор

1-2. Слово **öd**, означает «время, срок, пора», начиная от космогонических масштабов и кончая небольшими периодами, вплоть до части дня. До сих пор, насколько известно, оно встречалось в буддийских, манихейских и мусульманских памятниках уйгурского и арабского письма (ДТС, с. 376, 377; Тугушева Л.Ю., с. 348), среди рунических текстов – в орхонском памятнике Кюль-тегина (малая надпись, стк. 1, 50) (Малов С.Е., 1951, с. 405).

В среде горно-алтайских рунических надписей слово встречено впервые. Оно несет здесь, как увидим, сугубо манихейское содержание.

3-4. Наиболее вероятно, что этими знаками записано повелительное наклонение глагола *uṣiq-* «кончатся, подходить к концу» (ДТС, с. 604). Формально существует и мягкорядный вариант прочтения этих знаков, поскольку следующее употребление руны **↑** (руна 9) передает в этой надписи мягкорядное сочетание *kū*. Однако мягкорядная огласовка ведет к лексике, которая не только не согласуется, на наш взгляд, с контекстом надписи, но и противоречит описанным далее орфографическим особенностям этого краткого камнеписного текста: мягкорядное прочтение знаков для твердорядных звуков в анализируемом граффито распространяется только на первый слог слов.

5-7. Слово *ṣīp* «правда, истина», судя по примерам ДТС (С. 148, 149), до сих пор встречалось в довольно поздних религиозных и назидательных памятниках уйгурского и арабского письма. Однако употребление этого древнего книжного заимствования из китайского, кроме разбираемого случая, еще дважды отмечается (согласно нашему прочтению) и в другой рунической наскальной надписи Алтая. Речь идет о левой строке до конца не разобранный пока трехстрочной надписи, некогда вырезанной на скале близ Мендур-Соккона, так называемой Большой вертикальной (Сейдакматов К., 1964, рис. 1). Особенно показательно, что на Чарыше, как и на Кара-Коле, слово *ṣīp* сочетается с глаголом *kūgöl-* (в совершенно аналогичном его начертании) (Кызласов И.Л., 2004, с. 125).

Употребление слова «истина» с показателем принадлежности 3-го лица единственного числа позволяет видеть здесь указание на божество, следовательно побуждает писать и существительное, и местоимение с большой буквы.

8-10. Глагол *kūgöl-* «возвыситься, прославиться» (ДТС, с. 325) употреблен в повелительном наклонении и впервые применен в рунической надписи. Однако на Алтае это не единственный случай: см. примечание к знакам 5-7.

Палеография

В надписи применены только буквы общие для обеих основных азиатских рунических письменностей. Нельзя установить енисейским или орхонским алфавитом она выполнена. Опираясь на палеографические особенности указанной надписи Мундур-Соккон I, столь близкой к рассматриваемой строке в лексическом и орфографическом отношении, можно полагать, что и наша надпись относится к весьма распространенному на Горном Алтае алтайскому варианту енисейского письма. Не имея данных для объяснения облика пятой руны **Λ**, имеющей верхний отводок, надежной палеографической приметой надписи из Устюгю-Сары-Кобы признаем руны **↑** (*oq/uq, qo/qui*), написанную стрелкой вверх, а не вниз. Хотя можно думать, что данная форма знака имеет хронологическое и историко-культурное значение, разработку этого признака оставляем до другого раза.

Остается сказать, что некоторые руны имеют выгнутые черты (знаки 2, 4, 9 и 10: **X**, **↑**, **Є** и **Y**), а знак 8 (**↑**) не остроугольную, а скругленную вершину. Все это выявляет привычку автора надписи к курсивному письму. Стволы букв резались сверху вниз, а отводки – правые слева направо, а левые справа налево. Правые отводки очень тонки, левые широкие.

Орфография

Многолетняя работа с руническими надписями Алтая приучила к тому, что в них нередко можно встретить орфографию, необычную для иных мест распространения орхонского и енисейского алфавита. Публикуемая надпись как раз из этого ряда.

Выделение особого типа правописания, употреблявшего знаки для мягких вместо твердых (и потому названного псевдоруническим), позволило десять лет назад прочитать, наконец, эпитафию Боро-Бургазы I (так называемую Кош-Агачскую стелу) (Кызласов И.Л., 1996; 1997; 1997а; 1999; 2002). Ныне существование этого типа орфографии молчаливо признано С.Г. Кляшторным при прочтении новых эпитафий, найденных на той же алтайской речке (Кляшторный С.Г., Кубарев Г.В., 2002, с. 79-82).

Однако в урочище Устюгю-Сары-Кобы мы встречаем иной принцип письма. Некоторые знаки для твердых здесь, наоборот, применены для передачи мягких слогов. Это касается только сочетаний с губными гласными и распространяется только на первые зна-

ки слова: слово öd удается опознать лишь по знаку для мягкорядного d², а kügül- – по двум последующим согласным (g, l²). Мы уже упомянули, что в отношении kügül- наблюдаемая орфографическая особенность распространяется на написания Мендур-Соккон I, расположенные в нескольких сотнях горных километров от изучаемого ныне письменного памятника. Если принять фонетическую реконструкцию Г. Дёрфера («'Время' по-древнетюркски не öd, а üd») (Дёрфер Г., 1986, с. 95), то обнаруженное орфографическое отклонение может относиться лишь к написанию слогов с ü.

Сегодня рано искать объяснение столь необычному правописанию – по сути, четвертому орфографическому типу рунического письма Южной Сибири. Можно лишь отметить, что он должен был сложиться среди грамотеев, до обучения руническому письму уже владевших некоей иной азбукой, не знавшей противопоставления букв для мягких и твердых слогов. В том, что обучение рунической грамоте в данном случае шло в религиозной, манихейской среде, убеждает последующий разбор содержания краткого наскального текста.

Историко-культурные выводы

Содержание лаконичной надписи, некогда вырезанной в Устюю-Сары-Кобы, полностью соответствует манихейской религиозной доктрине. В истории мира манихеи выделяли три срока: на первом из них времени не существовало, поскольку тогда не было ни неба, ни земли и Свет с Мраком не были смешаны; второй была эра смешения Света и Мрака, в ней и живет человечество; а третий срок, может быть, также не следует называть временем, т.к. когда Свет вновь отделится от Мрака, счет времени и материальный мир существовать перестанут. По анализируемой наскальной надписи можно заключить, что «временем» (öd) сибирскими манихеями именовался только срединный период – от начала смешения до конечного безвременья. Так понимали три манихейских космогонических срока и другие манихейские тексты, выполненные на разных языках и различными письменными системами – от Китая и уйгурского Восточного Туркестана до коптской Северной Африки (Кефалайя, с. 386-388). Стремление освободить вечную душу от бренного тела и материального мира, обрести вечную безмятежность (в чем и состоит задача подлинного манихея) привело, как видим, к нанесению молитвенной надписи на реке Кара-Колле. Дело в том, что такое освобождение духа позволяло, в соответствии с манихейской философией, увидеть лицо верховного бога – Отца Величия, без чего не могло произойти соединения разлитого и смешенного в мире Света. Ходу времени подвластны только земные творения, светлые божества существовали всегда и будут вечно. В понимании этого, осознанном приближении конца срединного времени и наступлении чистой вечности и состоит «Его Истина».

Появление наскальной рунической надписи такого содержания вновь убеждает нас в существовании на р. Кара-Кол раннесредневекового манихейского монастыря (Кызласов И.Л., 2004).

Литература

1. ДТС – Древнетюркский словарь. Редакторы: В.М. Наделяев, Д.М. Насилов, Э.Р. Тенишев, А.М. Щербак. – Л., 1969. – XX + 676 с.
2. Дёрфер Г. О языке гуннов // Зарубежная тюркология. – М., 1986. – Вып. I. – С. 71-134.
3. Кефалайя ("Главы"). Коптский манихейский трактат. Перевод, исследование, комментарий, глоссарий и указатель Е.Б. Смагиной. – М., 1998. – 512 с.
4. Кляшторный С.Г., Кубарев Г.В. Тюркские рунические эпитафии из Чуйской степи (Юго-Восточный Алтай) // История и культура Востока Азии. Новосибирск, 2002. – Т. II – С. 78-82.
5. Кочев В.А. Свод древнетюркских рунических памятников Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 2006. – 52 с.
6. Кызласов И.Л. Разновидности древнетюркской рунической орфографии. Отражение манихейской письменной культуры в памятниках енисейского и орхонского письма // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. – Budapest, 1997. – Т. L., fasc. 1-3 – С. 163-184.
7. Кызласов И.Л. Стелы с руническими надписями на Алтае (К выделению местных групп енисейских эпитафий) // Вопросы тюркской филологии. – М., 1997а. – Вып. III. – С. 40-69.

8. Кызласов И.Л., Орфографические признаки манихейских рунических надписей // Вопросы тюркской филологии. – М., 1999. – Вып. IV. – С. 85-112.
9. Кызласов И.Л. Памятники рунической письменности Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 2002. – 162 с.
10. Кызласов И.Л. Манихейские монастыри на Горном Алтае // Древности Востока. Сборник к 80-летию профессора Л.Р. Кызласова. – М., 2004. – С. 111-129.
11. Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. – М.-Л., 1951. – 451с.
12. Сейдакматов К. Древнетюркские надписи на Горном Алтае // Материалы по общей тюркологии и дунгановедению. – Фрунзе, 1964. – С. 95-101.
13. Тугушева Л.Ю. Уйгурская версия биографии Сюань-цзяна. – М., 1991. – 393 с.

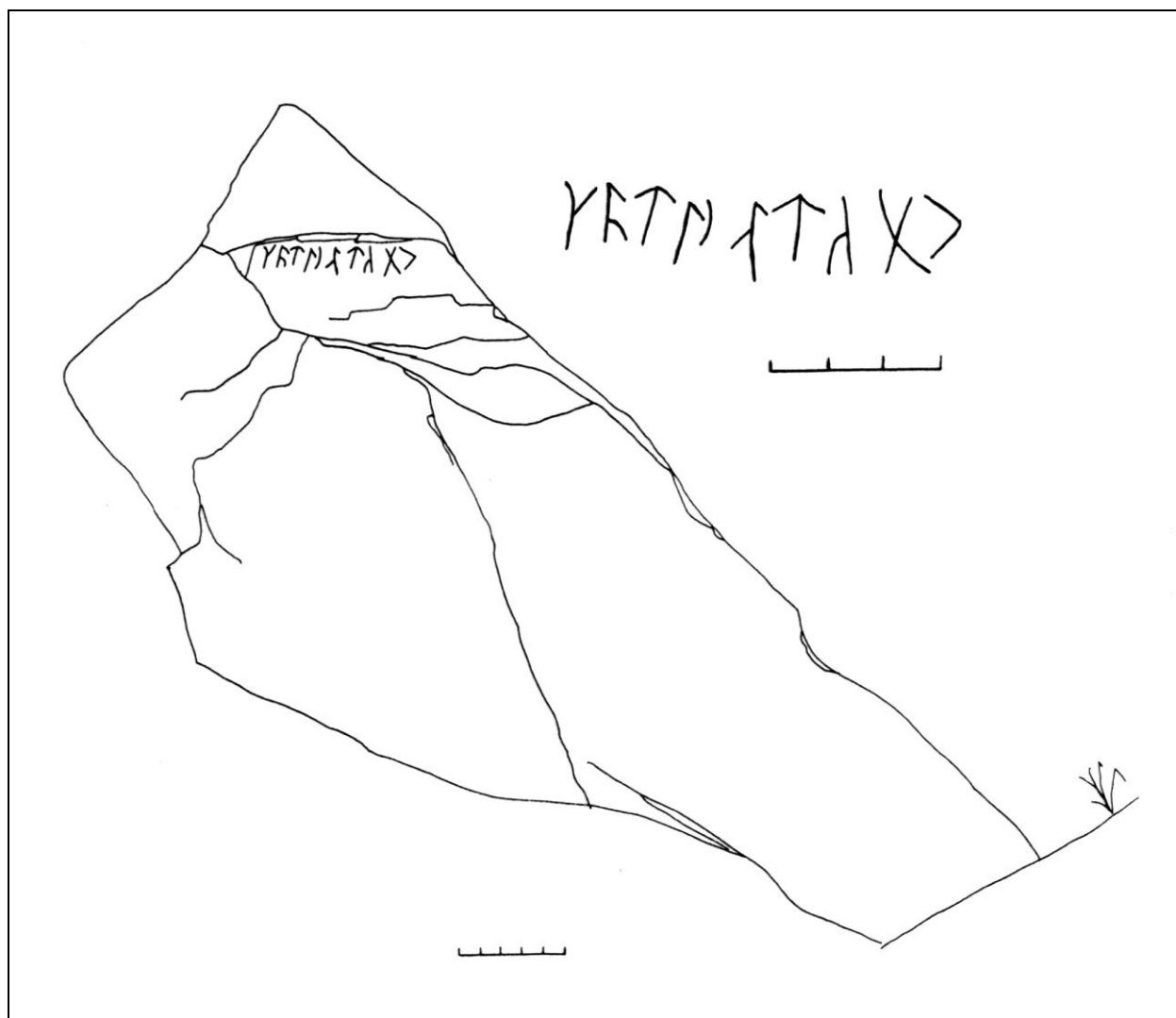

Рис.1

Надпись в урочище Устюю-Сары-Кобы.
Прорисовка общего вида каменной плоскости и самой надписи

Кызласов И.Л.
(г. Москва)

РУНИЧЕСКИЕ НАДПИСИ ГОРЫ ТУРАН НА СРЕДНЕМ ЕНИСЕЕ

Гора Туран стоит на правом берегу Енисея в 50 км ниже Минусинска и Абакана и омывается рекой с южной стороны.

Здесь на береговых утесах А.В. Адриановым были в 1904 г. открыты и обследованы писаницы, протянувшиеся «приблизительно на 175 саженей», т.е. примерно на 370 м. В архиве Музея археологии и этнографии Сибири Томского госуниверситета сохранился рукописный отчет исследователя (инв. № 55: «Писаницы (Отчеты за 1904 год)») машинописную копию которого, снятую в 1961 г., мне предоставил для работы Л.Р. Кызласов. Описание «Туранской писаницы», с которой первооткрывателем были сняты многочисленные эстампажи (№ XXX/1-34) и фотоснимки (№ 103-108), в этом отчете сопровождается размещением среди текста от руки сделанными рисунками. Также оформлены разделы и по иным петроглифическим памятникам, обследованным исследователем. Вероятно, эти мелкие и схематические рисунки были перенесены А.В. Адриановым в рукопись отчета из полевого дневника. В переданной мне машинописи они скопированы через копирку. Ниже я привожу соответствующие места из текста этого отчета, никогда не публиковавшиеся. Они характеризуют не только пять письменных памятников (в 1970 г. уничтоженных поднявшимися водами водохранилища), но и самого А.В. Адрианова как внимательного и тщательно работавшего изыскателя. При всей понятной в такой ситуации условности копии рисунков в машинописи – единственный для меня источник суждения о надписях (рис. 1 – 1-5). Быть может, когда-нибудь отыщутся сделанные исследователем эстампажи и фотографии Туранской писаницы и ее камнеписных текстов.

Перед началом затопления, в 1967 г. гора Туран была обследована С.Г. Кляшторным, работавшем в составе отряда Я.А. Шера. Как посчитал тюрколог, им «установлено, что участок скалы, где были обнаружены надписи, разрушен камнепадом». Я склонен думать, что на деле резные строки Турана не удалось обнаружить, поскольку, говоря о надписи под вершиной горы Тепсея, также открытой А.В. Адриановым, С.Г. Кляшторный вновь пишет о неудаче поисков 1967 г. «так как, вероятно, в результате камнепадов и обвалов она подверглась разрушению вместе с нишей, в которой находилась»; пещера же цела поныне. Так или иначе, но в 1976 г. с необходимой библиографией и кратким изложением истории открытия по отчету за 1904 г. был прочитан «лишь текст, достаточно четко зарисованный А.В. Адриановым» (Кляшторный С.Г., 1976, с. 66, 67, 70).

Новая руническая надпись была обнаружена летом 1977 г. красноярским, а позднее абаканским художником В.Ф. Капелько – она была некогда вырезана на менгире кургана, входящего в обширный могильник тагарской культуры (ранний железный век), расположенный во внутреннем логу горы Туран. В 1981 г. при изучении этой надписи на курганном камне в том же могильнике Л.Р. Кызласовым была замечена еще одна руническая строка, нанесенная легкими резами и практически неразличимая.

Весною 2000 г. В.Ф. Капелько сообщил мне о другой его находке 1977 г. – наскальной надписи на северной круче горы Туран и передал полиэтилен с копией этой рунической строки и соседствующих с нею наскальных рисунков и тамговых знаков. По его словам, уже в год находки копия надписи была им передана Д.Д. Васильеву. Не имея возможности сопровождать поездку на место, В.Ф. Капелько по памяти набросал графическую схему северного склона горы, примерно указав на ней размещение надписи – на втором или третьем от подошвы скальном выходе.

В то же лето выехав к Турану, мы не сумели отыскать нужную поверхность*. С наполнением водохранилища не только западный, но на значительном протяжении и северный склон горы, ранее смотревший на долину, обрывается в воды Енисея. Подъезда к запад-

* Достичь горы помог предоставивший свою машину В.Г. Кирбижеков, в поездке участвовала Л.П. Мылтыгашева, а Николай Кирбижеков и Мирген Мылтыгашев помогали в обследовании крутого склона.

ной части горы нет совсем. Скальные выходы северного склона в целом неудобны для рисунков, но небольших пригодных плоскостей очень много. И разрозненные изображения часто встречаются уже на нижних выходах камня.

Позднее сравнение копии надписи, переданной мне в 2000 г., с известными материалами показало, что она воспроизводит одну из рунических строк, существовавшую не на Туране, а на Тепсее. Эта надпись, впервые отысканная А.В. Адриановым в 1904 г., включена в рукопись его отчета (эстампажи XIX / 52-53а). Очевидно, за 23 года, прошедших с момента находки, художник запамятовал, где была им сделана прорисовка.

Осенью того же года В.Ф. Капелько умер. Его схематический рисунок северного склона Турана точно передает природные и культурные особенности местности: тропу, ведущую на первую от Енисея седловину, кучу искусственно набросанного мелкого плиточника на ней*, местонахождение нужной плоскости. За долгие годы забылось лишь на каком скальном ярусе находилась плоскость. Я считаю нужным издать это рисунок (рис. 1 – 6). Остающуюся неизвестной надпись необходимо найти.

Тем самым, на горе Туран в разные годы были обнаружены семь рунических надписей. Четыре из них выполнены хорошо известным енисейским письмом, две или три – все еще загадочным и не дешифрованным южноенисейским. К сегодняшнему дню опубликованы лишь четыре письменных памятника.

Надпись Туран I (Е 118/1)

Первые надписи, описанные А.В. Адриановым, находились не далее двух метров от нижнего конца писаницы, ближайшего к простирающейся севернее горы долине р. Бири. Над неглубоко выбитыми неопределенными, по мнению исследователя, фигурами (рисунок которых в отчете имеется) «на выступающем и нависшем вперед камне треугольной формы, на грани его, обращенной к северо-западу, на высоте от земли 280 см. и на высоте 70 см. над вышеописанным камнем, находится две строки руноподобных знаков; верхняя строка, длиной в 30,5 см., состоит из 18 знаков, высотой в 3,8 см., выгравированных сплошной отчетливой чертой в 1 миллим. толщиной. Под серединой этой строки, именно под шестым знаком слева и под шестым же знаком справа, на 1 см. ниже, идет другая, более короткая строка в 15 см. длиной, состоящая из 8 знаков, ростом в 3-3,5 см.» (эстампаж XXX/29, фото 103, 104) (рис. 1 – 1).

С.Г. Кляшторный, не отыскав подлинника на месте, использовал изображение в отчете А.В. Адрианова и посчитал начертания единым текстом. Тюрколог предположил, что обе строки сохранились неполно, выразив это многоточием. Имеющиеся в верхней строке словоразделительные отметки не получили отражения в транскрипции[†]: (1) ...t(e)m(i)r čor(i)ŋ j(a)ŷ(i) (i)k(i)gü (2) išb(a)r b(i)ŋl(i)k... «(1) ...твоей Темир-чор вместе с Иагы-чором, они оба (2) Ышбар и обладающий тысячью...». В том же году, при составлении общего перечня, памятник получил обозначение Е 118 (Васильев Д.Д., 1976, с. 75). В своде надписей бассейна Енисея была издана транслитерация текста и не вполне точная, отклоняющаяся в деталях, копия рисунка, помещенного в тексте отчета А.В. Адрианова (Васильев Д.Д., 1983, с. 44, 78).

Исследование письменного памятника следует продолжить. Прежде всего, наиболее вероятно, что это не единый текст из двух строк, а две самостоятельных кратких надписи. Они отличаются друг от друга орфографическими нормами. В первой строке (обозначим ее как Туран I, Е 118/1) регулярно применены словоразделительные знаки-двоеточия (знаки 8, 14), столь же последовательно отсутствующие во второй строке (Туран II, Е 118/2). В надписи Е 118/1 словораздел применен даже в роли знака окончания текста (знак 18) – черта довольно редкая среди памятников енисейского письма. Кроме того, вторая строка несет следы полногласного написания, поскольку начинается с руны для узкого гласного ǀ i/ī, обычно опускавшегося на письме, как это и сделано в верхней строке, во всех случаях лишенной написания гласных в закрытых слогах.

* Возможно, это развал двух поздних смежных алтарных выкладок, вытянутых меридианально. Общие размеры развалившейся конструкции 16 x 10 м, при высоте в 1 м. В северной части – круглая западина диаметром 2-2,3 м, проникающая на всю высоту сооружения.

† Допущенные в транскрипции опечатки мною исправлены.

С изучением наскальных надписей Алтая становится все более очевидным, что нанесенные разными людьми рунические надписи могли не только соседствовать на одной и той же скальной плоскости (как это ранее всего отмечено на Сулекской писанице в Хакасии и Хая-Бажи в Туве), но и наноситься тесными рядами, примыкающими к ранее вырезанным строкам (Кызласов И.Л., 2000, с. 91-97; 2002, рис. 6, 10, 24; 2003, рис. 3, 7, 21). Подобный случай встречаем далее и на Туранской писанице при размещении двух надписей Туран VI и VII.

Следует исправить прочтения обеих надписей, а также их понимание, предложенные С.Г. Кляшторным, в ту пору не подозревавшим о молитвенном назначении кратких наскальных рунических начертаний Южной Сибири.

Текст: :᠒ ᠑ 15 ᠶ :ᠮ ᠶ ᠯ 10 ᠶᠢ ᠳ :ᠶ ᠮ 5 ᠶ ᠯ ᠶ ᠶ ᠶ ᠶ ᠶ

Транслитерация: t²mr²čо(u)r¹η : j¹γčо(u)r¹ : kgü(ö) :

Транскрипция: t(e)m(i)r čor(u)η : j(a)γ čor : (i)k(i)gü :

Перевод: Твой Темир-чор и Иаг-чор вдвоем (здесь молились).

Разбор

1-3. Слово temir «железо» нередко служило мужским именем (Древнетюркский словарь, 1969, с. 551: temir, temür) и, выступая в нем определением, ярко проявляет свойственное тюркским народам стремление наделить нарекаемого желательными чертами характера или жизненных условий (см. далее знаки 9-10). В надписи имя сопровождается титулом, т.е. это имя витязя-эра, а не детское прозвище простолюдина.

4-7, 11-13. Титул čor имели оба названных в надписи витязя. Мы нередко встречаем его (ранее читавшегося как čur) в рунических надписях и эпитафийных (орхонских, енисейских и таласских) (Малов С.Е., 1951, с. 376; 1959, с. 106; Кормушин И.В., 1997, с. 286), и в енисейских наскальных (см., например: Кызласов И.Л., 1999, с. 183). Точное социальное положение людей, наделяемых этим званием, не установлено.

В нашей надписи первый титул дополнен показателем -η, правильно воспринятым С.Г. Кляшторным как аффикс принадлежности 2-го лица единственного числа. Понимание словесной конструкции пришло лишь с открытием молитвенной сути енисейских наскальных начертаний. «Твой» означает здесь «принадлежащий Богу», «Твой раб, Господи». В наскальных надписях уже отмечено именование божества «моим Небесным Повелителем» (Дэл-ула I), «моим Отцом» (Ялбак-Таш V). Ближайшее соответствие изучаемой форме встречаем в надписи Бичикту-Бом II/2: kiši oyl(i)η(i)γ «(Явись) Твоему сыну человеческому» (Кызласов И.Л., 2000, с. 94-97, рис. 4, 6, 7; 2001, с. 247, 249). Имя бога в надписях не называлось, поскольку в манихейской религии составляло высшую тайну (Ялбак-Таш II: Кызласов И.Л., 1999а, с. 108-115).

9-10. Прочтение j(a)γ(i), предложенное С.Г. Кляшторным, противоречит основам рунической орфографии, согласно которым гласный звук открытого слога должен быть обозначен. Кроме того, значение получаемого таким образом слова («враг»: Древнетюркский словарь, 1969, с. 224), не годится для личного имени. Читать здесь нужно то, что написано: j(a)γ «жир, масло» (Древнетюркский словарь, 1969, с. 223). Перед нами значимое мужское имя, определение, благожелательно сулящее достаток, сытую жизнь нарекаемого.

Вероятно, лишь для современного сознания заметно любопытное схождение в одной лаконичной надписи двух имен с определенным внешним противостоянием характеристик: твердого (железный) и мягкого (жирный, масляный). В самом раннесредневековом обществе за этими именами стояли явления не сопоставимого, а разного порядка – долголетия (прочности) и благоденствия (сытости).

15-17. С.Г. Кляшторный оправданно предположил, что в записи А.В. Адрианова последний знак надписи передан неполно и вместо руны ᠒ в оригинале была буква ᠒. Последнее слово текста могло звучать по-разному (ikigü или ikädü), руническое написание, как и содержание, будет одно: «оба, двое, вдвоем».

Надпись выполнена енисейским письмом, о чем свидетельствует облик руны ᠶ m (знак 2). Остальные буквы непоказательны. Особенности орфографии надписи разобраны выше.

Исторический комментарий

Важно заметить, что о поклонении двух человек сделана одна, общая надпись. Морфологические особенности указывают на ее автора – это был Темир-чор, подчеркнувший

личное отношение к божеству. До накопления нового эпиграфического материала нельзя решить, действительно ли двое сановников одновременно совершили поклонение у скалы или один из них молился от имени обоих. Известные ныне наскальные надписи отмечают два вида молений: сугубо личных, сокровенно совершаемых у скал, а также и возносимых во имя другого лица его духовником (Кызласов И.Л., 2001; 2002; 2003). Однако в последних случаях имя писавшего нигде не обозначено. Из этого можно заключить, что Тимир-чор был мирянином.

Пожалуй, только наскальная надпись Яблак-Таш XII, может быть сближена с изучаемой, если принять ее направленность на группу лиц – целое воинское подразделение.

Близкую внешнюю аналогию составляет серия письменных отметок, нанесенных не на скалу, а на спину изваяния середины VIII в., прозванного «Богатырь» и стоявшего на левом берегу Енисея. Судя по надписям и тамговому знаку, скульптура почиталась. Хотя во всех случаях надписи на ней сделаны от первого лица, три строки этого памятника (Е 37/1)* по палеографическим особенностям составляют две группы, содержащие по два мужских имени. В одну группу объединяются две первые строки – (1) q(a)raq : örgi b(e)n (2) bö[gä] t(?)a)št(i)n²q(?)i b(e)n «(1) Я – Карак-ёрги (2) (и) я – Бёге- таштынкы (?)». Другую группу представляет третья строка, в которой высечены два имени: (3) ti(ü?)rg(i/e)s(š?) b(e)n č(a)ñši b(e)n «(3) Я – Тиргис (Тюргеш?) (и) я – Чангши» (Кызласов Л.Р., Кызласов И.Л., 1994, с. 33-37, рис. 1-3; Кызласов И.Л., 1994, с. 195, 196, рис. 28). Этот памятник убеждает, что на Енисее в эпоху рунического письма существовала пока непонятная нам традиция парных мужских поклонений, сопровождавшаяся созданием камнеписных именных надписей.

Надпись Туран II (Е 118/2)

Как мы видели, первое предложенное прочтение надписи (Кляшторный С.Г., 1976, с. 70) не создало связной фразы. Строка действительно трудна для понимания (рис. 1 – 2). Предлагаемое мною чтение – лишь вариация, но, как постараюсь показать, правдоподобная.

Текст: **☉ Y 1 5 ✕ Y 1 2 Y 1**

Транслитерация[†]: iičb¹r¹b²η(i?)l²g

Транскрипция: ič b(a)r bi(?)l(i)g

Перевод: Душа имеется, (а) знания (Истины нет. Вразуми, Господи!).

Разбор

1-2. Необычен в написании второй знак надписи. С.Г. Кляшторный читал его как š¹, но такая буква в виде трезубца **Y** не только редка в орхонском и енисейском письме, но и имеет в них значение ič или čī (см. сводку данных: Кызласов И.Л., 1994, с. 89, 91). Знак такого облика относительно часто применялся лишь на Горном Алтае. Он известен в пяти надписях, из которых только одна надежно прочитана недавно. В надписи Жалгыз-Тёбе, содержащей и другие палеографические редкости, руна-трезубец применена единственный раз и действительно читается как š¹ (Кызласов И.Л., 2004). Однако этот случай не может быть нам опорой.

Духовное содержание слова ič, буквально означавшего «нутро, внутренность» (Древнетюркский словарь, 1969, с. 201), проступает при учете двух существенных обстоятельств. Первое состоит в полногласном его написании, которое отличало енисейские манихейские тексты и было прямо порождено орфографией собственно манихейского письма (Кызласов Л.Р., Кызласов И.Л., 1994, с. 46-48; Кызласов И.Л., 1996, с. 124, 125; 1997, с. 165-177; 1999б, с. 88-98). Следовательно, перед нами манихейская надпись. Второе обстоятельство заключено в применении слова ič в смысле «душа» в молитвенной надписи на горе Крес хая в Хакасии (Е 137), автор которой жаждал духовного совершенства (Кызласов И.Л., 1994, с. 188, рис. 20; 2000а).

3-4. Этими знаками записано слово *baγ* «есть, имеется». Таким образом, первые четыре руны содержат законченную мысль, что следует учитывать при прочтении последующих знаков.

*Этот памятник долго воспринимался как эпитафия. Ошибка продолжает существовать и сегодня (Кормушин И.В., 1997, с. 123-127).

† В транслитерации и транскрипции подчеркнутая пара букв соответствует одному знаку оригинала.

5-8. Аффикс обладания, наделенности -lig трудно представить в качестве оформления числительного biŋ «тысяча», даже если под ним понимается воинское подразделение такой численности. Но, и допуская такое построение, его правильнее было бы видеть в строке до, а не после определяемого. Все это не позволяет принять предложенное С.Г. Кляшторным чтение этих знаков.

Отвергнув имя собственное, якобы записанное в начале строки, следует искать и не связанное с biŋ прочтение последующих рун. На примере предыдущей надписи (знак 17) мы видели, что А.В. Адрианов не всегда точно передавал части отдельных букв. Поскольку понимание знака б как Ўŋ не дает подходящего слова, полагаю, что здесь могла быть руна Ёi, правый отводок которой не был замечен, а показанная на рисунке перекладинка случайна. Обозначение i в первом закрытом слоге здесь объясняется полногласной орфографией, проявившейся в первом слове надписи. Эти допущения дают слово bilig «знание» (Древнетюркский словарь, 1969, с. 99, 100), отвечающее контексту. Можно думать, что имелось в виду знание религиозной Истины.

Подобное стремление верующего к постижению божественной Истины, предпринятые им ради этого действия и создание посвященной всему этому рунической надписи мы встречаем в настенных граффити пещеры горы Тепсей, стоящей выше Турана по Енисею (Кызласов И.Л., 2001, с. 249).

Анализируемая строка не содержит заключительного слова (думаю, имелось в виду слово joq «нет, отсутствующий», уравнивающее всю фразу). Завершающего глагола, как мы видели, нет и в надписи Туран I, как это нередко бывает и в других наскальных написаниях.

Знак ъb (шестой в строке) характерен для енисейского письма. Руна Ў – архаичный знак, уцелевший в руническом письме от древней слоговой стадии его развития (Кызласов И.Л., 1994, с. 105-142, табл. XXXVII). Звук i заключен уже в природе самого знака iĉ, дополнительного обозначения он, следовательно, не требует. Однако в нашем случае он вышел за пределы руны и записан отдельной буквой (см. знаки 1 и 2). Отсюда внешне избыточная транслитерация слова: iĉ. Это явление, возникающее в памятниках при утверждении алфавитного принципа написания, наблюдается и в рунических манихейских рукописях Восточного Туркестана. В них отмечен даже выход за пределы первично единого знака для пары согласных одного из этих звуков (Кызласов И.Л., 1994, с. 138).

Показанная орфографическая особенность позволяет относить надпись Туран II к образцам поздней рунической письменности и, по аналогии с рукописями Туркестана, датировать ее X в.

Надпись Туран III (Ю 11)

Строка, вертикально вырезанная на стеле одного из курганов, расположенных во внутреннем логу горы Тепсей, изучалась мною совместно с Л.Р. Кызласовым в 1981 г. Сопровождена тамгою и выполнена южноенисейской рунической письменностью, пока не дешифрованной и малоизвестной. Памятник издан в прорисовке в сводных палеографических работах под названием Туран III и наделен индексом надписей южноенисейского письма – Ю 11 (Кызласов И.Л., 1988, рис. 2; 1990, с. 105, рис. 30, 1, 2; 1994, с. 308, 309; Kızlasov L.R., Kızlasov I.L., 1994, s. 109, res. 13). Конечно, порядковая нумерация этого письменного памятника, как и последующего, нарушает сплошной счет наскальных надписей Турана, но так уж сложилась история изучения рунических начертаний этой горы^{*}.

Надпись Туран IV

Трудноразличимая надпись на курганной стеле того же могильника внутри горы, обнаруженная Л.Р. Кызласовым в 1981 г. Опубликована в прорисовке, палеографическое определение ее по этим материалам не может быть установлено (Кызласов И.Л., 1988, рис. 3, 1; 1990, с. 105, рис. 30, 3). Новое изучение подлинника, быть может, привело бы к лучшему распознаванию надписи, нанесенной легкими штрихами.

Надпись Туран V (Ю 19)

«Непосредственно ниже рун [Туран I и II – И.К.] и этих фигур тончайшими штрихами, и не без изящества, награвированы – слева конь; затем еще конь со всадником, впереди

^{*} В работах 1988 и 1990 гг. я применял параллельную нумерацию, но это неудобно.

превосходно расписанный олень и правее его еще три оленя один за другим и перед самым крайним справа начертан знак [древнехакасская тамга IX-X вв., опубликованная Л.Р. Кызласовым (1965, рис. 7-2) – И.К.], а непосредственно за расписным оленем, слева: [следует рисунок надписи, воспроизводимый мною на рис. 1 – 3 – И.К.]. Эти все фигуры и надписи воспроизведены на эстампаже ХХХ/29 и фотографированы под №№ 103 и 104. ... утес в этом месте спускается в воду, а фигуры находятся на значительной высоте».

Для копирования и фотографирования этой части писаницы А.В. Адрианову пришлось установить в реку козлы с настилом, материал для которого был доставлен с того берега Енисея. Только благодаря этим усилиям мы ныне можем отметить существование на Туране еще одной надписи южноенисейского письма. Следуя порядку издания этих редких для Южной Сибири начертаний, она должна получить индекс Ю 19 (сводку известных надписей см.: Кызласов И.Л., 1994, с. 289-318). Тем самым, после Сулекских гор Туран предстает вторым местом скопления южноенисейских надписей на территории Хакасско-Минусинской котловины.

Согласно архивному рисунку, надпись состояла из четырех (возможно, и пяти) вполне характерных букв (ср.: Кызласов И.Л., 1994, табл. XV, 2, 17, 25). Возникает сложность лишь в определении второго знака, зарисованного не полностью. Исходя из свободного расположения прочих букв надписи, здесь наиболее вероятно видеть передачу одной руны – знака, до этого зафиксированного в двух южноенисейских надписях и в моей книге 1994 года стоящего на табл. XV под № 27. В этом случае надо считать, что вертикальный штрих слева лишний, а необходимый центральный ствол остался не замеченным. Если же исходить из того, что левые начертания переданы точно, то перед нами знак № 9 (табл. XV), а правая галочка принадлежит части буквы, которую опознать нельзя.

Надпись Туран VI

Две другие надписи обнаружены А.В. Адриановым «на том же камне, но на противоположной его стороне, на грани, обращенной вверх по реке». Точнее, «пониже этого камня идет гладкая грань 63 x 33 см.», на которой левее двух конских фигур были «в гравировке и слабой выбивке заметны две коротких строки руноподобных знаков; хотя руны и прочерчены довольно отчетливо, но маскируются множеством последующих штрихов» (рис. 1 – 4-5). «Все это было воспроизведено на эстампаже ХХХ/30». Обе строки близки друг другу и отличаются от выше описанных надписей обликом букв для b^2 – длинные линии верхнего угла знака, пожалуй, указывают на относительно позднее появление этих граффити.

Рисунок верхней строки передает шесть знаков (рис. 1 – 4), облик четвертого и пятого из которых вызывают сомнения. Маловероятно также, чтобы текст завершался звуком d^2 . Быть может, на скале эта руна не была последней.

Текст: X (r?) I (y? □ ~ (?) H y Y X

Транслитерация: $b^2 r^2 k q (? \eta ?) s^2 (? i ?) d^2$

Вполне понятно, что сколько-нибудь уверенное прочтение начала надписи возможно лишь при опоре на несомненные его аналоги. Они мне неизвестны. Однако принадлежность всех знаков строки к рунам для мягкорядных звуков, равно как и известные ныне смысловые рамки наскальных надписей как таковых, позволяют предложить на пользу дальнейшей работе вероятное прочтение трех-четырёх начальных знаков.

Здесь могло быть числительное $b(i)r$, примененное в значении «первый», или, что бывало нередко, выступающее в служебном значении неопределенного артикля, а то и начала парного словосочетания (Древнетюркский словарь, 1969, с. 101). Это предположение кажется мне наиболее вероятным и подкрепляется сравнением с ниже вырезанной строкою Туран VII.

Формально возможно видеть в первых трех буквах и запись определения $b(e)rk$ «крепкий» или производного от глагола $b(i)r(i)k$ - «соединяться, объединяться». Менее вероятно в начале фразы глагольная форма – обращенный к высшим силам вежливый молитвенный призыв $b(e)r(i)k(i)\eta$... «вникните, проникните, поймите», образованный от глагола $berik$ - (Древнетюркский словарь, 1969, с. 96, 102).

Достаточно первого знака b^2 , чтобы признать надпись енисейской.

Надпись Туран VII

В этой строке рисунок передает лишь четыре знака (рис. 1 – 5). Облик первого из них вновь указывает на енисейское письмо. Буквы нанесены в явной курсивной манере, т.е. строка выполнена иной рукой, чем предыдущая надпись Туран VI. При учете этого особенно значимо, что второй краткий камнеписный текст начинается так же как предыдущий.

Сомнителен третий знак: это или руна $\text{З н}\check{\text{ц}}$, написанная в левом развороте, или С g . Для обоих случаев не удастся предложить чтения, включающего все зарисованные А.В. Адриановым знаки.

Текст: $\text{Ч}(\text{С ?-}) (?) \text{З } \text{У} \text{Х}$

Транслитерация: $b^2r^2n\check{c}(?g?)z$

Вновь можно думать, что надпись начинается числительным $b(i)r$ в тех его функциях, что названы для строки Туран VI, или даже со слова $b(i)r(i)n\check{c}$ «первый». Восприятие третьей буквы как самостоятельного слова $(i)n\check{c}$ «покой» не продвигает понимания надписи.

Рассмотренные в целом, памятники рунического письма свидетельствуют о религиозном поклонении горе Туран, существовавшем в раннем средневековье. Размещение текстов указывает на то, что обряды вершили жители долины, лежащей у северного подножия утеса. Судя по палеографическим различиям, надписи появлялись на скале в разное время, при чем одновременные строки тяготели друг к другу (Туран I и II, VI и VII).

Показательна многократность письменных отметок, вновь проявляющая связь манихейского горного культа с письменной культурой. Такое явление ранее отмечалось для Тепсея и Хая-Бажи (Хакасско-Минусинская и Тувинская котловины) в связи с бывшими близ них речными переправами. Особо многочисленные скопления молитвенных граффити на скалах долин Чарыша, Кара-Кола и Чуи на Алтае позволили заметить другую причину появления надписей – бывшее существование близ таких гор монастырских обителей. Подобным образом, вероятно, можно теперь объяснять и причины появления надписей на Сулекской писанице в Хакасии (Кызласов И.Л., 2004а).

В последнем случае, как и на Туране, соседствуют надписи двух рунических алфавитов – енисейского и южноенисейского. Не может быть сомнения в том, что носители разных систем письма поклонялись одной и той же горе. Следовательно, в IX-X вв. там существовали две общины одной религиозной принадлежности, но отличавшиеся друг от друга происхождением и приверженностью к различным письменным традициям. Обитание носителей южноенисейского письма у Турана подтверждено и надписью Ю 11 (Туран III) на курганной стеле внутреннего лога.

Подобное разнообразие рунических алфавитов (орхонского, южноенисейского и разных вариантов енисейского) отразилось и на почитаемой скале Бичикту-Бом на Алтае (Кызласов И.Л., 2004 а, с. 115, 118, 127). По своим палеографическим признакам южноенисейская письменность принадлежит к евроазиатской группе рунических писем и наиболее близка к алфавитам Средней Азии (Кызласов И.Л., 1994, с. 42-73). Для Южной Сибири в целом и Хакасско-Минусинской котловины в частности эта письменность пришла. Тем не менее, как видим на примере писаниц Сулекской горы, Турана и Бичикту-Бома, манихейские святыни оказывались общими для всех трех разновидностей манихейства, выделяемых ныне средствами рунической эпиграфики.

Публикуемые материалы подтверждают применение манихейством на вновь обрабатываемых в религию Света землях местных письменных систем. В южноенисейских надписях на Енисее и Катуня мы видим свидетельства и дальнего передвижения среднеазиатских миссионеров, воспринимавших в Южной Сибири аборигенные горные культы. Постичь же различия тех манихейских духовных течений, которые ныне различаются эпиграфически, науке еще предстоит.

Пожалуй, ни одна вновь прочитанная руническая надпись уже не добавит ничего принципиально нового к нашим представлениям о письменной культуре местного манихейства. Но понять особенности северного, сибирского ответвления этой религии без исследования рунических надписей совершенно невозможно. Других равноценных источников сегодня нет.

Литература

1. Васильев Д.Д. Памятники тюркской рунической письменности азиатского ареала // Советская тюркология. – Баку, 1976. – № 1. – С. 71-81.
2. Васильев Д.Д. Корпус тюркских рунических памятников бассейна Енисея. – Л., 1983. – 127 с.
3. Древнетюркский словарь. Редакторы: В.М. Наделяев, Д.М. Насилов, Э.Р. Тенишев, А.М. Щербак. – Л., 1969. – XXXVIII + 676 с.
4. Кляшторный С.Г. Руническая эпиграфика Южной Сибири (наскальные надписи Тепсея и Турана) // Советская тюркология. – Баку, 1976. – № 1. – С. 66-70.
5. Кормушин И.В. Тюркские енисейские эпитафии. Тексты и исследования. – М., 1997. – 303 с.
6. Кызласов И.Л. Новая руническая письменность Южной Сибири // Археология Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1988. – С. 108-140.
7. Кызласов И.Л. Древнетюркская руническая письменность Евразии. Опыт палеографического анализа. – М., 1990. – 179 с.
8. Кызласов И.Л. Рунические письменности евразийских степей. – М., 1994. – 327 с.
9. Кызласов И.Л. Три типа древнетюркской рунической орфографии // 90 лет Н.А. Баскакову. – М., 1996. – С. 124-136.
10. Кызласов И.Л. Разновидности древнетюркской рунической орфографии. Отражение манихейской письменной культуры в памятниках енисейского и орхонского письма // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. – Budapest, 1997. – Т. L., fasc. 1-3 – С. 163-184.
11. Кызласов И.Л. Наскальная история Западной Монголии // Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов. Тезисы докладов. – Томск, 1999. – С. 182-183.
12. Кызласов И.Л. Материалы к ранней истории тюрков. IV. Образованность в эпоху рунического письма // Российская археология, 1999а. – № 4. – С. 99-117.
13. Кызласов И.Л., Орфографические признаки манихейских рунических надписей // Вопросы тюркской филологии. – М., 1999б. – Вып. IV. – С. 85-112.
14. Кызласов И.Л. Памятники рунической письменности в собрании Горно-Алтайского республиканского краеведческого музея // Древности Алтая. – Горно-Алтайск, 2000. – № 5. – С. 82-112.
15. Кызласов И.Л. Фыркальская руническая надпись и ее тамга // Ежегодник Института саяно-алтайской тюркологии. – Абакан, 2000а – IV. – С. 69-75.
16. Кызласов И.Л. Смена мировоззрения в Южной Сибири в раннем средневековье (Идеи единобожия в енисейских надписях) // Древние цивилизации Евразии. История и культура. – М., 2001. – С. 243-270.
17. Кызласов И.Л. Памятники рунической письменности Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 2002. – 162 с.
18. Кызласов И.Л. Новости тюркской рунологии. Вып. I. Енисейские надписи на горе Ялбак-Таш (Горный Алтай). – М., 2003. – 109 с.
19. Кызласов И.Л. Руническая надпись на Жалгыз-Тёбе // Археология и этнография Алтая. – Горно-Алтайск, 2004. – Вып. 2. – С. 66-75.
20. Кызласов И.Л. Манихейские монастыри на Горном Алтае // Древности Востока. Сборник к 80-летию профессора Л.Р. Кызласова. – М., 2004а. – С. 111-129.
21. Кызласов Л.Р. О датировке памятников енисейской письменности // Советская археология, 1965. – № 3. – С. 38-49.
22. Кызласов Л.Р., Кызласов И.Л. Новый этап развития енисейской письменности (конец XIII – начало XV в.) // Российская археология, 1994. – № 1. – С. 33-49.
23. Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. – М.-Л., 1951. – 451с.
24. Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. – М.-Л., 1959. – 108 с.
25. Kızlasov L.R., Kızlasov I.L. Sayan-Altay türkçelerinin yeni runik yazısı // Türk Dili Araştırmaları Yıllığı. Belleten, 1990. – Ankara, 1994 – S. 85-136.

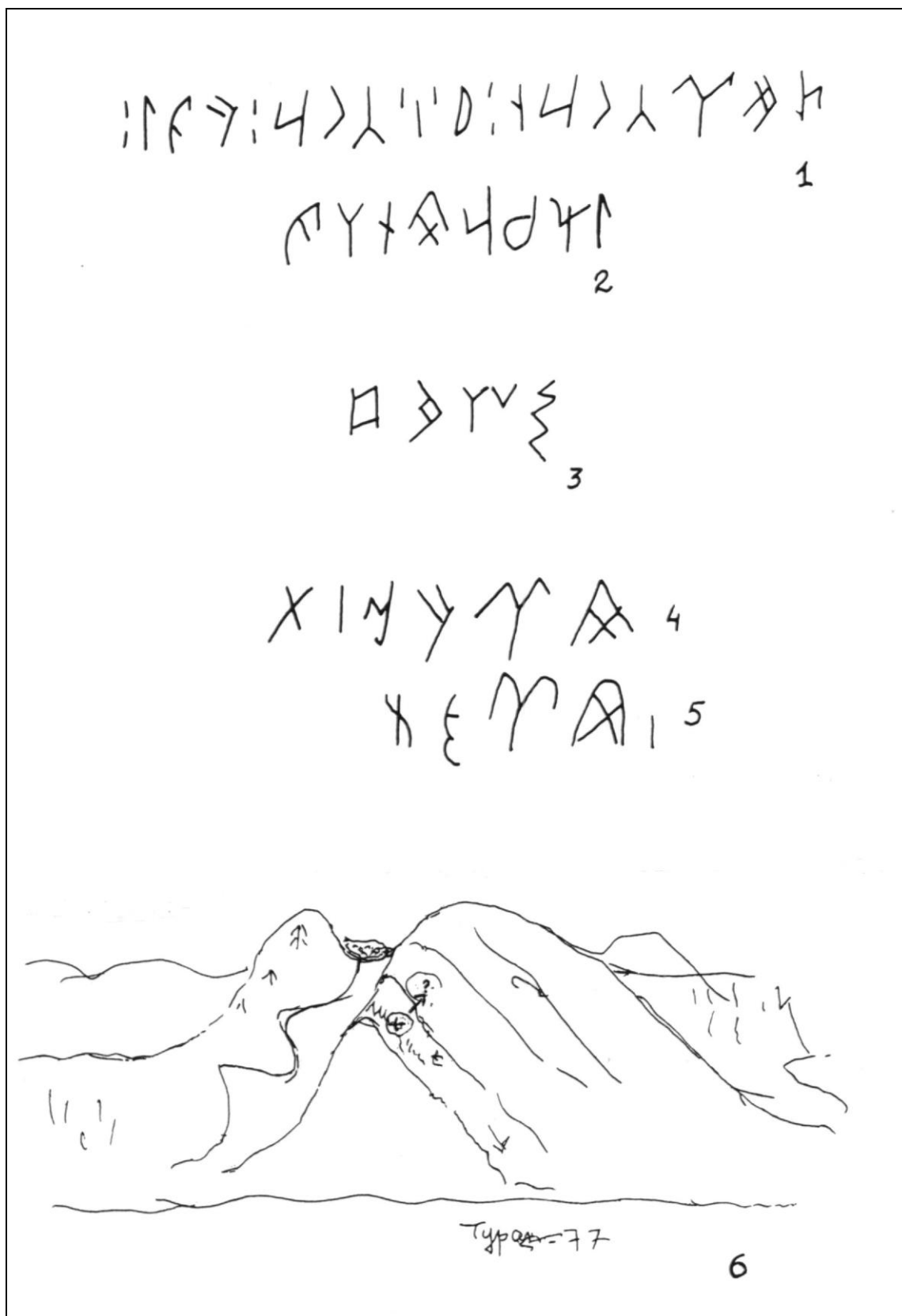

Рис.1

Надписи и рисунок горы Туран. 1 – надпись Туран I, 2 – надпись Туран II, 3 – надпись Туран V, 4 – надпись Туран VI, 5 – надпись Туран VIII, 6 – схема вероятного нахождения надписи (крест в круге), найденной в 1977 г. на северном склоне горы. 1-5 – по А.В. Адрианову, 1904 г., 6 – по В.Ф. Капелько, 2000 г.

Серегин Н.Н.
(г. Барнаул)

МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ ЗЕРКАЛА В ПОГРЕБЕНИЯХ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ КОЧЕВНИКОВ СЕВЕРО-ЗАПАДНЫХ РАЙОНОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Зеркала – один из широко распространенных за пределами Поднебесной империи предметов китайского импорта (Стратанович Г.Г., 1961, с. 47). В памятниках кочевников северо-западных регионов Центральной Азии подобные изделия появляются со 2-й пол. I тыс. до н.э. Именно в это время отмечаются достаточно тесные торговые и дипломатические контакты кочевников с представителями оседло-земледельческих цивилизаций. Китайские зеркала или их копии в значительном количестве фиксируются в памятниках скифо-сакского и гунно-сарматского времени. Раннее средневековье – период активных взаимоотношений кочевников с соседними народами, что в значительной степени обусловлено масштабами политических образований, созданных скотоводами во 2-й пол. I тыс. н.э. Кроме того, внешние связи Поднебесной империи в VII–VIII вв. характеризуются высокой степенью интенсивности, в том числе и по отношению к северным народам. Одним из свидетельств различного рода контактов являются металлические зеркала, изготовленные китайскими ремесленниками или представляющие копии с их продукции.

Обобщающей работой, посвященной анализу импортных зеркал применительно к территории Южной Сибири, является монография Е.И. Лубо-Лесниченко (1975), не потерявшая актуальности и на сегодняшний день. В ней рассмотрены изделия, найденные в Минусинской котловине и некоторых сопредельных районах и датирующиеся 2-й пол. I тыс. до н.э. – 1-й пол. II тыс. н.э. В приложение монографии помещено исследование И.В. Богдановой-Березовской (1975), имеющее самостоятельное значение. В данной статье отражены результаты изучения состава металла зеркал методом спектрального и полного количественного химического анализа. Указанные работы можно считать основой для дальнейшей работы по рассмотрению импортных зеркал и их копий. Однако выводы и наблюдения, представленные в монографии, требуют расширения и конкретизации.

Сводка зеркал из погребений кочевников тюркской культуры Саяно-Алтая и Монголии представлена в обобщающей работе Б.Б. Овчинниковой (1990). Количество находок за прошедшие годы изменилось незначительно, однако исследовательницу интересовали в основном вопросы классификации и типологии вещей, поэтому многие проблемы остались за рамками монографии. Тем не менее были обозначены общие тенденции в распространении зеркал у кочевников 2-й пол. I тыс. н.э.

Некоторые аспекты использования подобных изделий в погребальном обряде кочевников Центральной Азии эпохи раннего средневековья затрагивались в статьях археологов, публиковавших результаты раскопок памятников (см. Таблица I). В подобных работах, способствовавших, в первую очередь, накоплению источниковой базы, ставились новые вопросы, требовавшие рассмотрения в рамках специального исследования. Определенный интерес представляют публикации, в которых обозначены отдельные проблемы, связанные с интерпретацией зеркал (в том числе и китайских) из различных регионов Евразии.

Таким образом, в изучении зеркал, обнаруженных в погребениях кочевников северо-западной части центрально-азиатского региона эпохи раннего средневековья, накоплен определенный опыт. В различной степени рассмотрены проблемы хронологии и распространения подобных находок, представлены попытки их классификации, обозначены отдельные стороны мировоззренческих представлений кочевников. В то же время, почти без внимания исследователей остались вопросы, связанные с местом зеркал в погребальном обряде кочевников. Их рассмотрению и посвящена настоящая работа.

Основу источниковой базы исследования составили зеркала, найденные в ходе раскопок погребальных памятников тюркской культуры Горного Алтая (9 экз.), Тувы (6 экз.) и Монголии (2 экз.). Также привлечены материалы исследований курганов кочевников Ле-

состепного Алтая и Восточного Казахстана – сросткинской (11 экз.) и кимакской (4 экз.) культур. На обозначенных территориях известно определенное количество случайных находок зеркал (Масумото Т., 1993), однако подобные предметы нами не учитывались в связи с отрывочностью информации, которую они несут. Анализу были подвергнуты только зеркала из погребений, что позволило затронуть ряд дополнительных вопросов. В итоге было учтено 32 экземпляра, из которых 11 являются целыми изделиями, а остальные представлены фрагментами (см. Таблица I).

Рассмотрение имеющегося материала позволило обозначить ряд моментов, важных для понимания различных аспектов погребального обряда раннесредневековых кочевников.

Одним из элементов ритуальной практики является расположение вещей в погребении, которое, безусловно, не было случайным. Ситуация, зафиксированная при изучении памятника, может отражать то, как предмет носился при жизни, а также некоторые другие характеристики, связанные с прижизненным статусом человека, с обстоятельствами его смерти и т.д. Информация по обозначенному вопросу может быть получена при рассмотрении только тех погребений, которые не подверглись разрушению. Тем не менее, были выявлены некоторые закономерности, демонстрирующие традиции в расположении зеркал среди других предметов сопроводительного инвентаря в памятниках раннесредневековых номадов.

Почти все целые зеркала в погребениях кочевников тюркской культуры помещены в районе головы умершего. В трех других случаях подобные изделия были обнаружены на костяке лошади (Кубарев Г.В., 2005), в районе пояса человека (Овчинникова Б.Б., 2004) и у ноги погребенного (Савинов Д.Г., 1982). Несколько иная традиция наблюдается в отношении фрагментов зеркал. В тех случаях, когда удалось зафиксировать точное расположение, они были помещены в районе пояса умершего, и лишь однажды – у головы, причем в последнем случае в могилу было помещено два обломка зеркала (Вайнштейн С.И., 1958).

Итак, в погребальной практике кочевников тюркской культуры выделяются две основные ситуации в расположении зеркал среди других предметов сопроводительного инвентаря. Они могут быть объяснены с точки зрения их использования в повседневной жизни или с учетом специфики мировоззренческих представлений номадов. Помещение зеркал в районе пояса умершего может быть обусловлено тем, что они носились в поясной сумочке-футляре. Однако в большинстве погребений ее остатков не зафиксировано. В таком случае не исключено, что фрагменты зеркал подвешивались прямо на пояс. О возможности существования подобной традиции свидетельствует наличие специальных отверстий в некоторых изделиях (Грач А.Д., 1968; Савинов Д.Г., 1982). Затруднения вызывает интерпретация наиболее распространенной ситуации – расположения зеркал у головы умершего. Одним из вероятных объяснений может являться наличие определенных представлений, связанных с этой частью тела. Особое отношение к голове человека возникло в древности (Медникова Н.М., 2004, с. 40) и имело различное проявление. Возможно, некоторые специфические элементы ритуала, зафиксированные при исследовании ряда погребений эпохи средневековья в Южной Сибири, могут быть объяснены именно с этой точки зрения (Молодин В.И., Новиков А.В., Соловьев А.И., 2003, с. 78–79).

При изучении памятников сросткинской и кимакской культур отмечены и некоторые другие традиции. Прежде всего, обратим внимание на почти полное отсутствие целых зеркал. Однако это, по-видимому, связано не столько с особенностями ритуальной практики, сколько со сложностями получения предметов импорта из-за отдаленности от основных ремесленных центров и крупных торговых путей. Наиболее распространенной ситуацией в расположении фрагментов зеркал является их помещение в районе груди умершего. При этом на обломках многих изделий зафиксированы специальные отверстия (Ахинжанов С.М., и др., 1987; Абдулганеев М.Т., Егоров Я.В., 1995; Неверов С.В., Горбунов В.В., 1996; Горбунов В.В., Тишкин А.А., 2001). В данном случае зеркала могли использоваться как подвесные амулеты. Реже в погребениях кочевников Лесостепного Алтая и Прииртышья рассматриваемые изделия фиксируются в районе головы умершего (Неверов С.В., 1990; Грушин С.П., 2005).

Многие исследователи предпринимали попытку интерпретации сломанных зеркал. Анализ изделий из погребений раннесредневековых кочевников позволяет сделать ряд

наблюдений. Большое количество обломков может объясняться редкостью и ценностью импортных вещей и качественных копий. С другой стороны, имеются доводы, свидетельствующие в пользу намеренного фрагментирования зеркал. Есть все основания предполагать достаточно широкое распространение их использования в качестве амулетов. Помимо этого, на одном из раннесредневековых зеркал фиксируются следы спила (Могильников В.А., 1996), что является косвенным подтверждением наличия целенаправленных действий при использовании рассматриваемых изделий в погребальной практике.

Анализ материальной культуры любой общности нередко позволяет выявить комплексы предметов сопроводительного инвентаря, которые, в большинстве случаев, встречаются в одном погребении. Фиксация подобных деталей обряда делает возможной реконструкцию отдельных элементов этнографического облика древнего и средневекового населения. Изучение предметного комплекса из памятников раннесредневековых кочевников позволяет обозначить вещи, представляющие собой устойчивые наборы. В большинстве случаев, в погребениях кочевников тюркской культуры вместе с зеркалом находился деревянный или роговой гребень. Эти предметы чаще всего располагались вместе, так как были помещены в шелковую или кожаную сумочку-футляр. Таким образом, гребни преимущественно помещались в районе головы умершего.

Завершая рассмотрение традиций в расположении зеркал в могиле, отметим, что выявленные тенденции отмечаются у различных общностей Евразии в раннем железном веке и средневековье. В частности, распространенным является помещение подобных изделий у головы погребенного, в районе пояса и на груди умершего (Худяков Ю.С., 1998; Табалдиев К.Ш., 1999; Николаев В.С., 2004, с. 69–70; Руденко К.А., 2004, с. 127). Известны случаи ношения зеркал подвешенными на пояс, что характерно для кипчак-половецкой традиции (Руденко К.А., 2004, с. 126). Также достаточно часто вместе с зеркалами фиксируются деревянные или костяные гребни, помещенные в сумочку-футляр (Левина В.М., 1996, с. 227; Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А., 2002, с. 423–424; Николаев В.С., 2004, с. 69–70). С одной стороны, схожесть традиций может свидетельствовать об определенной универсальности мировоззренческих представлений кочевников. Однако для подтверждения этого необходимо отдельное рассмотрение каждой общности и дальнейшее сопоставление полученных результатов.

В погребениях с зеркалами почти всегда помещены наборы украшений, что является одним из маркеров женских захоронений. Эти наблюдения подтверждаются имеющимися антропологическими определениями. Что касается возраста умерших, то каких-либо устойчивых закономерностей в этом плане не наблюдается. Зеркала обнаружены в погребениях как зрелых и пожилых женщин, так и подростков. Не исключено, что в каждом конкретном случае рассматриваемые изделия могли нести разную символическую нагрузку (Грушин С.П., 2005, с. С. 137).

Обратим внимание на то, что зеркала традиционно считаются предметом, отличающим женские погребения. Подобная ситуация зафиксирована на различных территориях Евразии и неоднократно интерпретировалась исследователями (Смирнов К.Ф., 1964, с. 152–160; Хазанов А.М., 1964; Плетнева С.А., 1981, с. 69–70; Кузнецова Т.М., 1988; Табалдиев К.Ш., 1999; и др.). В частности, при исследовании погребальных комплексов раннего железного века, археологи неоднократно отмечали, что наличие редких, в том числе импортных, зеркал в комплексе с другими предметами (алтариками, жаровнями и др.) может являться основанием для отнесения умершего к представителям определенной группы – жрецам, священнослужителям и т.д. (Тишкин А.А., Дашковский П.К., 2003, с. 223–231; Шульга П.И., 2003, с. 93–100). Использование зеркал в ритуальной практике фиксируется и в этнографическое время (Банников К.Л., Кузнецова Е.А. 1998). Вопрос о вещах, которые могут отличать погребения служителей культа в период раннего средневековья, на сегодняшний день остается открытым, хотя предпринимались попытки интерпретации отдельных памятников (Арсланова Ф.Х., 1981), а также определения предметов, «магического» свойства (Кубарев Г.В., 2005, с. 58–59). Анализ имеющегося в нашем распоряжении материала не дает оснований говорить об особой профессиональной принадлежности умерших, в составе сопроводительного инвентаря которых зафиксированы импортные зеркала или их копии.

Тем не менее, следует учитывать, что в Поднебесной империи рассматриваемые изделия относились к культовым предметам и сопровождалась целым комплексом мировоззренческих представлений (Стратанович Г.Г., 1961; Филиппова И.В., 2000, с. 106; Масумото Т., 2005 и мн. др.). Отношение номадов к китайской культуре было противоречивым (Воробьев М.В., 1994, с. 315–316), однако это не мешало знакомству элитных слоев общества с отдельными ее элементами. Вполне возможно, что символика декора китайских зеркал, а также их общее значение, определенным образом воспринимались и переосмысливались кочевниками. При этом конкретные сведения по обозначенной проблематике отсутствуют, поэтому предположения носят гипотетический характер.

С большей уверенностью можно утверждать, что находка импортного зеркала или его копии может свидетельствовать об определенном социальном статусе индивида. Рассматриваемые изделия относились к категории престижных предметов, о чем свидетельствует редкость их обнаружения с одной стороны и частота подделок – с другой. В большинстве случаев при изучении погребений с зеркалами зафиксированы и другие ценные вещи, часть которых относятся к предметам импорта (шелк, ювелирные и лаковые изделия, монеты).

Необходимо признать, что наблюдения, представленные в настоящей работе, носят предварительный характер. В значительной степени это обусловлено тем, что нами были затронуты только некоторые аспекты изучения зеркал в погребениях кочевников северо-западных районов Центральной Азии. В частности, специального анализа заслуживает динамика распространения зеркал в период раннего средневековья, в том числе и на территориях, весьма отдаленных от Поднебесной империи (Чиндина Л.А., 1991, с. 94–96; Матющенко В.И., 1995 и др.). Перспективным направлением исследования являются вопросы, связанные с определением подлинности зеркал из погребальных памятников номадов и рассмотрением технологии изготовления копий китайских предметов (Тишкин А.А., Хаврин С.В., 2004, с. 305; Тишкин А.А., 2006). Наиболее сложными остаются проблемы изучения мировоззренческих представлений кочевников. Полученные нами результаты не могут считаться окончательными без рассмотрения этих и других вопросов.

Литература

1. Абдулганеев М.Т., Горбунов В.В., Казаков А.А. Новые могильники второй половины I тыс. н.э. в урочище Ближние Елбаны // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. – Кемерово, 1995. – С. 243-252.
2. Абдулганеев М.Т., Егоров Я.В. Новые раскопки на Ближних Елбанах // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул, 1995. – Вып. V. Ч. II. – С. 190-195.
3. Арсланова Ф.Х. Культовые предметы из женских захоронений Прииртышья // Методические аспекты археологических и этнографических исследований в западной Сибири. – Томск, 1981. – С. 48-49.
4. Арсланова Ф.Х., Кляшторный С.Г. Руническая надпись на зеркале из Верхнего Прииртышья // Тюркологический сборник 1972. – М., 1973. – С. 306-315.
5. Ахинжанов С.М., Ермолаева А.С., Максимова А.Г., Самашев З.С., Тамагабетов Ж.К., Трифонов Ю.И. Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. – Алма-Ата, 1987. – 279 с.
6. Банников К.Л., Кузнецова Е.А. О смысловых значениях шаманских зеркал: проблемы осмысления культовых артефактов // Сибирь в панораме тысячелетий. – Новосибирск, 1998. – Т. 2. – С. 51-55.
7. Богданова-Березовская И.В. К вопросу о химическом составе зеркал Минусинской котловины // Лубо-Лесниченко Е.И. Привозные зеркала Минусинской котловины. – М., 1975. – С. 131-149.
8. Вайнштейн С.И. Некоторые итоги работ археологической экспедиции Тувинского НИИЯЛИ в 1956–1957 гг. // Ученые записки ТНИИЯЛИ. – Кызыл, 1958. – Вып. VI. – С. 217-237.
9. Воробьев М.В. Маньчжурия и Восточная Внутренняя Монголия (с древнейших времен до IX в. включительно). – Владивосток, 1994. – 410 с.
10. Горбунов В.В. Погребение IX–X вв. на р. Чумыш // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии Алтая. – Горно-Алтайск, 1992. – С. 86-87.

№	Памятник	Вид зеркала	Публикация
Тюркская культура			
1	Ак-Кобы-III, к. 2	Целое	Кубарев, 2005, табл. 95.-3
2	Аймырлыг-ХIII-1	Целое	Овчинникова, 2004, рис. 11-3
3	Бертек-34	Целое	Савинов, 1994, рис. 107.-3
4	Даг-Аразы-II-6	Целое	Овчинникова, 1990, рис. 33.-17
5	Джаргалынты, к. 2	Целое	Евтюхова, 1957, рис. 3
6	Каменный Лог	Фрагмент	Соенов и др., 2002, рис. 1.-13
7	Катанда-II, к. 5	Фрагмент	Гаврилова, 1965, рис. 7.-6
8	Курай-III, к. 2	Фрагмент	Евтюхова, Киселев, 1941, рис. 29.-34
9	Курота-II, к. 46	Целое	Суразаков, 1990, рис. 22.-1
10	Монгун-Тайга-57-XXVI	Целое	Грач, 1958, рис. 8, 9
11	Наинтэ-Сумэ	Фрагмент	Боровка, 1927, таблица IV-1
12	Саглы-Бажи-I, к. 19	Фрагмент	Грач, 1968, рис. 50.-5
13	Узунтал-VI, к. 1	Фрагмент	Савинов, 1982, рис. 11
14	Узунтал-VIII, к. 1	Фрагмент	Савинов, 1982, рис. 5.-9
15	Улуг-Бюк-II, к. 1	Целое	Длужневская, 2000, рис. IV-7
16	Черби, к. Б-18	Фрагмент	Вайнштейн, 1958
17	Юстыд-XIV, к. 2	Целое	Кубарев, 2005, табл. 46.-4
Сросткинская культура			
18	Ближние Елбаны-IX, к. 2, м. 4	Фрагмент	Абдулганеев, Егоров, 1995, рис. 2
19	Ближние Елбаны-XVI, м. 6	Фрагмент	Абдулганеев и др., 1995, рис. 2.-12
20	Грязново-III, к. 2, п. 1	Фрагмент	Могильников и др., 1980
21	Змеевка, к. 2, п. 2	Фрагмент	Неверов, 1982
22	Кирилловка-V, к. 1, п. 1.	Фрагмент	Могильников, 1996, рис. 1.-1
23	Поповская дача	Фрагмент	Тишкин, Горбунов, 2001
24	Рогозиха-I, к. 10, п. 2	Фрагмент	Неверов, 1990, рис. 1.-14
25	Тараскина Гора-V, к. 6	Фрагмент	Грушин, 2005, рис. 1.-2; Грушин, Тишкин, 2004, рис. 1.-1
26	Чумыш, к. 1.	Целое	Горбунов, 1992, рис. 3.
27	Шадринцево-I, к. 1, п. 4	Фрагмент	Неверов, Горбунов, 1996, рис. 5.-5
28	Яровское, к. 1	Фрагмент	Тишкин, Горбунов, 1998, рис. 1.-12
Кимакская культура			
29	Зевакино, к. 4	Целое	Арсланова, Кляшторный, 1973
30	Ковалевка, к. 1	Фрагмент	Ахинжанов и др., 1987, рис. 66.-13
31	Когалы-I, объект 9, п. 3	Фрагмент	Ахинжанов и др., 1987, рис. 113.-8
32	Темир-Канка-II, объект 2	Фрагмент	Ахинжанов и др., 1987, рис. 66.-14

Таблица I

Зеркала в погребениях кочевников тюркской, сросткинской и кимакской культур

11. Горбунов В.В., Тишкин А.А. Продолжение исследований курганов сросткинской культуры на Приобском плато // Проблемы археологии этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2001. – Т. VII. – С. 281-287.
12. Грач А.Д. Древнетюркское погребение с зеркалом Цинь-вана в Туве // СЭ. – 1958. – №4. – С. 18-34.
13. Грач А.Д. Древнетюркские курганы на юге Тувы // КСИА. – М., 1968. – Вып. 114 – С. 105-111.
14. Грушин С.П. Китайское зеркало из северо-западных предгорий Алтая // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Омск, 2005. – С. 134-137.

15. Грушин С.П., Тишкин А.А. Погребальные комплексы эпохи раннего железа и средневековья северо-западных предгорий Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2004. – Т. X. – С. 239-243.
16. Длужневская Г.В. Сопроводительный инвентарь и вопросы половозрастной дифференциации древнетюркского общества (по материалам погребального обряда) // Из истории Сибири. – Томск, 1976. – Вып. 21. – С. 193-200.
17. Длужневская Г.В. Комплекс древнетюркского времени на могильнике Улуг-Бюк-II // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. – Новосибирск, 2000. – С. 178-188.
18. Евтюхова Л.А. О племенах Центральной Монголии в IX в. // СА. – 1957. – №2. – С. 207-217.
19. Евтюхова Л.А., Киселев С.В. Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г. // Труды ГИМ. – М., 1941. – Вып. 16. – С. 75-117.
20. Кубарев Г.В. Культура древних тюрков Алтая (по материалам погребальных памятников). – Новосибирск, 2005. – 400 с.
21. Кузнецова Т.М. Зеркала в погребальном обряде сарматов // СА. – 1988. – №4. – С. 52-61.
22. Левина Л.М. Этнокультурная история Восточного Приаралья. I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. – М., 1996. – 396 с.
23. Литвинский Б.А. Зеркало в верованиях древних ферганцев // СЭ. – 1964. – №3. – С. 97-104.
24. Литвинский Б.А. Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы. – М., 1978. – 216 с.
25. Лубо-Лесниченко Е.И. Привозные зеркала Минусинской котловины. – М., 1975. – 155 с.
26. Лубо-Лесниченко Е.И. Китай на Шелковом пути. – М., 1994. – 326 с.
27. Масумото Т. О бронзовых зеркалах, случайно обнаруженных на Алтае // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. – Барнаул, 1993. – Ч. II. – С. 248-251.
28. Масумото Т. Китайские бронзовые зеркала (семиотический аспект) // Структурно-семиотические исследования в археологии. – Донецк, 2005. – Т. 2. С. 295-304.
29. Матющенко В.И. Состояние обмена и начало торговли в эпоху средневековья // Очерки истории обмена и торговли в древности на территории Западной Сибири. – Омск, 1995. – С. 105-132.
30. Медникова М.Б. Трепанации в древнем мире и культ головы. – М., 2004. – 208 с.
31. Могильников В.А. Находка китайского зеркала в Кулундинской степи // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул, 1996. – Вып. VII. – С. 158-162.
32. Могильников В.А., Неверов С.В., Уманский А.П., Шемякина А.С. Курганы у деревни Грязново // Древняя история Алтая. – Барнаул, 1980. – С. 106-130.
33. Молодин В.И., Новиков А.В., Соловьев А.И. Погребальные комплексы древнетюркского времени могильника Кальджин-VIII // Археология, этнография и антропология Евразии. – Новосибирск, 2003. – №2. – С. 71-86.
34. Неверов С.В. Курганы конца I тыс. н.э. могильника Рогозиха на Алтае // Охрана и использование археологических памятников Алтая. – Барнаул, 1990. – С. 112-116.
35. Неверов С.В. Погребения могильника Змеевка на Алтае (по материалам раскопок С.М. Сергеева) // Археология и этнография Алтая. – Барнаул, 1982. – С. 100-121.
36. Неверов С.В., Горбунов В.В. Курганный могильник сrostкинской культуры Шадринцево-I // Археология, антропология и этнография Сибири. – Барнаул, 1996. – С. 163-191.
37. Николаев В.С. Погребальные комплексы кочевников юга Средней Сибири в XII – XIV веках: усть-талькинская культура. – Владивосток; Иркутск, 2004. – 306 с.
38. Овчинникова Б.Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI-X вв. – Свердловск, 1990. – 223 с.
39. Овчинникова Б.Б. Древнетюркские памятники могильного поля Аймырлыг // Древности Востока. – М., 2004. – С. 86-110.
40. Плетнева С.А. Салтово-маяцкая культура // Степи Евразии в эпоху средневековья. – М. 1981. – С. 62-75.
41. Руденко К.А. Металлические зеркала золотоордынского времени из собрания Национального музея Республики Татарстан // Татарская археология. – 2004. – № 1-2 (12-13). – С. 111-156.
42. Савинов Д.Г. Древнетюркские курганы Узунтала (к вопросу о выделении курайской культуры) // Археология Северной Азии. – Новосибирск, 1982. – С. 102-122.

43. Савинов Д.Г. Могильник Бертек-34 // Древние культуры Бертекской долины. – Новосибирск, 1994. – С. 104-124.
44. Смирнов А.П. Волжская Болгария // Степи Евразии в эпоху средневековья. – М., 1981. – С. 208-212.
45. Смирнов К.Ф. Савроматы. – М., 1964. – 389 с.
46. Соёнов В.И., Трифанова С.В., Вдовина Т.А., Яжанкина С.И. Средневековое скальное захоронение в Каменном Логу // Древности Алтая. – Горно-Алтайск, 2002. – № 9. – С. 117-124.
47. Стратанович Г.Г. Китайские бронзовые зеркала: их типы, орнаментация и использование. // Восточно-азиатский сборник. Труды Ин-та этнографии АН СССР. – М., 1961. – С. 47-78.
48. Суразаков А.С. Раскопки памятников Курата-II и Кор-Кобы-I // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1990. – С. 56-96.
49. Табалдиев К.Ш. Зеркала из погребений внутреннего Тянь-Шаня // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. – Новосибирск, 1999. – Вып. 2. – С. 78-81.
50. Тишкин А.А. Китайские зеркала из памятников ранних кочевников Алтая // Россия и АТР. – 2006. – №4. – С. 111-115.
51. Тишкин А.А., Горбунов В.В. Курган сrostкинской культуры у оз. Яровское // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул, 1998. – Вып. IX. – С. 194-198.
52. Тишкин А.А., Горбунов В.В. Комплекс археологических памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). – Барнаул, 2005. – 200 с.
53. Тишкин А.А., Дашковский П.К. Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи. – Барнаул, 2003. – 430 с.
54. Тишкин А.А., Хаврин С.В. Предварительные результаты спектрального анализа изделий из памятника гунно-сарматского времени Яломан-II (Горный Алтай) // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. – Барнаул, 2004. – С. 300-306.
55. Филиппова И.В. Китайские зеркала из памятников хунну // Археология, этнография и антропология Евразии. – Новосибирск, 2000. – №4. – С. 100-108.
56. Хазанов А.М. Религиозно-магическое понимание зеркал у сарматов // СЭ. – 1964. – №3. – С. 89-96.
57. Худяков Ю.С. Зеркала из могильника Усть-Эдиган // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск, 1998. – №3. – С. 135-143.
58. Чиндина Л.А. История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья (релкинская культура). – Томск, 1991. – 184 с.
59. Шульга П.И. Могильник скифского времени Локоть-4а. – Барнаул, 2003. – 204 с.

Рыбаков Н.И.

(г. Красноярск)

**ОКО ЗУРВАНА МАНИ-БУДДЫ
по следам открытий экспедиции И. Аспелина (1887– 89)**

В иконографических памятниках Междуречья Июсов, открытых финской экспедицией под руководством И. Аспелина (1887г.), изображение полуфигуры в жреческом одеянии (Подкамень) получило изначальное наименование первооткрывателя как «Ассирийский священнослужитель» (рис.1 – 1). Он несет на короне знак в виде круга с малым кругом (или точкой) внутри. Эта деталь головного убора жреца не подвергалась осмыслению исследователями. По результатам полевых работ по окраинам Ошкольской степи и всего междуречья Июсов (материалы автора) выявлено несколько новых памятников с «загадочными фигурами», несущими подобный знак (рис.1 – 2-3-4). Диадема в виде круга с точкой внутри, или круга в круге, размещена на коронах вверх, по середине или на лбу, но,

по сути, эта деталь-символ имеет отношение неизменно к данному явлению. Предположение О. Менхен-Хельфена видеть в ассирийце самого апостола Мани, а жрецов как миссионеров, носителей религии света, не поддержано научным сообществом, а отечественными исследователями ставится под сомнение. Однако ряд аспектов, указанных им, недвусмысленно направляет нас к культурно-историческому региону ранне-средневекового Востока, а ссылка на Теодора Мопсуестома – к пространству религиозно-мифологических представлений народов Иранского нагорья, Месопотамии и Передней Азии. Исследования последних лет не отвергают мнение О. Менхен-Хельфена по множеству примеров новых памятников иконографии, разбросанных по каменным плоскостям в районе Северной Хакасии (Рыбаков Н.И., 2006, с.121-127). Данный культурно-исторический феномен имеет отношение к среде буддийско-манихейских связей Центральной Азии в период средневековья. Знак на коронах жрецов при первом впечатлении может быть определен как известный и принятый большинством исследователей символ солнца (Голан А., 1992, с. 28), третий глаз Шивы, центр Мира (зороастрийские тексты., 1997, с.20), глаз Ахура-Мазды (Литвинский Б.А., 1972, с. 152).

Путь самопознания и самосовершенствования, путь мистических вдохновений и воображения в небесном путешествии души, ведущий к спасению – черта мировоззрения первых гностиков. Эти тайные знания гностиков-звездопоклонников имеют определенные истоки в учении мандеев, в древнейших индийских текстах Упанишад, в среде магов Сасанидского царства, в таком же виде мы встречаем их в манихейском учении. Виденгрэн замечает: «Этот иудейско-иранский гностицизм в сфере космогонической мысли двигался (на восток – Н.Р.) целиком и полностью в русле иранской мысли с явными переключками с зерванистской системой и, кроме того, с радостью отдавался всевозможным спекуляциям на тему света» (Виденгрэн Г., 2001, с. 41). Скомбинировав астрономические теории с древними семитскими верованиями, жрецы-халдеи из Харанна, у которых сохранилось древнее вавилонское поклонение звездам, вывели религиозное учение, согласно которому: «...Солнце, умственный свет, должно было сознаться в качестве управляющего миром разума, и, следуя дальнейшей логике, этот вселенский разум становился бы создателем человеческого разума-искры, выделившегося из космического огня...» (Кюмон Ф., 2000, с. 243) В период влияния эллинистических идей на палестинское сектанство тайное знание несло тайное предложение «... о тождественности абсолютного в божестве и человеке, а потому и о возможности слияния познаваемого и познающего» (Трофимова М.К., 1979, с. 11).

Влияние астрологических теорий стало определяющим в доктрине манихейства – как известно, сам Мани вырос среди звездопоклонников (Зудерман В., 1989, с. 68). Суть изначальной космологической традиции выразилась в символике всех религий Востока, являясь внутренней эзотерической стороной религиозно-мистических учений прошлого, но как идеальный метод трансцендентального знания символ отвечал требованиям идейного фонда поздней античности.

Корпус символов структурно-мифологического содержания в Гнозисе (таких, как центр мира, божественное сердце, мировое древо, буквенно-числовое соответствие и изначально проявленное Слово-Глагол) существует именно в силу связи с изначальной Традицией (Генон Р., 2004, с. 29).

В книге Бытия космогоническому *Fiat Lux* – «Да будет Свет» символизирует первый «священный брак». В египетской теологии Архетипический и Творческий Ум изливает всю бесконечность своих сил через свое Отеческое Основание. В фаллическом символизме жречество использовало семя для представления духовных сфер, потому что все содержит то, что есть в нем (Холл М.П., 1992, с. 194); все обусловлено причинами и соотносится с причиной также, как лотос с солнцем, как сотворенный свет управителем Вселенной Отцом Ума (он же есть Бог, и все есть Бог, и все есть во всем, и каждое в каждом). Кэмпбэл замечает, позднешумерский клинописный текст гласит: «Когда Небо и Земля возникло из первичного океана, оно имело форму горы, вершина которой, Небо (Ан), было мужским началом, а основание, Земля (Ки), – женским» (Кэмпбэлл Д., 1997, с. 97). Этот сюжет повторяется в классических легендах Древней Греции, в Египте (только первоисточники поменялись местами: Небо Нут – женское начало, Земля Геб – мужское),

в мифологемах Авесты, древних религиях Китая и Индии. Пуруша и Пракрити в индуистской традиции – вселенские «сущность и субстанция» под воздействием вселенского духа Атман, испускающего «Небесный луч», отражающийся в зеркале «Вод», в их лоно проникает божественная искра-семя «Золотой зародыш», которая реализуется в виде цветка Лотоса как неизменное средоточие Инь и Янь – дальневосточный символ, метафизический эквивалент рождения и смерти, феноменальная чета, сопровождающая и дополняющая друг друга (Васильев Л.С., 2001, с. 81). Образ прорастающего лотоса в обратном стремлении вверх сквозь Небесную твердь соединяет золотую солнечную дверь зенита с пупом земли, и представляет всеобщий мифологический мотив центра мировой горы Меру. Лотос тоже Древо Мира – «... это чистое, это Брахман, это зовется бессмертным. В этом утверждены все миры, никто не выходит за его пределы, поистине это – То». (Кэмпбэлл Д., 1997, с. 250). Первый этап концепции Творения – Идея; произнесенное слово в слух – второй шаг, при этом слово придает идее форму и бытие.

Великий сценарий Творения изложен в Сефер Йецире (Холл М.П., 1992, с. 427-433), первая часть которого может быть представлена в следующем порядке:

1. В начале Идея – это Мысль в себе самой, в неосязаемом эфире (Авир) – «Бог размышляет».
2. Проявление Слова-Логоса – выражение Первопринципа (Мемра).
3. Эманирование из мысли божественного Света (Аор) – «Да будет Свет» (Йехи аор).
4. Изъявление начала и действия (Света-семени) от непостижимого к постижимому пониманию.

Манифестацией явления «света-семени» центра всех вещей, или Логоса в сердце Мира, проникнута вся философская мысль античности. Всё, что вовлечено в обращение формулы «Начало» (свет-семя), будучи нацеленной на первоначальную неизменность, неизменно держится в центре, как само «Первоначало», как потенции любого существа, как результат космогонического акта разделения Света от Тьмы. В писаниях мандеев Творение трактуется как изгнание тьмы. «... И когда Семя упадет на кровь Чрева, оно очистит кровь и сделает его одной природой с Самим Собой так, чтобы внутри совсем не осталось тьмы» (Дровер Е.С., 2004, с. 325). В нем Сияние (Ziwa) сформируется, и возвышенный Свет (Nhura) будет утверждён там. Явар-Зива (сияние, ослепительный свет), или семя – капля Nitufta) проявляет себя как духовная субстанция до того, как «Капля и Капля» уловили тайный смысл друг друга. Аяр (Эфир-Сияние) – первый разбавленный чистый элемент, самый тонкий воздух ессеев. «Айяр, как сказано у Епифания – это один из семи свидетелей, необходимых для клятвы элькасаитов» (единоверцев Апостола Мани – Н.Р.) (Дровер Е.С., 2004, с. 265). В Авесте изложена концепция «Договора двух начал»: образ света – место Армазда «Бесконечный свет» и образ тьмы – место Ахримана «Бесконечная тьма». Между ними была пустота, ...в которой смешались друг с другом два духовных начала, ограниченное и безграничное, т.е. верхнее и нижнее.

В пространстве нашего осмысления важно соотношение этой символики в свете иконографического обоснования. В археологических культурах Центральной Азии (палеолит) точка в круге определена Э. Новгородовой как символ муже-женского начала (Новгородова Э.А., 1984, с. 51; Пэрлээ Х., 1975, с. 95). В тибетских толкованиях диск, обозначенный точкой внутри, свойственен горе Меру (Тусси.Г., 1963, р.140). Как поясняет Генон, «тайна непостижимого, скрытого не проявленного есть точка...она же капля в индуистской традиции – «золотой зародыш» (Хираньягарбха); в библейской – «амар» (Амр) (Генон Р., 2004, с.127, 614), возможность действия (Вэй) (Палладий Арх., 1887, с. 125); тайна внутреннего Дворца (каббалистическая святая святых Шехина), т.е. «неограниченная сфера» в форме Лона-Круга (Генон Р., 2004, с.62-63) – место проявления Воли Отца. При этом эта же точка есть первое слово (Айн), оно же «начало всех вещей» – Мысли. В геометрическом отношении круг с центральной точкой отображает вертикальную ось на горизонтальную плоскость – некий центр, как исходную точку завершения и какого-либо способа проявления. Они соответствуют, следовательно, тому, чем являются во Вселенной «сущность и субстанция» или Бытие в себе и его возможность, либо проявление принципов – активного и пассивного. Эти две образующие... «проявляют Волю Неба в центре – т.е. в точке, где реализуется равновесие в неизменном средоточии» (Генон Р., 2004, с.121).

Но совершенное равновесие активных и пассивных принципов выражено в природе Адама (андрогина) – первого человека, две половины которого уже дифференцировались, но еще не разделились. Первопринцип Адама являет «Единство, которое оставаясь Самостью, никоим образом не может стать чем – либо иным, кроме самого себя, и из чего, следовательно, оно, рассмотренное в себе, и не выходило, ...т.е. Оно остается существом в себе, то есть тем Единым, что образует точку в круге» (Генон Р., 2004, с. 123).

Союз взаимодополнительностей как подобие первоначального «Андрогина» известен всем традициям.

Как уже было сказано, изъявление начала и действия – проявление Воли Отца находит ответ в непостижимом к постижимому пониманию как единое «Свет-семя». Мифологическое представление о едином свете-семени встречается в древне-греческих медицинских школах, в индо-иранской культуре, как миф о «соблазнении архонтов», и наконец тот же миф отмечен в зерванизме и манихействе. Не разрушая Изначальную традицию, основатель учения Мани дает своеобразную картину дуалистической концепции Света и Тьмы, где «Свет – начало благое, совершенное, полностью духовное, способное производить только благие и совершенные творения» (Смагина Е.Б., 1998, глос. с.449). Тьма же – «безумие» Материи антонимично и разуму, и знанию, проявлением похоти которой наделены люди. Они получили это демоническое наследие от Человека ветхого (Адам во плоти).

Вернемся к иконографической подоснове, – точке в круге. В основах каббалистической космогонии в процессе творения рассеянной жизни бесполое «Айн Соф», т.е. – ноль, выражающееся геометрическим кругом, двигаясь от периферии к центру, устанавливает точку, которая есть манифестация Единицы – «Я есть» (Евр. Энциклопедия, 1991, Т. 9, с. 47). В герметических учениях образ «Единицы», Пифагорейской Монады, несет «Свет, вспыхнувший в тайне эфира», она есть первая из всех чисел, т.е. до нее не было ничего, что можно было сосчитать. Поэтому единица – нечетное число, соотносимое с высшими Богами (здесь надо понимать «точка в круге» – Воля Бога, Семья-свет).

В последние века до христианской веры весь языческий Восток находился под влиянием числовой мистики, которая была особенно развита у вавилонян и египтян, от них она перешла к грекам и у Пифагора получила форму определенной философской системы. В. Болотов приводит материал по александрийской гностической школе, дословно: «Карпократ (2 в.н.э.) ... учил, что начало всего есть единица, от которой всё исходит и к которой всё возвращается. Мир сотворен ангелами, отпавшими от монады». Здесь же, В. Болотов упоминает одного из учителей-гностиков Марка, пришедшего из Сирии, который облек доктрину Валентина в каббалистические формы (неистоцимая игра в буквы и числа) (Болотов В.В., 1910, с. 213-224).

Следует особо сказать о нумерологической символике в концепции Мани. Как отмечает Е. Смагина, первые главы «Кефалайя» строятся в числовом соответствии композиционной основе глав: первая – посвящение приходу Апостола, единственного; вторая – притча о двух деревьях; третья – три категории божеств; четвертая – четыре божества и четыре демона. Премудрость как «числовая притча», по мнению исследовательницы, восходит к библейской литературе. В. Зундерман, отмечая арифметическую символику в манихействе, указывает на среднеперсидский текст, где понятия «жалость-любовь» *gruh* и «добрая вера» *wgruyn* отнесены к первым и главным элементам души, составляющим светлую пентаду наряду с пентадой злых сил; последняя в своей полноте соотносится как 5x5 (светлое – темное), или гностическая десятиричная единица (1 + 0) (Зундерман В., 1989, с. 74). У Флюгеля (Flugel, 1862, р. 197, 203): «... Пять членов земли света и пять членов эфира света образуют полное Величие, т.к. они – сущности света, которые окружают Бога и с которыми он совпадает по определению. А защитниками души и блаженных (посвященных – Н.Р.) являются двенадцать дев».

Символ «моносиллаба Ом», унаследованный буддизмом из более ранних учений, является, по сути, той же Изначальной Единицей (в санскрите акшара «неразделимый», «неразрушаемый», «нетленный»). Это первоэлемент, зародыш языка – определение, приложимое к Логосу. Ом, с точки зрения космического порядка Первозданной Традиции: «Царь Мира», обладающий знаниями Агарты – он же Ману Вайвасвата, «Сын солнца».

Синкретическая система вероучения Мани, основываясь на исходной мысли «Бог един, но все существующие религии представляют собой позднейшие искажения истинной веры», позаимствовала некоторые элементы учения, заложенные в буддизме. Климкейт говорит: «В основном полная история восточного манихейства определена контактами с буддизмом, и так понятно, что в Средней Азии манихеи приняли буддизм в форме и содержании» (Klimkeit H.J., 1998, p. 238). В парфяно-манихейских сочинениях встречаются чисто буддийские заимствованные термины: «Будда», «шрамана», «нирвана», «бхикшу», «Майтрея» и др. Из согдийского языка слово «бодхисаттва» проникло в среднеперсидский, уйгурский, китайский... стало источником арабского (западная форма легенды о Варлааме и Иосафе) (Литвинский Б.А., 1972, с. 150), или слово «Будха» было заимствовано манихеями и служило для обозначения манихейских святых. С другой стороны, буддисты для своих священных книг приняли манихейский термин Ном (Бартольд В.В., 1968, Т.2, с. 57).

Мир – место горя и страдания – одна из главных принципиальных формул, явившихся причиной объединения двух центрально-азиатских конфессий (буддизма и манихейства). Мир создан Всевышним (в случае манихейства), но человеческое существование является прискорбным, поскольку божественная душа человеческая находится в оковах грешного тела – Царстве темноты. В обеих религиях человечество обращено к закону возмездия, и путь из этого прискорбного мирского существования только один – через познание (gnosis, praina), который возвещают Апостолы Света или Будды. Манихейские идеи и понятия спасения в буддизме функционально сопоставимы: «познание ведет к Миру Света или к Нирване соответственно» (Klimkeit H.J., 1998, с. 292). «Будда – Мани Апостол», или «Мани-Будда» - формулировка, характерная для многих турфанских документов. Они оба – посланники Света.

Отражение универсальной археотипической модели в форме Слово-Логос (Око Бога) в среде культурно-религиозных контактов северного буддизма и манихейства мы видим на примерах материалов Прусской Турфанской экспедиции. В миниатюре (Le Soc., 1923, Taf., 8a, p.37) описано изображение знамени в руках двух адептов, в верхней части которого покоится корона, а на конце поперечены – украшение в виде жемчужины (точка в круге), охваченной пламенем. На другом фрагменте (Abb. e, p.42) – половина фигуры стоящего манихейского священника, а в орнаменте ореола-нимба над головой изображен маленький концентрический кружок в середине (рис.2). Здесь же указано изображение разрушенной фигуры, но с сохранившимся диском в центре нимба над головой. На обрывке два изображения женской головки в белой шляпе причудливой формы с золотым диском на верхушке. Далее (Taf., 8b, abb, C) изображение двух крылатых духов под сводом арки (рис.3), на короне одного из них – украшение в форме двукрылого шлейфа с золотым диском в центре и т.д. (Le Soc., 1923, T.II., p. 38 – 60). О жемчужине говорит Ю. Зуев, в частности: «В манихейском учении жемчуг считался воплощением совершенной чистоты света, к достижению которого стремится душа проповедника». (Зуев Ю.А., 2002, с. 196)

В китайском «Манихейском трактате» изложено постижение света-разума, где добавляется к понятию «Свет» понятие «Блеск» и «Любовь» и описывается создание Нового человека из Ветхого посредством проявления света-разума через очищение души (Зундерман В., 1989, с. 73).

Следуя стезе осознанного синкретизма, основатель учения Мани предопределил продвижение восточной миссии в пространстве тюркского мира, а харизматические, нумерологические и схемы «Священных превращений» обеспечили хотя и временный, но определенный успех в религиозной жизни Китая. В пределах китайских ритуально-мифологических импликаций гадательного свойства, типа «священных вестей», где Слово слито с телом и не существовало отдельно от сакральных «вещей» (Крюков В.М., 2000, с. 40), адепты религии Света встретили взаимное и доступное понимание. Г. Виденгрэн говорит: «У его (Мани) последователей в Китае эта склонность (нумерологические спекуляции: триады, тетрады, пентады и гебдомады) перешла через всякие разумные пределы и задушила почти все остальные положения его учения» (Виденгрэн Г., 2001, с. 210).

В древнетюркском фрагменте «Книги Гигантов», как полагает В. Зундерман (Зундерман В., 1989, с. 77), понятие «блеск» созвучно согдийскому *grn* и тюркскому *gut* («слава», «величие»), а также китайскому «явление» и имеет обозначение «первого элемента души»,

т.е. формально соответствует эмблеме в виде диска на коронах святых и божеств. О тюркском *gut* говорит Климкайт. После принятия манихейства с 789 г. уйгурские цари получают *gut* от бога луны, манихейского бога Вахмана, Большого Разума (Klimkeite H.J., 1998, p. 221). И добавляет: «...Все же это поразительно...», что харизма *gut* «удача» принимается царями от бога луны только после контактов с манихеями «... в месте, где живет бог Nom Gutī (Бог Царства Света), ...в том месте, где живут чистые, сильные ангелы». Люди племени Аргу-Талас, где он живет, названы счастливыми, удачными (там же, с.227).

Каганской тамгой государства Се-яньто (629-647) манихеев Северной Монголии было изображение полной луны (Зуев Ю.А., 2002, с. 198, 205 по Ван Пу, гл.72, с.1306) и, очевидно, тиара древнетюркского принца Кюль-тегина наподобии Птицы-Солнца несла образ Божества Неба-Тенгри и, по мнению Ю. Зуева, этот факт может говорить о глубине влияния раннего периода проникновения манихейства в тюркскую степь (Зуев Ю.А., 2002, с.227). Исходя из языческой (шаманской) концепции единого Тенгри (Небо), «Небесный гений-хранитель» (Скрынникова Т. Д., 1992, с. 71), небесная «Gut» явилась формой-архетипом в тюркско-манихейских религиозных отношениях.

В терракотах, собранных Самаркандским музеем доисламского периода и в более раннем, в канонической пластике, в статуэтках астральных божеств (Мешкерис В.А., 1989, с.25), решающим признаком являются круглые лунные знаки и солярно-лунарные на головных уборах, коронах и прическах. Но так как одни и те же головные уборы являются обязательным элементом костюмов разных иконографических типов, выделить отдельно божества, относящиеся к той или иной религиозной группе, почти невозможно. Однако в сюжетах лепной пластики позднеогусидийского периода (V-VIII вв.) среди мифологических существ и фигур, астральных, а также тюркского типа отражены историко-идеологические связи раннего средневековья.

В тюркско-огусидийский период (VI-IX вв.) в археологических памятниках нижней Сыр-Дарьи и Хорезма особенно распространен близкий к Семиреченскому резной циркулярного типа (точка в круге) арнамент на керамике (Агеева Е.И., 1951, с.108).

В памятниках истории культуры Киргистана (Массон В.И., Плоских В.М. с. 51), в частности, памятника Кара-Булак, отмечена бронзовая пластина с изображением лунного божества (III-IV вв.) в короне в виде круга с маленьким кружком в центре. В памятниках Согда, как отмечает Б. Литвинский (1978, с. 111) на примере «маргианской богини» (Кой-Крылган-кала, IV-III вв.) тем же символом наделена Анахита, которая является отражением культа солнечного божества.

С некоторого периода времени Мани ощущает себя прежде всего представителем Христа, оставив приверженство почитания богу Митре. Мани причисляет себя к Апостолам, осознавая свою особую природу и судьбу, в последовательности: Заратуштра – Будда – Иисус и он же Мани, получивший откровение в отроческие годы, «когда ... из источника вод явился мне образ человека и указал мне рукой, что нужно отдохнуть, чтобы я не грешил... В другой раз обратился ко мне голос из воздуха со следующими словами: укрепляй свою силу, делай крепче свой ум и принимай то, что тебе откроется» (из Кельнского кодекса). В буддийско-манихейском документе «Buddhicired» (v.28) этот ряд спасителей упомянут так: «...Мы (прибыли)?... Чтобы увидеть подобного Будде Бога Солнца (т.е. Иисуса), который напоминает тебя, Мани».

Из писем Мани известно, что впоследствии повсюду в начале письма он называл себя «Мани, апостол Иисуса Христа». «...В это время, в четыре года, я вступил в религиозную общину крестителя. Когда мое тело было в отроческом возрасте, я рос в этой общине и был охраняем силой ангелов света... моя защита была поручена Иисусом Светоносным» (Виденгрэн Г., 2001, с. 62).

Митра – «Владыка рассвета» не мог быть наделен Архетипическим разумом и не мог передать Мудрость его почитателям. Он остался Богом языческих времен и, по сути, – Богом идолопоклонников, взывающим больше к чувствам, чем к разуму. Как сообщает Ф. Кюмон (с.258), к середине третьего века благосклонность к митраизму, достигнув апогея своей мощи, резко пошла на убыль, в связи с победой христианства. «Тот неиссякаемый источник религиозных чувств, который открыли проповедь и страсти распятого на кресте Бога, был недостижим для поклонявшихся Митре» (Кюмон Ф., 2000, с. 255).

На фоне угасающего митраизма в верованиях дуалистов в IV веке в едином акте соединились поклонения Зороастру и Христу. «Та широкая популярность, которую получили маздеистские верования, окрашенные халдейскими доктринами, подготовили умы к принятию этой ереси (манихейства); последняя шла по проторенному пути (пути бога Зурвана – Н.Р.). Так как манихейство с отвращением относится к утверждению, что добрая и злая сила (близнецы – Армузд и Ахриман) являются братьями, а митраизм с давних пор посвящал Ахриману алтари с надписью «богу Ариманию», то отсюда следует, что предпочтение было отдано их отцу Зурвану, но при этом признание превосходства доброго принципа над злым получил благой сын Ахура-Мазда» (Виденгрэн Г., 2001, с. 74).

Согласно М. Бойс, зурванизм как ересь возник в среде магов в эпоху последних Ахеменидов, и позже Зурван был наделен божественной властью. Большая часть свидетельств в священных писаниях относится к сасанидскому и послесасанидскому времени, но как «отдаленная первопричина» Бог Времени «был всегда и будет всегда» (Бойс М., 1994, с. 84-85). Следует заметить, Бог Зурван ни разу не упомянут в тексте «Кефалайя», он был включен в пантеон богов позже, благодаря усилиям сасанидского духовенства и как верховный Бог манихейства объявлен «Отцом величия». При Шапуре II (309-379), Вахраме V (421-439), почитаемыми «правильную веру», произошло утверждение зурванизма. Любопытный факт: Шапур II одну из дочерей назвал Зурвандухт – буквально «дочь Зурвана» (Бойс М., 1994, с. 141). Этот период истории и явился началом активного продвижения манихейских сект на Восток в пределы Парфии, Согда и Центральной Азии.

Итак, божественная мудрость *gnosis* в лице бога Зурвана укоренилась в манихействе в восточной церкви. «В пехлевийском сочинении круга зороастрийского учения «Суждение Духа разума» Творец Ормазд создал творения из своего собственного света и, с благославения Зурвана, «безграничного времени», нестареющего бессмертного, нечувствительного, навсегда и навечно, и никто не может схватить его и ослабить его власть» (зороастрийские тексты., 1997, с. 90). «В манихейских документах мы читаем: «Во имя великого Царя, Зурвана, Бога... было рассказано святое писание... божественная мудрость (*gnosis*), которая слаще напитка бессмертия...» (Klimkeit H.J., 1998, p. 120). Наделенный прародительскими качествами всех светлых сущностей в китайской манихеике он (Зурван) – «Верхнее Небо как оболочка всего сущего» (Зуев Ю.А., 2002, с. 247), «драгоценная алмазная корона», «Врата Света». Он же Зурван, Бог, Высшая Сущность – это только добро, неспособное на битву и сражения с силами тьмы. В манихейском мифе Он призывает через Мать Жизни Первочеловека, сына (сын Ормазд – Иисус).

Иисус-Сияние в манихействе – Универсальный Человек, или «Человек новый», пришедший на смену «Ветхому Человеку» (т.е. Адаму). В богослужебных списках назареев (приводит Е. Дровер 2002, с. 319) находим: «Тогда Он (Слово) пришел с Адамом (с душой Адама – Н.Р.). Он Голос, который объясняет голоса – это Слово, которое объясняет все слова..., это крик, который раздался на рассвете, и последний крик, услышанный ночью. Ибо с ним явилось Понимание (Иисус – Н.Р.), оно и вынесло решение, которое упразднило все другие решения» (Дровер Е.С., 2002, с. 273). В этом варианте гностических интерпретаций проявлена роль Христа как спасителя и просветителя, а грехопадение как возвышение первых людей. При этом Ева возвещает Адаму гнозис. Поэтому Иисус предстает в рукописях христиан-гностиков как глашатай гнозиса (Дровер Е.С., 2002, с. 248). Но как истинный посредник, поскольку в нем соединилось божественное и человеческое от двух природ – союза «Неба и Земли», Иисус как глашатай сам является воплощением Слова.

В ходе сотериологических событий манихейского мифа Иисусу отведена центральная позиция. Она хорошо подготовлена и является не последней, согласно факту, что Иисус Великолепный обладает подобным количеством божеств – помощников, таких как Третий Посланник, Дева Света, являясь призванием Отца Света в период четвертой войны сынов Света и сынов Тьмы (Heuser M., 1998, p. 55). И здесь он приобретает одну из трех своих ипостасей Иисус-Блеск (или Иисус-Сияние, в западном манихействе). Вторая ипостась: Иисус исторический, предшественник самого Мани, предпоследний в очереди Апостолов; в кратком варианте: Будда – Заратуштра – Иисус – Мани. Третья ипостась – Иисус Терпимый (Страдающий) – свет, связанный и распятый в смешении тварного мира. В Главах (80, 18-21) Иисус-Сияние, отец всех Апостолов, ибо после того, как Третий

Посланец открыл свой образ и Свет был взят в творение плотское, множество архонтов взбунтовалось вверху и внизу. Тогда был послан Иисус-Сияние, он пришел, дал надежду Адаму, усмирил мятеж. Пробуждение Адама – главное откровение Иисуса, т.к. в лице Адама – всё человечество, которому Иисус несет познание обо всем внешнем и внутреннем, о настоящем существе и будущей судьбе, он исцеляет и дает утешение. В пределах горизонта мысли гностицизма – он предъявитель Познания. Но чтобы гарантировать исключительную победу Света, необходимо, чтобы откровение было повторено циклически посланцами спасения через Слово. Образ сокровенных знаний Слово-Логос приобретает в манихействе ту же символическую форму, как множественный Архетип Слова (см. ниже). Среди посланников (Будда, Заратуштра) сам Мани в детские годы получил откровение Утешителя, но как становится ясно – через Слово Иисуса, своего близнеца (Главы., 35,25-30; Heuser M., 1998, p.71), который несет Благую весть, т.е. познание спасения. «В том, что страдающий Иисус висел на кресте Голгофы, Мани умным взглядом распознал очевидный знак страдания человеческих душ в мире...» (Heuser M., 1998, p. 52).

Однако, в текстах Кефалайя (1998, 92,7; 61,25-32) образ живого слова несет Иисус-Младенец, потому что в Иисусе-Младенце Глас, который знает, как ответить на зов искупления. Согласно парфянскому гимну М.42, младенец «представляет» душу, тоскующую по спасению (Klimkeit H.J., 1998, p.249). Но как Иисус послан Отцом по зову, так и Младенец явился по зову Иисуса, зная Ответ. (Главы., 93, 33; 182, 4). Зов и Ответ послание Мира и Привета. На зов Духа Живого ответил Первочеловек из Бездны Тьмы. (Главы., 182, 11). Последний – сын Бога Зурвана, и в череде божеств-спасителей, в символическом виде «младенцев» в мифологических традициях Античного Востока – Живой Аналог сирийского юного князя из «Песни о жемчужине», Будды-юноши, «нежного сына» из средне-иранских текстов, «Дивного советника» из кумранского «Благодарственного гимна» (Старкова К.Б., 1973, с. 86).

Зов и Ответ – братья, объединенные в Двоединое божество, и состоят в группе двенадцати божеств Света. В послании Апостола Мани к праведникам совершенным сказано: «Творите молитву (Зов), ибо всё, о чем вы попросите... вы приобретете». Каждая проповедь манихеев была «Зовом» от другого мира, напоминающая душе ее изначальный Дом в Мире Света. Зов должен вызвать «Ответ» со стороны человечества, показывая его готовность исполнить божественный вызов (Klimkeit H.J., 1998, p.304). Полагаем, диадема Славы в эсхатологической функции, «Помысел жизни», обещанная Апостолом «награда», дополнительно представляет божественный атрибут в известной видимой форме «точка в круге», где точка – Зов, поле круга – Ответ.

Обратимся к памятнику из новых находок Междуречья Июсов «Две фигуры под двойным кругом» (г. Ключинская, хребет Арга), (рис.4). Однозначно тот же персонаж из круга загадочных фигур Аспелина, в длиннополом одеянии с высоко поднятой головой (тонкая гравировка). Над фигурой – полоса разрушенной поверхности и выше непомерно большая фигура (выбивка) в виде двойного круга. Ниже, с правой стороны, рядом с фигурой, в том же исполнении, что и круги, непонятное миниатюрное большеголовое антропоморфное изображение с распростертыми верхними конечностями. Нет сомнения, композиция в составляющих частях единовременна и, по аналогии с известной «точкой в круге», представлен тот же знак – «диск с обозначенным центром», отмеченный ранее, т.е. он же возложен на «плечи носителей» (Главы., 86,24), несущий Слово Божие. Если предположение верно, то диск над головой персонажа в одеждах миссионера-чужеземца есть «Слово» Иисуса-Младенца, явленное в материальный мир, а малая фигура с распростертыми руками – вторая графогема того же образа (предположение! – Н.Р.). Последний олицетворяет роль божественного Посланца (?), который должен убедить Иисуса быть терпеливым (парф. текст, М.42). Заметим, роль Иисуса, как двойника, проходит в главах: двойник Адама, близнец Апостола Мани. В Турфанских гимнах находим: «Отец, призовем тебя, мы вознесем наши глаза тебе. Наши души воспоют прежде, чем ты проявишь свое милосердие к нам своей большой милостью, и сможешь послать нам утешителя...». В другом гимне: «Мы пойдем за Спасителем, нашим верхним глазом, и нашим ухом, которым мы слышим», или «... мы стоим все в одном убеждении... и мы хотим направить взор на этот Твой облик», «Приди с благом, истинное слово, Великое

светило и большой Свет», «мы узрели Тебя, новый Эон, и мы пали к Твоим ногам, Ты, который весь Любовь» (М 28 II; Mir M II s.).

В известной триаде манихейского пантеона «Бог, Иисус и Дух святой», по словам Джексона (Jackson. A.V., 1932, с. 12), Иисус Сияющий есть первый член триады, он же несет образ Владыки рассвета и, как было замечено выше, в обновленном наряде, сменил языческое божество Митру. Отдаленная или сокрытая сторона божеств в пантоне манихейской доктрины не могла быть представлена иначе, как символ, выраженный в наших памятниках посредством графических знаков, метафорически отчужденных от места действия в мире дольнем. «Мы видели Тебя, любвеобильный Господь» – строка из гимна (турфанские гимны, см. выше) может быть только словоизъявлением, по меткому замечанию Климайт (2002, с. 151), как форма, не видимая внешне, но воспринимаемая только «духовным глазом». С аналитической точки зрения мы сталкиваемся с аллегорическим литературным фактом, типа «наоборот». Приди с благом! – моление об эпитафии. Об обратном – в Хуастуанифт (99-100): «...Так как не возносили (эту хвалу)... наши помыслы в направлении к богам (к небу)... и моления надлежало не достигали к богам (к небу) а ограничивались и задерживались где-либо на (здешней) земле». Призываемый Иисус в сознании верующих востребован как спаситель, вестник, пробуждающий Слово. В отношении знака, символизируемого образ Спасителя, можно признать – молящиеся увидели Божество! Таким образом, эпитафия-призыв состоялась. («Ты увидел Христа – ты стал Христом» – Трофимова М.К., 1979, с. 38).

О невидимом Боге в Наг-Хаммади: «Он – это Бог истинный, Дух невидимый»... ибо, если он будет виден, его схватят ... Логос открывает себя в невидимости среди тех, кто возник, согласно Воспоминанию, пока из вышины на него не пролился живительный свет – свет, который был произведен из идеи братской любви досуществующей плеромы» (Трофимова М.К., 1986, с. 123 – 126). Следовательно, можно допустить, что реалистические изображения адепта-миссионера и младенца в формах распространенной наскальной иконографии средневековья (духи, языческие божества, фигуры и т.д.) согласованы с «закрытым» образом, в допустимых рамках символа – Слова Иисуса-Младенца.

В заключение приведем ряд оснований космогонии из текстов китайской литературы средневековья (догматические сочинения мусульман, Палладий Арх., 1887, с. 128), бесспорно имеющие отношение к воззрениям древности (Изначальная традиция) и к мифологической картине историософии манихейства.

...Круг безымянный – в нем одно слово: бытие.

Начало всего; единица, субстанция не проявившаяся.

Безграничное Чжоу цзы; безначальное буддийское Ву ши,

Юань ши даосов... круг – существо, субстанция та,

не подверженное движение, безначальное и бесконечное,

не подверженное ни чему – ни бытию, ни небытию.

Это первая ступень, как огонь в камне.

Дальше Сянь тянь – движение в верховном смысле.

Пружина движения. Выражается в двух: введение и сила.

Еще не отделено от субстанции (аналог Андрогинна – Н.Р.).

Действие Вэй; возможность действия (каббалистич. «Я есть» – Н.Р.)

...Начало разделения субстанций: прежде свет и огонь были одно,

теперь как бы свет от огня в даль. Это – степень Владыки.

...Тут предопределение творчества.

В круге – ведение, сила, созерцание, слышание, деяние,

рождение (начало всякой жизни и Первой Мудрости – Н.Р.)

Говорить и творить – суть синонимы во всех первоначальных языках (Слово-Логос, Свет-сияние). Слово (Логос) исполнено творческой силы, поскольку акт произнесения «Слово было Богом, и было Бог» (Иоанн) и был актом творения.

Архетип Слова (точка в круге) в формально упрощенной трактовке:

Солнце – умственный свет (Кюмон Ф., 2000, 243)
 Архетипический ум (Холл М.П., 1992, с.194)
 Око света всего мира (Klimkeit. H.J., 1998, p.178)
 Око гносеологическое – единое эон (Трофимова М.К., 1986, с.123)
 Золотой зародыш «Хираньягарбха» (Генон Р., 2004, с.127)
 Библийское «амар» (Генон Р., 2004, с.614)
 Духовное семя Явар-Зива (Дровер. Е.С., 2002, с.265)
 Договор двух начал
 Глаз Ахура-Мазды (Литвинский Б.А., 1972 с.152)
 Муже-женское начало (Новгородова Э.А., 1984, с.51)
 Первопринцип Адама
 Семя Гайомарда (Бундахишн 50 г)
 Древневосточное Инь и Янь (Палладий Арх., 1887, с.130)
 Вершина горы Меру (Tucci G., 1963, p.140)
 Мифическая гора Албурз (Бундахишн 16 v)
 Благо Зурвана (Зороастрийские тексты., 1997)
 Первый элемент души (Зудерман В., 1989, с.77)
 Моносиллаба Ом (Генон Р., 2004, с.264, 300)
 Первая Корона – «Я есть» (Евр.энциклоп., 1991, Т.15, с.875 -877)
 Десятиричная Единица (Генон Р., 2004, с.153)
 Слово-Логос – откровение Бога

Множественность форм, определяющих точку в круге, образ сокровенных знаний, опыт неких «воспоминаний» – этапов сотворения мира и структуры мира, оживших в гностической традиции, суть действенной силы религии синкретизма. Этот абстрактный феномен – один из общих и понятных символов в духовной сфере культур от Средиземноморья до Дальнего Востока. «Логос-Эон, выражая идею... из тьмы бессловестности... – творение Отца, как элемент космогонического акта, освящает гнозис и его Носителей» (Топоров В.Н., 1994, с.15).

Сововлеченное в манихейской доктрине наследие изначальной традиции с элементами вероучений: гностического, зороастрийского, буддийского (а также древне-тюркского язычества – Н.Р.) выражается в атрибутах и элементах божественных откровений не только в одном или двух, а в нескольких равноценных архетипах (Смагина Е.Б., 1995, с.102).

Религиозные философствования Мани можно определить как тип восточно-чудотворнический, обращенный к язычеству, где миф выражался в абстрактных формах гностического искусственного языка и харизматических, проповеднических откровений. Заимствованная почти из всех религий его синкретическая форма «Видимого откровения Бога» места «Божественной середины» (Трофимова М.К., 1979, с. 33) в одной из важных деталей «точки в круге» была встречена на всем пространстве Шелкового пути как «давно знакомая» формула, (пожалуй, это единственная деталь в костюме миссионера, несущая функцию своеобразного «пропуска», в пояснении которого не было необходимости).

В тайне манихейского мифа кроется источник первознания, где Слово-Логос – «оправдание» сочетаний (Свет-Тьма, Жизнь-Смерть) явленное в обнаженной традиции мифопоэтических представлений архаических культур. И нет сомнения в том, что уже в начале, когда сложилось его (Мани) учение, как известно, изложенное им самим в нескольких книгах, он видел Облик проповедника во всей полноте атрибутов и символов, среди которых – «Око Бога» в виде диска на голове.

В соответствии с гностической формулой спасения Души, «... если ты станешь теми, которые принадлежат вышине, те, которые принадлежат вышине, будут покоиться на тебе» (Наг-Хаммади, II соч.3, 113), видимое откровение Бога, диадема с точкой или кругом внутри есть Благая весть Мани-Будды, или предъявленное Иисусом-Младенцем творческой силы Слово. Множество форм в одном – «Дух невидимый», но открытый святому пути, он же, в конечном определении, является символом Познания и Спасения Души (на пути познания). Возложенный на короны носителей, адептов религии Света, знак «донецен» ими до пределов северной ветви Великого Шелкового пути до конечного тупика в Междуречье Июсов – место ставки кыргызских каганов.

Литература

1. Абдуллаев Е.В. Апостол Фома: генезис одной агиографической традиции средне азиатских манихеев. – М.: «Одиссей», 1999. – с. 192–213.
2. Андросов В.П. Словарь индо-тибетского и российского буддизма. – М.: «Вестком», 2000.
3. Бартольд В.В. Сочинение Т.2. Ч.2., – М., 1964.
4. Болотов В.В. Лекции по истории древней церкви. – СПб., 1910.
5. Беленицкий А.М. Монумен-е иск-во Пенджикента. Живопись. Скульптура. – М., 1973.
6. Бойс М. Зороастрийцы. Верования и обычаи. 3-е изд. дополн – СПб., 1994.
7. Валиханов Чохан. Избранные произведения, под ред. Маргулана А.Х. – Алма-ата, 1958.
8. Васильев Л.С. Культы, религии, традиции в Китае. – Владивосток – Москва, 2001.
9. Виденгрэн Гео. Мани и манихейство. Пер. Иванов С.В., – СПб.: «Евразия», 2001.
10. Генон Рене. Символика креста. Пер.с франц. Т.М. Фадеевой и Ю.Н. Стефанова. – М., 2004.
11. Голан Ариэль. Миф и символ. – М., 1992.
12. Дровер Е.С. Сокрытый Адам. Мандеи. // История, литература, религия. Сост. Н.К. Герасимова. – СПб.: «Нева», «Летний сад», 2002.
13. Зороастрийские тексты. Изд. Подготовлено Чугуновой О.М. – М.: Наука, 1997.
14. Зуев Ю.А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии.– Алма-аты: Дайк-Пресс, 2002.
15. Зундерман В. Еще один фрагмент из «Книги Гигантов» Мани // ВДИ. – 1989. – №3. – С.67–79.
16. Еврейская энциклопедия. – СПб., 1991. – Т.1–15.
17. Кефалайя («Главы») Коптский манихейский трактат., пер, ком, глосс. Е.Б. Смагиной – М., 1998.
18. Кляшторный С.Г., Лившиц В.А. Согдийская надпись из Бугута // Страны и народы Востока. – 1971. – Вып.10. – С.121–146.
19. Кочетова С.М. Божества светил в живописи Хаара-Хото // Труды отд. Истории культуры и искусства Востока.– Л.: Гос. Эрм -ж, 1947. – С.472–502.
20. Кюмон Ф. Мистерии Митры. Пер. с франц. Цветковой С.О. – СПб., 2000.
21. Литвинский Б.А., Смагина Е.Б. Манихейство // Вост. Туркестан в древности и раннем средневековье. Этносы, языки. религии. – М., 1992. – С.508–532.
22. Литвинский Б.А. Буддизм и средневековая цивилизация // Индийская культура и буддизм. Сборник памяти Ф.И. Щербатского. – М., 1972. – С.148–163.
23. Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. – М.–Л.: Академия наук СССР, 1951.
24. Мешкерис В.А. Согдийская терракота. Ред. Антонов Т.В. – Душанбе, 1989.
25. Мэнь-гу-ю-му-цзи. Записки о монгольских кочевиях. Пер. с кит. П.С. Попова. – СПб., 1895.
26. Новгородова Э.А. Мир петроглифов Монголии. – М., 1984.
27. Палладий (Архимандрит). Китайская литература магометан. – СПб., 1887.
28. Потанин Г.Н. Подгорбунская И.А. Каталог. Буддизм. И В О И Р Г О отд. 2, – Иркутск, 1888.
29. Рыбаков Н.И. Шестой конгресс этнографов и антропологов России // Тезисы. – СПб., 2005. – С.123.
30. Рыбаков Н.И. Небесная пара – символ корабля света. Буддисты-манихеи в Междуречье Июсов // Енисейская провинция. – Красноярск: Пед. Универс. им.В.П.Астафьева, 2006. – Альманах 2. – С.121–127.
31. Ставиский Б.Я. Судьбы буддизма в Средней Азии. – М., 1998.
32. Сычев Л.П. Традиционное воплощение принципа Инь–Ян в китайском Ритуальном одеянии // Роль традиций в истории и культуре Китая. – М., 1972. – С. 144–150.
33. Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. – М., 1994.
34. Топоров В.Н. Исследования по этимологии и семантике. – М.: «Языки славянской культуры», 2005. – Т.1.
35. Трофимова М.К. Гнозис и эстетическая деятельность // Палестинский сб-к. – 1986. – В.28 (91). – С.121–127.
36. Трофимова М.К. Историко-философские вопросы гностицизма (Наг–Хаммади, II соч.2, 3, 67). – М., 1979.
37. Туччи Дж. Религии Тибета. пер. с итальянск. Альбериль О.В. – СПб.: «Евразия», 2005.

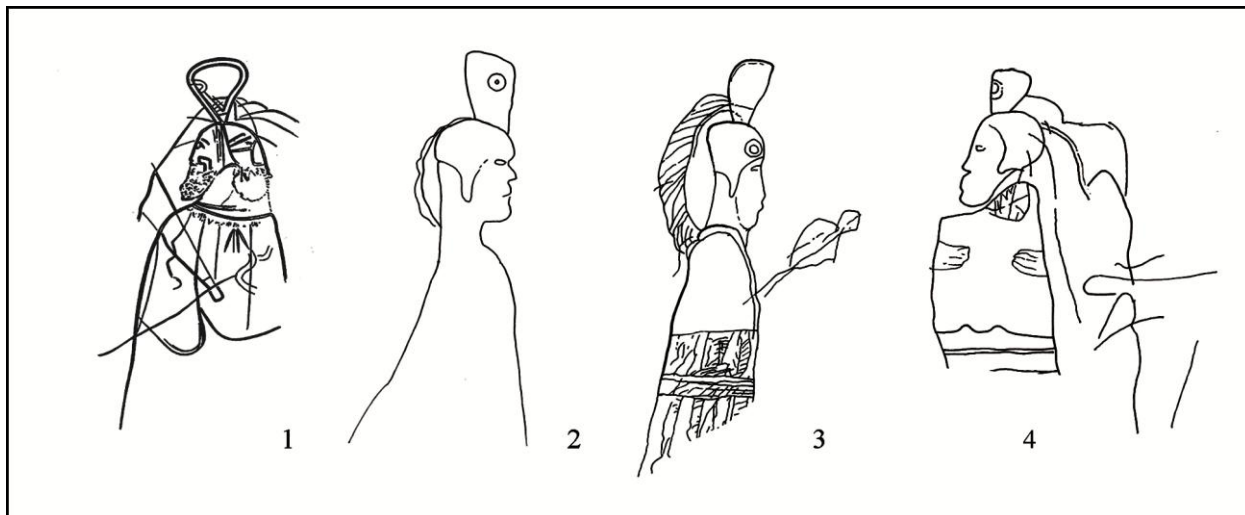

Рис.1

1 – Ассирийский священнослужитель. Подкамень. (Appelgren-Kivalo, 1931, - Fig.96 - 98);
 2 – Одиночная фигура (фрагмент). Подкамень (материалы – Н.Р.); 3 – Первая в череде
 четырех фигур (фрагмент), г. Барстаг. Западный склон. (материалы – Н.Р); 4 – Персонаж.
 Небесный корабль (фрагмент). Подкамень. (Рыбаков Н.И., 2006, с.121–127)

Рис.2

Фрагмент изображения священника. Турфанские миниатюры Хотчо. VIII-IX вв.
 (A.von Le Coq, T.II, 1923 – p.42,E), прорисовка – Н.Р.

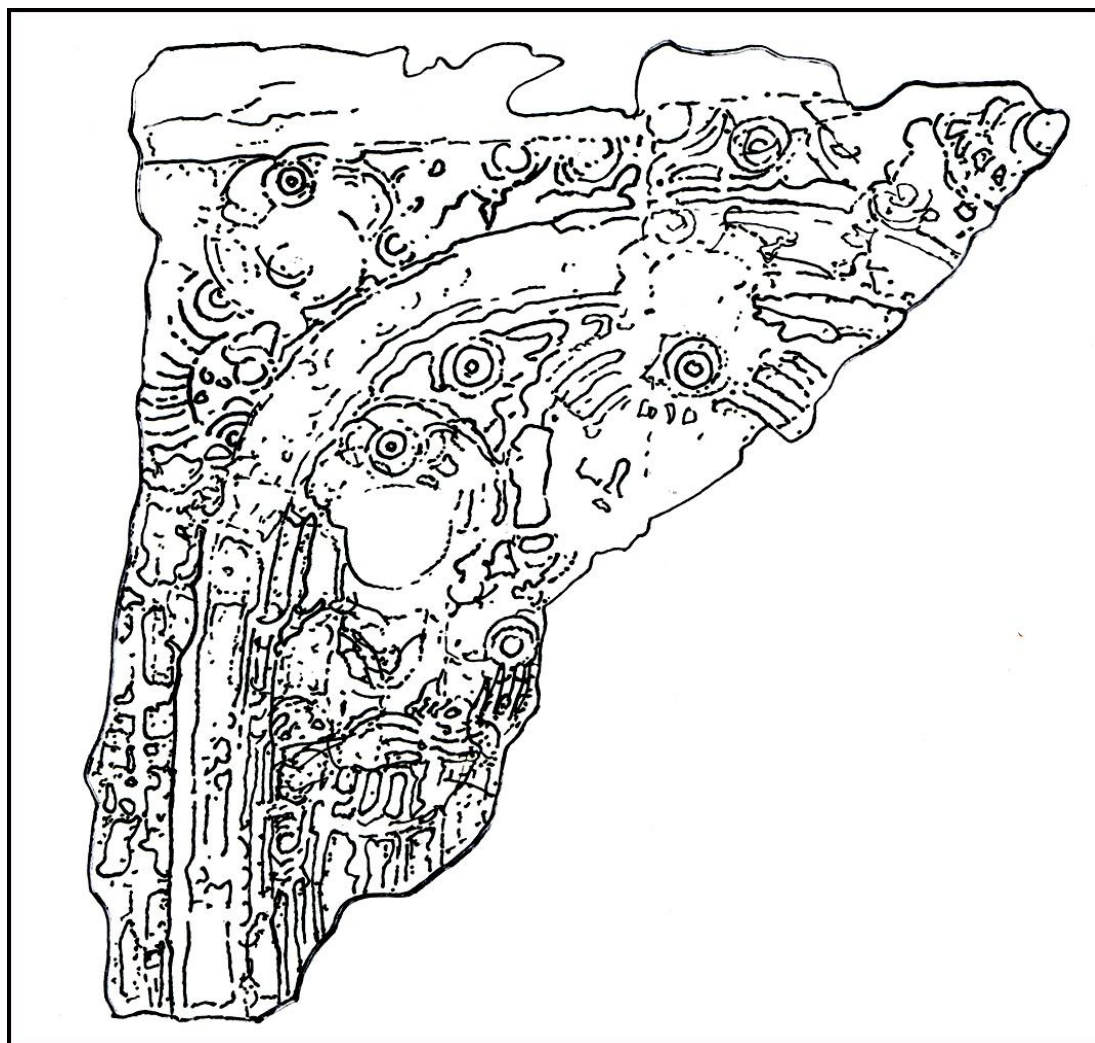

Рис.3

Фрагмент листа манихейской книги. Хотчо. VII-VIII вв.
(A.von Le Coq, T.II, 1923 – 8Б,с), прорисовка – Н.Р.

38. Хуэй – Цзяо. Жизнеописания достойных монахов (Гао сен чжуань), пер. ком. М.Е. Ермакова. – СПб., 2005. – Т.2.
39. Alfaric Prosper. Les Ecritures manicheennes. – Paris. 1918.
40. Appelgren-Kivalo. Alt-Altäische Kunstdenkmaeler. – Helsingfors, 1931.
41. Erdy M. Manichaens, nestorians or bird costumed humans in their relations tu hunnic type cauldrons in rock carvings of the Yenisei Valley // Eurasia Studies Yearbook. – 1996. – Vol.68. – P.45–95.
42. Klimkeit H.J. Selected Studies. Heuser M., Klimkeit H.J., Studies in Manichaeism, Literature and art. – Brill, Leiden-Boston-Koln. 1998.
43. Jackson A.V.W. Researches in Manichaeism, Columbia University Press. – 1932.
44. Tucci G. The Tibetan «white – sun – moon» and cognate deities. East and West. Pom – New Series. – 1963. – vol. 14 – nos. 3-4.
45. Flügel. Mani seine Lehre und seine Schrift. – Leipzig. 1862.
46. Maenchen-Helfen O. Manichaeans in Siberia. Semitic and Oriental Studies. – Berkeley–Los Angeles. 1951.

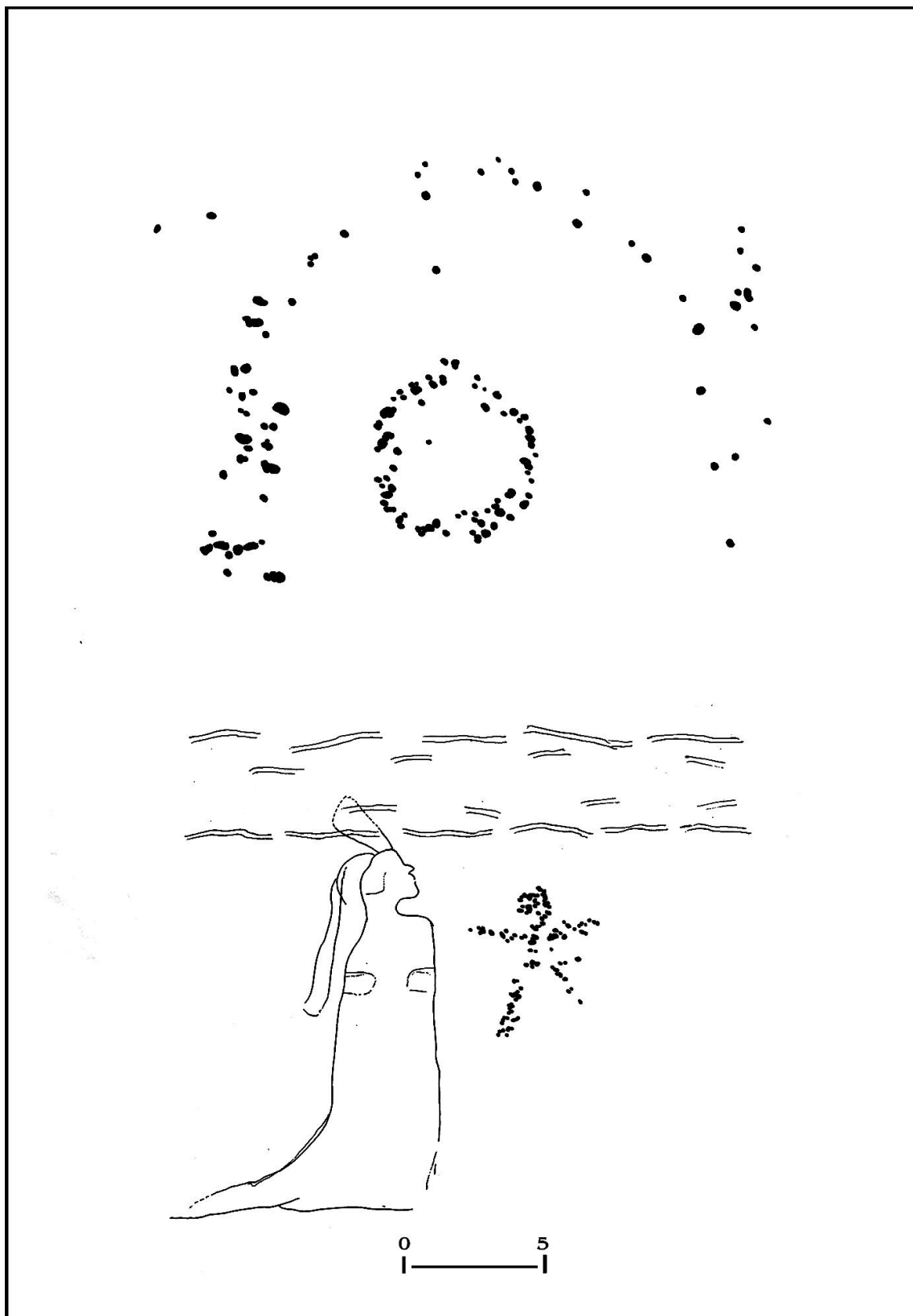

Рис.4
«Две фигуры под двойным кругом»
(г.Ключинская, хребет Арга, Междуречье Июсов), (материалы – Н.Р.)

Дашковский П.К.
(г. Барнаул)

ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРЫ ЕНИСЕЙСКИХ КЫРГЫЗОВ НА АЛТАЕ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ*

Памятники кыргызов эпохи средневековья известны на территории Минусинской котловины, Тувы, Алтая, Восточного Казахстана и Монголии. В тоже время период пребывания енисейских кыргызов на Алтае – одна из наименее разработанных тем в кочевниковедении Центральной Азии. Такая ситуация обусловлена тем, что накоплена незначительная источниковая база для всестороннего изучения культуры номадов в этом регионе. В настоящее время в Горном Алтае исследовано всего 15 курганов на 9 некрополях (Яконур, Узунтал-ХIII, Кара-Коба-I, Акташ, Бийке, Кок-Эдиган, Коргон, Чинета-II, Беш-Озек) (см обзор памятников: Тишкин А.А., Дашковский П.К., 2006). Кроме могильников, есть данные об обнаружении на территории Горного Алтая археологических объектов другого характера, в частности поселения Куях-Танар (Худяков Ю.С., 1990), городище Большой Яломан, Кайсын (Могильников В.А., 1990), а также памятники рунической письменности (надписи из Мендур-Соккона и др.) (Баскаков Н.А., 1966). На территории лесостепного Алтая также выявлены несколько могильников, где зафиксированы погребения по обряду кремация: Новофирсово-VII (Алехин Ю.П., 1990), Корболиха-II, VIII, Гилево-I-V, XI, XV (Могильников В.А., 2001; 2002, с.53-56). Кроме того, известны и отдельные случайные находки вещей кыргызского типа, преимущественно предметы вооружения, которые находились в коллекциях Н.С. Гуляева, П.С. Уварова, К.Х.Ф. Ледебур и других исследователей, а затем были рассредоточены по музеям страны (Савинов Д.Г., 1980). Несмотря на определенную ограниченность источников, уже сейчас можно обозначить несколько приоритетных направлений в исследовании указанной темы.

Прежде всего, это вопрос о формировании и особенностях кыргызской культуры вт. пол. IX-XII вв., разработка ее периодизации и более точной датировки памятников. Наличие различных концепций генезиса кыргызской культуры Центральной Азии, анализ которых уже осуществлен исследователями (Худяков Ю.С., 1990; Бутанаев В.Я., Худяков Ю.С., 2000; и др.), демонстрирует всю сложность и дискуссионность этой проблемы. Не останавливаясь подробно на данном аспекте, отметим только два момента. Во-первых, отдельные ученые, в частности Л.Р. и И.Л. Кызласовы, указывают на последовательную смену трех археологических культур на протяжении VI-XIV вв.: культура чаа-тас (VI-IX вв.), тютятская культура (IX-X вв.) аскизская культура (X-XIV вв.) (Кызласов Л.Р., 1969; 1981; 1983; и др.). В тоже время, большинство исследователей полагают, что более правомерно говорить о единой культуре енисейских кыргызов применительно к территории Южной Сибири и Центральной Азии и формированию отдельных локальных ее вариантов в период наивысшего могущества номадов (Длужневская Г.В., 1982; Савинов Д.Г., 1984; Бутанаев В.Я., Худяков Ю.С., 2000; Дашковский П.К., 2001; Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2002; и др.).

Во-вторых, важно обратить внимание на основные точки зрения специалистов относительно культурно-хронологической атрибуции памятников указанной культуры, исследованных различными археологами на Алтае. Одним из первых развернутую характеристику кыргызских памятников на Алтае представил Д.Г. Савинов (1979а), хотя некоторые исследователи и ранее отмечали, что данный регион, безусловно, входил в орбиту влияния Кыргызского каганата (Грязнов М.П., 1940; Киселев С.В., 1949, с.314; Потапов Л.П., 1953; Кызласов Л.Р., 1969; и др.). В начале 80-х гг. XX в. и в более поздних своих работах Д.Г. Савинов на основе известных к тому времени памятников кыргызов в Южной Сибири и Центральной Азии обосновывал выделение 5 локальных вариантов культуры номадов IX-X вв.: тувинский, минусинский, восточно-казахстанский, красноярско-канский и алтайский (Савинов Д.Г., 1984; 1994; Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., 2005,

* Работа выполнена при поддержке РГНФ–МинОКН Монголии (проект №06-01-91809а/Г), РГНФ (№06-01-60105а/Т) и гранта Президента РФ (проект №МК-1973.2005.6).

с.269-270). Дав характеристику предметов, обнаруженных на Алтае, ученый отметил, что памятники алтайского локального варианта кыргызской культуры немногочисленны и не образуют крупных могильников, что обусловлено последовательным освоением кочевниками данной территории. При этом, Д.Г. Савинов поддержал мнение В.А. Могильникова (1989) о мирном сосуществовании во вт. п. IX-X вв. пришлого кыргызского и местного телеского (Центральный и Юго-Восточный Алтай), а в отдельных районах и кимакского (Западный Алтай), населения (Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., 2005, с.269-270).

Другой ученый, Ю.С. Худяков, на незначительно расширенной источниковой базе, распределил памятники кыргызов Горного Алтая по двум периодам: эпоха великодержавия (IX-X вв.) и эпоха сууктэр (XI-XII вв.) (Худяков Ю.С., 1990). Указанные им особенности погребального обряда и вещевого комплекса в целом характерны и для кыргызских памятников других регионов и отражают общие тенденции развития культуры кочевников.

В последние годы исследована серия курганов культуры енисейских кыргызов на могильниках Коргон-I (Дашковский П.К., 2001), Чинета-II (Тишкин А.А., Дашковский П.К., 2002; Тишкин А.А., Дашковский П.К., Горбунов В.В., 2004; 2005; и др.), Бийке (Тишкин А.А., Тишкина Т.В., 1996) в разных районах Горного Алтая. Полученные фактические данные позволили А.А. Тишкину и В.В. Горбунову дополнить существующие разработки по указанной проблематике. Исследователи, используя имеющиеся археологические материалы и сведения письменных источников, попытались создать культурно-хронологическую концепцию развития кочевых народов данного региона в период раннего и развитого средневековья. В рамках кыргызской культуры Алтая они предложили выделить два этапа, обозначив их по наиболее хорошо изученным на тот период памятникам: яконурский (вт. пол. IX – перв. пол. X вв.) и ак-ташский (вт. пол. X-XI вв.). Первый этап (840 – ок. 950 гг.) соответствует «эпохе великодержавия» Кыргызского каганата и характеризуется наивысшим могуществом кочевого государства. Второй этап (ок. 950 – 1050 гг.) отмечен распадом Кыргызского каганата на княжества «Киргиз» и «Кэ-Кэмджиут» (Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2002; 2005, С.163; Тишкин А.А., 2006, с.39-41).

Таким образом, имеющиеся в настоящее время источники позволяют вполне обоснованно говорить о существовании во вт. пол. IX-XII вв. алтайского локального варианта культуры енисейских кыргызов на территории Южной Сибири и Центральной Азии. Выделенные для алтайского варианта кыргызской культуры этапы достаточно хорошо синхронизируются с периодами развития других локальных вариантов, в частности тувинского и минусинского (Длужневская Г.В., 1985; Грач А.Д., Савинов Д.Г., Длужневская Г.В., 1998, с.53).

Важным направлением исследований в современной археологии являются реконструкции социо- и политогенеза кочевников. Однако нужно отметить, что социально-политическая система тюркских государств раннего средневековья, в т.ч. и Кыргызского каганата, анализировалась учеными преимущественно на основе анализа письменных источников (Бернштам А.Н., 1946; Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., 1994; Жумаганбетов Т.С., 2003; Кляшторный С.Г., Султанов Т.И., 2004; Васютин С.А., 2004; и др.). Между тем, различный по характеру и количеству сопроводительный инвентарь, а также особенности и масштабность погребальных сооружений, безусловно, свидетельствуют об определенной социальной организации в Кыргызском каганате. Наиболее хорошо в настоящее время изучены особенности военно-иерархической организации кыргызов на основе анализа предметов вооружения и письменных источников, освещающих военное искусство кочевников (Худяков Ю.С., 1976; 1980; Бутанаев В.Я., Худяков Ю.С., 2000, с. 130-136; и др.). Предпринимались отдельные попытки представить социальную организацию енисейских кыргызов, проживавших на территории Минусинской котловины, на основе интерпретации элементов погребального обряда (Азбелев П.П., 1990). Предложенный исследователем подход, безусловно, заслуживает дальнейшего развития, однако сами выводы, сделанные автором, носят во многом предварительный и гипотетический характер.

Указанные обстоятельства делают перспективным изучение этносоциальной и политической динамики кыргызов Южной Сибири и Центральной Азии. В этой связи, нужно отметить, что поскольку на территории Алтая находились только воинские контингенты, состоящие из дружинников и их предводителей, то социальные реконструкции необходимо проводить с учетом памятников кочевников на всем ареале распространения кыргыз-

ской культуры. Учитывая этот момент можно сделать некоторые предварительные выводы относительно социально-политической организации кыргызов.

Во-первых, в основе социальной организации кыргызов, как и у других кочевых народов Евразии (Тишкин А.А., Дашковский П.К., 2003; Крадин Н.Н., 2001; и др.), лежала физико-генетическая структура. В китайских хрониках, приводимых Н.В. Кюннером, указывается, что «если кто умрет, то только трижды всплакнут в голос, не режут лица, сжигают покойника и берут его кости, когда пройдет год, тогда делают могильный холм» (Кюннер Н.В., 1961, с.60). В переводе китайских источников Н.Я. Бичуриным указывается, что «при похоронах (кыргызы – П.Д.) не царапают лиц, только обвертывают тело покойника в три ряда и плачут; а потом сожигают его, собранные же кости через год погребают» (Бичурин Н.Я., 1998, с.361). Аналогичные сведения приводятся арабскими авторами (Караев О., 1968, с.96). Археологические данные в целом дополняют сведения письменных источников. В тоже время, исследователи отмечают, что кремации подвергались преимущественно взрослые, как мужчины, так и женщины. Детей же хоронили обычно по обряду ингумации, за исключением погребений, которые могут рассматриваться как жертвенное трупосожжение (Митько О.А., 1994, с.213; Худяков Ю.С., Ким С.А., 1990). Вероятно, кремация распространялась на кочевников, которые становились полноправными членами общества, прошедшими инициации, т.е. перешедшими из состояния детства во взрослую жизнь. Ю.С. Худяков такую дифференцированную практику погребального обряда объясняет и определенными этическими принципами. По его мнению, огонь в религии кочевников рассматривался как сила, очищающая от грехов. Поскольку дети еще не успели в своей жизни нагрешить, то на них и не распространялся обряд очищения огнем (Худяков Ю.С., 1992, с.42). На Алтае достоверно известно пока одно детское погребение в могиле 3 кургана №3 могильника Новофирсово-VII (Алехин Ю.П., 1990, с.64). В качестве сопроводительного инвентаря в детских погребениях, как на Алтае, так и в других районах, чаще всего встречаются керамические сосуды и иногда астрагалы овцы (Левашова В.П., 1952; Кызласов Л.Р., 1981, с.55). Атрибутировать на основе сопроводительного инвентаря погребения мужчин и женщин достаточно сложно, что обусловлено объективными причинами обряда кремации. Аналогичная ситуация наблюдается и при исследовании памятников кыргызов в соседних регионах, в частности в Минусинской котловине (Худяков Ю.С., 1992). Можно только предположить, что предметы вооружения характерны в большей степени для мужских захоронений, а шилья, бусы, заколки, иглы, керамические пряслица, крючья – для женских. В отдельных женских захоронениях, как отметил Л.Р. Кызласов (1981, с.56) обнаружены хорезмийская, тюркешская и китайские монеты. Предметы, относящиеся к снаряжению лошади, вероятно, могут встречаться как в женских, так и мужских захоронениях. В тоже время, не исключено обнаружение отдельных экземпляров предметов вооружения и в женских погребениях. Так, в кургане №1 могильника Чинета-II, в впускном кыргызском захоронении, была обнаружена железная заколка (булавка) и наконечник стрелы (Тишкин А.А., Дашковский П.К., 2002). Аналогичный случай сочетания «женского вещевого комплекса» с предметом вооружения (костяной наконечник стрелы) известен и за пределами Алтая, например, на памятнике Хыржи (Худяков Ю.С., 1992, с.50). Однако значительного количества элементов вооружения в комплекте с бытовыми предметами не выявлено и в основном они представлены единичными экземплярами.

Во-вторых, для социума кыргызов, как отмечено выше, характерна военно-иерархическая организация (Худяков Ю.С., 1976; 1980; и др.). В наиболее полном виде особенности такой структуры возможно будет реконструировать после анализа и корреляции сопроводительного инвентаря с особенностями погребальных сооружений. В настоящее время можно пока констатировать, что в большинстве кыргызских погребениях на Алтае обнаружены разнообразные предметы вооружения. Это еще раз свидетельствует о том, что большая часть кыргызов представляла собой мужчин-воинов. В тоже время, в одних захоронениях зафиксированы только отдельные экземпляры оружия (например, к.1, 10, 12 м. Чинета-II, к.1 м. Кок-Эдиган, к.8 м. Коргон-I и др.) (Дашковский П.К., 2001; Тишкин А.А., Дашковский П.К., 2002; Тишкин А.А., Дашковский П.К., Горбунов В.В., 2004; Худяков Ю.С., 2000; и др.), а в других – до 20 и более предметов (к.11, 13 м. Чинета-II) (Тишкин А.А., Дашковский П.К., Горбунов В.В., 2004). Известно одно погребение по обряду кремации в

кургане, в небольшой насыпи которого найдено несколько фрагментов керамики (Тишкин А.А., Дашковский П.К., 2006). Такие практически безинвентарные погребения, вероятно можно, интерпретировать как захоронения обедневших представителей рода (Худяков Ю.С., 1992, с. 50) или дружинников. Приведенные материалы дополняют точку зрения исследователей относительно иерархии кыргызского воинского контингента, контролировавшего территорию Алтая. В тоже время, погребальных комплексов кыргызской военной элиты, аналогичных, например памятникам Тувы (Грач А.Д., Савинов Д.Г., Длужневская Г.В., 1998; и др.), на Алтае пока не обнаружено. Это обусловлено общей культурно-исторической ситуацией в регионе и тем фактом, что на Алтае никогда не было ни одной ставки кыргызского кагана и соответственно число представителей военной элиты могло быть весьма ограниченным.

Следующим важным аспектом рассматриваемой проблематики является изучение взаимоотношений пришлых кыргызских воинских контингентов и местного населения. В кыргызское время в горных районах Алтая прошивали тюркские племена, утратившие свое военно-политическое могущество в Центральной Азии. На территории предгорий же обитали носители сросткинской культурной традиции, сформировавшейся в результате подчинения местных самодийских племен тюрками II Восточно-Тюркского каганата (Неверов С.В., Горбунов В.В., 2001). Имеющиеся материалы демонстрируют различный характер отношений между отмеченными этническими группами. Как известно, тюрки в IX-X вв. выступали союзниками кыргызов в войне против уйгуров. Этим обстоятельством объясняется то, что на первом, яконурском, этапе наблюдалось мирное сосуществование кыргызов с тюрками и «сросткинцами». Об этом, в частности, свидетельствуют погребальные памятники, сооруженные в пределах одного социального и сакрального пространства как в горных, так и в предгорных районах Алтая (Могильников В.А., 1989; Дашковский П.К., 2001). Так, на могильнике Чинета-II (Северо-Западный Алтай) зафиксировано расположение кыргызских курганов в центральной части памятника рядом с почти синхронными им сросткинскими объектами. Сохранение определенной обособленности цепочек курганов разных культур свидетельствует об отсутствии в этот период ассимиляционных процессов (Горбунов В.В., Дашковский П.К., Тишкин А.А., 2005, с.146). Аналогичная ситуация зафиксирована при рассмотрении курганных групп Гилево-I-IV, где выявлены в пределах одного поля одновременные захоронения сросткинской и кыргызской культур (Могильников В.А., 2002, рис. 1). Сходные процессы отмечены и в Центральном Алтае, где на одном памятнике (Кара-Кобы-I) отмечены курганы кыргызской и тюркской культур (Могильников В.А., 1989, с.139; 1990). Эти данные еще раз подтверждают достаточно стабильные в первый период отношения с местным населением, поскольку в противном случае по религиозным и идеологическим причинам кыргызы вряд ли стали бы хоронить своих умерших людей на общих могильниках.

Интересные дополнительные сведения о взаимоотношениях кыргызского и тюркского населения в IX-X вв. можно обнаружить в тексте рунических надписей из Мендур-Соккона. В одной из них от имени местного тюркского населения приводятся такие слова: «Мой **старший брат** (выделено – П.Д.) герой и знаменитый киргиз» (Баскаков Н.А., 1966, с.80-81). С одной стороны, как отмечалось выше, это свидетельствует о смешении пришлого и местного населения и довольно мирное их сосуществование в «период великодержавия» кыргызов. С другой стороны, указанные особенности погребального обряда и текст надписи свидетельствуют, вероятно, о сложении т.н. «двойной элиты». В привилегированном положении находились кыргызские военачальники. Местная тюркская (самодийская) элита потеряла, во всяком случае, формально, свою политическую независимость, поскольку вынуждено было поддерживать кыргызов в борьбе против уйгуров. В тоже время местные кочевые племена сохранили свое экономическое положение, войско, что подтверждается находками предметов вооружения в тюркских погребениях Горного Алтая (Худяков Ю.С., 1990, с.192; Горбунов В.В., 2006, с.90-92; и др.) и памятниках сросткинской культуры лесостепной зоны данного региона (Горбунов В.В., 2004, с.93-94; 2006, с.96-97; и др.).

Во второй, ак-ташский, период пребывания кыргызов на Алтае характер взаимоотношений с местным населением несколько меняется. Так, зафиксированный на могильнике Чинета-II случай разрушения кенотафа сросткинской культуры более поздним кыргыз-

ским погребением мог быть обусловлен как враждебными отношениями, так и утратой информации о принадлежности погребального объекта вследствие непостоянного пребывания в данном регионе кыргызов в XI в. (Горбунов В.В., Дашковский П.К., Тишкин А.А., 2005). В других районах Алтая количество памятников второго этапа также уступает числу объектов предшествующего периода. Это, вероятно, обусловлено ослаблением и так незначительного влияния кыргызов в данном регионе, а также в целом в Южной Сибири и Центральной Азии. Уже с кон. X в. наблюдается процесс возвращения значительного числа кыргызов в бассейн Среднего Енисея. Еще раньше, в начале X в. каган перенес свою ставку сначала из Южной Тувы в Центральную, а затем и в Минусинскую котловину. Судя по имеющимся данным, такие перемещения обусловлены не только экономическими и внутривластными проблемами, но и давлением со стороны киданей, а, возможно, кунов, каев и найманов (Грач А.Д., Савинов Д.Г., Длужневская Г.В., 1998, с.67).

Нужно отметить, что формирование полиэтничных государственных образований на территории Евразии в эпоху средневековья было весьма распространенным явлением (Кляшторный С.Г., Султанов Т.И., 2004; Савинов Д.Г., 2005; Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., 2005; и др.). В таких государствах, как правило, выделялась доминирующая этническая группа из числа завоевателей, которая представляет собой высшую элиту. С другой стороны, внутри кочевого политического объединения формируется или поддерживается местная элита, представители которой могут занимать прочные позиции в социальной иерархии (Тишкин А.А., 2005, с.53). Кроме того, исследователи отмечали, что сложение государств в эпоху раннего средневековья сопровождалось обычно сменой политической гегемонии отдельных племен при сохранении состава основного населения (Грач А.Д., 1966, с.192). Д.Г. Савинов, развивая идеи А.Д. Грача, отметил, что система социально-этнического подчинения является важнейшим фактором формирования и развития государств и культур кочевников Южной Сибири и Центральной Азии (Савинов Д.Г., 1979б; 1988; и др.). Борьба кыргызов с уйгурами является наглядным примером смены в регионе одного этноса-элиты на другой. Взаимоотношения между этносом-элитой и другими племенами, входящим в кыргызский каганат, были различны: подарки, «подати», военная поддержка и др. (Савинов Д.Г., 2005, с.36-37). Это обстоятельство позволяет говорить об определенной межэтнической иерархии в государстве кыргызов. В данном случае, представляется примечательным отмеченный выше факт, обнаружения на Алтае относительно «богатого» погребального инвентаря, и предметов вооружения в погребениях местного тюркского и «сроскинского» населения. В тоже время, например, памятники «кыштым» в Минусинской котловине демонстрируют более зависимое их положение по отношению к кыргызам. До периода активной завоевательной политики кыргызов кыштым рассматривались как патриархальные рабы-иноплеменников. В IX-X в. кыштым были мобилизованы кыргызами для борьбы с уйгурами (Худяков Ю.С., 1983, с.144-145). Именно этот фактор позволил части кыштымам инкорпорироваться в среду свободно кыргызского населения. Правда их погребальный обряд остался без изменений, а сопроводительный инвентарь хотя и приобрел определенное разнообразие, но в целом уступал вещевому комплексу из курганов тюрков и «сроскинцев» Алтая. Более обстоятельно реконструировать функционирование «двойной элиты» в кочевых государствах возможно после всестороннего анализа погребального обряда, письменных источников и отдельные разработки в этом направлении уже ведутся как в теоретическом, так и в историческом аспектах (Тишкин А.А., 2005; Кондрашов А.В., 2004; и др.).

Третья актуальная проблема, связанная с изучением культуры кыргызов в рассматриваемом регионе, касается религии кочевников. Особое внимание исследователи уделяют вопросу о влиянии развитых (мировых) религий на мировоззрение кыргызов. Еще в XIX в. Н.Я. Бичурин, основываясь на китайских источниках, описал шаманские традиции у кочевников, а также отметил существование в ставке кагана т.н. «Мидичны», интерпретированной им как мусульманская мечеть (Бичурин Н.Я., 1998, с.360, прим.8). Однако последнее предположение не нашло реальных подтверждений и было отвергнуто исследователями, за исключением В.И. Огородникова (Худяков Ю.С., 1987, с.65). В последующий период, по мере накопления источниковой базы, ученые указывали как на различные особенности шаманизма у кыргызов (Длужневская Г.В., 1990; 1995; и др.), так и на про-

никновение в мировоззрении кочевников Центральной Азии и Южной Сибири религиозных традиций буддизма, несторианства, бон, манихейства (Бартольд В.В., 2002, с.51-55; Киселев С.В., 1951, с.615; Нечаева Л.Г., 1966, с.129; Кычанов Е.И., 1978; Воробьева-Десятовская М.И., 1980; и др.). Наиболее дискуссионным является вопрос о знакомстве тюркских племен с манихейством. Ученые практически единогласны в том, что манихейство имело прочное положение в Уйгурском каганате, где оно носило статус государственной религии (Камалов А.К., 2001; Бартольд В.В., 2002, с.52; Ермоленко Л.Н., 1990, с.122-123; Виденгрэн Г., 2001, с.197; и др.), хотя имеющиеся данные свидетельствуют и о сохранении многих традиционных верований. В отношении степени распространения манихейства в Кыргызском каганате у исследователей сложились разные мнения. Практически никто из них не отрицает того, что кыргызы, как и некоторые другие кочевые народы, были знакомы с учением пророка Мани (Худяков Ю.С., 1987; 1999; Matnchtn-Htlfen O., 1951; Караев О., 1968, с.97; и др.). В тоже время, отдельные востоковеды, в частности Л.Р. и И.Л. Кызласовы (Кызласов Л.Р., 1969, с.127; 1999; Кызласов И.Л., 2004; и др.) настаивают на государственном статусе этой религии и в кыргызском каганате. К аналогичному выводу, независимо от Л.Р. Кызласова пришел Ю.А. Зуев (2002, с.255). О значительной степени распространения манихейства у тюркоязычных номадов, по их мнению, свидетельствуют многочисленные письменные (в т.ч. рунические) источники, храмы и монастыри, обнаруженные в Минусинской котловине и на Алтае (Кызласов Л.Р., 2003; Кызласов И.Л., 2004). При этом традиционные шаманские верования и обряды сохранили свое значение в мировоззрении. Именно религиозный синкретизм манихейства и шаманизма дал основание Л.Р. Кызласову высказать мысль об особом «сибирском манихействе», получившем распространение у кыргызов.

Более осторожную и аргументированную позицию изложил Ю.С. Худяков (1987; 1999; и др.). Ученый указывает на то, что к периоду IX-X вв. относиться большая часть сведений о знакомстве кыргызов с разными религиозными традициями. Это обусловлено полиэтничным характером государственного образования номадов. Имеющиеся данные, хотя и свидетельствуют о попытках каганов выработать общую государственную идеологию, тем не менее, позволяют говорить о том, что только часть кыргызов восприняла основы вероучения Мани (Худяков Ю.С., 1987, с.72; и др.).

Для разрешения вопроса о сущности и особенностях религии енисейских кыргызов, как и других кочевых народов Южной Сибири и Центральной Азии, необходимы дополнительные теоретические разработки и расширение источниковой базы. Однако уже сейчас, можно отметить, что, во-первых, религиозные системы номадов данного региона, начиная со скифской эпохи и вплоть до периода этнографической современности носили синкретичный характер. Мировоззрение кочевников, наряду с традиционным шаманским комплексом верований, испытывало в разные периоды истории влияние иранской религиозной традиции (маздаизм, митраизм, зороастризм), буддизма (направление Махаяна), несторианства, ислама. Знакомы были номады и с отдельными элементами идеологии Китая, например с концепцией «Небесного мандата на правление», наиболее обстоятельно разработанной в конфуцианстве (Васильев Л.С., 2001, с.111-114; Крадин Н.Н., 2001). В этой связи, первостепенной задачей является определение характера и степени религиозного синкретизма, поскольку в большинстве случаев «новые» религиозные традиции не поглощали, а дополняли (иногда и подстраивались) традиционное мировоззрение и образ жизни кочевников. Во-вторых, нужно учитывать государственную и религиозную политику, которую проводил правитель и элита кочевого общества. В данном случае речь идет о том, что даже формальное наделение религии статусом государственной еще не означает быстрое принятие ее обществом. В этой связи, одним из важных индикаторов укрепления религии является погребально-поминальная обрядность, которая, несмотря на распространение манихейства в Кыргызском каганате, не претерпела существенных изменений. Более того, в рамках манихейства предпочтение отдавалось, вероятно, ингумации умершего (Виденгрэн Г., 2001, с.70), а не кремации.

Исходя из этого, можно предварительно заключить, что религиозная система кыргызов испытывала определенное влияние манихейства, благодаря деятельности пророков этой религии и политики каганов, стремящихся удержать полиэтничное государство не только

военными методами, но и общим официальным мировоззрением. Существенными преимуществами манихейства по сравнению с другими религиями того периода было, во-первых, отсутствие ортодоксального неприятия и противостояния с традиционными верованиями. Во-вторых, как учил Мани, «молитва обращенная к богу, не нуждается в храме», поэтому молельня могла размещаться в кочевой юрте (Зуев Ю.А., 2002, с.260). Это обстоятельство весьма существенно при мобильном образе жизни, хотя оно не исключало и стационарных «храмов» или молелен в определенных местах, ставках или населенных пунктах. В тоже время, сложность учения манихейства (космология, эсхатология, этика), консервативность традиционных верований номадов, относительно короткий период существования Кыргызского каганата и ряд других факторов, вероятно, не позволяют говорить о данной религии, как о доминирующей мировоззренческой системе в обществе.

Таким образом, приведенные данные демонстрируют наличие определенной основы для дальнейшего изучения кыргызской культуры на Алтае и сопредельных районах Центральной Азии. Привлечение новых теоретических разработок в области этносоциальных и мировоззренческих реконструкций, расширение источниковой базы и всесторонний анализ уже имеющегося материала, позволит существенно продвинуться в решении обозначенных проблем.

Литература

1. Азбелев П.П. Опыт археологической реконструкции социальной структуры Кыргызского каганата (VII-X вв.) // Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири. – Томск, 1990. – С.74-76.
2. Алёхин Ю.П. Енисейские кыргызы на Юго-Западном Алтае // Памятники кыргызской культуры в Северной и Центральной Азии. – Новосибирск, 1990. – С.62-75.
3. Бартольд В.В. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. – М., 2002. – 757 с.
4. Баскаков Н.А. Три рунических надписи из с. Мендур-Соккона Горно-Алтайской АО // СЭ. – 1966. – №6. – С.79-83.
5. Бернштам А.Н. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI-VIII веков (Восточнотюркский каганат и кыргызы). – М.-Л., 1946. – 207 с.
6. Бичурин Н.Я. Собрание сведения о народах, обитавших в Средней Азии, в древние времена. – Алматы, 1998. – Ч. 1. – LLXIV+390 с.
7. Бутанаев В.Я., Худяков Ю.С. История енисейских кыргызов. – Абакан, 2000. – 272 с.
8. Васютин С.А. Архаические элементы политической культуры в тюркских каганатах // Комплексные исследования древних и традиционных обществ. – Барнаул, 2004. – С.95-99.
9. Виденгрэн Г. Мани и манихейство. – СПб., 2001. – 256 с.
10. Васильев Л.С. Культу, религии, традиции в Китае. – М., 2001. – 488 с.
11. Воробьева-Десятовская М.И. Фрагменты тибетских рукописей на бересте из Тувы // Страны и народы Востока. Вып.22. – М., 1980. – С.124-131.
12. Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III-XIV вв. Ч.I. Оборонительное вооружение (доспех). – Барнаул, 2003. – 174 с.
13. Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III-XIV вв. Ч.II. Наступательное вооружение (оружие). – Барнаул, 2003. – 232 с.
14. Горбунов В.В., Дашковский П.К., Тишкин А.А. Взаимодействие средневековых кочевников в северо-западной части Горного Алтая // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий. – Томск, 2005. – С.145-147.
15. Грач А.Д. Хронологические и этнокультурные границы древнетюркского времени // Тюркологический сборник к 60-летию А.Н. Кононова. – М., 1966. – С.188-193.
16. Грач А.Д., Савинов Д.Г., Длужневская Г.В. Енисейские кыргызы в Центре Тувы. Эйлиг-Хем III, как источник по средневековой истории Тувы. – М., 1998. – 84 с.
17. Грязнов М.С. Раскопки на Алтае // СГЭ. – Л., 1940. – №1. – С.17-21.
18. Дашковский П.К. Коргон-I – новый памятник культуры енисейских кыргызов в Горном Алтае // Алтай и сопредельные территории в эпоху средневековья. – Барнаул, 2001. – С.16-23.
19. Длужневская Г.В. К определению названия археологической культуры енисейских кыргызов VI-XII вв. // Проблемы археологии и этнографии Сибири. – Иркутск, 1982. – С.117-118.

20. Длужневская Г.В. Памятники енисейских кыргызов в Туве. Автореферат диссертации на соискание ученой степени к.и.н. – Л., 1985. – 17 с.
21. Длужневская Г.В. Погребально-поминальная обрядность как источник для реконструкции мировоззрения енисейских кыргызов // Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири. – Томск, 1990. – С.113-115.
22. Длужневская Г.В. Погребально-поминальная обрядность енисейских кыргызов в свете этнографических данных // Ученые записки ТНИИЯЛИ. Серия историческая. Вып. XVIII. – Кызыл, 1995. – С.137-156.
23. Ермоленко Л.Н. Манихейство и скульптура уйгурского периода Тувы // Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири. – Томск, 1990. – С.124-122.
24. Жумаганбетов Т.С. Проблемы формирования и развития древнетюркской системы государственности и права VI-XII вв. – Алматы, 2003. – 432 с.
25. Зуев Ю.А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. – Алматы, 2002. – 338 с.
26. Камалов А.К. Древние уйгуры VIII-IX вв. – Алматы, 2001. – 215 с.
27. Караев О. арабские и персидские источники IX-XII вв. о киргизах и Киргизии. – Фрунзе, 1968. – 103 с.
28. Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири // Материалы и исследования по археологии СССР. – М.-Л., 1949. – №9. – 364 с.
29. Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. – М., 1951. – 642 с.
30. Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи Евразии. – СПб., 1994. – 165 с.
31. Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи Евразии. – СПб., 2005. – 346 с.
32. Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы евразийских степей. Древность и средневековье. – СПб., 2004. – 368 с.
33. Кондрашов А.В. Изучение погребального обряда и социальной организации сrostкинской культуры (по материалам археологических памятников юга Западной Сибири середины VII-XII вв. н.э.). Автореферат кандидатской диссертации на соискание ученой степени к.и.н. – Барнаул, 2004. – 24 с.
34. Крадин Н.Н. Империя хунну. – М., 2001. – 312 с.
35. Кызласов И.Л. Манихейские монастыри на Горном Алтае // Древности Востока. – М., 2004. – С. 111–129.
36. Кызласов Л.Р. Тухтятская культура хакасов // Степи Евразии в эпоху средневековья. – М., 1981. – С.54-59.
37. Кызласов И.Л. Аскизская культура Южной Сибири X–XIV вв. // Свод археологических источников. – М., 1983. – Вып. 3. С. 3–18.
38. Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. – М., 1969. – 212 с.
39. Кызласов Л.Р. Открытие государственной религии древних хакасов. Мани и манихейство // Труды Хакаской археологической экспедиции. – М.-Абакан, 1999. – Вып.6. – С.10-41.
40. Кызласов Л.Р. Сибирское манихейство // ЭО. – 2001. – №5. – С.83-90.
41. Кызласов Л.Р. Манихейское мировоззрение и раннесредневековые археологические памятники // Степи Евразии в древности и средневековье. К 100-летию со дня рождения М.П. Грязнова. – СПб., 2003. – Кн. II. – С.249-250.
42. Кычанов Е.И. Сирийское несторианство в Китае и Центральной Азии // Палестинский сборник. – Л., 1978. – Вып.2. – С.76-85.
43. Кюнер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. – М., 1961. – 392 с.
44. Левашова В.П. Два могильника кыргызов (хакасов) // МИА. – 1952. – №24. – С.121-136.
45. Митько О.А. Обряд трупосожжения у енисейских кыргызов // Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в I-III тысячелетии н.э. – Кемерово, 1994. – С.207-227.
46. Могильников В.А. Новые памятники енисейских кыргызов на Алтае // Проблемы изучения Сибири в научно-исследовательской работе музеев. – Красноярск, 1989. – С.138-140.
47. Могильников В.А. Древнетюркские курганы Кара-Кобы-I // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1990. – С.137-185.
48. Могильников В.А. Курганы с трупосожжениями в северо-западных предгорьях Алтая // Алтай и сопредельные территории в эпоху средневековья. – Барнаул, 2001. – С.77-138.

49. Могильников В. В. Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX-XI веках. – М., 2002. – 362 с.
50. Неверов С.В., Горбунов В.В. Сросткинская культура (периодизация, ареал, компоненты) // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории. – Томск, 2001. – С.176-178.
51. Нечаева Л.Г. Погребения с трупосожжением могильника Тора-Тал-Арты // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции АН. – М.-Л., 1966. – Т.II.
52. Потапов Л.П. Очерки по истории алтайцев. – М.-Л., 1953.
53. Савинов Д.Г. Памятники енисейских кыргызов в Горном Алтае // Вопросы истории Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1979а. – Вып. 1. – С.161-169.
54. Савинов Д.Г. Об этническом аспекте образования раннеклассовых государств Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху раннего средневековья // Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. – Омск, 1979б. – С.41-45.
55. Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. – Л., 1984. – 174 с.
56. Савинов Д.Г. Система социально-этнического подчинения как фактор развития раннесредневековых обществ Центральной Азии Южной Сибири // Историография и история изучения исторического опыта освоения Сибири. – Новосибирск, 1988. – Вып. 1.
57. Савинов Д.Г. Государство и культурогенез на территории Южной Сибири в эпоху раннего средневековья. – Кемерово, 1994. – 215с.
58. Савинов Д.Г. Система социально-этнического подчинения в истории кочевников Центральной Азии и Южной Сибири // Монгольская империя и кочевой мир. – Улан-Удэ, 2005. – Кн.2. – С.31-43.
59. Тишкин А.А. Элита в древних и средневековых обществах скотоводов Евразии: перспективы изучения данного явления на основе археологических материалов // Монгольская империя и кочевой мир. – Улан-Удэ, 2005. – Кн.2. – С.43-56.
60. Тишкин А.А. Алтай в эпоху поздней древности, раннего и развитого средневековья (культурно-хронологические концепции и этнокультурная история). Автореферат на соискание ученой степени доктора исторических наук. Барнаул, 2006. 54 с.
61. Тишкин А.А., Горбунов В.В. Культурно-хронологические схемы изучения истории средневековых кочевников Алтая // Древности Алтая. – Горно-Алтайск, 2002. – Вып.9. – С.82-91.
62. Тишкин А.А., Горбунов В.В. Комплекс археологических памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). – Барнаул, 2005. – 200 с.
63. Тишкин А.А., Дашковский П.К. Комплекс археологических памятников около с. Чинета в Алтайском крае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы Годовой сессии ИАиЭ СО РАН. Новосибирск, 2002. Т.VIII. С.468-471.
64. Тишкин А.А., Дашковский П.К. Исследование памятников пазырыкской культуры на Чинетинском и Яломанском комплексах в Горном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы Годовой сессии ИАиЭ СО РАН. – Новосибирск, 2003. – С.494-498.
65. Тишкин А.А., Дашковский П.К. Средневековые памятники с трупосожжением на Алтае // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Красноярск-Омск, 2006. – С. 146-149.
66. Тишкин А.А., Дашковский П.К., Горбунов В.В. Курганы эпохи средневековья на территории предгорно-равнинной части Алтайского края // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы Годовой сессии ИАиЭ СО РАН. – Новосибирск, 2004. – Т.Х. - Ч.1. – С.410-415.
67. Тишкин А.А., Тишкина Т.В. Результаты археологического исследования курганного могильника Бийке в Горном Алтае // Горный Алтай и Россия 240 лет. – Горно-Алтайск, 1996. – С. 34–38.
68. Худяков Ю.С. Структура военной организации у кыргызов в IX-X вв. // Из истории Сибири. – Томск, 1976. – Вып.21. – С.207-213.
69. Худяков Ю.С. Вооружение енисейских кыргызов. – Новосибирск, 1980. – 176 с.

70. Худяков Ю.С. Шаманизм и мировые религии у кыргызов в эпоху средневековья // Традиционные верования и быт народов Сибири. XIX-нач. XX вв. – Новосибирск, 1987. – С.65-84.
71. Худяков Ю.С. Кыргызы в Горном Алтае // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1990. – С.186-201.
72. Худяков Ю.С. Кыргызские могильники как объект палеодемографического исследования // Историческая демография Сибири. – Новосибирск, 1992. – С.41-56.
73. Худяков Ю.С. К вопросу о проникновении мировых религий в Южную Сибирь в эпоху средневековья // Изучение культурного наследия Востока. Культурные традиции и преемственность в развитии древних культур и цивилизаций. – СПб., 1999. – С.156-157.
74. Худяков Ю.С. Кок-Эдиган – новый памятник кыргызской культуры в Горном Алтае // Исторический ежегодник. Специальный выпуск. – Барнаул, 2000. – С.208-215.
75. Худяков Ю.С., Ким С.А. Этнодиагностирующие элементы погребальной обрядности раннесредневекового населения Минусинской котловины // Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири. – Томск, 1990. – С.173-175.
76. Masnchen-Helfen O. Manichaeans in Siberi // Semitic and oriental studies. University of California publications in semitic philology. – 1951. – Vol.91. – P.311-326.

Вдовина Т.А.

(г. Горно-Алтайск)

МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ОСТАТКОВ ИРРИГАЦИОННЫХ СООРУЖЕНИЙ ГОРНОГО АЛТАЯ

Древние оросительные системы – особый вид памятников археологии. Это так называемые – памятники производственной деятельности (Мартынов А.И., Шер Я.А., 1989, с.10). Строительство оросительных систем – один из древнейших видов инженерного искусства (Андрианов Б.В., 1969, с.15). Оросительные системы являются важным составляющим компонентом древнего земледелия, наряду с орудиями труда, почвой, культурными растениями.

За все время научного освоения древней истории Горного Алтая, эта категория памятников рассматривалась бессистемно, зачастую попутно с общей характеристикой других древних объектов. Отнесение остатков заброшенных оросительных систем Алтая к древности, в большинстве случаев производилось исследователями интуитивно, не имея при этом весомых оснований.

Анализ научной литературы по истории и археологии Горного Алтая показывает, что ирригационные системы Горного Алтая в подавляющем большинстве случаев рассматриваются исследователями неотъемлемо от традиционного земледелия. На основании анализа научных работ, относящихся к указанной тематике можно условно выделить два этапа в истории изучения ирригационного земледелия Горного Алтая:

I. этап (последняя четверть XIX – начало XX вв.) Характеризуется фиксацией общих данных относительно древнего земледелия на Алтае и поливного земледелия в частности. (Верещагин В.И., 1927; Переселенческие поселки..., 1900; Радлов В.В., 1894; Руденко С.И., Глухов А.Н., 1927; Сапожников В.В., 1897; Тыжнов И.И., 1910; Швецов С.П., 1900). В рамках этапа, значительный интерес представляет работа С.П. Швецова о земледелии на Алтае, где автор пытается проследить истоки земледельческих традиций на Алтае и приводит интересные данные, основанные на собственных полевых наблюдениях. Информация о древних оросительных каналах, содержащаяся в научных трудах данного этапа, скудна, но обладает большой ценностью, так как остатки ирригационных сооружений предстали перед исследователями того периода практически в неизменном виде.

II. этап (30-е гг. XX в. – наши дни). В 1935 г. Саяно-Алтайской археологической экспедицией было положено начало археологическому исследованию остатков оросительных сооружений Горного Алтая. В рамках данного этапа, оросительные каналы рассматриваются археологами, историками, краеведами, этнографами (Евтюхова Л.А., Киселев С.В., 1941; Потапов Л.П., 1952; Уманский А.П., 1959; Кочеев В.А., 1983; Бородавский А.П., 2002; Кубарев В.Д., 2002; Садовой А.Н., Онищенко С.С., 2003; Соёнов В.И., 2003; Суразаков А.С., 2003; Торушев Э.Г., 2006). В большинстве случаев эта категория памятников продолжает рассматриваться без привлечения результатов полевых археологических исследований. Отнесение остатков ирригационных сооружений Алтая к «древности» на данном этапе остается гипотетическим.

Начало собственно археологического изучения остатков ирригационных систем, мы связываем с деятельностью Саяно-Алтайской археологической экспедиции, в ходе работ которой в 1935 году была изучена и описана древняя оросительная система урочища Тото в Кош-Агачском районе. Авторы исследований утверждали, что долина в древности распаивалась и засеивалась, так как обследованная оросительная система «была рассчитана на полеводство, а не на луговое, что подтверждают обследования ботанической экспедиции Томского университета». В отчете данный объект назван «высоко интересной древней оросительной системой», для детального изучения которой, по мнению авторов отчета необходима теодолитная съемка (Евтюхова Л.А., Киселев С.В., 1941, с.80). К сожалению, поставленную Л.А. Евтюховой и С.П. Киселевым задачу – детального полевого исследования древних оросительных каналов, в дальнейшем никто не взял за предмет специального исследования.

Проблема появления земледельческих традиций на Алтае впервые серьезно поставлена Л.П. Потаповым в работе посвященной описанию и анализу земледелия у алтайцев (Потапов Л.П., 1952, с.173-199). Автор склонен полагать что земледелие в горах Алтая зародилось в глубокой древности, и в качестве одного из доказательств приводит пример наличия зерен ячменя в желудке одной из раскопанных лошадей в Первом Пазырыкском кургане. Касаясь вопроса происхождения этого зерна, Л.П. Потапов подчеркивает нецелесообразность доставки зерна из отдаленных степных или предгорных районов Алтая и тем более из Средней Азии, так как зерновые культуры вполне успешно могли возделываться в Горном Алтае уже во времена пазырыкской культуры. Остатки заброшенных оросительных сооружений Л.П. Потапов относит ко времени «владычества на Алтае киданей или кара-китаев в X – XI вв.». «Кытай» или «китайцы», которые фигурируют в алтайских преданиях как строители большинства обширных и сложных оросительных систем на Алтае, напрямую соотносятся Л.П. Потаповым с киданями (Там же, с.173).

А.П. Уманский в работе «Памятники культуры Алтая» упоминает об остатках древних оросительных систем в разных районах Горного Алтая: «особенно много остатков древнего орошения в долинах Чуи, Башкауса, Чулышмана, Урсула. Наиболее известны Курайская, Ак-Туринская, Ининская, Малояломанская древние оросительные системы» (Уманский А.П., 1959, с.90). Однако точного месторасположения указанных объектов автором не приводится. Кратко описаны технические особенности устройства нескольких «древних» каналов. При определении времени постройки заброшенных оросительных сетей, А.П. Уманский ссылается на точку зрения С.П. Киселева относящего каналы к тюркской эпохе.

За последние десятилетия археологи, производя исследования в различных районах Горного Алтая, практически во всех долинах крупных рек: Чуи, Катунь, Чулышмана и т.д., отмечают наличие оросительных каналов, древних или используемых местным населением.

Во время разведочных работ археологического отряда Горно-Алтайского краеведческого музея в 1982 г. были зафиксированы остатки оросительных сооружений в долине реки Тиланду и в месте впадения в реку Чулышман реки Чульча. В долине Тиланду четко прослежено расположение системы: головной канал, отходящий от р.Тиланду и ряд мелких каналов, орошавших долину (Кочеев В.А., 1983. с.10). В отчете приводится краткое описание оросительной системы, глазомерный план и фотографии.

В 1985 – 1986 гг. Восточно-Алтайским отрядом Северо-Азиатской комплексной экспедиции Института археологии и этнографии СО РАН производились исследования в устьевой зоне р.Куроты левом притоке р.Урсул в урочище Балык Соок. Исследования произво-

дились на двух крупных могильниках Балык-Соок I и Балык-Соок II, где были раскопаны погребения разных исторических эпох: от раннего железного века до средневековья. На общем плане расположения археологических объектов могильника Балык-Соок I по южной поле кургана №7, относящегося к раннему железному веку проходит русло оросительного канала, обозначенного автором исследований как древний (Кубарев В.Д., 2002. с.127-129).

В 2000 г. при комплексном обследовании долины р.Чулышман, в числе прочих историко-культурных памятников были зафиксированы остатки оросительных каналов. В отчете приводится их краткое описание. Автор отчета – А.С. Суразаков описывает не только остатки собственно русел каналов, но и ранее возделывавшиеся участки «это своеобразные «ячейки» площадью в среднем 30x40 м, разделенные между собой сеткой ныне оплывших, невысоких валов. Эти поля-«ячейки» были предназначены для мотыжной обработки почвы и между ними удобно было распределять воду для полива. Иными словами, в данном случае мы имеем дело со следами древнего мотыжного, поливного земледелия» (Суразаков А.С., 2003. с.92-95).

Ирригационные системы долины Чулышмана рассматриваются в работе А.Н. Садовой и С.С. Онищенко, как составляющий элемент земледелия. Авторами выделяется три варианта землепользования в бассейне Чулышмана: А – отсутствие ирригационного земледелия, Б – наличие ирригационного земледелия, огораживание пашенных участков, В – высокий уровень развития ирригационного земледелия; часть долинного комплекса выведена из-под выпаса стад. «Сам факт существования земледелия в первой половине I тыс. н.э.» – по мнению авторов, является недоказанным (Садовой А.Н., Онищенко С.С., 2003. с.211).

Остатки оросительных сооружений (канал) обнаружены в Майминском районе. К настоящему моменту, данный канал является самым северным из всех известных (Бордовский А.П., 2002. с.44).

В 2003 г. В.И. Соёнов публикует работу «Земледелие на Алтае в древности и средневековье», являющуюся кратким аналитическим обзором древнего земледелия в Горном Алтае. Опираясь на археологические материалы из памятников различных эпох, автор относит появление земледелия в Горном Алтае к IV-III тыс. до н.э. (Соёнов В.И., 2003. с.169). Становление земледельческих традиций в древнем Алтае, автор связывает с притоком мигрантов из Приаралья и Прикаспия. В.И. Соёнов подчеркивает, что в силу природно-климатических условий, земледелие в Горном Алтае изначально было орошаемым. Значительный удельный вес земледелия в комплексном хозяйстве пазырыкских племен, по мнению автора, подтверждается находками каменных жерновов ручной мельницы в насыпях курганов. Расцвет земледелия на Алтае приходится на эпоху средневековья. К этому времени, по мнению автора, относятся многие из оросительных сооружений, расположенных в долинах Катунь, Чуи, Урсула, Каерлыка, Улагана, Чулышмана, Аргута, а также специализированные земледельческие орудия: каменные жернова ручной мельницы, серпы, лемех и отвал плуга, железная оковка лопаты и т.д. (Соёнов В.И., 2003).

В 2006 году Э.Г. Торусевым была защищена диссертация «Традиционное земледелие у алтайцев (кон XIX – первая треть XX в.)». Работа построена преимущественно на этнографических источниках. Ирригационные сооружения вместе с орудиями труда выделены в отдельную главу, где выделяется три способа орошения полей, использовавшихся алтайцами до 30-х гг. XX в. Автором также упоминаются дополнительные приспособления – деревянные желоба, использовавшиеся при прохождении канала через проблемные участки (Торусев Э.Г., 2006, с.14).

При рассмотрении земледелия как самостоятельного производственного процесса, независимо от его удельного веса в общей системе древнего хозяйства, необходимо выделять четыре основных слагающих его компонента: орудия труда, куда входят орудия, предназначенные не только для обработки земли, но и для уборки и переработки урожая; почва, как важнейшее средство сельскохозяйственного производства и объект приложения человеческого труда; культурные растения, которые должны рассматриваться двояко – и как средство производства, и как его продукт, и, наконец, вода, являющаяся источником влаги для почв и растений. В аридных районах, где водообеспечение почв и растений производится с помощью искусственного орошения, системы ирригационных каналов выполняют функцию не только средства производства, но также и орудия производ-

ства (Лисицына Г.Н., Прищепенко Л.В., 1977, с.8). Это обуславливает сложность работы по изучению истории земледелия в целом и орошаемого земледелия в частности.

Основными исследовательскими задачами при изучении древних ирригационных систем являются: 1) определение природных и общественно-исторических условий существования ирригации; 2) определение качественных и количественных характеристик присущих оросительным системам; 3) выявление динамики развития орошаемых земель в различные исторические периоды. Серьезным препятствием в достижении перечисленных задач является плохая сохранность и дефектность главного источника – остатков древних оросительных сооружений. На большинстве участков земель древнего орошения отдельные звенья оросительных систем разрушены почти полностью, их перекрывают современные мелиоративные сооружения, поля, постройки. Сохранившихся участков ирригационных сетей и земель древнего орошения осталось крайне мало. Ландшафт Горного Алтая обладает определенной спецификой, а именно – преобладанием гористых местностей непригодных для проживания и сельскохозяйственного освоения. Таким образом, одни и те же территории используются человеком на протяжении многих тысяч лет. В этой связи наиболее актуальной и своевременной является разработка методики археологических исследований остатков ирригационных сооружений Горного Алтая.

Методика археологических исследований древних оросительных систем достаточно подробно освещена в работах среднеазиатских археологов (Андрианов Б.В., 1969; 1978; Грошев В.А., 1980; 1985; Лисицына Г.Н., 1979; Лисицына Г.Н., Прищепенко Л.В., 1977). Для полевого исследования и описания древних оросительных систем Средней Азии была разработана отдельная терминологическая база, отражающая наиболее характерные черты отдельных элементов оросительных систем и взаимосвязанных с ними компонентов. Для описания и характеристики оросительных систем Горного Алтая, мы придерживались терминов и определений, которые на наш взгляд наиболее четко отражают специфические черты, присущие местным горно-долинным ирригационным сооружениям. Терминологическая база строилась на основе работ историков, археологов, мелиораторов (Андрианов Б.В., 1969; Ашак-оол А.Ч., 1993; Гришин М.М., 1979; Костяков А.Н., 1960; Щедрин В.Н., 1998).

Орошение (ирригация) – подвод воды на поля, испытывающие недостаток влаги, для создания сельскохозяйственным культурам оптимального водного режима, вид мелиорации. Для орошения строят оросительные системы. Орошение состоит из комплекса технических, агротехнических и организационно-хозяйственных мероприятий, в основе которых лежат гидротехнические приёмы нормированного поступления воды в почву. Оросительная вода улучшает водный режим почвы, увеличивает оводнённость растительных тканей, растворяет питательные вещества и делает их доступными для растений. Орошение влияет на тепловой режим, регулируя температуру поверхностного слоя почвы и приземного слоя воздуха, позволяет управлять ростом и развитием растений, усиливать рост тех или иных органов, в том числе генеративных, улучшать качество урожая. При правильном оросительном режиме создаются благоприятные условия для микробиологических процессов в почве. Орошение даёт возможность капитально улучшить земли засушливой зоны и вовлечь их в сельскохозяйственный оборот, более эффективно использовать угодья достаточно увлажнённых районов. Оно имеет большое значение для развития полеводства (создание крупных орошаемых массивов зерновых культур), животноводства (посевы кормовых растений на орошаемых землях, создание орошаемых пастбищ).

Оросительная система – комплекс гидротехнических сооружений, предназначенный для забора воды из источника орошения, транспортирования её до орошаемого массива, распределения по поливным участкам и полива земель с целью создания оптимального водно-солевого режима почвы.

Источник орошения – река, ручей, озеро из которого происходит забор воды в систему.

Водозаборное сооружение (водоприемник) – гидротехническое сооружение, осуществляющее забор воды из источника орошения и подающее воду в оросительный канал, который транспортирует её к орошаемым массивам и распределяет по поливным участкам. Водоприемник должен обеспечивать пропуск воды в канал в заданном количестве, надлежащего качества и в соответствии с графиком водопотребления. Водозаборные со-

оружения бывают *бесплотинные и плотинные*. Бесплотинное водозаборное сооружение представляет собой искусственное русло (канал), отходящее от реки под некоторым углом и забирающее часть расхода водотока. Для ограничения возможности попадания донных наносов в оросительный канал водозаборное сооружение располагают на вогнутом берегу реки, благодаря чему поверхностные струи, менее насыщенные наносами, направляются в водозабор, а донные – отклоняют наносы в русло реки. При неустойчивом русле реки и значительных скоростях течения, для обеспечения забора необходимого количества воды, в головной части бесплотинного водозабора устраивается *шпорный водозабор* (дамба-шпора), выполняемый обычно из местных материалов (камень, хворост). Струенаправляющая шпора имеет криволинейное очертание, отходя от берега вверх по течению под некоторым углом к направлению водного потока. Она отделяет от реки часть водного потока и направляет его в канал. Чем длиннее дамба-шпора, тем больше процент водозабора. *Плотинное водозаборное сооружение* – гидротехническое сооружение, перегораживающее реку (или др. водоток) для подъёма уровня воды перед ним, сосредоточения напора в месте расположения сооружения и создания водохранилища.

Канал (от лат. *canalis* — труба, жёлоб) – искусственное русло (водовод) правильной формы с безнапорным движением воды, устроенное в грунте. *Оросительные (ирригационные) каналы* предназначены для подачи воды к орошаемым земельным массивам. Образуют систему каналов магистральных, распределительных, собственно оросительных (оросителей) и водосбросных.

Магистральный канал – канал, транспортирующий воду от источника орошения к орошаемому массиву. Состоит из нескольких частей: *холостой, рабочей и сброса*. Основная функция холостой части русла канала – доставка воды до распределителей. Рабочая часть канала занимает участок от первого распределителя до сброса воды из водоотвода. По ней вода поступает в распределители, отходящие от основного русла к орошаемым участкам. *Отводные каналы* прокладывались, обычно, под прямым или острым углом от магистрального канала. Они, в свою очередь, делились на *напускные водоотводы*, идущие к пашням, которые дробились на мелкие *оросительные борозды*.

На трассе оросительных каналов обычно расположены *гидротехнические сооружения* различного назначения. К ним относятся сооружения в местах пересечений каналом сложных участков рельефа местности (возвышения, скалистые участки, осыпи, овраги и т.д.) Через подобные препятствия воду транспортировали при помощи *акведуков-водоводов*. Как правило, в этой роли выступали деревянные желоба, выдолбленные из цельного куска дерева. *Желобыводоводы* могли опираться на деревянные столбы или стойки, срубы и каменные «фундаменты». Также использовались сооружения, предназначенные для регуляции скорости водотока: *петли-меандры* русла канала, *направляющие и разбивающие камни* и т.д.

Водосборный бассейн – искусственный водоем, предназначенный для сбора и хранения воды. Помогал поддерживать необходимый уровень воды в магистральном канале. Мог служить также для регуляции скорости водотока и водораспределения.

Полив поверхностный – полив, при котором почва увлажняется путём поглощения воды, подаваемой на поверхность орошаемого участка. Способы поверхностного полива (в зависимости от распределения воды по полю и поступления её в почву): *по бороздам* – вода подаётся в них и впитывается в почву главным образом капиллярным путём (через стенки и дно борозд); *напуском по полосам* и *затоплением* – вода сплошным слоем распределяется по поверхности участка и поступает в почву гравитационным путём. Полив по бороздам применяют на посевах пропашных культур (хлопчатник, сахарная свёкла, кукуруза, овощные), иногда зерновых, в садах и виноградниках. Полив напуском по полосам используют на узкорядных посевах трав и зерновых культур, в садах и виноградниках. Полив затоплением – один из древнейших способов полива. Применяют его при промывке засоленных почв, орошении лугов, возделывании риса, иногда кукурузы и культур рисового севооборота.

Режим орошения – подача воды на поля в определенном количестве и в установленные сроки. Устанавливается расчётом в соответствии с биологическими особенностями растений, климатическими, почвенными и гидрогеологическими условиями орошаемого участка, способом и техникой полива, технологией возделывания растений и т.д.

Лиманное орошение – глубокое одноразовое весеннее увлажнение почвы водами местного стока. Для лиманного орошения используют талые воды, стекающие с выше-расположенной территории, паводковые, а также излишки воды из водохранилищ и каналов. Воду на орошаемой площади – лимане, удерживают системой валов и дамб. Излишки её сбрасывают через водоспуски. Лиманы бывают простые и ярусные – несколько ярусов дамб или валов (наиболее технически совершенны); мелководные (глубина затопления 25-35 см) и глубоководные (до 1,5 м). Продолжительность затопления лимана зависит от растительности или орошаемой культуры, влагоёмкости почвы и глубины увлажнения (обычно 10-20 сут).

Кроме лиманного, выделяются следующие виды орошения: **болотное** орошение, базирующееся на озерных и речных разливах; **саево-ручьевое** орошение, водоисточником для которого служили воды горных ручьев – саев или поверхностные воды, образующиеся после выпадения осадков; **кяризное и колодезное** орошение, базирующееся на источниках подземных вод; **самотечное, паводковое** орошение, базирующееся на больших реках с постоянным водотоком.

Таким образом, отмеченные выше термины и понятия, являются основным категориальным аппаратом, требующимся при археологическом изучении древних ирригационных систем Горного Алтая. Однако мы не претендуем на полноту терминологической базы, т.к. при дальнейших исследованиях в данном направлении, она должна пополняться и расширяться.

Ирригационные системы выполняют функцию не только средства производства, но также и орудия производства, и, кроме того, по своей конфигурации, расположению, а зачастую и назначению, находятся в тесной взаимосвязи от ландшафтно-климатических и геоморфологических условий района. Данный факт подразумевает применение широкого спектра естественнонаучных методов: дистанционного, картографического, геологического и сравнительно-географического, а также использование ландшафтных, почвенных и литолого-фациальных исследований на этапе полевых исследований. Целесообразность и эффективность применения комплексного междисциплинарного подхода к исследованию древних ирригационных систем, а также отдельные методические аспекты естественнонаучного направления достаточно хорошо освещены в литературе (Андрианов Б.В., 1969; 1978; Грошев В.А., 1980; 1985; Кесь А.С., Виноградов А.В., Итина М.А., 1969; Кесь А.С., Костюченко В.П., Лисицына Г.Н., 1980; Лисицына Г.Н., 1979; Лисицына Г.Н., Прищепенко Л.В., 1977; Минашина Н.Г., 1969; Прудникова Т.Н., 2005; и др.).

Наша работа по исследованию оросительных систем Горного Алтая строилась на основе традиционных методов археологии с привлечением естественнонаучных методов. В археологическом исследовании остатков ирригационных сооружений Горного Алтая, мы опирались на основные методические положения, изложенные в работах среднеазиатских археологов основополагающим тезисом которого является рассмотрение древних оросительных сооружений различных эпох, как **археологических памятников с различными морфометрическими показателями и топографическими характеристиками** (Андрианов Б.В., 1969, с.10).

В основе археологического изучения древних оросительных сооружений лежит методика археолого-топографических исследований (Толстов С.П., 1948; Гулямов Я.Г., 1957; Андрианов Б.В., 1969). Данная методика основана на маршрутных полевых археологических рекогносцировках, картировании систем орошения по аэрофотоснимкам, археолого-топографическом (инструментальном), морфометрическом и геоморфологическом изучении древних оросительных сооружений. Хорезмской археологической экспедицией был разработан следующий порядок проведения работ: 1) предварительное знакомство с различными материалами и дешифрирование аэрофотоснимков, подготовка плана полевых исследований; 2) полевое маршрутное обследование намеченных объектов, сбор археологического материала для датировки каналов и хронологического сопоставления систем орошения с основными памятниками, где были проведены стационарные археологические раскопки; 3) камеральный этап, содержал работы по уточнению археологических датировок, отдельных полевых сборов вещественного материала (керамики, монет, наконечников стрел, украшений и т.п.) оформление планов оросительных систем и научное обобщение полученных результатов (Андрианов Б.В., 1969, с.25).

Нами была использована данная схема проведения работ с учетом общей степени археологической изученности региона и доступности отдельных исходных материалов. Опираясь на исторические сведения о наличии «древних» оросительных каналов на территории Горного Алтая, содержащиеся в трудах первых исследователей – в конце XIX – начале XX века, производилась выборка участков требующих полевого обследования. Полученные данные сверялись с картографическими материалами. Полевые исследования начинали с рекогносцировки местности с целью выявления наличия или отсутствия остатков ирригационных сооружений в данной конкретной местности. Пеший маршрут, прокладывался по всей длине магистральных каналов от истока (водозабора) до последних поддающихся визуальному определению отводных каналов. В ходе визуального обследования системы фиксировалась общая конфигурация ее расположения, холостая, распределительная и сбросовая части магистрального канала. Широко используемые при изучении форм рельефа приемы морфометрии весьма эффективны и для измерения ширины древних каналов, их протяженности, установления размеров сечений, береговых отвалов и т.п. Сохранившиеся участки оросительной системы фиксировались глазомерным способом с помощью компаса, рулеток, рейки, а затем графически отражались на планах в масштабе. Ширина канала фиксировалась по наиболее выступающим краям внешних бортов, глубина – от уровня верхней кромки бортов. Полученные замеры позволяют установить лишь приблизительные показатели ширины и глубины канала. Причиной является сильная задернованность русел каналов и плохая сохранности их отдельных частей. По всем выявленным оросительным системам, нами были составлены описания общей схемы их расположения и основных функциональных частей.

Картирование – наиболее эффективный метод изучения и древних оросительных систем, обладающих, как правило, значительной пространственной протяженностью. Без планов и карт, подробно характеризующих конфигурацию оросительных систем и размещение основных водных магистралей, распределителей, второстепенных каналов и т.п. по отношению к источникам водоснабжения и отношению каналов к крупным, хорошо изученным археологическим памятникам, очень трудно хронологически расчленить разновременные системы и воссоздать историческую динамику древней ирригации. Карта выявляет закономерные связи древних гидротехнических сооружений с рельефом, уклонами местности, современным почвенно-растительным покровом и т.п. (Андрианов Б.В., 1969, с.20). Для тех оросительных систем Горного Алтая, которые занимают достаточно большие площади, нами были использованы в качестве топоосновы карты Генерального штаба выполненных в масштабе 1:100000, (съёмка 1957 г.). На них накладывалась общая конфигурация и основные элементы оросительной системы, а также имеющиеся на данном участке прочие памятники археологии.

Для фиксации истинных размеров каналов, а также для изучения заполнения русел применялся способ поперечных профилей, употребляемый как геоморфологами, так и гидротехниками. Раскопки древних каналов были осуществлены еще в начале XX века в Месопотамии Херцфельдом, а в 1934 – 1935 гг. – американским археологом Глэдвином на городище Снейктаун. На среднеазиатских памятниках древнего орошения подобные работы получили широкое распространение в 1952 – 1954 гг., когда в полевой практике Хорезмской экспедиции началось изучение археолого-геоморфологических траншей и шурфов в зоне первобытных поселений в окрестностях могильника Кокча 3 и Базар-калы (Андрианов Б.В., 1969, с.27). В Южной Сибири раскопки русел каналов и исследование их заполнения производились в Хакасии – Я.И. Сунчугашевым, в Туве – Т.Н. Прудниковой (Сунчугашев Я.И., 1989; 1990; Прудникова Т.Н., 2005). Нами закладывались поперечные траншеи на «ключевых» участках предварительно отмеченных на плане в ходе пешего маршрута. Трасса магистрального канала достаточно однообразна по своим морфометрическим и инженерно-техническим показателям. При обследовании оросительной системы в ходе пешего маршрута, на плане отмечались так называемые «ключевые участки»: места пересечения каналом сложных форм рельефа, наиболее полно сохранившиеся отрезки магистрального канала и т.д. В дальнейшем, выделенные участки обследовались дополнительно. Поперечные траншеи закладывались в местах прохождения русла канала в мягких грунтах. Там, где русло проходило через скальные полки и искусственные насыпи,

производилась зачистка. Поперечная траншея позволяет подтвердить принадлежность к ирригационным системам (обнаружение русловой фации) (Прудникова Т.Н., 2006, с.46), выявить основные морфометрические показатели канала, зафиксировать конструктивные особенности и инженерно-технические приемы, используемые при постройке оросительной системы (дополнительное укрепление внешних бортов, облицовка ложа канала и т.д.). При изучении разрезов траншей, фиксировалась стратиграфия руслового заполнения и определялась форма поперечного сечения канала. Полученные разрезы русел каналов фиксировались на фото и графически отражались на планах в масштабе.

В ходе обследования ирригационных сооружений Горного Алтая, нами было выяснено, что любая оросительная система содержит индивидуальную по конфигурации и техническим параметрам оросительную сеть, непосредственно зависящую от природно-хозяйственных условий района строительства и особенностей рельефа. Во всех системах выделяются составные элементы (водозаборное сооружение, водосборный бассейн, магистральный канал и т.д.), из набора которых в том или ином сочетании и состоит сеть.

Изучение оросительной системы на той или иной территории, независимо от ее размеров, влечет за собой выяснение вопроса о питающем ее источнике воды, что имеет большое значение при непосредственном рассмотрении истории земледелия, поскольку именно источник водообеспечения определяет тип орошения, характер оросительных систем и их масштабы, специфику функционирования, а, следовательно, и состав возделываемых культур (Лисицына Г.Н., 1979, с.12). При изучении ирригационных систем Горного Алтая, нами была выявлена взаимосвязь между источником орошения и характером оросительной системы. При визуальном наблюдении и сравнении полученных данных, был выявлен ряд признаков водоисточника, непосредственно влияющих на характер питаемой им оросительной сети. Такими признаками являются: 1) уклон русла реки (ручья) от истока до устьевой части; 2) скорость водотока; 3) объем транспортируемой воды.

Определенные затруднения возникают при определении времени постройки и функционирования ирригационных сооружений. Б.В. Андрианов очень точно сформулировал проблему датирования оросительных систем: «если мелкие арыки – оросители – действовали без особых изменений ряд лет, то крупные – магистральные каналы – многие и многие столетия. Датировать их на основании единичных находок и даже одного-двух раскопанных поселений практически трудно, так как «жизнь» одного жилища значительно короче «жизни» крупного канала» (Андрианов Б.В., 1969, с.17). Данная проблема актуальна и для датирования оросительных систем Горного Алтая. Большинство ирригационных систем обновлялось и переиспользовалось в последующие времена, что в значительной мере затрудняет установление времени их первоначальной постройки.

Среднеазиатскими исследователями была разработана особая методика определения хронологии гидротехнических сооружений. Методика определения времени функционирования оросительных каналов и образования земель древнего орошения, базируется на картировании большого количества археологических поисков и массовых археологических находках, позволяющих более точно установить основные периоды орошаемых в древности оазисов и выявить сеть одновременных поселений, топографически связанных с изучаемой оросительной системой. При определении времени функционирования оросительных систем и динамики земель древнего орошения, большое внимание уделяется материалам полевых археологических маршрутных исследований. Это в первую очередь массовые археологические находки (керамика, бусы, монеты и т.п.), которые позволяют установить периоды жизни отдельных участков орошаемых оазисов, выявить сеть одновременных земледельческих поселений, топографически связанных с изучаемой ирригационной системой и свидетельствующих о времени функционирования отдельных звеньев (Андрианов Б.В., 1969, с.18). В Южной Сибири данный подход в определении времени постройки и функционирования древних ирригационных систем был использован Я.И. Сунчугашевым в Хакасии и Т.Н. Прудниковой в Туве. Кроме сопоставления оросительных систем с близлежащими поселенческими и погребальными памятниками, Т.Н. Прудниковой были отобраны образцы погребенных почв и остатков древесины из русел каналов для радиоуглеродного датирования. Нами для установления времени создания и функционирования оросительной системы, также отбирались образцы

погребенных почв, русловых заполнений и остатков деревянных конструкций канала для радиоуглеродного датирования. Определение остаточной активности углерода было выполнено на QUANTULUS-1220 (Liquid Scintillation Counters) в лаборатории геологии и палеоклиматологии кайнозоя Института геологии и минералогии СО РАН.

Таким образом, остатки ирригационных сооружений Горного Алтая, являются серьезным информативным источником. Использование традиционных археологических методов в совокупности с естественнонаучными, позволяет получить новые сведения о древнем орошаемом земледелии Южной Сибири. Полученные в ходе полевых исследований факты, в дальнейшем послужат прочным основанием для реконструкции системы земледельческого хозяйства древних обществ Горного Алтая.

Литература

1. Андрианов Б.В. Древние оросительные системы Приаралья (в связи с историей возникновения и развития орошаемого земледелия). – М., 1969. – 253 с.
2. Андрианов Б.В. Земледелие наших предков. – М., 1978. – 167 с.
3. Ашак-оол А.Ч. О мелиоративной практике тувинцев в кон XIX – нач. XX в. // Из истории хозяйства и материальной культуры тюрко-монгольских народов. – Новосибирск, 1993. – С.19-27.
4. Бородовский А.П. Микрорайон археологических памятников у с. Манжерок Майминского района Республики Алтай // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск, 2002. – № 9. – С.42-52.
5. Верещагин В.И. Очерки Алтая. – Новосибирск, 1927. – 96 с.
6. Гришин М.М. Гидротехнические сооружения. – М., 1979. – Ч. 2. – 335 с.
7. Грошев В.А. Ирригация Южного Казахстана в средние века (по материалам Отрарского оазиса южных и северных склонов Каратау). Автореф. дис....канд. ист. наук. – Ленинград, 1980. – 21 с.
8. Грошев В.А. Ирригация Южного Казахстана в средние века. – Алма-Ата, 1985. – 156 с.
9. Гулямов Я.Г. История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней. – Ташкент, 1957. – 315 с.
10. Евтюхова Л.А., Киселев С.В. Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 году // Труды Государственного Исторического Музея. – М., 1941. – Вып. XVI. – С.75-117.
11. Кесь А.С., Виноградов А.В., Итина М.А. Палеогеография района возвышенности Джанбас и история его древнейшего освоения // Земли древнего орошения и перспективы их хозяйственного использования. – М., 1969. – С.150-158.
12. Кесь А.С., Костюченко В.П., Лисицына Г.Н. История заселения и древнее орошение Юго-Западной Туркмении. – М., 1980. – 125 с.
13. Костяков А.Н. Основы мелиорации. – М., 1960. – 662 с.
14. Кочеев В.А. Отчет об археологических исследованиях в Горно-Алтайской автономной области в 1982 г. – Горно-Алтайск, 1983. – 15 с.
15. Кубарев В.Д. «Савроматы» на Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. – Новосибирск, 2002. – №2(10) – С.127-140.
16. Лисицына Г.Н., Прищепенко Л.В. Палеоэтноботанические находки Кавказа и Ближнего Востока. – М., 1977. – 125 с.
17. Лисицына Г.Н. История древнего орошаемого земледелия (по археологическим материалам Юга Средней Азии и Ближнего Востока). Автореф. дис.... канд. ист. наук. – М., 1979. – 45 с.
18. Мартынов А.И., Шер Я.А. Методы археологического исследования. – М., 1989. – 223 с.
19. Минашина Н.Г. Изменение почвенного покрова в связи с исторической динамикой использования земель древнего орошения (по материалам Мургабского оазиса) // Земли древнего орошения и перспективы их хозяйственного использования. – М., 1969. – С.128-150.
20. Переселенческие поселки, образованные в 1878 году. – Барнаул, 1900.
21. Потапов Л.П. Этнографический очерк земледелия у алтайцев // Сибирский этнографический сборник. – М - Л., 1952. Т.I – С.173-199.

22. Прудникова Т.Н. Природные закономерности развития орошаемого земледелия в древней Туве. Диссертация на соискание степени кандидат географических наук. – Красноярск, 2005. – 131 с. // Архив библиотеки АлтГУ.
23. Радлов В.В. Сибирские древности // Записки императорского русского археологического общества. – М., 1894. – Т.VII.
24. Руденко С.И., Глухов А.Н. Могильник Кудыргэ на Алтае // Материалы по этнографии. – Л., 1927. – Т.III. – Вып.II.
25. Садовой А.Н., Онищенко С.С. К проблеме реконструкции традиционных систем жизнеобеспечения населения Восточного Алтая предтюрокского времени // Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А. Восточный Алтай в эпоху Великого переселения народов (III – VII века). – Новосибирск, 2003. – С.209-220.
26. Сапожников В.В. По Алтаю. – Томск, 1897. – 127 с.
27. Соёнов В.И. Земледелие на Алтае в древности и средневековье // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. – Барнаул, 2003. – С.169-172
28. Сунчугашев Я.И. Памятники орошаемого земледелия в древней Хакасии. – Красноярск, 1989. – 104 с.
29. Сунчугашев Я.И. Памятники орошаемого земледелия средневековой Хакасии. – Красноярск, 1990. – 96 с.
30. Суразаков А.С. Отчет по экспедиции на Чулышман в августе 2000 г. // Археология и этнография Алтая. – Горно-Алтайск, 2003. – Вып.1 – С.90-99.
31. Толстов С.П. Древний Хорезм. – М., 1948. – 348 с.
32. Торушев Э.Г. Традиционное земледелие у алтайцев (кон. XIX – первая треть XX в.). Автореф. дис.... канд. ист. наук. – Улан-Удэ, 2006. – 23 с.
33. Тыжнов И.И. Из Алтайских этюдов // Сборник в честь семидесятилетия Г.Н. Потанина. Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии. – СПб., 1910. – Т.XXXIV.
34. Уманский А.П. Памятники культуры Алтая. – Барнаул, 1959. – 252 с.
35. Швецов С.П. Примитивное земледелие на Алтае // Записки Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. – Омск, 1900. – Кн.XXVII.
36. Щедрин В.Н. Совершенствование конструкций открытых оросительных систем и управления водораспределением. – М., 1998. – 159 с.

Ойношев В.П.
(г. Горно-Алтайск)

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ИЗУЧЕНИЯ МЕГАЛИТИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ

Из мегалитических сооружений на территории Горного Алтая наиболее известным является Тархатинский мегалитический комплекс, находящийся в Кош-Агачском районе. Он открыт В.Д. Кубаревым в 70-е годы, как петроглифический памятник (Кубарев В.Д., Маточкин Е.П., 1992, с. 28), но как мегалитический комплекс впервые обследован в 1994 году В.И. Соёновым и А.В. Эбелем. Позже там исследования проводили геологи, геофизики, петроглифоведы, астрономы. Имеются предположения о ритуальном назначении этого памятника или о том, что это астрономическая обсерватория древних (Соёнов В.И., Шитов А.В., Черемисин Д.В., Эбель А.В., 2000, с. 7-15). Что интересно, местные жители до сих пор придерживаются мнения о ритуальном предназначении мегалитического комплекса. Он называется «Сартакпайдын кабайы» (букв. «колыбель Сартакпая»). Ассоциация с колыбелью, по всей видимости, сложилась из визуальной схожести на колыбель одного из камней, стоящего на восточной стороне каменного круга. Именно на этом камне находятся петроглифы – фигурки козлов.

Думается, что ключи к разгадке предназначения Тархатинского мегалитического комплекса необходимо искать в аналогии с подобными сооружениями. Дело в том, что круги из огромных каменных глыб находятся еще в долине реки Барбургазы и недалеко от села Ташанта (Кубарев В.Д., Маточкин Е.П., 1992, с. 28). Имеются сведения о наличии подобного памятника у села Теленгит-Сортогой. На наш взгляд, при изучении памятника необходимо делать упор на детальное изучение окрестностей объекта. Так, при внимательном осмотре местности вокруг Тархатинского мегалитического комплекса, выясняется, что рядом расположились еще круги, сложенные из более меньших камней. Вообще каменные круги небольших размеров встречаются во многих местах Горного Алтая, в том числе в устье реки Большой-Яломан в Онгудайской районе, на территории петроглифического памятника Елангаш, у с. Кокоря в Кош-Агачском районе и т.п.

Если судить по тому, какого гигантского труда стоило людям того времени сооружать (или досооружать оставленные ледниками камни) мегалитические памятники, они были для них необычайно важными объектами. Это могли быть обряды, связанные с похоронами или, наоборот, с деторождением или плодородием.

Возможно, надежная хронология и теория о предназначении этих весьма интересных памятников так и не будет создана никогда. Но максимально приблизиться к нему все-таки можно. Думается, что рассматривать эти объекты необходимо не как отдельно существующие объекты для изучения, а как археологическую единицу, тесно связанную со своим окружением.

Литература

1. Соёнов В.И., Шитов А.В., Черемисин Д.В., Эбель А.В. Тархатинский мегалитический комплекс // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск, 2000. – №5. – С.7-15.
2. Кубарев В.Д., Маточкин Е.П. Петроглифы Алтая. – Новосибирск, 1992. – 123 с.

Торушев Э.Г.

(г. Горно-Алтайск)

ЗЕМЛЕДЕЛИЕ В РЕЛИГИОЗНЫХ РИТУАЛАХ, ОБРЯДАХ И УСТНОМ НАРОДНОМ ТВОРЧЕСТВЕ АЛТАЙЦЕВ

Земледелия на территории Горного Алтая существование с древних времен (Киселёв С.В., 1951, с. 366; История Республики Алтай, 2002, с. 197-198; Соёнов В.И., 2003, с. 171). Это способствовал тому, что данный вид деятельности отразился в религиозных ритуалах, обрядах и в устном народном творчестве алтайцев. Немаловажное значение имеет то, что алтайцы во многих обрядах, в качестве бескровной жертвы, использовали хмельные напитки и продукты, полученные из зерновых злаков.

В представлении алтайцев традиционно считалось, что мир делится на три части: верхний, средний и нижний. Верхний или небесный мир состоит из нескольких слоев, это место, где находятся чистые духи или *ару тос*. Средний мир, где живут люди, то есть наш мир. Здесь же обитают некоторые духи – гор, перевала, долины и т.д. И нижний, подземный мир, место существования нечистых духов, *кара тос* – черный тос (*кара кормес*) или кара неме – нечто черное.

Ульген или *Кудай* – бог (обращались к нему *оро турган Кудайм* – мой бог прибывающий верху) – один из значимых *ару тосов* верхнего мира у некоторых алтайцев. Он же – творец солнца, луны, всего небесного свода. И от Ульгена зависел будущий урожай. Обладая божественной силой для полива, он мог посылать дождь, а для созревания хоро-

шую погоду. Или уничтожить урожай, на корню, послав град, – «плевок божий». Для Ульгения алтайцы совершали ритуал моления с кровавыми жертвами: «трехлетнюю кобылицу светлой масти, через три, шесть, девять и двенадцать лет». Жертвоприношение устраивали весной или летом, но иногда осенью при стечении большого количества народа. Хозяин аила, который приносил жертву, его родственники и гости благодарили Ульгения за дарованные им блага. Кроме просьбы о благополучии детям, скоту, удаче на охоте просили и об изобилии урожая зерна. Обряд жертвоприношения называется: *устугу*, то есть возношение духу, живущего на небе (Анохин А.В., 1924, с. 32).

В.И. Вербицким было отмечено, что во время жертвоприношения, когда умерщвляли лошадь, к ней кам подносил булку хлеба (*куруй*), приговаривая: «*куруйляпят, куруйляпят, от курай, оп курай, оп курай*». Это значит: буду ловить счастье или остальную силу, выходящую с жизнью на приплод. Булку эту съедает хозяин сам и весьма дорожит ею, так что кроме своих семейных, никому ею не отдает» (Вербицкий В.И., 1893, с. 69). Во время камлания, когда дух шамана восходит на небо и, достигнув самого высокого слоя, куда его сила может вознести. Кам обращался к *Ульгению* с просьбой не оставлять его в беде, помочь противостоять злему духу. Затем шаман узнает, принята ли жертва. И от Ульгения получал точные предсказания. О земледелии, какая будет погода, ожидается ли неурожай, недород и т.д. (Радлов В.В., 1989, с. 395).

В селе Ново-Троицке, А.Е. Иванышева вспомнила о весенних и летних молениях, где просили *быйан* или благо. Алтайцы-тубалары, проживавшие в данной местности, для этого ритуала изготавливали хмельной напиток *орто*, готовили этот жертвенный напиток следующим образом. Брели 1 ведро муки и равными частями рассыпали по 3 казанам (в каждый, из которого входит 1-1.5 ведра) и смешивали с холодной водой и полученную массу кипятили. После того как полученная гуща остынет, то в нее добавляли солод и давали 2 дня побродить до готовности. Алтайцы для ритуала собрались в определенном месте, привязывали на жердь ленточки. Сама жердь, по словам А.Е. Иванышевой, лежала на концах двух поставленных жердей по 2 м. Шаман совершал обряд обрызгивания самогоном – *ара*, выкуренного из принесенного *орто* (*ара* из *орто* должен быть обязательно выкурен в месте моления). Приговаривая во время обряда: «*Кёк Тенри, Алтайым, тайгаларым, суренн дьурум, быйан берсен*» – «Синее небо, Алтай мой, тайги мои, очень благую жизнь прошу». По рассказу А.Е. Иванышевой, понятие *быйан* – благо очень широкое. Это *быйан* в охоте, чтоб было благо урожаю, скоту и т.д. (Сообщение информатора Иванышевой А.Е., запись 2004г.). Данный ритуал один из древнейших, предки алтайцев – древние тюрки поклонялись «синему небу – *Кёк Тенри*». Шаман обращается и к земным божествам, обоготворенному духу Алтая, духам тайги и т.д.

Жительница села Усть-Кана А.П. Елдошева вспомнила обряд, связанный с земледелием, обращенный к обоготворенному духу Алтая. Раньше алтайцы осенью, после уборки урожая, брали пучок колосьев и привязывали к *дьайыку* (по словам А.П. Елдошевой) «к руке бога». И там этот пучок висел. А весной перед севом в семена добавляли зерно с этого пучка с благопожеланием:

Алтай Кудай берле	Бог Алтая дай
Алты кырлу арба	Шестигранный ячмень
Актаган ак туу чыкты	Провеянный он родится подобно белой горе
Будайдан будай болзын	С пшеницы пускай будут пшеница
Будайдын дьаказында ок бут	У пшеничного колоса пусть будет меньше соломы
(Сообщении информатора	(Подстрочный перевод – Э.Т.).
Елдошевой А. П., запись 2004 г.).	

Также А.В. Анохиным было отмечено, что в некоторых аилах под изображением чистых духов (*ару кормос*) укрепляли пучки ячменя или пшеницы (Анохин А.В., 1924, с. 32).

Алтайцы с почтением относились к предметам, которыми обрабатывали зерна для получения продуктов питания, считая их одухотворенными, а приобретение – даром духов. В с. Дьазула Улаганского района Р.А. Мадрашева рассказала, что местные жители брали зернотерки – *баспак* в местечке *Баспакту ойык*. Раньше в этом месте ночевал че-

ловек Тымыев и ему приснился сон, где хозяин Алтая сказал: «За чем пришел, то я и приготовил. Положил камень на камень (зернотерку), возьми». Утром он проснулся, сварил пищу, побрызгал, завязал *кыйра* (кусок материи в качестве подношения духам). Затем он сразу нашел зернотерку и уехал домой. Зернотерки берут и на берегу Чулышмана, также и в других местах, но большинство в *Баспакту ойык*, данное место так и переводится «Ущелье с баспаком». Обязательно повязывали *кыйра* – в благодарность Алтаю. Зернотерки с местечка *Баспакту ойык*, считаются особенно хорошими при работе, продукт получался качественный (Сообщение информатора Мадрашевой Р.А., запись 2004 г.).

С.И. Тудашев рассказал о земледельческом обряде тубаларов, где просьба об урожае была обращена так же к духу Алтая. До коллективизации алтайцы перед севом приходили на свои поля с чаем, который заправляли талканом и молоком. Начинали обряд, прося благопожелание «*Алтай кудаим чок*» – «Бог мой Алтай чок» после слова *чок* брызгали деревянной ложкой, чай с талканом и молоком, затем снова «*дьакшы аш болсын чок*» – «хорошо пусть будет зерно» и снова брызгали. Осенью после сбора урожая снова осуществляли обряд: «*Алтай кудайым аш берген чок*» – «Бог мой Алтай зерно дал чок» и брызгают чаем с молоком и талканом, который был сделан из собранного урожая. Затем из только собранного урожая делали солод, добавляли в *орто* и через три дня гнали самогон. Брызгали самогоном, благодарили дух Алтая за урожай, но не говорили *чок* (Сообщение информатора Тудашева С.И., запись 2004 г.).

Чалканцы весной, как только отсеются, совершали следующий обряд: «Вверх в воздух бросают берестяную посуду, в которой находится посевной хлеб, и говорят: «Пусть стебель твой будет со стебель конопля, а колос с четверть». Если вверх брошенный туюсок упадет вниз дном, то быть урожаю, если упадет вверх дном, то урожаю не быть. Когда расчищают место для посева, корни дерева вытягивают и при этом говорят: «Силу мою отдай, силу мою отдай!» (Алтайский фольклор, 1988, с. 185-186).

По представлению алтайцев земные духи определенных мест, горы, долины также имели непосредственное влияние на земледелие. Могли воздействовать на урожай полей, находящихся в местах, где эти духи являются хозяевами – *Јер-Суу эзи* (Анохин А.В., 1924, с. 30). На земле по представлению телеутов живут духи – *ыйыки*, защищающие хлеб от мышей, крыс, червей и других вредных животных и насекомых (Функ Д.А., 1993, с. 208). Л.П. Потапов пишет: «По окончании посева многие из шорцев из оставшихся от посева семян ячменя выкуривали вино – самогонку – и распивали его на пашне с благопожеланием урожая, угощая путем крапления, «духов-хозяев» ближних гор и тайги. Этот обряд назывался *урән курән* «семя-червь», так как он имел назначение таким образом сохранить хлеб от поедания червями. Об этом обряде нам рассказывали и абаканские шорцы» (Потапов Л.П., 1952, с. 180).

В.В. Радловым у телеутского шамана была записана благодарственная молитва, в которой он обращается верховным божествам и земным духам:

Ты, живущий в вышине,
Небесный господин Кан Абыйаш,
Вырастивший траву не земле
И листья на деревьях!
На бедре создавший мясо
И волосы на голове.
Ты, творец созданного!
Ты, небо для всех созданий!
О, вы шестнадцать могущественных властителей,
Которые возвеличили мне отца,
Ты, великий Улген-Бай,
Который возвеличил мне мать,
Господи боже, дай ты скот!
Господи боже, дай ты хлеба!
Дай главу дому!
Ты творец созданного!

Небо ты для всех созданий!
 Через отца молю я тебя;
 Дай благословление, о отец!
 Отец, помоги же!
 Моему главе здесь, в доме,
 Моему скоту в поле!
 Я склоняюсь перед тобой,
 О, ты творец созданного!
 Небесный властитель всех созданий... (Радлов В.В., 1989, с. 361).

В данной молитве шаман просит хорошего приплода и урожая.

По представлениям алтайцев, земные духи, как и небесные, могли влиять на погоду. Просить у них дождь для полива урожая или, наоборот, прояснения, чтобы зерно созрело, кроме шамана, могли и *ядачи* с помощью специального камня – *јада таш*. В.И. Вербицкий в своей работе отмечает, что «*ядачи* - человек, управляющий погодой посредством камня (*јада-таш*), который попадается весьма редко в таких утесах, где всегда бывает ветер. Чтобы получить этот волшебный камень, *ядачи* заклинается всем своим именем и отдает за него весь свой живот. Поэтому он был человек бедный, бездетный и овдовевший» (Вербицкий В.И., 1893, с. 64). Алтайцы верили, что камень – *јада таш* имеет свою душу. Если данный камень положить в холодную воду, то пойдет снег, а в теплую – дождь, если нагреть *јада таш* на огне, то будут стоять ясные дни. Камень – *јада таш* хранили в сухом месте, завернув в белое полотно, положив в ящик. *Јада таш* нельзя класть в воду – «*јада таш* испортится, умрет». Чтобы погода была ясной, камень заворачивали в черную шерсть и держали под мышкой. А дождь и снег вызывали следующим образом: для этого умертвляли птицу, её кровью обмазывали узкую вершинку камня. Затем срезали маленькую березку и расщепляли её на конце и в расщеп вставляли *јада таш*. Березку выносили на улицу и прикрепляли к задней стороне жилища. Через 2-3 дня летом начинался дождь, а зимой – снег (Алтай алкыштар, 1993, с. 129-130). В 1861 году В.В. Радлов наблюдал обряд и молитву *ядачи*, в котором просили ясную погоду:

Кайра Кан, Кайра Кан!
 Алас! Алас! Алас!
 На ширину ладони раскрой ты небо!
 Раскрой на ширину иглы!
 Я из рода делающих дождь,
 Я корень кедра.
 Мое имя Абу Тобу,
 Мое имя Онгустай Кулдурак,
 Да будет на земле пуп неба!
 Да будет на небе пуп земли!
 Я зову Пыштыгана, предка,
 Открой путь неба!
 Раскрой небо на ширину ладони!
 Раскрой на ширину иглы!
 Ты проникаешь сквозь высокие горы;
 От истоков Абакана,
 Кайра Кан, о Кайра Кан!
 Алас! Алас! Алас! (Радлов В.В., 1989, с. 360-361).

Д.А. Функ так же описывает обряд с камнем, которым можно воздействовать на погоду: «в улусе Черга на Алтае «когда засуха, то безродные холостые мужчины идут на полосу, берут *таштын сакычу* (священный камень), обмакивают его в чашку с водой и бросают по направлению к солнцу. После этого по их мнению должен идти дождь» (Функ Д.А., 1993, с. 85-86).

В некоторых случаях во время засухи или, когда урожаю угрожает саранча, алтайцы ловили большую рыбу и её голову закапывали на краю поля. Голова рыбы должна быть

сырой (Алтай алкыштар, 1993, с. 128). Чтобы было достаточно влаги для будущего урожая, у алтайцев был следующий обряд: «находят яйца укун куш.... разбивают на месте и бросают вверх, смотря по тому, какой высоты им нужен снег. Это делают осенью на поле». Чтобы зимой в поле было столько снега, который при весенних таяниях даст дополнительную влагу для всходов. Так же телеутам в начале XX в. запрещалось из печи давать кому-либо горячие угли, в период появления первых весенних всходов урожая иначе будет несчастье (Функ Д.А., 1993, с. 85-86).

Совершали телеуты ритуал камлания духу *Адама*, просили милость получения *кут* на детей, скот, семена ржи, овса и гороха. *Адам* по их представлению живет на «земле истины», где нет лжи (*чын-т'ер*), которая находится на востоке. «Чын-т'ер представлялась как бы двумя планетами, отделенными от земли (реальной и воображаемой) пустым пространством. На одной из двух чын-т'ер и жил Адам // Адам – Бүрүл // Ада – Кижиге». Камлание *Адаму* проводилось весной и поздней осенью, после уборки хлеба. «В жертву ему – «не на чувства страха», а, по выражению самих телеутов, «от желания сердца» – каждый телеут приносил черного быка (*кара пуга*) первого родившегося в его стаде». В качестве жертвы использовали и хмельной напиток – *абыртку*, приготовленного из ячменного солода (*уут*). Шаман, преодолевая путь, к *Адаму* проходя по местам, где находились некоторые духи, дарил каждому туяс с абырткой. *Чын-т'ер* имеет свое солнце, месяц, моря, горы, пастбища и пашни, где работают пахари *Адама* (Функ Д.А., 1993, с. 215-216).

Алтайцы, готовили хмельные напитки, приготовленные из зерновых злаков, чтобы задобрить духов для бескровной жертвы. Кроме выше упомянутого *орто*, из которого затем гнали самогон – *ара*, и браги *абыртки*, еще для обрядов использовали, *саба*, *позо*, *ортко*. Изготавливали *позо* из муки жареного ячменя, размешав в теплой воде. Получив густое сусло, в неё для брожения добавляли солод (*уэут*). Для *ортко* использовали любую муку, но для чистых духов только из прожаренной ячменной муки, готовили как выше описанное *орто тубаларов* (Анохин А.В., 1924, с. 153-154). Южные алтайцы готовили густую брагу из ячменного *талкана* для жертвоприношения, вместо воды лили в нее кобылье молоко и называли ее *потко*. «У правобережных Катунских алтайцев в нее добавляли вместо кобыльего молока коровье. *Потко* делалась очень густой, наподобие жидкой кашицы. Ее распивали по окончании моления» (Потапов Л.П., 1953, с. 62).

«Раньше алтайцы жертвенную пищу или хмельные напитки для ритуалов кропления чистым духам изготавливали только из зерен ячменя и ржи, которые считаются священными злаками», – рассказала информант К.Е. Укачина. Например, гуцу для браги могли приготовить из талкана ячменя, а солод из зерен ржи. К.Е. Укачиной житель села Апшухта Шебалинского района Николай Кокурович Ялатов (1927-2002) сообщил, что рожь была особо почитаемой злаковой культурой у алтайцев. По предположению Н.К. Ялатова, рожь это одна из первых зерновых, которую окультурило население Горного Алтая. Сначала данный злак употребляли в пищу в дикорастущем виде, затем стали выращивать сами. Поэтому ко ржи было такое особое почитаемое отношение у коренного населения Горного Алтая. Зерна ржи использовали как особенную жертвенную пищу, например, когда надо было «угостить» дух огня (Сообщение информатора Укачинной К.Е., запись 2005г.). Так рожь и ячмень одни из холодостойких злаков и могли сначала произрастать в диком виде (Семенов С.А., 1974, с. 22-23). Ячмень, предназначенный для приготовления жертвенных хмельных напитков, тщательно оберегался. Сеют данный злак в укромных местах. Во время роста и созревания его тщательно берегут от скота и птицы. Запрещается прикасаться к приготовленному из этого ячменя *талкану* до жертвоприношения.

С особой бережливостью и чувством благоговения относятся к берестяной посуде, где находились жертвенные хмельные напитки, называя её:

«Äкі жіктү паі көнөк, С двумя швами богатое ведро,
 Ярдан пік паі саба Над землей возвышается богатый саба».

Такое же отношение к палке, которой сбалтывали содержимое берестяного туеса – «*сегис кырлу сары арба*» (желтый восьмигранный ячмень) или гуцу (Анохин А.В., 1924, с. 31-32).

Осенью после сбора урожая кумандинцы совершали празднования, посвященные божеству *Коча-кану*. Это обряд плодородия, символизирующий оплодотворения силы ве-

сенней природы. Цель празднования выпросить больше будущего урожая и приплода скота. В данном обряде кумандинцы в качестве жертвы *Коча-кану* широко использовали продукты земледелия, для кропления использовали брагу – *позо*, которая готовилась из полученного урожая ячменя. Также в подношениях и связанных с данным обрядом играх употребляли продукты из переработанных злаков.

Исследователь Ф.А. Сатлаев уделил внимание истории изучения обряда: «Об эротическом обряде алтайцев коча-кан при тайылга – жертвоприношения *Ульгеню* (*ўлген*) лошади – впервые упоминает миссионер В.И. Вербицкий». Он указывает, что *коча* – это разрисованная маска из бересты, которую шаман надевает на себя во время камлания *Ульгеню*. Затем шаман снимает маску и надевает на одного из присутствующих мужчин, «который вследствие сего начинает храпеть и вообще представлять из себя рыскающего жеребца – символ оплодотворения силы весенней природы». Ф.А. Сатлаев, опираясь на работы Д.К. Зеленина, отмечал, что слово «*коча*» означает только разрисованную маску из бересты, а термин «Коча-кан» – мифическую личность, эротическое божество, олицетворяющее символ плодородия (Сатлаев Ф.А., 1971, с. 130-140).

Обряд «Коча-кан» зафиксирован исследователями также у чалканских сеоков, *шелганду* и *шакшылу*, у кондомских шорцев у сеоков *чедыбер*, *калар*, *челей*, *кара-шор*. Аналогичный обряд проводится у телеутов рода *тонгул*. Таким образом, на Саяно – Алтае насчитывается от 7 до 8 «*кочалыг сёйтёри*» – «сеоки, имеющие Коча». Д.А. Функ на основе благопожеланий – *алкышей* предполагает, что происхождение «*кочалыг сёйтёри*» связано с территориями восточных верховий Енисея или современной Бурятии и Монголии. По мнению автора, эти *сеоки* – роды происходили или входили в состав монгольских народов (Функ Д.А., 1993, с. 206), то есть у данного обряда прослеживается общий исток в тюрко-монгольском мире.

У южных алтайцев также существовал обряд испрашиванье плодородия для своего скота. Во время исполнения обряда в качестве символа плодородия использовали зерна ячменя. Упомянутая жительница с. Усть-Кан А.П. Елдошева рассказывала, раньше осенью перед осеменением овец, алтайцы барана – самца привязывали, приговаривая благопожелания:

Алкышту быйанду алты кырлу арбадый арбын болзын,
Ак саанактый тўктў болзын,
Айлу кеен мўўстў болзын,
Азыраган балдарын коп болзын,
Азыранган морун коп болзын.

Как благодатный шестигранный ячмень множественен будь
Пусть шерсть будет подобна белым усикам ячменя,
Пусть у них луноподобные рога будут,
Выкармливаемого приплода пусть много будет,
Пусть будет у тебя много способов для пропитания.

(Подстрочный перевод – Э.Т.)

Затем барана осыпали зерном, также пригоршнями осыпали и загон. Потом запускали самца – барана к овцам. По словам А.П. Елдошевой, этот обряд совершали для того, чтобы овцы не бросали своих новорожденных ягнят, дружно плодились, меньше было снега. А зерном осыпали барана и бросали в пригон, чтоб приплоду было столько же, сколько зерна, со слов информатора как бы «сеяли приплод» (Сообщение информатора Елдошевой А.П., запись 2004г.).

У алтайцев, традиционно, кроме хмельных напитков из продуктов земледелия для бескровных жертв использовались также и каши, приготовленные из злаков. В начале XX в. кашу – *саламат* готовили телеуты для праздника постановки первого снопа (Функ Д.А., 1993, с. 85).

Когда кумандинская девушка выходила замуж, то изготовляли из холщового материала, похожего на человеческие фигурки – *куртыйак*, *өркөнер* – старушки, олицетворяющие духов материнского рода. Для того, чтобы в новой семье ей жилось хорошо и благополучно, примерно раз в год замужняя женщина устраивала обязательное кормление этим духам. Для этого обряда использовали жертвенную пищу кашу – *кўзем*.

Из *талкана* и солода, заправив маслом, варили – *шилиг (шалыг)*. «Кропление им производилось домашним духам, в основном покровителю охоты – *шалыгу*. В этом случае кропление можно было производить и без участия шамана. Охотники, приезжая в тайгу, совершали кропление этой кашей духам окружающих гор и дереву кедру, под которым был устроен их шалаш» (Сатлаев Ф.А., 1974, с. 154).

Как жертвенную пищу, алтайцы использовали и кашу «*ботко*». Восхождения шамана на небо невозможно без духа посредника – *Јаиука*, живущего на земле среди людей. *Ульген* послал его с неба на землю, чтоб охранял человека от всего плохого, злого и давал всему жизнь. Весной, при первых удоях кобылиц, алтайцы совершали кропление *Јаиуку*. Кропили смесью молока и толокна – «*ботко*». Данной кашей кроме *Јаука* кропили и других чистых духов (Анохин А.В., 1924, с. 13-31).

Ранней весной, когда только начинала распускать листочки береза, или осенью, когда листья березы желтели, алтайцы совершали моления *Јердин Ээзине* («Хозяину Земли»). Моление совершалось на перевале, в качестве жертвенной пищи использовали ботко. На выбранной площадке втыкали две тонкие березовые жердинки. На них привязывали шерстяную нитку. В середине этой нитки вешали кусок белой ткани прямоугольной формы размером длиной 50 см, шириной 25 см, который называли «*башчы*» (букв, ведущий, главный, вождь). Этот кусок ткани надрезали в двух местах сверху и снизу так, чтобы получилась фигура зайца. По обе стороны от «*башчы*» вешали белые ленты («*јалама*») из той же ткани числом до девяти. Все это сооружение ориентировалось лицевой частью на восток. Неподалеку разжигали костер. В маленький казан с горячей водой насыпали немного *талкана*, кипятили и готовили «*ботко*», наполняли большую деревянную чашку («*тепши*»). Сверху насыпали в 1 см слой талкана, чтобы не было видно воды. Каждый на моление приходил со своим мешочком *талкана* и немного отсыпал от него в *тепши*. Затем шаман ставил *тепши* на приготовленные колья-подставки и начинал произносить заклинание, в котором перечислялись большие горы и реки. Например, на молениях в окрестности с. Камлака, Шебалинского района упоминались горы: *Себи Бажы*, *Чемал Бажы* и т. д. Одновременно шаман ложкой кропил из *тепши* сначала на восход, потом в другие стороны и на огонь. На молении присутствовали мужчины и дети (мальчики и девочки). Женщинам присутствовать на молениях не разрешалось. Присутствующие стояли около шамана лицом на восток и каждый из них бросал щепотку талкана в огонь. Затем кам совершал кропление аракой и благославлял Алтай, просил у Хозяина Земли благодати в размножении скота и людей, всяческого благополучия в году. После кама кропление и благословление совершал старейший из присутствующих мужчин. После присутствующие ели «*ботко*». По возвращении домой люди бросали в огонь своего аила щепотку *талкана*, который они носили в мешочках на моление (Шатинова Н.И., 1983, с. 149-150).

Монгольские народы в качестве ритуальных блюд тоже использовали каши. И одной из древнейшей обрядовой кашей был *саламат*. Буряты готовили *саламат*, как для коллективных, так и частных обрядов (Галданова Г.Р., 1993, с. 143).

Обрядовой пищей южных алтайцев до сегодняшнего дня остаются мясной суп – *көчө*. «Заметную роль көчө играло в обрядовой культуре. Об этом говорят многочисленные примеры совпадения терминов, когда названия еды перенесены на названия обрядов, обрядовых действий, праздников, ритуальных игр свадьбы. Широко известно употребление слова көчө в значении предсвадебного признака – «айыл тудуштын көчөзи». Использовали көчө и в других обрядах семейного цикла, например, в честь новорожденного устраивался праздник «койу көчө». Обрядовое использование названия пищи – көчө фиксировало переходные моменты, начало нового этапа» (Тадина Н.А., 1995, с. 118-119).

Ф.А. Сатлаев отмечал, что приготовленной из ячменя или муки брагой шаман «угощал» нечистых духов, требуя вернуть душу человека. Если кам шаманил над больной женщиной, то он «подносил» главному духу подземного нижнего мира – *Эрлику* семь чашек с брагой, а если совершал камлание над мужчиной, то девять чашек браги, обращаясь к нему со словами:

Одна чаша – за одну правильно подсчитывай,
Две чаши – пусть будут два правдивых выкупа.

Три чаши – третий истинный выкуп имеющая ручку со времен Улбечи правдивая чаша.

Четвертая чаша – (букв.) свадьба за подол.

Пятая чаша – свадьба ўрген-чулы.

Когда шестую чашу подносил, еще во времена сборщиков албана брали эту чашу.

Седьмую чашу подносил, как выкуп за человека, имеющего подол.

Еще во времена оживления бубна подносили эту чашу

(Сатлаев Ф.А., 1974, с. 160).

Л.П. Потаповым было отмечено, что мотыги – *абыл* у северных алтайцев, а так же у соседних с ними коренных народов Сибири, использовали в похоронных обрядах. В религиозных воззрениях этих этносов, весьма консервативных и древних, *абыл* фигурирует в качестве женского орудия. У шорцев шаман, провожая душу умершей старухи в загробный мир, совершал камлание с мотыгой – *абылом* в руках, в то время как при проходах души старика он держал в руках топор. У чалканцев в XIX в., когда покойников хоронили на деревьях завернутыми в бересту то рядом, под деревом, на котором была похоронена женщина, клали *абыл* и корнекопалку (*озул*). И через три года их брали обратно и снова пускали в хозяйство. В одном из устных произведений, опубликованном в «Аносском сборнике», рисуется картина подземного мира, где «стоит черный пень. Около пня есть *абыл* – мотыга: если, какой женщине умереть, то эта мотыга лежит на земле, а если жить, то эта мотыга лежит на пне» (Потапов Л.П., 1952, с. 179).

Земледелие также отобразилось и в устном народном творчестве алтайцев. Больше всего в благопожеланиях – *алкыш сӧс*, которые в алтайском фольклоре составляет отдельный поэтический жанр, и имеют древние корни. С.С. Суразаков отмечал, что в историческом прошлом *алкыш сӧси* существовали как молитвенные тексты – культовые благопожелания. Затем данный жанр видоизменился. *Алкыш сӧси* стали использовать, как благопожелания в других видах деятельности: во время праздников, труде на свадьбе, когда провожали в путешествие и т.д. (Суразаков С.С., 1975, с. 37).

Весной алтайцы праздновали *Жылгайак* – праздник провода зимы. Всё это отражено в благопожеланиях:

Жас кел, жылу кел!
 Жыл этсин!
 Жанмыр жаа!
 Кар кайыл!
 Жадаган (арыш) ӧссин!
 Кӧк томулзын!
 Кандык ӧссин,
 Кӱӱк этсин,
 Кӱн чыксын,
 Кудай унчыккалакta,
 Чомур-сарагай казып,
 Чӱмдеп, курсак кайнадала,
 Сарагай амзалык,
 Сарагай, кандык кӧп бӱтсин,
 Сагыш жеткенче казарга,
 Абыл, абыл баш болзын!
 (Алтай алкыштар, 1993, с. 69-70).

Весна приходи, тепло приходи!
 Год приходит!
 Пусть дождь идет!
 Тает снег!
 Озимая рожь растет!
 Зелень увеличивается!
 Кандык растет,
 Кукушка кукует,
 Солнце всходит,
 Пока бог молчит,
 Выкапываем сарану!
 Задуманную пищу сварим
 Попробуем сарану,
 Пусть сараны и кандыка будет много,
 Вдоволь накопаю
 Абыл, абыл склоняю голову!
 (Подстрочный перевод – Э.Т.).

В представленном благопожелании описывается о возрождении природы весной. Когда появляется зелень, начинает прорастать озимая рожь. Пока позволяет Бог – то есть пока не прошел сезон сбора сараны и кандыка, надо выкопать их *абылом* и заготовить на зиму. Для этого предварительно выкопанную сарану и кандык варили до полуготовности, затем сушили и хранили. О возрождении природы весной, о пахоте говорится в другом благопожелании:

Жылгайак жыл экелди!
 Жылу, жылу бол!
 Кар кайылзын,
 Көк чыксын,
 Кыра сүрзин,
 Кобыдын суулар
 Коркуружып кожондошсын!
 (Алтай алкыштар, 1993, с. 70).

Жылгайак год привел!
 Тепло, тепло пусть будет!
 Снег пускай тает,
 Зелень растет,
 Поле пахать,
 Речки в логу
 Журчат, поют!
 (Подстрочный перевод – Э.Т.).

Алтайцы перед севом привязывали кыйра хозяину Алтая, совершали обряд обрызгивания молоком и просили благопожелания для урожая:

Жети адыс кыра ажим,
 Желбиреп якшы өс,
 Жеекен-картка једирве,
 Јайым бисти тойу азыра!
 Чачкан үреним тирү,
 Јүрген балдарым авур,
 Анан якшы аш болзын деп,
 Анан якшы бала өссин деп,
 Авадап кельдим ак јалана.
 Салган ажим, якши чык,
 Азыраан малым тойу болзын,
 Эдеем толтыра бала болзын,
 Эжимде толо улус түшсин,
 Аш-тузым јеткиль болзын,
 Аргада малым кыйвырт болзын!
 Баш болзын! Чөк! Чөк!
 (Алтай алкыштар, 1993, с. 112).

Семь адысов поле с зерном
 Развеваясь, хорошо расти,
 Пусть не съест тебя россомаха,
 Много нас сытно корми!
 Посеянное зерно живое,
 Пусть дети живут мирно
 Лучше пусть будет зерно,
 Лучше пусть дети растут,
 С целью пришел на белое поле
 Посаженое зерно, хорошо вырастай,
 Выкармливаемый мой скот пусть
 будет сыт,
 Под полой пусть будет много детей,
 Пусть много будет гостей,
 Пищи-соли пусть хватает,
 Сохраненный скот пусть много будет!
 Склоняю голову! Чөк! Чөк!
 (Подстрочный перевод – Э.Т.).

В *алкыше* желали, чтобы урожай хорошо рос, не было потрав дикими животными. А вместе с этим будет благополучие для детей, приумножится скот, значит, приумножится благосостояние.

При посадке семян ячменя говорили:

Јаш арбанын јармазы,
 Ју тарткан моткозы,
 Кудај берзин биске ашты,
 Мажагы карыштый болзын,
 Талканы кардый болзын,
 Чарак түшпей якши өссин,
 Катун-кабыр јукпазын!
 (Алтай алкыштар, 1993, с. 112)

Из только собранного ячменя сечка,
 Жирная ботко,
 Бог пускай нам даст зерно,
 Пусть будут колосья большими,
 Пусть талкан будет светлым как снег,
 Пусть зерна не падая, растут,
 И не грозят им болезни и беды!
 (Подстрочный перевод – Э.Т.).

В тексте желали увидеть обилие урожая, чтобы получалась сытная пища.

Были у алтайцев и песни благопожелания – *алкыш кожондор*; посвященные земледелию:

Кыралап салган бу ажын,
 Корболоп өсин јаранып,
 Кобыдагы малыгар,
 Жылды якшы ол чыксын!
 Абылдап салган ажыгар
 Анканыннан ашкай ла,

Посаженное зерно,
 Даст хорошие ростки
 В долине скот,
 Год хорошо переживет!
 Мотыгой посаженное зерно
 Пусть вырастет через край поле

Аркадагы малыгар,
Кыштан јакшы чыккай ла.
(Алтай алкыштар, 1993, с. 112-113)

Береженный скот,
Хорошо перезимует.
(Подстрочный перевод – Э.Т.).

В песне также желали, чтоб урожай хорошо рос, год был благоприятным, вместе с этим естественно, будет удачная зимовка, благополучие скоту.

С почтением алтайцы относились к ячменю, которому посвятили следующие благопожелания:

Сары бүрлү Сары агаш Салкын келзе – ыжыгын! Санаакту Сары арба – Чактын чакка курсагым. Мөнүн бүрлү мөш агаш Мөндүр келзе – ыжыгын! Бөкөн сынду сары арба – Мөнкүликке курсагам (Алтай алкыштар, 1993, с. 113)	Желтая ветка желтого дерева Во время ветра там безветренно! Усатый Желтый ячмень – Вековая пища Серебряные ветки кедра Придет град – не тронет! Согнутый желтый ячмень – Вечная пища (Подстрочный перевод – Э.Т.).
--	--

В данной песне желали, чтобы посаженный ячмень благополучно пережил невзгоды, а урожая было столько, чтоб колосья гнулись от тяжести зерен.

В с. Дьазула Улаганского района Р.А. Мадрашева вспомнила благопожелание – *алкыш сос*, который произносили перед посевом в данной местности:

Салган ажыс јакшы бүт Эдиргенен ажыра өс Кус келзе, онон көп аш аларым Анан јакши бай јадарыс Ашту- курсакту јадарыс (Сообщение информатора Мадрашевой Р.А., запись 2004г.).	Посаженное зерно хорошо вырастай чтобы не вмещалось зерно в ток, придёт осень, больше зерна возьму, лучше и богаче буду жить с зерном и пищей будем жить (Подстрочный перевод – Э.Т.).
--	---

Во многих благопожеланиях упоминается пища, приготовленная из продуктов земледелия, символизирующая достаток и сытость в жизни. Когда ребенок лежал в люльке, родственник, который его увидел первый раз, должен был обязательно что-то подарить, если дарили ложку, то говорил при этом следующие слова:

Айылга толо јөөжөлү бол, Айака толо көчөлү бол, Айылына сенин албаты келзин, Бойынды ат көдүрзин, Курсагынды јон көдүрзин! (Алтай алкыштар, 1993, с. 96)	Пусть в доме у тебя будет все Пусть чаша у тебя будет полная кочо Пусть в доме у тебя будут гости Будь всегда верхом на лошади Пищу народ тебе продуктами помогает! (Подстрочный перевод – Э.Т.).
---	--

Подросшему ребенку в благопожелание говорили:

Кылгалу арбадый бол, Јумурткадый ак бол, Саныскандый сак бол! (Алтай алкыштар, 1993, с. 98)	Как колосистый ячмень будь Как яйцо будь белым Как сорока будь активной (Подстрочный перевод – Э.Т.).
--	--

В работе «Алтай алкыштар» также даны благопожелания, связанные с обрядом оплодотворения овец. Барана, перед тем как запустить к овцам, осыпали ячменем, приговаривая *алкыш*:

«Тоолоп јетпес кой болзын, Чеденге толо мал өссин!» (Алтай алкыштар, 1993, с. 109)	Пусть будет овец без счета Пусть в пригоне полно скота растет (Подстрочный перевод – Э.Т.).
--	---

В данной работе дано еще одно благопожелание, связанное с обрядом плодородия:

Телчи, курааным, телчи, Текшилеп мантай бер! Ак чечектү жаланды айландыра, Айландыра мантап ий! Котоонду кой ортозында Jaанaп öзүп кал! Ак кардый үүрлү болуп, Арбындалып öзүп кал! (Алтай алкыштар, 1993, с. 100)	Ходи, мой ягненок, ходи, Прыгая, бегай! Вокруг долин с белыми цветками, Бегай вокруг! В загоне среди овец Большим вырастай Пусть белая твоя отара, Будет многочисленна! (Подстрочный перевод – Э.Т.).
--	---

Когда провожали невесту в дом жениха, отец, мать или люди старшего поколения произносили благопожелание – *алкыш сөс*:

Конгон јерин кокту болзын, Талкан кўлин обоо болзын... (Суразаков С.С., 1960, с. 46)	Там где ты ночуешь, пусть будет тепло, Подобно талкану зола пусть будет в куче у тебя (Подстрочный перевод – Э.Т.).
--	---

В изложенном отрывке от *алкыш сөс* в первой строке невесте желают, чтобы она свое жильё держала в тепле и была хорошей хозяйкой. Особый смысл имеет вторая строка. Невесте желают, чтобы светлая, подобно талкану, зола лежала в куче, означающая мир и благополучие в доме. В иносказании благопожелание выполняет функцию, чтобы невеста жила в уюте в мире, в согласии с самим собой и окружающими.

В алтайских благопожеланиях зола, сравненная с *талканом*, имеет широкое смысловое значение:

...Таш очогын бек болзын, Талкан кўлин изү болзын!... (Суразаков С.С., 1960, с. 85)	...Пусть твой каменный очаг будет прочным, Подобна талкану зола пусть будет горячей!... (Подстрочный перевод – Э.Т.).
---	---

Крепкое хозяйство и достаток олицетворял каменный очаг – *таш очок* который должен быть крепким. Уют и жизненное счастье символизирует светлая зола, тепло которой будет согревать будущую семью от холода и невзгод в жизни.

Молодоженам, которые построили свой *аил* - юрту, говорили следующие слова:

Таш очогы тайкылбазын, Талкан-кўли чачылбазын... (Суразаков С.С., 1960, с. 86)	Пусть каменный очаг ваш не сойдет с места, Зола-талкан не разбрасывается... (Подстрочный перевод – Э.Т.).
--	---

Желали, чтобы молодые не упускали счастье в жизни, чтобы она не ускользала от них. Их золу, то есть очаг не разбрасывали несчастья и разорения. У алтайцев было особое отношение к золе со своего очага. Во время убывания луны запрещалось выносить золу с аила. Зола высыпали в определенном месте, чтобы никто не наступал.

А *талкан* для алтайцев была почитаемая пища, используемая в бескровных жертвах в религиозных обрядах, олицетворяющая сытость и достаток в жизни. Об этом свидетельствует поговорка: «*талкан ток курсак – талкан* сытная пища». Сравнение чего-то с *талканом* для алтайцев приобретал особый смысл. Большое значение имела цветовая семантика, качественно приготовленный *талкан* имеет очень светлый цвет, почти белый, олицетворяющий для алтайцев чистоту и непорочность.

И когда в благопожеланиях говорится о золе, которая подобна *талкану* – *талкан кўлин*, то этим иносказательно желали благополучие, мирную жизнь. Когда приходили враги в жилище, разоряли очаг, раскидывая золу, перемешивая ее с землей, от чего она становилось грязной, оскверненной, темной. Когда в *аиле* мир и благополучие, то светлая, подобно *талкану* зола, лежит в куче и своим теплом создает уют. С мирной жизнью

и благополучием приходит и достаток. Хозяйка домашнего очага в сознании алтайцев представляется самой чистой и прекрасной, у нее золотое одеяние. Постелью ей служит мягкая зола, опоясанная железным обручем очага («очок») (Чочкина М.П., 2003, с. 36).

В алтайских загадках ярко отражены определенные черты народа, обряды и обычаи, быт и хозяйственная деятельность, фауна и флора горного края. Из хозяйственной деятельности отдельную группу составили загадки, связанные с земледелием. Красочно выражены загадки об обработке продуктов земледелия и инвентаре:

«Эки чочко орожуп – ят; ак кобугу чаачылып-ят.
 Две свинки дерутся, изо рта у них белая пена бьет.
 (Экы тэрмен-дээ талкан. Жернова и мука).
 Тыжи йок кутьяк кузук казан-ят.
 У старухи нет ни одного зуба, а орехи щелкает.
 (Соку. Ступка)».

Язык народных загадок богат красочностью выражений, многообразием и точностью сравнений образов, так, например, очень точно было подмечено сходство места для обмолота зерна тока – *эдиргена* или гумна с зеркалом. Место для обмолота алтайцы предварительно вычищали и обливали водой. И когда вода превращалась в лед, становилась похожей на зеркало и на этом гумне – *эдиргене* алтайцы обмолачивали:

«Энэкэмным куськузюнь элю кыжи эрбесь.
 Зеркало моей матушки пятьдесят человек не поднимут.
 (Эдыргэн, Гумно)».

Звезды сравнивали с пшеницей:

«Мусха пудай текты.
 По льду насеяно пшеницы.
 (Тэнгэредэ илдыс. Звезды на небе)».

Северные алтайцы сами выращивали технические культуры – лен, коноплю. После обработки данных культур изготавливали невод. И появилась такая загадка:

«Баж агач, ічі кэндыр, пут таш. Голова деревянная; брюхо льняное, ноги каменные» (Вербицкий В.И., 1893, с. 238-239) .

Пословицы являются особым жанром в устном народном творчестве алтайцев. В пословицах отобразился ум народа, его отношение к жизни. Пословицы алтайцев – это особый язык поучения, краткие изречения и иносказания. В некоторых алтайских пословицах наблюдаем отношение к продуктам земледелия показывающих уважение к своему труду: «Кан Кудайдың жаққан пудаі калажы чочко пәрзән, анны жіқалә арканын таштап салар – бәрәр. Паза ол ошкош тәнәк кіжә Канн Кудайдын ситынд алтын ошкош јакшылақтың сөзүн айтсаң, тәнәк кіжі анны укпаі таштап кәрәктәбәі паза – барар» (Радлов В.В., 1866, с. 7). Как свинья, насытившись данным от бога пшеничным хлебом, разбрасывает остаток. Так и данный золотой совет бога глупому человеку бесполезен (Подстрочный перевод – Э.Т.).

«Уледым-деп, этпёгын тегэсьпе,
 Кочодым-деп, кочон тэгэсьпе.

Собираясь умирать, хлеб не бросай;
 Собираясь скочевать, щи не выливай»

«Яман-даа болзо, уюн болзын
 Яман-даа болзо, кочон болзын.

Хоть худая, да была – бы изба,
 Хоть постная, да были – бы щи»
 (Вербицкий В.И., 1893, с. 220-221).

Надо отметить, что в переводе пословиц есть некоторые неточности: автор суп – похлебку алтайцев *кочо* (*кочон*) переводит как щи. *Кочо* – это суп с ячменной крупой, весьма распространенный у коренного населения Горного Алтая.

Немало о земледелии упоминается в алтайских легендах и преданиях. Так, в преданиях, записанных у алтайцев протоиреем В.И. Вербицким, повествуется о первом человеке, который был выгнан с «Аруун – сюдюн» (место, где жили первые люди) на знойную землю. Верховный бог *Ульген* показал ему все травы и плоды, годные к употреблению. Человек, пока было лето, был здоров, питался свежей травой и плодами. Но с наступлением осени, затем зимы чуть не погиб от голода. На следующий год человек, наученный горьким опытом, на зиму заготовил плоды и зелень. С наступлением зимы к запасу стали сходиться разные животные. Человек, видя, что запасы его скоро съедят, стал отгонять животных, не давая есть, стал бить их палкой. Тогда обиженные животные, пригласив птиц и рыб, пожаловались на человека. *Ульген*, выслушав жалобу и объяснения, повелел рыбам и птицам есть то, что захотят, а человеку питаться «семянным» хлебом и мясом животных. И чтоб человек не брал то, что положено животным. А зверям и скоту то, что положено человеку. И после этого животные стали бояться человека и враждовать с ним (Вербицкий В.И., 1893, с. 120).

В алтайских преданиях помощником *Ульгена* является *Май-Тере* – один из первозданных людей. *Май-Тере* научил других людей земледелию: выкапывать кандык, сарану и лук. Также он «Управитель солнечно-лунного мира. При кончине века он; в сообществе с *Манды-Шире* сразится с богатырями *Эрлика*, *Карашей* и *Кереем*. От крови *Май-Тере* загорится земля и тогда конец мира» (Вербицкий В.И., 1893, с. 198).

В другой алтайской легенде род – сеок *мундус* произошел из двух зерен пшеницы, которые были найдены в градинке. По легенде одна девушка во время войны убежала и долго голодная ходила по лесу и горам. В это время пошел град, девушка разбила одну градинку, там нашла два зернышка пшеницы и после того как съела их, то забеременела. Родившегося ребенка называли *Мундус* от слова мус – град. От него и пошел сеок *мундус*.

В XIX в. миссионером Василий Постниковым в селе Мыюта была записана еще одна легенда о рождении алтайских сеоков, которые стали затем заниматься земледелием. По сюжету бог создал первого человека Адама, от которого родились 9 сыновей: *Тонжон*, *Тодош*, *Найман*, *Кыпчак*, *Комдош*, *Юсь*, *Кузен*, *Тогус*, *Кэргэшь* (от них пошли данные сеоки алтайцев) и девять дочерей. Эти братья взяли сестер замуж, от них расплодился люди: они распахивали поля, занимались хлебопашеством и разведением скота (Потанин Г.Н., 1883, с. 3, 54).

Тема земледелия отразилась в работах первого алтайского писателя М.В. Чевалкова. Он занимался миссионерской деятельностью, путешествовал по Горному Алтаю. М.В. Чевалков также двенадцать лет работал с академиком В.В. Радловым, помогал собирать алтайский фольклор. Так же первый алтайский писатель работал и с ученым Н.М. Ядринцевым, вместе путешествовали по Алтаю. Высоко ценил М.В. Чевалкова и исследователь Г. И. Потанин не только как собирателя устного фольклора, но и как человека, занимавшегося литературной деятельностью. Работая переводчиком при Алтайской духовной миссии, М.В. Чевалков знакомился с русской литературой, особенно с баснями И.А. Крылова. Многие произведения он перевел на алтайский язык. Являясь знатоком алтайского фольклора, М.В. Чевалков на основе собранных материалов сам стал писать басни. Писатель в своих произведениях хотел, чтобы алтайцы осели, занимались земледелием, выращивали зерно. Особенно это выражено в басне «*Кырачы ла Анчи*» – «Пахарь и Охотник» в сюжете говорится о двух братьях, после смерти родителей старший взял ружье и стал охотником, младшему достался плуг и он стал заниматься земледелием. Младший брат, занимаясь хлебопашеством, стал жить хорошо, зажиточно. А старший охотник обнищал и в конце басни автор поучает:

«Адучи кижы, мыны ук!
Адучы кижы јаранбас,
Аш салбаза, байыбас.
Кырачы кижы аштабас,
Кырдагы малы арыбас.
Кырачы кижини јыргадар,
Кылгынду ажы кенебес.»
(Чевалков М.В., 1980, с. 52-56)

Слушай, охотник, это!
Охотник не оправится,
Не будет садить зерно, не будет богатым.
Пахарь не будет голодать,
У него скот на горе будет неутомимый
Пахарь будет жить в празднике,
Остистое зерно у него не кончится.
(Подстрочный перевод - Э.Т.).

М.В. Чевалков с уважением относился к простым людям, которые жили своим трудом и жалел, когда их обманывали и принижали сильные мира сего. В басне «*Жокту Номон ло бай Саныскан*» – «Бедный Крот и богатая Сорока» говорится о кроте, которого обманула сорока. В сюжете басни сорока договорилась с бедняком – кротом, который вспахал поле и, взяв у неё семена, посадил их. Когда зерно поспело, крот убрал урожай. Убранный урожай крот приносит на ток и обмолачивает, отделив зерно от соломы. Сорока, прилетев на готовое, обманула бедняка забрала всё зерно, оставив ему солому. Крот в поисках правды с жалобой был у *зайсана*, затем у *дьемичи*, которые были подкуплены сорокой и та, воспользовавшись этим, оговорила молчуна крота. Крота самого обвинили во лжи, и он ушел домой, ничего не доказав (Чевалков М.В., 1980, с. 66-68). В морали басни автор выносит приговор, что всем воздастся по заслугам и тем, кто обманывал и тем, кто не справедливо осудил беззащитного бедняка.

Из изложенного материала можно сделать вывод, существование земледелия на территории Горного Алтая с древних времен способствовало тому, что данный вид деятельности отразился в некоторых религиозных ритуалах и обрядах. Так, во время весеннего камлания считалось, что дух шамана поднялся на небо, где он у верховного божества просил благо и для будущего урожая.

Алтайцы верили, что на урожай, кроме божеств и духов верхнего мира, влияли и земные, для которых совершали специальные обряды. С почтением коренное население Горного Алтая относилось и к предметам, которыми обрабатывали зерна для получения продуктов питания. Считая их одухотворенными, а приобретение – даром земных духов, в частности, такое отношение алтайцев к зернотерке – *баспаку*.

Немаловажное значение имеет то, что алтайцы во многих обрядах в качестве бескровной жертвы использовали хмельные напитки и продукты, полученные из зерновых злаков. Также в подношениях, и в связанных с данным обрядом играх, употребляли продукты из переработанных злаков. Приготовленной из ячменя или муки брагой шаман «угощал» *Эрлика* и других нечистых духов, требуя вернуть душу человека.

В фольклоре алтайцев земледелие отобразилось во многих жанрах. В благопожеланиях алтайцы просили хорошего и благополучного роста зерен и обильного урожая. В некоторых благопожеланиях продукты земледелия иносказательно символизируют достаток, сытость и приумножение благосостояния.

Красочны загадки алтайцев о продуктах земледелия об их обработке, об инвентаре и приспособлениях для этого. Алтайцы в отдельных пословицах, упоминая продукт земледелия, иносказательно олицетворяли уважение к своему труду. Земледелия отразилась не только в устном народном творчестве коренного населения Горного Алтая, но и в баснях первого писателя алтайца М.В. Чевалкова.

Список информаторов

1. Елдошева Арадян Петровна 1909 года рождения, сеок кыпчак, с. Усть-Кан, Усть-Канский район, Республика Алтай.
2. Иванышева Аксения Едочеконна 1922 года рождения, сеок кол-чагат, с. Ново-Троицк, Турачакский район, Республика Алтай.
3. Мадрашева Роза Алексеевна 1936 года рождения, сеок оргончи, с. Дьазула, Улаганский район, Республика Алтай.
4. Тудашев Самдар Ипатьевич 1929 года рождения, сеок кёл-чагат, с. Усть-Пыжа, Турачакский район, Республика Алтай.
5. Укачина Клара Ергековна 1939 года рождения, сеок кыпчак, г. Горно-Алтайск, Республика Алтай.

Литература

1. Алтай алкыштар / Сост. К.Е. Укачина, Е.Е. Ямаева. – Горно-Алтайск, 1993. – 40 с.
2. Алтайский фольклор / Отв. ред. М.Ч. Чумакаева. – Горно-Алтайск, 1988. – 216 с.
3. Анохин А.В. Материалы по шаманизму у алтайцев. – Л., 1924. – 152 с.

4. Вербицкий В.И. Алтайские инородцы. – М., 1893. – 272 с.
5. Галданова Г.Р. Ритуальная пища монгольских народов // Из истории хозяйства и материальной культуры тюрко-монгольских народов. – Новосибирск, 1993. – С. 141-150.
6. История Республики Алтай. Т.1. Древность и средневековье / А.П. Деревянко. – Горно-Алтайск, 2002. – 360 с.
7. Киселёв С.В. Древняя история Южной Сибири. – М., 1951. – 150 с.
8. Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. – СПб, 1883. – Вып. 4. – 648 с.
9. Потапов Л.П. Этнографический очерк земледелия у алтайцев // Сибирский этнографический сборник. – М.-Л., 1952. – Т. 1. – С. 173-198.
10. Потапов Л.П. Пища алтайцев (Этнографический очерк) // Сборник музея антропологии и этнографии. – М., 1953. – Т. 14. – С. 37-72.
11. Радлов В.В. Образцы народной литературы тюркских племен живущих в Южной Сибири и Джунгарской степи. – СПб., 1866. – 408 с.
12. Радлов В.В. Из Сибири. Страницы дневника. – М., 1989. – 750 с.
13. Сатлаев Ф.А. Коча-Кан – старинный обряд испрашивания плодородия у кумандинцев // Религиозные представления и обряды народов Сибири в 19 - начале 20 веках. – Л., 1971. – Т.17. – С. 130-141.
14. Сатлаев Ф. А. Кумандинцы. – Горно-Алтайск, 1974. – 200 с.
15. Семенов С.А. Происхождение земледелия. – Л., 1974. – 320 с.
16. Соёнов В.И. Земледелие на Алтае в древности и средневековье // Исторический опыт хозяйствования и культурного освоения Западной Сибири. – Барнаул, 2003. – Книга 1. – С. 169-172.
17. Суразаков С.С. Алтай албатынын оос поэтический творчествозы. – Горно-Алтайск, 1960. – 166 с.
18. Суразаков С.С. Алтай фольклор. – Горно-Алтайск, 1975. – 232 с.
19. Тадина Н.А. Алтайская свадебная обрядность (XIX – XX вв.). – Горно-Алтайск, 1995. – 207 с.
20. Функ Д.А. Телеуты. – М., 1993. – Вып.17. – Книга 2. – 326 с.
21. Чевалков М.В. Чөбөлкөптүн жүрүми. – Горно-Алтайск, 1980. – 110 с.
22. Чочкина М.П. Алтайский детский фольклор. – Горно-Алтайск, 2003. – 156 с.
23. Шатинова Н.И. Мир «неведомых» по традиционным представлениям алтайцев // Вопросы археологии и этнографии Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1983. – С.149-163.

Яданова К.В.

(г. Горно-Алтайск)

О КАМНЕ ПОГОДЫ – *ЖАДА ТАШ*

Во время летних сезонов 2003-2006 г.г. нами производились записи фольклорных материалов и велись опросы о магическом камне погоды – *жада таш* среди жителей (теленгитов) Кош-Агачского района Республики Алтай.

При опросе выяснилось, что почти каждый из жителей слышал о камне, с помощью которого управляют погодой. По описанию большинства рассказчиков камень *жада* – «сверкающий белый камень», «похожий на стекло».

Жадалар жердең ле бүдетен неме эмес пе ол. Ак таштар болор жылтрап турар шил учкуш, оны жада таш тешер. Осо јестем иште ле болтуран.

(*Жада*, наверное, образуется из самой земли. Это белые камни, сверкающие как стекло, называют его *жада таш*. Раньше был у дяди) [Б.С. Таханова, с Чаган-Узун. Здесь и во всех случаях переводы на русский язык сделаны нами].

...Жада таш деп таш жыл-жылтыркай ак таш болор эмтир не, таш көмүр ошкош ак таш. Анаң оны десе байа күн исип, јер кургап, өлөң кадып турса, списальна сууга сал јат. Анаң жада болор, анаң теңери уже јаап баштап јат.

(...Камень *јада таш* – это сверкающий белый камень, белый камень похожий на каменный уголь. Потом его специально кладут в воду в жаркие дни, во время засухи. Потом будет *јада*, начинаются дожди) [О.Б. Пушкинова, с. Ортолык; рассказчиком употреблен русизм «специально»].

Јада таш тайгаларда ла өсөр неме болбой. Кошту жараш шилилерлү неме деди не јада таш. Устал учуш немеде жаңыс ла... тегерик стол кандый? Андый столдо болор дийт ол...

(*Јада таш*, наверное, растет только в тайге. Говорят, *јада таш* [бывает] с очень красивыми стеклами. На [камне] похожем на стол... как круглый стол? Говорят, бывает на таком столе... [К.И. Отукова, с. Ортолык; рассказчиком употреблен русизм «стол»].

В некоторых записях внутри камня «находятся облака», что-то похожее на облако: *А оны бүдүнгө көргөн эмес. Андый ла таш булутту, чил ошкош неме дешти на, ичинде булуттар бар. Осоогы караан бабушкаларда болгон. Оны байа жааш жок, кааң, үсү болтурарда сууга салар. Анаң жааш жааса, жаашты жаайла [жаадырала], ошто кошту эдип оттың жанына салалып ороор, кошту жулулар. А бойын көрбөм.*

([Я] же его [камень *јада*] не видела. Говорили, что такой камень с облаками, как стекло, внутри находятся облака. Был у старых давних бабушек. Его отпускают в воду во время жары, когда не бывает дождя. Потом когда пойдет дождь, вызвав дождь, снова кладут возле огня, [сушат] и хорошо завернув, очень хорошо утепляют. А сам [камень] не видела) [А.С. Таханова, с. Ортолык].

Јада таш – ол таш абыкнавенный ла таш аайлу таш... Ол анда жердең өскалан кошту көп таштар. Андый болгон, чечек аайлу неме, кандый ла өскөни бар. Анаң ол бир јада таштың ичинде десе не булут аайлу, не суу аайлу, не бу поспор аайлу кара неме мындый, суркрашып мыный жылтурар туру... Оны неме деп айдар сеге? Бар болсо, көргүсер эдим...

(*Јада таш* – это камень похожий на обыкновенный камень... В [одном] месте было очень много камней, выросших из земли. Так было, различные [камни] выросли как цветы. Потом внутри *јада таш* есть такое черное, похожее не то на облако, не то на воду, не то на фосфор, который сверкая, перемещается... Как это тебе объяснить? Если бы был, я бы тебе показал) [Ю.Н. Янганов, с. Ортолык; рассказчиком употреблены русизмы: «обыкновенный», «фосфор»].

Один из жителей считает, что камень *јада* – это «хрусталь».

Јада таш деп таш... «хрусталь» дээр орустар оны. Оның тилин билер керек... Ол оны жылу-у сууга сугала, мныйп кичик кыймыктадыйсаң, жааш жаар. А жаашты жаадырып, ол ло кыймыктаттың не? Оны жылулап, ошто сугалар керек.

(Камень *јада таш*... русские называют «хрусталь». Нужно знать его язык... Если положив его в теплую воду, чуть взболтнешь вот так – будет идти дождь... [Потом] его утеплив, нужно спрятать) [А.С. Тебеков, с. Ортолык; рассказчиком использован русизм «хрусталь»].

В одних записях *јада таш* по форме напоминает «свечи»: *Јада таштар... А бу күүдүртуран нелериң кандый эди? Бир «свечи» дейтен беди? Ак-ак неме, лампаның ордына күүдуртуран. Андый-андый содон-содон мындый немелер не. Ол бистиң жердиң улустар беришпейтуран. Ол байлу, беришпес ого...*

(Камни *јада*... А как же называются вот эти, которых зажигают? Кажется, называются «свечи»? Белые-белые такие зажигают вместо лампы. [*Јада таш*] такие же остроконечные-остроконечные. Люди из наших мест его не трогают. [*Јада таш*] запретный, его не трогают...) [Б.С. Якояков, с. Бельтир; рассказчиком употреблен русизм «свечи»].

Камни *јада* находятся в высоких горах, в тайге: *Јада таш деген таштары десе кошту жараш таштар болор ол. Баса ла ыйык, тайга жерлерде бар. Јада таш теп ташы жаңыс ла жонкойон неме мысылдап турар, тус учуш...*

(Камни *јада таш* бывают очень красивые. Находятся в высоких горах, в тайге. Камень *јада* обточенный, блестящий, похож на соль...) [Б. Казакпаева, с. Ортолык].

Јада таш берут, совершая особый обряд: *Оны [јада ташты] көринген ле киши таппас неме учуш не, учурлу неме ушкуш... [Ол таш] көрүнгөн ле кишиге көрүнер. Анаң ол киши алса, оны баса чачылга иш чачып алар неме. Же оны көбиле жайгыда тусалан туран неме ушкуш не. Анаң кошту эт оройло, суккойор.*

(Видимо, его [камень *јада*] не каждый находит, видимо, [камень] со значением. ...[Этот камень] не каждому встретится. Потом берут его, тоже совершая обряд. Ну, его, видимо, используют в основном летом. Потом, хорошо завернув, [јада] прячут) [А.С. Таханова, с. Ортолык].

Јада таш ба-ар. Баса ла ол түкү тайгаларда неме ол, түкү-түкү јаан ыйыктардың чокым бойына жеткенчең... јада таш болор кошту жараш... Оны толька билер киши алайын десе ол јаданы торко учук экелеле, мнайта буулакойор тийт. Буулакойсоң, бир күн келсең, ол түшкалар, ол тушта аларың. А так аный оодып аларга јарабас, теңери јуттар.

(*Јада таш* есть. Опять же [находятся] в той тайге, когда дойдешь до тех священных великих гор – *ыйык*... будет очень красивый *јада таш*... Только знающий человек, если захочет взять тот јада, приносит шелковую нитку и, говорят, привязывают ее [јада таш] вот так. Привязав, когда придешь в другой день, он отломается, тогда возьмешь. А так просто так нельзя отламывать, будет ненастье) [Ч.А. Малчинова, с. Ортолык; рассказчиком использован русизм «только»].

Оны [јада ташты] албас тийт. Алса, оны улустар бөскө, кииске ороп алар теди не. «Теңери јуттар» – деп анаар ла оны албас.

(Его [јада таш], говорят, нельзя брать. Если берут, то берут, говорят, люди завернув тканью, войлоком. Много не берут, говоря: «будет ненастье») [П.А. Комудякова, с. Ортолык].

Јада таш может легко разбиться, в результате начинается ненастье, метель, который можно остановить только с помощью обряда *јада*. Обряд *јада* у алтайцев совершает *јадачы* – человек, который с помощью *јада* управляет погодой, знает магические слова – *алкыш* обряда *јада*. К сожалению, нам не удалось записать ни один *алкыш*. Жители подробно описывают сам обряд управления погодой:

Јада бар болсо, экелеле сууга сугуйсаң, теңери јаайар. Анаң оны аяастырайым десе... аяастырайым, акыр, бу теңерини тесе, отко экел көбөйөр байа јаданы. Исү-ү күлге экел көйсө, теңери јараштыра аясерер.

(Если есть *јада*, принеся, когда положишь в воду, пойдет дождь. Потом чтобы прояснилось небо, закапывают јада у огня. Если закопать [јада] в горячий уголь, небо прояснится) [Ч.А. Малчинова, с. Ортолык].

Оны теңерини тудайың десең, пажалуйста. Борто [айакка көрүзет] суудаң урала, јок эмеш жылу-у болсын, өлөң чыгар десең... Бу сууды жылыдыйала, кайнатпай, тегин ле жылу эделе, байа јаданы мнаар бошодыйала, кошту жылулап салкой. Оосын мнайт ачык эдип, чтобы Кудага ол јаданың неси јайылсын. Ойndo теңери јаап, канча күнге аяспай барса, ол киши оны алала, жылулайар байа јаданы. Сууны төгийеле бе, айса оны ичийеле бе, ичинде јадасын алала, кошту бектеп оройор. Оттың өсөгине салкойсоң, жылу-у болып аясерер.

(Если хочешь управлять погодой, пожалуйста. Сюда [показывает на чашу] налив воды, нет, чтобы [вода] была чуть теплой, если хочешь, чтобы росла трава... Подогрев эту воду, не доводя до кипячения, спускаешь камень јада [в воду] и хорошо утепляя, закрываешь [чашу с водой], оставив открытой сверху, чтобы [сила ?] камня доходила до Кудая. Потом когда несколько дней будут идти дожди, погода не прояснится, тот человек, взяв его [јада], утепляет. Вылив воду или выпив, берет јада и хорошенько заворачивает. Когда положишь в середину огня, станет тепло, [погода] прояснится) [Ч.А. Малчинова, с. Ортолык; рассказчиком использован русизм «пожалуйста»].

[Јада ташты] көрсө, көгөрүп ле туран таш теди не, жылтрап турар. Мындый ла переливающийся, өсөги көрүнтурар. Оның ичинде не ле бар болор, јүсүн ле басын неме бол көрүнтурар, мал-аш иште... Аный ла айдыш јадар. Јааш јаадырарга сууга сугар дешјадар. Сууга сугыйса, јаай барар. Оны да билер керек сугуп. Билбес киши оны тескери сукса, та неме јаадыркойор? [Каткырып јат]. Оны да салар улус болор, анаар ла киши салбас.

(Если посмотришь на [јада таш], говорят, это синеватый сверкающий камень. Вот такой же переливающийся, все внутри видно. Внутри него есть всякое, показывается разное: скот и другое... так и рассказывают. Чтобы вызвать дождь, говорят, отпускают в воду. Если положить в воду, пойдет дождь. Это тоже нужно знать, как делать. Если совершит обряд человек, который не знает, то что тогда [он] еще может вызвать? [Смеется]. Есть люди, которые занимаются этим, просто так никто не делает) [Л.К. Качашева, с. Ортолык; рассказчиком употреблен русизм «переливающийся»].

Јадачы улус болор дийт осоо улуста. Малдаң ла јадалап турар эдалар на јаданы осоо улус. Јүсе кычырып, салкын кычырып, жылу эдип јадаласа, жылу сууга сугуп, ороп аныйтуруп јадалар неме теңери не. Соок сууга сукса, соок болор дийт ол, салкыны да соок, теңери де соок [болор]. Жылу сууга сугала, жылуулайса, ол жылу болор, жылу јүсе јаар... Ол јадалу альдар көчсө, теңери јутап јат.

(Говорят, были *јадачы* у давних людей. Прежние люди делали же *јада* из [особых внутренностей?] скота. Когда совершают обряд вызывания дождя, ветра, тепла, кладут [*јада*] в теплую воду, заворачивают; так, говорят, совершают обряд *јада*. Если положить его в холодную воду, то будет, говорят, холодно, и ветер [будет] холодным и день будет холодным. Когда, положив в теплую воду, утеплить, будет тепло, пойдет теплый дождь. Во время переезда *аилов* имеющих *јада*, бывает ненастье) [К.И. Отукова, с. Ортолык].

Кроме камня *јада* (*јада таш*), управляют погодой и с помощью *јада*, который находится внутри животных. *Јада* осторожно извлекается, сушится, хранится в тепле. Нами зафиксированы две разновидности: *јада* из матки – *јадын* скота и *јада* из молозива – *уус* зайца.

Малдың јадасы десе ол неде, малдың јадынында болор. Јадыны болгонноң, оны десе малды сойсо, байа јадынын десе алала, ол јадынды десе кургадап јат. Анаң ол јадала јадалап јат баса. Ол јада таштаң баса башка. Јадалап, оны баса айдар сөси бар оның. Јааш керек болсо, јаданы алган ла кийинде, сууга салган ла кийинде јааштар токтобос, јут болор. Кел сурып, ороп иштебенче, вабще јаңыс јутай ла барар

(*Јада* скота бывает в матке скота – *јадын*. Это значит, когда разделявают тушу животного, вынимают из него *јадын* и сушат. Потом этим *јада* так же совершают обряд. Это совсем другое, чем камень погоды – *јада таш*. Есть также слова, которые говорят во время [этого] обряда *јада*. Если нужен дождь, то, только взяв *јада*, как положат в воду, не переставая, будут идти дожди, будет ненастье. Пока вынув [из воды], [*јада*] не завернут, вообще так и будет ненастье) [Ю.Н. Янганов, с. Ортолык; рассказчиком употреблен русизм «вообще»].

А бу не деп не бар... койон деп неме бар не? Оның уусы бар. Ол качан да тўшпес. Ол желудакта арткап јат, ол уус деп неме желудакта артар. Ол койон өлөр алтында, карыр чакта ол только тўшер байа бокло кошо. А так ол өлтүрүп иштезең, анда ла јүрер адалсаң. Ол ло уус деп немени аларың, оны таштабасың. Если койон уусту болсо, оны таштабасың. Сугала, јулулап сугарың. Јада деп неме ол, кошту јада ол. Оны сен можешь теңерини јаадырарга, можешь оны сен теңерини аяастырарга...

[Уус] *јымжа-ак, сўт. Ойндо нетсең не... өлөң бир бөлөк бартурса, оның ичинде, је бу ла кире неме болор не уус...*

Сен койонды адалдың не? Эм оны сойјадала, иче-кардын нетјадың не? Көрсөң, уус бар болсо, оны срасу алган мончо жылу јердөөн сугар керек, јут болбосын деп. А оның кийинде оны сугалсаң, анаң байа алкышын айдып, јадалап тударың теңерини. Совместный природный неме не. Ол природа көрсөң эм бой-бойынаң камаанду неме учуш не ол.

Есть же вот этот... есть же заяц? Есть у него молозиво – *уус*. Он никогда не выпадает. Он остается в желудке, этот *уус* остается в желудке. Он выпадет только перед смертью, к старости вместе с экскрементами. А так если убьешь, он там и будет, когда прострелишь [зайца]. Возьмешь этот *уус*, не будешь его выбрасывать. Если у зайца будет *уус*, то его не выбрасывай. Спрячешь, хорошо утеплев. Это и есть *јада*, это сильный *јада*. С его [помощью] ты сможешь вызвать дождь, сможешь сделать небо ясной...

[Уус] – это мягкое, молоко. Потом... [в желудке у зайца] трава будет с одной стороны, внутри него [желудка] будет размером вот столько *уус*...

[Вот] ты убила зайца да? Теперь разделявая его тушу, смотришь же внутренности? Если обнаружишь *уус*, то, взяв его, сразу надо спрятать в теплое место, чтобы не было ненастья. А потом спрячешь его, произносишь слова благопожелания – *алкыш*, проводишь обряд *јада*, управляешь погодой. [Это] же совместное природное [явление]. Видимо, эта природа взаимосвязана [А.С. Тебеков, с. Ортолык; рассказчиком употреблены русизмы: «желудок», «только», «если», «сможешь», «сразу»; «совместное природное»].

По рассказам жителей при переезде *аила*, который имеет *јада*, начинается ненастье: *Байа бир айл көчсө, јабыла теңери јуттар. «Јадалу неме болбой? Бу көчсө, теңери јуттар» – дешип, осо улус аныйта јадатан.*

([Бывают] *аилы* (дом; жилище; семья) во время перекочевок, которых все время бывает ненастье. Давние люди говорили: «Наверное, [этот *аил*] имеет жада? Когда переезжает, бывает ненастье») [К.Ч. Таханова, с. Теленгит-Сортогой].

«Айлын кыймыктадыйса ла, теңери јутайбарар» – деп, јадасын кыймыктадыйан тешер [смеется].

(«Как только двинет свой *айыл*, начинается ненастье» – так говорили, что пошевелит свой *јада*) [смеется] [В.Г. Яданов, с. Ортолык].

В давние времена люди, идущие на кражу, брали с собой жада, чтобы снег покрывал их следы:

Ол жада таш теген таш ол бастра јутты үсе тартар. Осо-осо чактарда ол јаданы тудунала, уурдан баран улус јүрерсе, оның јолын бөктөй кар јаакойор тийт. Је ол ло кишиниң исиле кар јаап јүререр не. Эм андый немени оны кем эзлейтен? Јаан улус та јок андый, јааш киши де билбес.

(Камень *јада таш* все ненастье остановит. В давние-давние времена, когда люди, взяв этот жада, ходили воровать, их следы, говорят, покрывались снегом. Ну, снег же будет идти по следам того же человека [у которого жада]. Теперь кто владеет этим жада? Нет ни старых людей таких и молодые не знают) [Б. Казакпаева, с. Ортолык].

Один из рассказчиков утверждает, что если «открыть» жада, случится стихийное бедствие, потоп: *Јада деп неме бар. Оны ачийсаң, јердиң үстүн апарар суу. Айлдар да алды на ол. Акыр, ол кем деп кишиниң айлы барган? Ол јелелү босу да алды на. Јаданы эмди де ачийсаң, талай болоорор...*

(Есть такое *јада*. Если его откроешь, будет потоп. И *аилы* же он затопил. Погоди, чей же он дом затопил? И теленка на привязи унесло [водой]. Если откроешь жада, и сейчас случится потоп...) [К. Кермалтанова, с. Ортолык].

Раньше во время сильных дождей люди шутили, что *јадачы* выронил свой *јада* в реку:

Кошту јааш токтобой, күнүң ле сайын јаай барса, тегинде улустар айтјаттан не деп: ол ло киши јадалап јадала јадасын сууга аңысыян деп. [Каткырып јат].

(Когда дождь не прекращаясь, шел каждый день раньше люди говорили, что тот человек [јадачы] совершая обряд *јада*, выронил свой *јада*) [Смеется] [В.Г. Яданов].

Нами также зафиксированы рассказы о камне погоды – *јада таш* (5 текстов) с основной сюжетной схемой: один из жителей разбивает в тайге камни *јада* / приносит домой; начинается: ненастье, непрерывные дожди / сильные морозы, метель, идет непрерывный снег; обнаруживается «виновник» случившегося; совершается обряд *јада*; погода проясняется. Приводим тексты рассказа о камне погоды – *јада таш* (текст №1, текст № 2).

Текст № 1.

Эйе, јада таш бар тайгада. Эм де кай барат. Осоо энем койлогом тийт... Оны көрсө тесе не... мындый тайгада кошту јараш! Теен, теен јарашы кошту, јумуртка учкуш, јумуртка учкуш кошту јараш таштар турар бир јерге келсе [деп энем куучын-дайтан]. Ол оны тесе бастра ла мнайп сындыргам тийт. Бүрсүн алайым тесем оодылкалар, экинчисин алайын тесем оодылкалар. Ташла ла ооттурам тийт. Эңирге альга јетпей ле, кар деп неме јааган, шуурган деп неме соккон. Касах улус ол тушта оросо туттуран деп түште отурбас не? Түште јортал салеерер оросо тут јүрен улус. Түште курсак јуибес, јаңыс күн батканда, түнде јуир. Анаң байа касахтар орососын ачкойон тийт ол, өткүре кар јаайла. Өткүре кар јаайла оросоны ачала, малга тесе тал јыгып пертуран. Курсакка јетпей баран, јаан кар.

Анаң бир күн отырала, энеме куучындадым тийт. Мал-аш бир ле неме полбоско једеерен, кардың јааны кошту тийт! Түкү кишиниң тисесин өдүп, курлаага јеткен, кур курчанар јерге. Анаң эм канындар тегенде, энем куучындаган эмтир: мындый-мындый неме оотком, мен мында таштар ооткойом. «Чайтан, сенең чыккан турбай! Теңерини сен этпейиң» – деп эм энемди тесе адасы атка учкаштыраалала байа јерге апааран. Јерге апарарда, кө-өп, обшем, кө-өптөң [јада таштарды] экелеле, оттың ордын касала, орто салала, ојто јылу кумакла көмөлө, үстүнең от салыйан. Көрөр-угарга јетпеен, байа кар кайылкалан, јок.

Бот, анаң ојто байа касахтар орососын тудуп баштайбаран. Байа јадыннаң чыкпай туран мал чыгып, отоп. Бот, жада деп неме ол, андый неме болгон. А эм ол бар тесер бе, көөркий? Јок не.

(Раньше мать рассказывала, что пасла овец... Когда увидишь его [јада таш]... такой очень красивый в тайге! Очень, очень красивый, похожий на яйцо. [Мать рассказывала], что, придя в одно место, обнаружила очень красивые камни, похожие на яйца. Потом она, говорит, все это разбила вот так: хочет взять один – разобьется, хочет взять другой (опять) разобьется. Говорит, так и разбила камни. Вечером еще до дома не дошла, стал идти снег, начался буран. Казахский народ в то время держал пост – *оросо*. Ведь днем [дома] не сидят, днем люди, которые держат пост, уезжают на лошадях. Днем не едят, едят только после заката, ночью. Потом те казахи из-за того, что выпало много снега, говорят, прервали свой пост. Когда выпало много снега, прервали свой пост, повалив тальники, давали скоту. [Скот] остался без корма [из-за] множества снега.

Потом однажды, говорит, рассказала матери. Скот совсем измучился, говорит, снега было так много! [Снег] выпав до колена человека, дошел до пояса, до места, где опоясываются. Потом когда не знали что делать, мама, говорит, рассказала, что разбила такое, что недавно разбила камни. «*Чайтан* (нечистый дух), оказывается, ты виновата! Ты сделала не-настье» – так сказав, теперь отец моей матери посадил ее на лошадь позади себя и повез на то место. Прибыв на то место, в общем, принесли побольше [камней *јада*] и, раскопав место для очага, положили туда, [затем] закопав теплым песком, сверху развели огонь. Не прошло много времени [букв. не пришлось увидеть-услышать] тот снег растаял, нет.

Вот потом те казахи продолжили свой пост – *оросо*. Скот, который не выходил из своих кошар, стал выходить, пастись. Вот, *јада* бывает такой, такое случилось. А сейчас вы думаете, милая, он есть? Нет же) [Ч.А. Малчинова, с. Ортолык; рассказчиком использованы русизмы: «в общем», «вот»].

Текст №2.

Јада таш тегени ол јада. Ирбистүнің ойықта турар. Жаңыс ла калаңдашқалан андый тош, таштаң тамчылап туран не.

Ол байа кем аңдап жүреле, анаң бүрсүн сындырала экелен. Шыңда экелеле, [катқырып јат] альының ичиндөн таштакойон. Ойndo кенете ле кара булут келеле, Шыңда ла кем... Магай. Магайды уккан бедиң? «Малталарға Магай артык, аң адарға Шыңда артык» – деп, эки нөкөр јадала, арқылап соғышар ла тийт Сасын көлеб. Арай ла болсо айлын јыга јаабан. Ойndo бир кишиге келген эмтир. (Чорттың башы, адын ундукойдым...). Чырқырак! Чырқырак өббөн деп өббөнди уккан бедиң? Ол өббөн келсе, бу не болгон? Кошту тийт кар деп неме. Ол ло эки альды айлантыра јааган [катқырып јат]. Айлын[а] јаба јеткен. «Бу јаданы кайдаң алғаң? Бу јаданы кайда сукқаң сен? Мыны јылула» – деп, байа өббөн келеле, байа өббөнди көмөлиген туру: «Карыганча, аайыганча јада билбес. Мен андый болсо, ол нени [јаданы] альдың үстүне кургааткүйейин» – теген. Ойndo байа өббөн келип суктуруп, јылулап, анаң [кар] токтогон тийт.

Оны билер киши болбосо, билбес киши тударға баса болбос.

(Камень *јада* – это *јада*... Такие (висячие) льдинки, [которые] капают с камней.

Тот, охотясь, потом принес, разломив одну. Шыңда принес [јада таш] и бросил в своем *айыле* (жилище, дом). Потом вдруг приблизилась черная туча... Шыңда и Магай... Слышал о Магае? «Из топора рубит лучше Магай, в зверя стреляет лучше Шыңда» – так говоря, два друга, рассказывали, жили в Сасынколе (местность в Кош-Агачском р-не), пьянствуя и дерясь. Выпал [снег], чуть не покрыв весь айыл. Потом пришел, оказывается, один человек. (Черт, забыл как его имя?). Чырқырак! Слышал о мужике Чырқырак? Когда пришел тот мужик, что случилось? Очень много, говорят, снега. [Снег] шел только вокруг этих двух *айылов*. [Чырқырак?] дошел до *айыла*. «Откуда взял этот *јада*? Куда спрятал этот *јада*? Утепли его» – так придя, тот старина стал ругать того мужика. Сказал: «До старости, до помутнения разума не знает *јада*. Если так, то тогда я положу сушиться *јада* наверху [на крыше] *айыла*». Потом тот старина спрятал, утеплит [јада], только потом, говорят, перестал идти снег.

Им [владеет] только знающий человек, а так незнающему человеку тоже нельзя держать [јада] [Б.Т. Чурекенов, с. Ортолык; рассказчиком использован русизм «черт»].

Рассказы о камне погоды – *јада таш* бытуют среди жителей, в основном, пожилого возраста. Камень *јада* нам самим не пришлось увидеть, но надеемся обнаружить в будущем.

Перечень рассказчиков по нашим записям

1. Казакпаева Б., 1928 г.р., с. Ортолык, запись 20 сентября 2005 г.
2. Качашева Л.К., 1947 г.р., с. Ортолык, запись 21 сентября 2005 г.
3. Кермалтанова К.В., 1915 г.р., с. Ортолык, запись сентября месяца 2004 г.
4. Комудякова П.А., 1940 г.р., с. Ортолык, запись июля месяца 2004 г., повторная запись 21 сентября 2005 г.
5. Малчинова Ч.А., 1934 г.р., с. Ортолык, запись июля месяца 2004 г., повторная запись 19 сентября 2005 г.
6. Отукова К.И., 1936 г.р., с. Ортолык, запись 10 сентября 2004 г., повторная запись 20 сентября 2005 г.
7. Пушкунова О.Б., 1946 г.р., с. Ортолык, запись 18 сентября 2005 г.
8. Таханова А.С., 1954 г.р., с. Ортолык, запись 18 сентября 2005 г.
9. Таханова Б.С., 1922 г.р., с. Чаган-Узун, запись сентября месяца 2004 г.
10. Таханова К.Ч., 1933 г.р., с. Теленгит-Сортогой, запись сентября месяца 2004 г.
11. Тебеков А.С., 1948 г.р., с. Ортолык, запись 23 сентября 2005 г.
12. Чурекенов Б.Т., 1929 г.р., с. Ортолык, запись июля месяца 2004 г.
13. Яданов В.Г., 1955 г.р., с. Ортолык, запись июля месяца 2004 г.
14. Якояков Б.О., 1936 г.р., с. Бельтир, запись сентября месяца 2004 г.
15. Янганов Ю.Н., 1962 г.р., с. Ортолык, запись 13 сентября 2005 г.

Мылтыгашева Л.П.

(г. Москва)

МУЗЕИ САЯНО-АЛТАЯ: НАБЛЮДЕНИЯ 2006 ГОДА

Введение

Летом 2006 г. на Саяно-Алтайском нагорье работала эпиграфическая Казахстано-Российская экспедиция. Маршрут экспедиции пролегал по землям Павлодарской области Казахстана и пяти субъектов Российской Федерации: Алтайского края, Республики Алтай, Республики Тыва, Красноярского края, Республики Хакасия. Проехали на микроавтобусе УАЗ более 7.000 километров. Цель состояла в изучении известных и поиске новых памятников рунической письменности – как в природе, так и в коллекциях музеев*.

Мое участие в экспедиции было вызвано знанием сибирских музеев, личным знакомством с их сотрудниками, владением местными языками, а также некоторым предшествующим опытом полевой работы в Хакасии, в Туве и на Алтае.

Несмотря на возложенные на меня повседневные хозяйственные и бытовые работы, обеспечившие деятельность экспедиции, мною наравне со всеми проводилась и полноценная полевая работа в горно-таежной местности, прежде всего поиск наскальных рунических надписей и участие в их копировании. В результате этого мною лично на Горном Алтае были открыты две до того неизвестных науке надписи, в целом содержащие три строки рунического текста (надписи получили наименование Туекта III и Туекта IV по близлежащему населенному пункту на левом берегу р. Урсул – левом притоке Катуня).

В месте с этим, будучи музееведом, я не могла не воспользоваться тем обстоятельством, что по плану экспедиции предстояла работа в экспозициях и фондах местных музеев, прежде всего тех, где есть памятники рунической письменности. Для осмотра раз-

* В составе экспедиции работали: тюрколог-рунолог Харжаубай Сартхожаулы; археолог Кызласов Игорь Леонидович, музеевед Мылтыгашева Людмила Петровна, студент 5 курса Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева Жантегин Харжаубайулы.

ного вида древностей посещались и природные музеи, национальные парки и другие объекты культурного назначения.

Настоящая статья содержит наблюдения музееведческого плана, сделанные мною в период экспедиционных работ при посещении следующих музеев:

- Павлодарский областной музей (Республика Казахстан),
- Алтайский краевой краеведческий музей (г. Барнаул), Бийский краеведческий музей им. В.В. Бианки,
- Национальный музей Республики Алтай им. А.В. Анохина (г. Горно-Алтайск), Государственный музей-усадьба Г.И. Чороса-Гуркина (с. Анос на Катунь), Музей народной культуры и быта (с. Мендур-Соккон на Чарыше), Историко-этнографический музей (с. Кокоря на Чуе),
- Тувинский национальный музей им. Алдан-Маадыр (г. Кызыл),
- Минусинский межрайонный музей им. Н.М. Мартыанова,
- Хакасский республиканский краеведческий музей (г. Абакан).

Из учебных музеев был осмотрен лишь Музей археологии Алтайского государственного университета (г. Барнаул).

Кроме того, исследованы принципы построения охранно-музейной работы в ландшафтных музеях-заповедниках и национальных парках Ыч-Эньмек, Чуй-Оозы.

Постановка временных экспозиций в условиях массовых мероприятий наблюдалась на алтайском национальном празднике Эл-Ойын, проходящем в течение трех дней близ с. Ело на р. Урсул.

Основные особенности музеев

Музеи, образованные в 20-30-е годы 20 века в Советском Союзе имели, и по сей день во многом сохраняют сходную задачу – ознакомление с естественной и социальной историей края, причем в наибольшей мере происходило освещение социально-экономической истории. В музеях сосредотачиваются материальные, документальные и иные свидетельства коллективного и индивидуального творчества каждого народа, прежде всего и более всего в условиях его существования в пределах России и СССР, в условиях становления и существования Советской власти в Сибири и Казахстане. В этом отношении экспозиции осмотренных музеев лишь отражают особенности того или иного региона. Надо сказать, что музеи в Павлодаре, Барнауле, Бийске, Горно-Алтайске, Кызыле, Минусинске и Абакане в настоящее время являются одними из крупных музеев Казахстана и Сибири и поэтому анализ их экспозиций может многое прояснить в существующих на современном этапе особенностях музейного дела, равно как и выявить необходимые пути дальнейшего развития.

Основная программа деятельности музея, концепция его существования отражена уже в его названии. Обращая на это внимание, можем отметить, что обследованные нами учреждения культуры разделяются на три группы: одни музеи носят имена кого-либо из известных исследователей или своих основоположников, другие – исторических деятелей, а третьи оказываются, совсем лишены чьего-либо имени. О чем свидетельствуют эти кажущиеся несущественными отличия?

Алтайский краевой краеведческий музей в г. Барнауле и Хакасский республиканский краеведческий музей в г. Абакане не носят почетных имен и тем самым явно подчеркивают свою территориально-административную принадлежность, соответствующую направленность и определенную формальную ограниченность своей деятельности.

Бийский музей носит имя В.В. Бианки, подчеркивая этим свою былую связь с известным биологом, и, следовательно, естественнонаучную направленность деятельности всего культурного учреждения. Имя Н.М. Мартыанова, основателя старейшего в Сибири публичного Минусинского музея, читается там как символ верности изначальной энциклопедичности интересов и знаний (естественнонаучных и гуманитарных, прикладных и культурно-просветительских), широты и открытости научных связей, присущих музею со дня его основания, поддержки любых прибывающих сюда исследователей и экспедиций, содержание общедоступной краеведческой библиотеки. Традиционно отсутствует в деятельности музея и ограниченность административно-территориальными рамками (в свя-

зи с чем, находясь в небольшом городе, музей добился статуса межрайонного). Иной характер Национального музея Республики Алтай отражен как в его названии, так и в носимом им имени А.В. Анохина – исследователя духовной культуры алтайцев. Этот музей целиком занимается изучением своеобразия древностей Алтая и национальных особенностей алтайского народа. Имя крупного русского путешественника Г.Н. Потанина, присвоенное Павлодарскому музею, побуждает не только уделять особое внимание истории изучения Восточного Казахстана и Центральной Азии европейской наукой, но более прочего, проясняет цельное евразийское кредо музея и обязывает его в повседневной работе наводить новые и укреплять старые связи азиатских и европейских культур, что в полной мере отвечает существующей государственной концепции Республики Казахстан.

В рассматриваемом отношении особняком стоит Тувинский национальный музей – он носит имя Алдан-Маадыр (60-ти богатырей), в 1883-1885 гг. возглавивших восстание против чужеземного ига. Это, несомненно, указывает на то, что основой своей деятельности музей в Кызыле считает изучение истории и пропаганду построения независимости Тувы и самобытности ее народа.

Республика Казахстан Павлодарский музей

Первый на нашем маршруте – Павлодарский областной историко-краеведческий музей им. Григорий Ивановича Потанина, исследователя Сибири и Центральной Азии, идеолога сибирского областничества. Музей основан в 1942 г. Находится в четырех зданиях конца 19 века, что является важным фактором социокультурного статуса в городском культурном пространстве. В музее имеется своя научная библиотека. Несмотря на отмеченное мною выше предназначение музея, связанное с присвоением ему имени Г.Н. Потанина, надо сказать, пожалуй, что в этом отношении коллектив музея, имеет большие и еще не реализованные возможности. Постоянная экспозиция посвящена регионоведению: природа, археология, история, этнография, современность. Архитектурно-художественное решение экспозиций по своему уровню различно.

Необходимость быстрого продвижения к месту экспедиционных изысканий не позволила мне детально ознакомиться со спецификой музея. Конечно, наибольшее внимание наша группа обратила на археологическую экспозицию. Она весьма невелика и не способна отразить даже основные древние и средневековые этапы местного развития. В предшествующие годы коллекции поступили в музей в результате деятельности экспедиций Института истории материальной культуры АН СССР, Института археологии им. А.Х. Маргулана и ныне понемногу пополняются Павлодарской археологической экспедицией самого музея, работающего совместно с местным университетом. Особый интерес у нашей группы вызвал реконструированный комплекс одежды и боевого снаряжения средневекового воина в связи с помещенной на стене саблей, по клинку которой оказались начертаны рунические письмена. И хотя внешний вид оружия был очень близок к подобному экземпляру из могильника у с. Зевакино, раскопанного Ф.Х. Арслановой*, ни само изделие с надписью, ни особенности написания текста не были известны нашим эпиграфистам. Экспликация на витрине отсутствовала. После некоторого возбуждения от увиденного мы пригласили сотрудницу музея, и она пояснила, что это творчество современного художника-оформителя.

В этом факте, на мой взгляд, проступает одна из нежелательных тенденций музейной жизни, когда художник диктует экспозиционеру оформление витрины, замещая подлинники и созданные на их основе насколько возможно точные реконструкции внешне эффектными, но недостоверными авторскими изделиями, основанными на личной творческой фантазии, нередко не связанной с подлинной исторической действительностью. Таким произведениям, смею думать, место на персональных или коллективных художественных выставках, а не в постоянной экспозиции краеведческих музеев. Музей не должен строить свою деятельность в стиле «фантазии», ныне занявшем столь большое место в литературе и кинематографе.

* Вклад Ф.Х. Арслановой в археологическое изучение Павлодарского Прииртышья весьма значителен, см. ее работы (1968; 1972; 1983).

Алтайский край **Барнаульский музей**

Город Барнаул – столица Алтайского края, с конца 18 века ставшая центром умственной жизни Сибири. Со времени присоединения к России здесь было развернуто горнорудное дело, что привело к оседанию в тогда еще новом городе значительного числа горных инженеров и чиновников, получивших высшее образование в России и в Европе. Горное училище было основано здесь уже в 1785 г., в этом же здании приютили музейную коллекцию минералов. Со временем она переросла в музей, основателями которого были исследователи Горного Алтая: горный инженер Петр Козьмич Фролов и врач-натуралист Фридрих Вильгельм Геблер. Музей начал свою деятельность в 1823 г. и был одним из первых в Сибири. Поначалу он не был публичным (до этого общественная мысль дойдет лишь полвека спустя – см. описание Минусинского музея), а предназначался для специалистов. В книге его посетителей есть имена великих исследователей 19 века: А. Гумбольдта, Г. Розе и Х. Эренберга (Алтай в трудах ученых и путешественников, 2005, с. 253).

Ныне Алтайский краевой краеведческий музей расположен в старом районе города и помещается в массивном здании 19 века с небольшим двориком, оформленным садовыми композициями, включившими и поминальные скульптуры тюркских воинов раннего средневековья. Уже на улице, у центрального входа посетителей встречает великолепная крупная скульптура барана, лежащего с подогнутыми ногами. Выполненная из красного песчаника, она привезена из совсем не близкой от этих мест Хакасско-Минусинской котловины уже в конце 18 в. Это свидетельствует о раннем, можно сказать, изначальном интересе русской интеллигенции к древнему монументальному искусству тюркских народов и об осознании его значимости для мировой культуры. Следует сравнить эту особенность Барнаульского музея (как и музея АГУ – центра формирования современной интеллигенции края) с особенностями коллекции музея изначально купеческого Бийска – значительно ближе располагаясь к Горному Алтаю (одному и известным центром тюркской каменной скульптуры), он, однако, оказался практически лишен древних изваяний.

Что же касается самой скульптуры барана, то в ней заключен до сих пор не понятый до конца древний культ Южной Сибири и Центральной Азии: уже «в начале гунно-сарматского времени во II-I вв. до н.э. изображения лежащих баранов широко распространены. В ханьском Китае и в степях Ордоса – это бронзовые статуэтки и рельефные реалистичные фигурки, в Сарматии – объемные украшения золотых фибул» (Кызласов Л.П., 1960, с. 94). Образ лежащего барана в средневековье занимает большое место и в мелкой вотивной (обычно деревянной), и в монументальной скульптуре тюркских народов.

Минералогическая коллекция музея изначально создавалась как основная и строилась на академических началах. Сегодня она содержит почти все руды и породы Горного Алтая. Исторически закономерно экспозиция Барнаульского музея представляет особенности раннего промышленного освоения Южной Сибири – интересны старинные предметы, воссоздающие широкую картину разнообразной деятельности рудного края. Уникальны некоторые экспонаты, отражающие развитие инженерной мысли, к которым относится модель паровой машины шихтмейстера Ползунова. Упомяну и собрание этнографических и археологических редкостей. У музея своя научная библиотека основой, которой опять же послужил редкостный книжный фонд горного училища.

Музей археологии АГУ

Археологию, подобно геологии и горному делу, невозможно изучать кабинетно, без работы с подлинными образцами. Всюду, где существует археологическая подготовка, в том или ином виде возникают и профильные учебные музеи. Первоначально созданный при кафедре археологии, этнографии и источниковедения Алтайского госуниверситета, музей вскоре перерос в явление общеуниверситетского масштаба, получил соответствующий статус и собственный штат. Формирование богатого собрания древностей (постоянно пополняемого учебными и охранно-спасательными экспедициями АГУ) и продуманной специализированной экспозиции, возможно, ограничили потенциальные возможности находящегося в том же городе Алтайского краевого краеведческого музея, сократив пополнения его коллекций. Однако нет сомнения, что Барнаул получил новый развивающийся центр не только учебной и научной, но и музейной мысли.

На мой взгляд, явными особенностями университетского музея являются три направления его экспозиции. Во-первых, отражение культуры всех исторических эпох, известных современной науке, и всех разновидностей древностей, выявленных археологическими исследованиями – от отдельных предметов до монументальной скульптуры и петроглифов. Здесь же в небольших комплексах представлены виды разновременных захоронений и поселений, укреплений и культовых памятников. С помощью крупных фотоснимков экспозиция дает представление об особенностях внешнего вида древних памятников и их размещения в ландшафте.

Во-вторых, музей отличает демонстрация научно разработанных, а потому наиболее достоверных реконструкций древнего и средневекового вооружения Алтая – прежде всего боевых доспехов. Выполненные в натуральную величину, с учетом всех технологических особенностей сборки, макеты по-разному бронированных воинов, способствуют восприятию того высокого уровня военного дела, в котором проступает и производственная, и социальная культура, достигнутая местным обществом уже на рубеже нашей эры. В этом музей АГУ создает фундаментальную научную базу, пока еще редкую для музеев России, осмысляет и обобщает ее методические особенности, постоянно осуществляя соответствующие публикации (см., например: Горбунов В.В., 2003; 2005, с. 14-17; Тишкин А.А., 2005, с. 195-201).

В-третьих, университетский музей, сохраняя давнюю традицию связи археологии с естественноисторическими дисциплинами, становится хранилищем и местом научной обработки полученного при раскопках антропологического материала. Наиболее показательные в историко-культурном отношении образцы краниологической коллекции представлены в его экспозиции.

Многие музеи Москвы и Санкт-Петербурга (Зоологический, Минералогический, Палеонтологический и др.) возникли в университетских стенах, затем превратились в самостоятельные центры научной и культурной жизни не только двух этих столичных городов, но и всей страны, а то и всей Европы. Учитывая существующие задатки, можно надеяться, что и музей АГУ при благоприятных общественных условиях способен развиваться до специального публичного музея древней культуры Алтая, как это уже произошло с выделением в Барнауле художественного музея.

Бийский музей

Город Бийск считают воротами Горного Алтая. Здесь создан первый в Сибири народный музей, существующий более 80 лет и ныне носящий имя известного натуралиста и детского писателя Виталия Валентиновича Бианки. С 1918 по 1922 год он жил в Бийске, являясь сотрудником уездного отдела народного образования и в одновременно заведовал в музее зоологическим отделом и в деле создания музея был сподвижником Михаила Ивановича Крот-Донорского – геолога, начинавшего музей с учебного кабинета. Ныне музей размещается в 4 зданиях. Исторический отдел и отдел природы занимают старые особняки, являющиеся архитектурными памятниками города. Поддержание их в надлежащем виде – немалая забота, к сожалению, целиком лежащая на плечах музея.

Коллеги по экспедиции в зале археологии через стекло витрины фотографировали осколок камня с руническим письмом, сетуя на то, что снимок, возможно, будет не совсем хорошим, я же не могла не обратить внимания на другое. Ведь сотрудник музея принял нас в неурочное время, после официального закрытия экспозиции (и оттого не мог открыть витрину): готовность всяческого содействия приезжающим исследователям – добрая и давняя традиция коллектива музея. Она в полной мере известна мне по собственному опыту прежних лет. Пять лет назад ищущая ночлег маршрутная группа из Хакасии была гостеприимно принята в одном из подсобных помещений музея, стоящем во дворе старинного здания с садом, нам даже создали условия для приготовления горячего ужина.

Должна заметить, что подобное отношение к странникам в целом свойственно музеям Саяно-Алтая, особенно тем из них, которые сами проводят экспедиционные исследования: в Горно-Алтайске, Кызыле, Минусинске музейщики, не взирая на время дня и ночи, вам всегда окажут любую необходимую помощь. Музеям, имеющим свои дворы, оказывать гостеприимство значительно проще прочих, но, как говорится, было бы желание. Нельзя не учитывать характер музейщиков-сибиряков: при строительстве новых зданий

надо, видимо, думать и над проектом собственных служебных гостиничек, имеющих отдельный вход или стоящих в музейном двореке.

Сотрудники Бийского музея ежегодно проводят экспедиции. Не застав директора музея в городе, мы через несколько дней встретили его в горах Кош-Агачского района на Горном Алтае. Особое развитие экспедиционной поисковой деятельности музея связано с именем Бориса Хатмиевича Кадикова – археолога школы О.Н. Бадера, всю жизнь проработавшего, как принято говорить, в стенах музея, а на деле расширивших эти «стены» до безбрежных пределов всего степного и горного Алтая. Достижения неутомимой полевой работы первооткрывателя древностей во многом обеспечили тот рост археологических исследований, который отличает Алтай от соседних регионов Азии. Именно Б.Х. Кадиковым отысканы и многие наскальные рунические надписи, которые пришлось изучать нашей эпиграфической экспедиции.

Экспозицию музея эстетически обогащают эстампажи наскальных рисунков, выполненные на микалентной бумаге. Из года в год нарастает их количество. Более того, изготовление копий петроглифов музей в наши дни стремится использовать для получения дополнительного дохода: обрамленные в рамки они выставляются в Бийске на продажу.

Уже много лет Бийский музей издает собственный «Краеведческий вестник». Этот историко-публицистический альманах имеет небольшой формат, однако заметно способствует дальнейшему росту авторитета музея в городе, а также, что мне кажется не менее важным, – осознанию значимости описательной и научной работы среди самих сотрудников музея, повышению их профессионального уровня.

Республика Алтай

Горно-Алтайский музей

Национальный музей Республики Алтай им. А.В. Анохина открыт с 29 мая 1927 года в Улале (как тогда назывался центр Ойротской автономной области – ныне г. Горно-Алтайск, столица Республики Алтай). Основой фондов стало собрание сибирских исследователей С.И. и Н.С. Гуляевых – это была большая библиотека и значительный архив. В последующие годы музей успешно проводил по аймакам экспедиции с целью исследования археологических памятников, сбора этнографического и природного материала. Музею дарили художественные коллекции, а также, археологические и этнографические предметы. Одним из основателей Ойротского музея был ученый А.В. Анохин, с 1927 г. до конца жизни этот исследователь работал научным сотрудником музея. С музеем сотрудничали известные в то время просветители – профессионалы своего дела: художники Г. Чорос-Гуркин, А. Шишова, Н. Чевалков, выпускники Ленинградского университета Н. Арбузова, А. Новиков, археолог С. Сергеев. Главная цель работы состояла в просвещении населения, большинство которого в то время составляли алтайцы. Это обстоятельство, как и расселение алтайцев в горных урочищах и высокогорных долинах, наложило существенный отпечаток на деятельность музея и его сотрудников – значительную долю коллектива составляли знатоки традиционного алтайского быта, владевшие алтайским языком, уделявшие большое внимание разъездной работе. Так возникла и окрепла в музее направленность на собирание коллекций и проведение исследований над национальной культурой алтайского народа. Поныне большинство сотрудников музея – алтайцы.

За время своего существования музей не раз менял адрес и площадь, наконец, ему передали здание в три этажа, где он сейчас и находится. Фонды музея постоянно пополняются, особую ценность представляют этнографические и археологические коллекции. В 1999 году Постановление Государственного Собрания Республики Алтай внесло музей в республиканский перечень особо значимых объектов истории и культуры.

В Горно-Алтайск наша группа прибыла поздно вечером. Летом на Алтае туристов много, в гостиницах мест нет, и мы обратились к директору музея Р.М. Еркиновой. Выход был найден, нас поселили на турбазе почти в центре города за речкой от музея. Работники организовали нам баню, позволили готовить горячую пищу. Турбаза с восходом солнца наполнялась голосами детей, приехавших в столицу на каникулы из разных районов Республики. За стеной мальчик готовился концерту, репетировал национальное горловое пение, играя на топшуре. Радостно, когда у музея есть такие друзья и возможности.

Наша экспедиция в Горно-Алтайске работала 3 дня, изучая, фотографируя, и копируя рунические надписи в Национальном музее. Совершили мы и выезд в долину Катунь (в устье Карбана) к одному из наскальных письменных памятников. Как и других приезжих исследователей, нас привлек музейный киоск, в котором, кроме сувениров, традиционно продаются книги, содержащие переиздания трудов исследователей 19-го и начала 20 в., в свое время вышедших далеко от Алтая и в первоначальных изданиях недоступных нашим современникам. На Алтае такая форма просветительской деятельности – сознательный возврат читающей публике давних достижений фундаментальной гуманитарной науки – с начала 90-х гг. составляет важную особенность общественной жизни. В этом видит основу своего труда, например, горно-алтайское издательство «Ак-Чечек». Нам удалось купить вышедшие 2005 г. переиздания трудов В.И. Вербицкого, Н.И. Ильминского, Г.И. Потанина, по значению далеко выходящие за рамки «алтайской» науки.

В дни нашего пребывания сотрудники Национального музея готовились к празднованию 250-летия присоединения Горного Алтая к России, монтировали новую выставку. Последний раз я была здесь 2001 году, за это время произошли приятные изменения в музейной жизни Алтая. В 2003 году создан музей казахов Алтая в с. Жана-Аул Кош-Агачского района, в с. Верх-Уймон Усть-Коксинского района музей-заповедник им. Н.К. и Е.И. Рерихов получил статус государственного, открыт Государственный музей-усадьба Г.И. Чороса-Гуркина в с. Анос Чемальского района. Создание в Национальном музее им. А.В. Анохина нового отдела, научно-методического, вызвано жизненной необходимостью, поскольку на Алтае в наши дни активно образуются муниципальные музеи. Руководство музея ведет продуманную работу по подготовке кадров: направляет на учебу в аспирантуру, на курсы повышения квалификации, проводит профессиональные конкурсы.

Саяно-Алтайское нагорье богато археологическими памятниками как ни одна другая территории России. Здесь люди рождаются и живут среди древностей, подобия которых нет ни в одном регионе Федерации. Горы Саяно-Алтая манят не одно поколение людей своими духовными богатствами и величавой красотой. Народ, живущий в таких условиях, имеет особый характер, самобытное восприятие окружающего мира: для него все вокруг живое и дышит прохладой ясного голубого неба. Идея включения Алтая в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО возникла в 70-х годах 20 века. В результате целенаправленной деятельности в 1998 году на XXII сессии Комитета Всемирного природного наследия ЮНЕСКО пять объектов на территории Республики Алтай были включены в единую номинацию «Алтай – золотые горы». В этом году в Горно-Алтайске открыто Алтайское представительство ЮНЕСКО – весьма редкое явление в современной культурной жизни Российской Федерации.

По горам и ущельям Алтая нам предстояло проехать не одну сотню километров, и в ходе полевой работы познакомиться с местными музеями и музейными работниками.

Народные музеи Алтая

Музей народной культуры и быта (с. Мендур-Соккон)

Вплоть до 90-х годов 20-века наиболее многочисленными в СССР были так называемые общественные музеи, они создавались отдельными энтузиастами, содержались отделами народного образования, промышленными, транспортными и сельскохозяйственными предприятиями, в ведомстве которых находились. Политический и экономический кризис 90-х годов сократил количество общественных музеев, поскольку вызвал упадок многих предприятий, более прочих сохранились сельские районные музеи, но значительно сократилось их финансирование. С принятием закона «О музейном фонде РФ и музеях в РФ» (1996 г.) общественные музеи сменили свой статус на муниципальный. Не все районные руководители понимают значимость муниципальных музеев и их сотрудников в сохранении культурного наследия, сдерживая их развитие недостаточным финансированием. Притом, что в сельских музеях обычно собраны интересные этнографические и археологические коллекции, они страдают низким уровнем оформления экспозиций, целиком, обусловленным личными способностями сотрудников. А это по-прежнему их создатели – энтузиасты, часто преклонного возраста, которым помогают их родные дети, преподаватели школ и школьники.

Один из таких музеев находится в Усть-Канском районе, в алтайском селе Мендур-Соккон. Почти в каждом дворе здесь рядом с домом стоит деревянная юрта-аил с высокой острой крышей – новым оформлением когда-то традиционного жилища, в наши дни ставшего летним. Музей находится в бывшей школе постройки 1927 года. Срубные стены, высокое крыльцо, большие проемы окон с рамами в мелких ячейках, в верхнем ряду которых сохранились старые стекла начала 20 века – у них особое, радужное преломление света. Во дворе стоит юрта начала 20 века, крыша ее более пологая.

Создатель и директор музея – энтузиаст, бывший учитель географии, а ныне пенсионер – Николай Андреевич Шодоев по-доброму встречает нас, споро переодеваясь ради этого в сине-голубой национальный костюм, по покрою приближенный к современному торжественному одеянию. Знакомство со своим детищем он начинает с коновязи («чакы», правильное произношение, по его словам – чаих), находящейся перед оградой. На столбе, увенчанном протомой коня, вырезаны знаки, о символике каждого из которых следует подробный рассказ, на деле вводящий в обширный и сложный духовный мир народа. Посетители музея – в основном туристы и, по наблюдениям Н.А. Шодоева, 80% экскурсантов интересуется именно духовный мир алтайцев, они часто просят его познакомиться их с загадками шаманизма и научить особым шаманским знаниям.

Дальнейшим течением экскурсии предусмотрено знакомство с алтайской юртой, бывшей не только жилищем, но и, по мнению принимающего нас хозяина, заменяющей людям храм. Но, учитывая, что перед ним ученые, занимающиеся древностями, да к тому же природные казахи и хакасы, Н.А. Шодоев решает, что нам не только знакомы, но и родственны такие представления и проводит нас прямо в основной дом музея, разделенный на четыре зала.

Народный музей в родной деревне был создан Н.А. Шодоевым в 1993 г., все это время большую помощь в работе оказывает ему сын-учитель. Ныне положение музея изменилось к лучшему – на доске при входе в дом начертано: «Филиал Национального музея Республики Алтай им. А.В. Анохина», в этом предмет заслуженной гордости Николая Андреевича. Местная власть предлагает директору перевести музей в райцентр, подыскивается подходящее здание в центре Усть-Кана. Наше внимание привлекает алтайское слово «јеезе», начертанное над дверью рядом с русским словом «музей». До сих пор слово јеезе (дъеезе) употреблялось в народе в значении «ненужные предметы, утиль, вышедшее из употребления». Н.А. Шодоев, делая акцент на последнем значении слова, считает, что оно наиболее точно передает природу музейных собраний (вероятно, прежде всего, ограничиваясь этнографическими коллекциями старого быта) и потому способно заменить в алтайском языке заимствованный термин. Как видим, распространение музейного дела на самостоятельные учреждения оживляет его новыми поисками, в том числе вводя новую национальную лексику бытового содержания.

Узкая задача нашего посещения музея состояла в изучении хранимого здесь осколка камня с руническими знаками, а также в расспросах знающего человека, не поступало ли от жителей сообщений об обнаружении новых памятников письменности, поскольку одна из ближайших гор знаменита в тюркологии своими начертаниями (ныне, к сожалению, уничтоженными дорожниками). Хотя новых сведений нужного нам характера не оказалось, но огорчения мы не испытываем – общение с Н.А. Шодоевым и знакомство с его музеем доставляет радость. Ведь такие музеи объединяют любителей старины, краеведов, берегущих духовный мир предков и возрождающих традиции своего народа.

Школьный музей в д. Инегень

На нашем пути был и другой народный музей, в школе деревне Инегень. По всяческому мосту через бурную Катунь проехал наш УАЗик, а затем по левому берегу пробираясь по полке вдоль отвесной скалы – этот сложный участок дороги преодолевался, честно говоря, с молитвой в мыслях, обратно не хотелось по ней ехать. Деревня алтайская, расположилась на берегу Ини: крепкие листовичные большие дома, некоторые с балконами, аилами, огороды сады, говорят, здесь растет все из сибирских плодовых деревьев. От небольших притоков с гор к каждому двору, петляя, бегут арыки. В поселке мы нашли краеведа Николая Михайловича Казатова, у него жена учительница, и он много делает

для школьного музея. Музей – это инициатива учителей, коллектива, состоящего из одних женщин, а им помогают безработные мужья.

Вряд ли мы найдем в других странах пример создания музея в таких условиях. Нет сомнения, что создаваемое в Инегени новое учреждение культуры свидетельствует о тяге самого народа к постижению глубин национальной истории и культуры. Интеллектуальный и духовный уровень наших людей уже не зависит от административных решений и противостоит повседневным бытовым тяготам.

В школе и хранится камень с руническим письмом, побывавший на выставке в Горно-Алтайске. Ради такого камня можно было преодолеть и не такие трудные дороги, но больше всего обогатило нас знакомство с Николаем. Мы нашли приют в его просторном доме. Накануне здесь ночевал Е.П. Маточкин, несмотря на почтенный возраст, ушедший пешком в горы, фиксировать памятники, Николай, не желая отпустить его одного, уговорил деревенского парня пойти вместе с исследователем. Рассказы краеведа о памятниках заинтересовали наших археологов – Николай на своем УАЗике повез В.А. Кочева и И.Л. Кызласова за перевал, показывать древнее поселение. Мы же по старой дороге двинулись к Катуню. Встретимся на том берегу.

Музей национальной культуры теленгитов (с. Кокоря)

Историко-этнографический музей теленгитов создан с. Кокоря (алт. Кёк öрге / öргö – небесно-голубой храм) Кош-Агачского района – самого высокогорного в южном Алтае. Со слов основателя и долгие годы руководителя музея, учителя алтайского языка и литературы, а ныне пенсионера Карая Адаровича Бидинова, в настоящее время теленгитов и алтайцев в районе насчитывается 8.000 человек (39,6 %) в то время как казахов – 9.000 (54,4%), поэтому основная задача его музея – сохранение и изучение национальной культуры, распространение знаний о ней. Музею уже 40 лет, он один из старейших в Республике, но статус его упрочился лишь недавно – в 2003 г. он из школьного музея переведен в разряд муниципальных, а с 2006 г. музей числится при центре Национальной культуры теленгитов. Районные власти финансируют музей мало, но регулярно, зарплата по районным меркам достаточная. К.А. Бидинов продолжает водить экскурсии, но руководство музеем передал в руки дочери Алёны, также учительницы. При работе с посетителями здесь обязательно знание русского, алтайского и казахского языков, основные посетители музея – школьники, редкие туристы, летом – проводящие экспедиционные исследования ученые. Постоянное и действенное содействие музею оказывает новосибирский археолог доктор исторических наук В.Д. Кубарев, всю жизнь работающий в Кош-Агачском районе и передающий в музей не только некоторые коллекции древностей, но и издаваемые им монографии.

Официально все услуги в музее платные, но мы вновь встречаем самый радушный и бескорыстный прием и содействие выполнению научных задач – изучаем, копируем и фотографируем плиты с рунической письменностью. Отплатить за гостеприимство мы надеемся в скором будущем, предоставив музею результаты исследования его экспонатов. Отмечая особенности этого музея, необходимо сказать, что поставленная его создателем цель значительно шире, чем у иных местных музеев. Возлагая на себя национально-культурную задачу, музей не позволяет себе ограничиваться обычными в других случаях лишь локальными краеведческими заботами (поскольку теленгиты издавна населяют и Усть-Коксинский район Алтая). Всему этому способствуют обширные знания К.А. Бидинова, в частности его глубокий интерес к древностям Алтая.

Прекрасный знаток родных мест К.А. Бидинов детальными рассказами способствовал разработке нашего дальнейшего маршрута, направленного в соседний высокогорный Монгун-Тайгинский район Тувы.

Природные парки и музеи

В Республике Алтай с начала 2000-х гг. было создано несколько природных парков (мне известно о шести), различных по своему статусу и методам деятельности. Различия эти хорошо заметны на примере двух парков, которые удалось посетить в Онгудайском районе на реках Каракол и Чуя. Имея личный опыт по созданию историко-культурного природного музея-заповедника «Казановка» в Республике Хакасия (1996 г.), могу сказать, что главной причиной несовершенства современной деятельности природных парков Ал-

тая является неглубокое осознание руководителями долговременных задач этих новых учреждений культуры, заметная их увлеченность сиюминутной хозяйственной деятельностью. Музейщикам предстоит серьезная работа по формированию в сотрудниках парковых учреждений наших базовых профессиональных позиций, столь необходимых во всякой сохранной деятельности.

Парк «Үч-Эньмек»

Государственный Каракольский этноприродный парк «Үч-Эньмек» создан в 2001 г. Давшая парку имя гора высится в верховьях реки и, по словам местных жителей, издревле является общеалтайской святыней, почитаемой даже в большей степени, чем знаменитая гора Белуха. Именно особо трепетным отношением и, следовательно, бережением объясняют алтайцы малую известность Үч-Эньмек среди некоренного населения и гостей Республики.

Общая площадь парка составляет 60.550 га и протянулась в долине реки более чем на 20 км. Однако различные его участки имеют неодинаковый статус. Одни заповедны и охраняются (эти участки обособленными небольшими пятнами расположены в разных частях долины), остальные (немногим более 5.000 га) – так называемая реакриационная зона. Можно думать, что статус этноприродного придают парку сохранившиеся в долине богатые традиции алтайского домостроительства (здесь можно видеть как корьевые шалаши-чадыр, так и разные типы срубных и столбовых аилов), а также сохранившие особенности национального землепользования.

В раздел заповедных (отмеченных установкой щитов с вычерченными планами каждой территории) включены, прежде всего, древние могильники, которыми так богаты здешние места. Однако, как довелось видеть, в них проложены автомобильные туристические маршруты и в некоторых случаях в непосредственной близости оборудованы жилые площадки со стационарными постройками, проводится рубка деревьев на дрова для бивуаков (как в урочище Соору). Вероятно, отмеченное противоречие связано с активной туристической деятельностью парка, особое внимание в которой уделяется привлечению групп иностранцев.

Парк «Чуй-Оозы»

Природно-хозяйственный парк «Чуй-Оозы» («Устье Чуи») расположен в ущелье на правом берегу реки и занимает 810 га. Придорожное размещение природного парка, спланированного вдоль главной автомобильной трасы Алтая – Чуйского тракта, является его особенностью и влияет на характер деятельности. С одной стороны, само создание парка вызвано острой необходимостью сохранения многочисленных древних памятников, особое значение среди которых имеет известная гора Ялбак-Таш с надписями и петроглифами. С другой стороны, на плечи коллектива парка легла необходимость культурного и бытового обслуживания многочисленных туристов, проезжающих по шоссе. Эта двуединая направленность деятельности привела не только к оправданной ликвидации стояночной площадки у реки близ горы Ялбак-Таш (съезды к воде отныне перекрыты) и к установке бревенчатого домика для кассира и экскурсовода у подножия этой горы, но и к сооружению кафе у другого скопления петроглифов ниже по реке.

Работники парка уделяют особое внимание наскальным рисункам и испещренному ими алтарю на вершине горы Ялбак-Таш. Оно и понятно: глубокого осознания современниками требует тот факт, что наскальные рисунки, оставленные на священных местах нашими предками, это молитвы в образах – дань поклонения миру, в котором они жили. Значительно меньше внимания находим мы здесь, к сожалению, к древним руническим надписям – молитвам письменным, важнейшим свидетельствам высоты духовной жизни раннего средневековья. А ведь на скале Ялбак-Таш обнаружено 29 надписей, нанесенных в 31-й строке – крупнейшее скопление рунических текстов, известное на территории России. Сотрудники музея не расспросили об этих камнеписных строках даже ради них приехавших за тысячи километров прямых специалистов по руническому письму, составлявших нашу группу.

Прямую опасность для петроглифов, создало основанное в парке кафе. Строители за одно обнесли и тесной каменной оградой горизонтальный выход породы с изображениями. То ли сами строители, то ли посетители объекта «освежили» некоторые изображения новой вы-

бивкой, на деле уничтожив подлинники древних рисунков. Археологам Горно-Алтайска пришлось в 2003 г. срочно выезжать на Чую, чтобы документировать то, что осталось.

Создание заповедных территорий не оправдывает наши надежды, поскольку памятники оскверняются именно благодаря появившимся указателям. Туризм развивается активно, но знаний, необходимого уровня подготовленности для восприятия древней культуры не достаёт не только приезжающим со стороны людям, но пока и сотрудникам берегающих это наследие учреждений. Дело явно осложняется развитием связанного с древностями бизнеса, нередко заинтересованного лишь в быстром получении прибыли.

В органах охраны архитектурных комплексов обязательно состоят специалисты-архитекторы. И по законодательству, и по здравому смыслу без их разрешения невозможно привнесение в охраняемый памятник каких-либо новшеств, даже требуемых быстро изменяющимся современным миром. В заповедниках и природных парках Саяно-Алтая каждое начинание должно неукоснительно быть предварительно оценено экспертами-археологами.

Туристский комплекс на р. Чарыш

Совершенно другой подход, разумный и коммерчески выгодный, довелось встретить на реке Чарыш, неподалеку от Усть-Кана. В живописном и примечательном месте – у горы Албыс-Туу с палеолитической пещерной стоянкой местный предприниматель построил «Аил» – мотель для туристов в виде группы традиционных алтайских жилищ. Тесно контактируя с новосибирскими археологами, несколько лет работающими в пещере, владелец мотеля проникся важностью древнего объекта и поставил свой «Аил» на другом берегу реки, соорудив лишь узкий пешеходный мост. При этом он немало выгадал от близости проходящего здесь же шоссе и прекрасной точки обзора самой горы с пещерой. Археологами же к пещере, расположенной высоко над землей, возведена для удобства посетителей надежная многомаршевая лестница. Само продолжение археологических исследований привлекает сюда туристов.

Республика Алтай в июле этого года праздновала 250 лет вхождения в состав Российской империи. Событию был посвящен национальный праздник Эл-Ойын, проводившийся у с. Ело на р. Урсул. В разных местах Горного Алтая его устраивают уже десятилетие, гости приезжают отовсюду, в этом году их было особенно много. Просторное межгорное урочище три дня и две ночи слушало народные песни, горловое пение-кай, ободряющие и радостные крики болельщиков борьбы и конных состязаний. Поляны пестрели разноцветными палатками, юртами из войлока, дерева и брезента. Меня интересовал конкурс по оформлению внутреннего убранства деревянных аилов. Шестиугольные жилища, с традиционным разделением на мужскую, женскую половину и центральную почетную для гостя часть, убраны войлоком, прекрасно выделанными овечьими шкурами, музыкальными инструментами, в центре каждой – казан на огне. Народные обычаи сохраняют как алтайцы, так и казахи. На столе у всех сушеное мясо, хурт, лепешки, сметана, кумыс, айран. Желаящие могут купить и вкусить экологически чистый натуральный продукт. Членам жюри, думаю, было нелегко выбрать победителя.

Республика Тыва

Позади перевал Бугузун, высотой 2600 м, земли Республики Тыва начинаются для нас отрогами Монгун Тайги (3970 м). Пройдя далее вдоль южных склонов хребта Танну-Ола, пересекли его и на перевале Хондургей остановились для того, чтобы осмотреть и сфотографировать священное место ламаистов, находящееся в лесу в 25-30 м от дороги. Здесь сооружена пагода, высотой около 5 метров. В ее верхней нише под стеклом стоит фигурка Будды. Кругом тихо, таинственно, ветер волной пробегает среди ленточек, развешанных на ветках деревьев, прямоугольных флажков с молитвами и затем с нежным звоном затихает у пагоды. Горка-оба у дороги сложена из камней, принесенных почитателями впечатляет высотой и объемом. На ее камнях – хлеб, деньги, деревянная ложечка для ритуальных кроплений (совсем музейную вещь) и другие культовые предметы. В Тыве на каждом перевале встречаются такие святыни, но они меньше. Я кладу к каждому оба на нашем пути камешек, принесенный со стороны, кроплю молоком в знак уважения к народным тра-

дициям и почитания местных духов, хозяев гор. Духовно-ландшафтный заповедный мир, сберегаемый почитателями, завораживает.

Кызыльский музей

Через два дня мы в Кызыле. Тувинский Национальный музей им. Алдан-Маадыр (60-ти богатырей) все в том же знакомом деревянном здании, с милым двориком меж двумя домами (в большом – экспозиция, в маленьком – рабочие места сотрудников и фондохранилище, кругом теснота). Только что для музея построили новое здание, но переезд в него произойдет нескоро, есть трудности с отоплением. Современный статус государственного учреждения музей получил в 1942 году, но коллекции формировались гораздо раньше, с «кружка урянховедения», созданного в 1925 г. У музея есть своя научная библиотека.

Сотрудниками музея мы были приняты очень доброжелательно, все условия для работы были созданы с первых минут пребывания. Музей принял участие и в необходимом для нас выезде в бассейн р. Чаа-Холь. Чрезвычайно любезно принял нас и однокурсник нашего руководителя Карджеубая, государственный деятель Тывы господин К. Бичелдей, супруга которого трудится в Национальном музее.

Яркой особенностью Тувинского Национального музея является наиболее крупная среди российских музеев коллекция стел с руническими надписями. Число письменных памятников, оставленных славными предками превышает 40 экземпляров. Сложение этого внушительного собрания произошло благодаря активному археологическому изучению Тувинской котловины, начатому советскими археологами после вхождения страны в состав СССР, точнее говоря, по завершении Великой Отечественной войны. Инициатива и деятельное участие в отыскании, изучении и перевозке стел в музей принадлежит археологам (более всего – Л.Р. Кызласову и А.Д. Грачу), начиная с 1960-х гг. участие в общем деле приняли тувинские и приезжие филологи (З.Б. Арагачи (Чадамба), А.Ч. Кунаа, И.А. Батманов и А.М. Щербак), а позднее – и историки (С.Г. Кляшторный и Д.Д. Васильев). СобираТЕЛЬСкая работа продолжается и поныне.

Каменные изваяния и стелы, ради которых мы преодолели тысячи километров, стоят во дворе вдоль стены музея. Коллеги из Казахстана удивлены и обрадованы столь величественным скоплением письменных памятников, о существовании которых они слышали не раз. В прошлом году со стелами кызыльского музея уже работал эпиграфист из Алматы. Здесь мы будем работать несколько дней. Музейные паспорта на стелы составлены недавно, ранее информация сохранялась только в памяти старейших сотрудников, при их смене сведения о коллекции утрачивались. Камни и сегодня не все имеют инвентарные номера, нам приходилось определять их по иллюстрациям и описанию в книгах по рунологии. Ныне музей прикладывает все усилия для создания электронных каталогов.

Опыт Тувинского музея позволяет заключить, что выставка каменных памятников на улице допустима, но, располагая ее, надо учитывать ряд существенных обстоятельств. Во-первых, стелы и изваяния нельзя закапывать прямо в почву, набирая и удерживая воду, она разрушает песчаник и сланец, лучше заполнять ямы для стел щебнем или галечником, в которых влага не задерживается. Во-вторых, не следует размещать камни рядом со стенами зданий – вновь происходит накопление влаги, особенно под скатами крыш. В-третьих, не допустимо устанавливать их близ деревянных построек, включая заборы. В этом случае происходит не только накопление влаги, но и распространение на поверхность изваяний и стел грибков и лишайников (серый гранит некоторых памятников уже в музее стал из-за этого темным, а для разбора букв перед копированием некоторые камни пришлось отмывать от лишайника). Потому-то, в Тувинском музее давно разработан проект размещения каменных скульптур и стел в специально оборудованном помещении. Новое здание музея даст, наконец, возможность осуществить задуманное.

Несмотря на сложные условия, благодаря профессионализму и, если угодно, мужеству коллектива выставочная деятельность музея активна и разнообразна. Не имея просторных помещений, музей проводит в одном из залов частые временные выставки, устраивая ярусные экспозиции ради использования всей высоты стен, даже над дверными проходами. Мы могли посмотреть этнографическую выставку, посвященную духовной культуре тувинцев, на которой экспонировалась прекрасная коллекция музыкальных инструментов и культовых предметов, а также такая редкость как подлинный шаманский костюм Олега

Павловича Тойдука, переданный в музей его женой. Шаманизм – исконная религия тюрков Саяно-Алтайского нагорья, уходящая корнями в глубь веков, сохранился и возрождается в Туве заново в разных уголках республики. Вслед за этим мы были приглашены на открытие новой выставки – сугубо тувинского искусства: миниатюрных сюжетных скульптурок, вырезанных из агальматолита, изумительной коллекции из фондов музея.

Должна заметить, что Тувинский национальный музей находит возможности и для проведения периодических конференций в области сибиреведения и востоковедения, нередко имеющих фактически общероссийское значение. Материалы таких научных собраний издаются. Постоянны и прочны профессиональные связи музея с музеями Красноярского края и Республики Хакасия.

Из прежних традиций расширения музейного дела мне известно о существовании муниципальных музеев в районных центрах Шагонаре и Туране. Республика Тыва стремится развивать и новые для нее формы музейной работы – в 2005 году был создан музей под открытым небом в Уюкской долине, где сосредоточены монументальные курганы раннего железного века (такие как Аржан и Аржан-2).

Красноярский край **Минусинский музей**

Коллекцией Минусинского музея восторгались уже в 19 веке на выставках, проходивших не только в России (Екатеринбург, 1887 г., Нижний Новгород, 1896 г.), но и в Европе (Париж, 1900 г.). В разное время с музеем сотрудничали Г.Н. Потанин, П.П. Семенов Тян-Шанский, Н.Ф. Катанов, В.А. Обручев и другие ученые. Минусинский региональный краеведческий музей им. Николая Михайловича Мартыанова основан в 1877 г., носит имя своего создателя и первого директора. В 1878 г. при музее была открыта общественная библиотека с фондом рукописей и документов. Музейный комплекс состоит из нескольких зданий, центральное и основное было построено специально для музея в 1890 г. благодаря взносам жителей г. Минусинска. Сегодня музей является одним из крупнейших в Сибири научно-просветительских центров, сотрудничает со многими научными учреждениями. Работники издают ежемесячную музейную газету, принимают участие в издании научных книг, проводят конференции. Музей оказывает принципиальное влияние на профессиональную музейную и общественную жизнь не только города Минусинска, но и его соседей.

В хранилищах музея заключено уникальное собрание по археологии, этнографии народов Южной Сибири, материалы по геологии, зоологии и ботанике региона. Нас же, как и везде, прежде всего, интересовало солидное собрание памятников с руническими надписями, насчитывавшее более двух десятков стел и десятки предметов. Экспедиция работала в музее несколько дней.

Экспозиция с каменными стелами размещена в специально выстроенном закрытом павильоне с двумя стеклянными стенами. Соблюдается благоприятный для древних камней режим. Размещение экспонатов таково, что позволяет исследователю осмотреть памятник со всех сторон. Продумана основная и дополнительная подсветка.

Возникнув очень рано и располагаясь на одной из главных южносибирских дорог, связывающих Россию с Центральной Азией, Минусинский музей изначально был направлен на изучение не одних лишь близлежащих земель, а всего того мира, который открывался перед учеными-путешественниками. Его собрания характеризуют и южные районы Красноярского края, и Хакасию, и Туву. Это создает для многочисленных посетителей и приезжающих исследователей особо благоприятные возможности для сравнительного постижения в одном месте разных областей Южной Сибири. Совершенно такие же редкие условия открываются и при посещении библиотеки музея. Следует отметить, что книжное собрание здесь старейшее в крае, а по широте представленной литературы имеет немного аналогий: с момента основания музей вел переписку и книгообмен с рядом заинтересованных в сибирских исследованиях научных центров Европы и Америки. Традиция сохраняется и в наши дни, хотя научная литература в значительной степени поступает теперь благодаря авторским дарениям. Однако таких приношений по-прежнему много, т.к. музей сберегает и вторую свою изначальную особенность – как и в 19 веке он

продолжает служить доброжелательным пристанищем для приезжающих исследователей и экспедиций. К интересам ученого посетителя здесь всегда внимательны, ему доступны не только экспозиции, но и фондохранилища, и библиотека. Внутри музейного двора выстроен деревянный домик, где в наши беспокойные дни приезжий на время работы в музее может получить даже спокойный ночлег.

Республика Хакасия Абаканский музей

На территории Хакасско-Минусинской котловины земли по левому берегу Енисея занимает Республика Хакасия, страна, окруженная хребтами Саян и Кузнецкого Алатау. Хакасия, как Алтай и Тува, богата археологическими памятниками. Наскальных же рисунков здесь настолько много, что археологи и художники называют ее картинной галереей под открытым небом.

В столичном городе Абакане в 1931 году был образован будущий Хакасский республиканский краеведческий музей. Наиболее примечательны в нем археологические экспозиции и, конечно, демонстрация этнографической культуры хакасского народа. Целый зал оформлен как хакасская юрта, образованная своеобразным сочетанием витрин, где размещена национальная одежда и открытые композиции традиционного интерьера. Несколько смущает оказавшаяся здесь же витрина с шаманом, но она удачно вписана экспозиционером и художником в мужскую половину жилища. В зале древнего искусства размещена экспозиция микалентных копий наскальных рисунков, каменные стелы – древнейшие скульптуры, которые археологи относят к тазминской или окуневской культурам эпохи неолита и раннего бронзового века. Эта коллекция отличает Хакасский музей от прочих, т.к. она самая большая. Свезенные в музей еще в конце 1950-х годов древнейшие изваяния были тем самым спасены от уничтожения в ходе освоения целинных степей.

Нас вновь интересовали каменные плиты с руническим письмом. Этих памятников здесь немного. Однако возможности их исследования не до конца продуманы экспозиционерами, озабоченными прежде всего художественным оформлением. Не всегда учитывается и уже имеющийся у самого музея опыт в этой важной области. В свое время, чтобы показать тюркологам руническую надпись на обеих сторонах стелы с р. Уйбат, пришлось с помощью технических средств поворачивать внутри зала камень высотой около 2-х метров и весом свыше 300 кг. Ныне он стоит доступный для обзора, но новое пополнение рунических памятников расположено в экспозиции так, что изучить все начертания на стелах затруднительно.

Главной же бедой музея является его размещение на первом этаже жилого многоэтажного дома, что заставляет музейщиков приспособлять к экспозиции и фондохранилищам не предназначенные для этого помещения. Кроме того, приходится переносить все сложности поддержания должного состояния санитарно-технических коммуникаций и тяжесть повседневных взаимоотношений с жильцами.

Заключение

Не считаю нужным делать какие-либо обобщающие выводы, т.к. подбор музеев был обусловлен не музееведческими целями, а маршрутом и задачами эпиграфической экспедиции. Те же причины не позволяли изучить во всей полноте деятельности ни один из увиденных музеев. В каждом из них свои особенности, свойственные только данному учреждению. Однако мои попутные наблюдения, собранные воедино, именно благодаря многообразию картины, позволяют увидеть различия подходов к решению одних и тех же или сходных задач, объединить опыт достижений и неудач конкретной деятельности, заметить наши общие производственные сложности.

Есть и еще одна особенность, общая для всех музеев, встреченных на нашем маршруте.

Музеи Сибири, независимо от их местонахождения, сегодня стали доступны посетителям из зарубежных государств. Здесь встает вопрос, что и как показывать и рассказывать иностранцам. На какую питательную или бесплодную почву попадает ваша информация зарубежным гостям? Как они ее воспринимают и понимают? Во взаимодействии с

зарубежными экскурсантами, нам предстоит по-новому осмыслить всю нашу краеведческую работу, увидеть ее с позиции мировой культуры и глобальной истории. Вот на этом уровне осмысления любая частная тема, над которой мы работаем, как и экспозиционные разделы или временные выставки, наполняется новым смыслом, становится серьезным научным исследованием, в результате которого «вещь в себе» становится «вещью для нас» и «вещью для всех». Сибиряки уже думают об этом (Свинин В.В., 2002, с.31). В первую очередь мы работаем на себя, на свой регион, на своего посетителя, на изучение собственной истории и развитие собственной культуры, но наши люди должны видеть все это на фоне общечеловеческих процессов.

Музеи стремятся устанавливать партнерские связи и быть готовыми к выставочному обмену, как на родине, так и за рубежом. В этом деле наиболее популярны коллекции этнографические и археологические. Забота об их сохранности и тщательный учет (предполагающий составление научной паспортизации) – основа музейного дела. Система документирования материальной культуры уже хорошо разработана, но в опасности и духовное, нематериальное наследие. Об этом уже задумались музеологи мира. Находясь в условиях многообразного по национальности населения, музеи становятся центрами сохранения этнических традиций и межнационального общения. Если музеи не сумеют отозваться на социальные перемены и отразить их, они, безусловно, перестанут оправдывать поддержку, которую оказывает им общество (см.: Хадсон К., 2001, с. 9).

Музеи активно входят в мир бизнеса, и пока делают это неумело, неграмотно, но любые услуги стали платными. Поэтому актуально включение в деятельность научно-методических отделов (как системы консультирования) не только музееведческого, но и экономического, информационного менеджмент-консалтинга. Музейный менеджмент – это сложная система управления, требующая специального внимания, ведь культура и национальное достояние – не товар, следовательно, музеи не могут быть заложниками законов рынка (Романова Н.М., 2002, с.78). Всеобщая коммерциализация, при которой критерием качества работы музея становится прибыльность его хозяйственной деятельности, наносит непоправимый ущерб музею как социальному институту, признанному разрешать современных идеологические задачи. Второстепенное становится главным.

Наша поездка показала, что сегодня целесообразно было бы организовывать межмузейные консультативно-методические центры отдельных культурно близких регионов, таких как Саяно-Алтайское нагорье. Быть может, это позволило бы согласованно и эффективно решать проблемы сохранения культурного наследия и самобытности народов, воспитания толерантности, а также помогало организовывать совместные издания и экспедиции.

Литература

1. Алтай в трудах ученых и путешественников XVIII – начала XX веков. – Барнаул, 2005 – 446 с.
2. Арсланова Ф.Х. Памятники Павлодарского Прииртышья (VII-XII вв.) // Новое в археологии Казахстана. – Алма-Ата, 1968. – С. 98-111.
3. Арсланова Ф.Х. Погребение золотоордынского времени в Павлодарской области // По следам древних культур Казахстана. – Алма-Ата, 1972. – С. 54-59.
4. Арсланова Ф.Х. К вопросу о связях племен Павлодарского Прииртышья с населением Западной Сибири (VII-XI вв.) // Этнокультурные процессы в Западной Сибири. – Томск, 1983.
5. Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III-XIV вв. Часть I. Оборонительное вооружение (доспехи). – Барнаул, 2003. – 173 с.
6. Горбунов В.В. Методика реконструкции древнего вооружения // Снаряжение кочевников Евразии. – Барнаул, 2005. – С. 14-17.
7. Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины. – М., 1960. – 197 с.
8. Романова Н.М. Консалтинг этнографического музееведения: проблемы и тенденции // Основные концептуальные подходы к определению социокультурной роли музеев в общественной жизни региона. – Иркутск, 2002. – С.75-84.

9. Свинин В.В. Поиски современных концепций социокультурной роли музея в обществе // Основные концептуальные подходы к определению социокультурной роли музеев в общественной жизни региона. – Иркутск, 2002. – С. 23-33.
10. Тишкин А.А. Возможности реконструкции женской одежды хуннского времени по археологическим материалам из Горного Алтая // Снаряжение кочевников Евразии. – Барнаул, 2005. – С. 195-201.
11. Хадсон К. Влиятельные музеи. – Новосибирск, 2001. – 196 с.

Садалова Т.М.
(г. Горно-Алтайск)

ОБЩИЕ ИСТОКИ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ ДРЕВНИХ ТЮРКОВ И АЛТАЙЦЕВ

В традиционной культуре современных алтайцев в полной мере сохранены общие мотивы обрядовой системы древних тюрков. В знаменитых образцах древне-тюркской эпиграфической поэзии в честь Кюль-тегина и Тоньюкука обожествление неба, солнца, луны, Мать-Умай, земли и воды проявляются как обязательный лейтмотив, не требующий широкой расшифровки. Видимо, религиозно-мировоззренческая система тюрков в тот период была уже достаточно хорошо выстроена, поэтому все персонажи из божественного пантеона упоминались только в качестве контекста. В центре же всех героических событий фигурировали военно-политические лидеры тюрков, ясно осознающие свое божественное предназначение. При помощи же современной духовно-обрядовой культуры алтайцев можно реконструировать первичный пласт религиозных представлений, который был у наших предков. Конечно же, в первую очередь, это касается верховного божества древних – Тенгри (Тенери). Внутреннее содержание культа Тенери сегодня почти не изменилось, хотя длительный период влияния разных историко-религиозных культур наложил свой отпечаток. Имя божества Тенери, Тенери-Каана часто упоминается наряду с именами других божеств в молитвенных призываниях алтайцев. В фольклорных произведениях он встречается как мифологизированный персонаж. В мировоззренческих представлениях мир алтайцев состоит из трех слоев – верхний; средний и нижний. Верхнему миру принадлежит небесная сфера, среднему – земля; нижнему – подземное владение тьмы. Верхний небесный мир может быть девятислойным (девятидесятидевятислойным), верхним божеством которого выступает Кёк-Тенери (Синее Небо) или синонимичные ему божества: Ёлген, Курбустан – Курбустан Тенери.

Божество Тенери активно фигурирует и в качестве родового покровителя у нескольких алтайских родов. Например, меркиты в своем родовом благопожелании упоминают имя Хан-Тенери или Раскаленное Тенери как главное родовое божество:

С красным облаком-горбом,
С красно-гнедым конем,
Мой отец – Раскаленное Хан Тенери...
Или же:
... С красной радугой-костылем,
Мой отец – Раскаленное Тенери...(3;69).

Чоросы, как и туматы, к Тенери обращаются со словами: «Отец мой, божество Тенери», «Отец туматов – Тенери».

Иногда Тенери может совмещать в себе мужское и женское начала: «Моя Мать Меткая Тенери, мой Отец божество Тенери», что свидетельствует об архаичных корнях этого божества.

В современном обряде – «Восхваление Алтая», проводимом в начале лета и осенью, в молитвенных благопожеланиях наравне с божеством – покровителем Алтая – Алтай-Кудай часто обращаются и к Тенери как «лунно-солнечному» божеству. В этом обряде в перечне нескольких божеств имя божества Тенери перечисляется среди первых:

Посвященный Тенери,
 Посвященный Курбустаном,
 Защищенный Радугой,
 Освященный Белым-Бырханом (1).

При первом громе алтайцы говорят: «Небо открылось» или «Небо заговорило!», и совершают такой обряд: из жилища вытаскивают старые вещи, коврики и вытряхивают с них пыль, затем в ковшике разжигают можжевельник и начинают окуривать снаружи свое жилище. Считают, что покровительницей огня является небесная молния, поэтому Духа Молнии нужно встречать очищающим обрядом. Так как огонь связан с небом, в широко распространенном обряде почитания домашнего очага – огня, это обязательно подчеркивают:

С пуповиной в Небе,
 Защищенная железным обручем очага,
 Опирающаяся на постель из золы,...
 ... Мать-Огонь! (6;128).

Лунно-солнечное Небо наравне с лунно-солнечным Алтаем восхваляется и в обрядовых песнях. Рядом с Кёк-Тенери располагаются Күн-Кудай (божество – Солнце), Ай-Кудай (божество – Месяц) и другие божества с более низким статусом. Утром и вечером старые люди произносят молитву, перечисляя божества Солнце, Месяц, Курбустан (1).

В некоторых молитвах-благопожеланиях место рядом с божеством Тенери может разделять его супруга – мать Умай – покровительница плодородия, женщин и детей. Над колыбелью новорожденных в качестве оберега привязывают стрелу – символ божества Умай. Золотоголовой Умай, держащей золотую стрелу и раскачивающей деревянную колыбель обращаются с просьбой защитить детей от сглаза и болезней (1).

Средний мир людей живет под охраной верхнего мира небожителей божеств, но тем не менее и он сам располагает большим количеством «земных» покровителей – духов гор, рек, озер, родников, среди них наиболее почитаемы духи священных гор (ыйык туу ээзи), уже известные персонажи в древне-тюркской литературе. Следует сказать, что в более поздние эпохи сформировалось представление о божестве или духе Алтае – белом старце, который вобрал в себя черты хозяев «ыйык туу» и небесного божества Тенери. Как и древние турки, алтайцы при освящении духа Алтая ыйык туу окропляют священную гору белым молоком и выбирают белую овцу в форме дара-подношения.

Также особо почитаются духи целебных источников – аржан суу, которые помогают людям при различных затруднениях в жизни и болезнях. Алтайцы каждый год весной и летом посещают целебные источники и возле них проводят обряд, посвященный духу воды. «Земные» покровители людей в обрядовой практике и фольклорных произведениях могут быть персонифицированы или представлять абстрактный образ. Духов рек и целебных источников алтайцы видят обычно в женских ипостасях.

Олицетворением нижнего мира выступает Эрлик-каан, также уже зафиксированный в древнетюркскую эпоху (Эрлиг). Образ владыки подземного мира более полнее выражен в эпических произведениях и шаманских текстах. Противостояние мира божества Тенгри и подземного мира Эрлика отражается на благосостоянии среднего мира. Вся модель трехмерного мира выстроена в образе священного Тополя (бай Терек), который популярен в фольклорных текстах всех тюркских народов. Описание священного тополя, связующего три мира, дается пространной картиной:

Там, где сливаются семьдесят рек,
 В долине между семью горами-крепостями
 Стоствольный вечный Тополь,
 Под лучами луны и солнца,

Как золото, сверкая, стоит...
 Под одной его ветвью
 Сто кобылиц могут стоять,
 Под другой ветвью
 Целый табун может укрыться,
 Под третьей ветвью
 Сорок баранов могут укрыться.
 Густолистый вверху бай-Терек
 Стоит, качаясь...(4).

Кроны священного Тополя упираются в небесное ханство божеств, а корни прорастают в нижний мир Эрлика. Сам Тополь выступает в роли некоей балансирующей силы, когда противоборствующие стороны так или иначе связаны между собой и даже нуждаются друг в друге.

Такова картина мира, сложившаяся в глубокой древности и сохраненная в различных духовных памятниках современной культуры алтайцев.

Не менее интересен факт почитания на Алтае духов предков. Исторические источники указывают на тот факт, что у древних тюрков был развит культ предков.

На Алтае тысячи и тысячи курганов, каменных кезеров и поминальных камней. Поминальные камни называют «чакы таш», что дословно переводится как: камень-коновязь. В народной памяти сохранился обычай почитания этих камней-коновязей, напрямую связанный с культом славных предков.

Знаменитый алтайский сказитель А.Г. Калкин рассказывал о значении камня-коновязи так: «те люди, которые проезжают мимо этого камня, останавливаются, спешиваются, привязывают коня, используя его как коновязь, сами отдыхают, вспоминают своих предков, рассказывают об их боевых походах и победах перечисляют имена их врагов, и все это пишут на этом камне. Потом камень-коновязь окропляют молочным вином, у его основания жгут можжевельник, говорят молитвенные благопожелания, курят, отдыхают. Люди другого поколения ставят другие камни-коновязи и так же их освящают» (ПД). В этом рассказе ритуал почитания духов предков отразился полностью.

Аналогичный текст о почитании камней-коновязей записано И.Б. Шинжиным от сказительницы К. Кокпоевой: «Когда же ставили камни – коновязи, их окропляли молоком и молочным вином. Возле их основания сжигали можжевельник. Перед уходом говорили благопожелание:

Пусть наш камень – коновязь
 Вечно стоит, не сваливаясь.
 К основанию, изголовью
 Множество людей поклоняются.
 Пусть рядом с камнями – коновязями
 Поставят другие камни – коновязи.
 Многие народы, останавливаясь,
 Вечно здесь поклоняются.

После, когда придет другое поколение, рядом с этим камнем – коновязью ставили другие камни – коновязи. Ставят один, два. Также проводят обряд почитания: окропляют молоком, говорят благопожелания, совершают поклоны.

Если этот камень ставят воины, то они на нем изображают своего предводителя с чашей в руке и саблей в поясе. Старики говорили, что не на всех камнях делают такие изображения» (2;369). В этом же тексте отмечается о том, что камни – коновязи тоже имеют своих духов – покровителей, поэтому их нельзя выдергивать, сваливать, а нужно, наоборот, окроплять и говорить такое благопожелание:

Мой камень – коновязь, мой камень – коновязь!
 Пусть твое основание не сгниет,
 Мой камень – коновязь, мой камень – коновязь!
 Чёёк! Чёёк! Чёк !»(2;370).

После произношения такого благопожелания камень-коновязь окропляют молоком, чаем, молочным вином, а после съедения мяса, кости складывают у основания этого камня - коновязи. По сообщению данного информатора, раньше и охотники так складывали и кости убитых ими зверей. Кости оставляли не только у основания этих камней, но и на курганах. Так, эти устные рассказы свидетельствуют о древнем обряде, связанными с историческими памятниками.

Общие истоки духовной культуры древних тюрков и современных алтайцев проявляются во многих фактах, что свидетельствует о неразрывной их связи и преемственности по сегодняшний день.

Литература

1. Алтай алкыштар / Сост. К.Е. Укачина, Е.Е. Ямаева. – Горно-Алтайск, 1993.
2. Алтай кеп куучындар / Сост. И.Б.Шинжин, Е.Е. Ямаева. – Горно-Алтайск, 1994.
3. Алтай фольклор. Материалы по телеутскому фольклору / Сост. Т.М. Садалова. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайское кн. изд-во, 1995.
4. Маадай-Кара. Алтайский героический эпос / Сост. С.С. Суразаков. – М., Наука, 1973.
5. Полевые записи автора (ПД) 1987 г.
6. Чараганова К.Т. Алтай чўм-јандарга ла јанжыгуларга ўредери аайынча ууламјылар // Алтай калыктын оос чумделгезин ле чўм-јандарын школдо ўредери. – Горно-Алтайск, 2001.

Суразаков А.С.

(г. Горно-Алтайск)

О СОДЕРЖАНИИ ФЕНОМЕНА «НЕМАТЕРИАЛЬНОЕ КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ»

Проблема наследия, вернее того явления, которое обозначено этим понятием, имеет для человечества всеобщий характер, поскольку нет на планете ни одного человека и тем более социума, которые бы находились вне его, т.е. не имели бы к нему никакого отношения. Отсюда интерес к этой теме неиссякаем, т.е. был, есть и будет всегда. Иное дело, что проблематика эта, по преимуществу, разрабатывается в практической сфере и очень редко перемещается в область теоретических обобщений, что, естественно, сдерживает процесс ее осмысления. Причем в большей мере все это касается той части явления, которая наименована ныне понятием «нематериальное культурное наследие».

Учитывая наметившийся на сегодня в мире повышенный интерес к наследию нематериального плана (Международная конвенция..., 2003), попробуем сформулировать свое мнение на этот предмет. Другое дело, что здесь не обойтись без замечаний, касающихся явления в целом, поскольку нематериальная часть входит в него органически и тесно переплетается с материальной.

Начнем с истории взглядов на эту сферу человеческого бытия, выделив здесь основные вехи ее понимания. Итак, долго развивавшаяся на первичном уровне восприятия, где шел разговор об индивидуальном или групповом наследии и наследовании, закрепленном в наследственном праве, интересующая нас тема в определенное время переместилась для дискуссии на тот более высокий уровень понимания мира, где разговор зашел о наследии целых народов и государств. Однако это был не предел, поскольку по прошествии еще какого то времени тема была перенесена теперь уже на высший или общечеловеческий уровень обсуждения, где стали выделяться объекты, признаваемые международным сообществом памятниками всемирного наследия.

Кроме всего прочего, находившаяся как бы на периферии этого долгого распознавательного процесса, природа, во второй половине прошлого века, также стала осмысливаться как наследие, что нашло отражение в известном документе ЮНЕСКО (Конвенция о все-

мирном наследии, 1972). Для того, чтобы как можно более полно ощутить специфику восприятия человечеством интересующей нас проблематики, здесь стоит привести сформулированные в том документе определения, тем более, что основные их положения доминируют в международном сознании по сегодняшний день.

Итак, под природным наследием в нем было предложено понимать «природные памятники, созданные физическими и биологическими образованиями или группами таких образований, имеющие выдающуюся универсальную ценность с точки зрения эстетики или науки; геологические и физиографические образования и строго ограниченные зоны, представляющие ареал подвергающихся угрозе видов животных и растений, имеющих выдающуюся универсальную ценность с точки зрения науки, сохранения или природной красоты».

Но это о природном начале, тогда как представление о культурном наследии в упомянутом документе было приведено в следующей формулировке: все это есть «памятники: произведения архитектуры, монументальной скульптуры и живописи, элементы или структуры археологического характера, надписи, пещеры и группы элементов, которые имеют выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, искусства или науки; ансамбли: группы изолированных или объединенных строений, архитектура, единство или связь с пейзажем которых представляют выдающуюся и универсальную ценность с точки зрения истории, искусства или науки; достопримечательные места: произведения человека или совместные творения человека и природы, а также зоны, включая археологические достопримечательные места, представляющие выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, эстетики, этнологии или антропологии».

Кроме общего или целостного восприятия, культурное наследие в предыдущем веке подразделялось на материальное и духовное, следуя в этом принципу научного разделения культуры изучаемых народов на эти крупные блоки. В то же время учитывая то очевидное обстоятельство, что в этом деле порой бывает очень трудно провести какое-либо разграничение, в наши дни предложено делить наследие на материальное и нематериальное. Что есть последнее, определено в разработанной ЮНЕСКО конвенции 2003 г. (Международная конвенция..., 2003) и звучит в следующей трактовке: « «Нематериальное культурное наследие» означает обычаи, формы представления и выражения, знания и навыки, – а также связанные с ними инструменты, предметы, артефакты и культурные пространства, – признанные сообществами, группами и, в некоторых случаях, отдельными лицами в качестве части их культурного наследия. Такое нематериальное культурное наследие, передаваемое от поколения к поколению, постоянно воссоздается сообществами и группами в зависимости от окружающей их среды, их взаимодействия с природой и их истории и формирует у них чувство самобытности и преемственности, содействуя тем самым уважению культурного разнообразия и творчеству человека».

Нетрудно заметить, что все приведенные определения конкретно-избирательны, т.е. основаны на принципе отбора в окружающем мире того, что, по мнению отбирающих, можно считать наследием с международной точки зрения и последовательного перечисления избранного. Причем для означенного отбора вводится, правда не растолкованное, понятие универсальной ценности. Надо полагать, что под ней подразумевается такая ценность, которая стоит над оценками индивидуальными, групповыми, этническими, представляя собой как бы общечеловеческий взгляд на проблему.

Ну а теперь коснемся своих рассуждений на этот предмет. Начнем с того утверждения, что у нас имеется факт в виде определенного явления, которое мы распознали в многогранном спектре социальной жизни и наименовали понятием «нематериальное культурное наследие». По обычной исследовательской логике, за этим актом должен следовать другой, т.е. интерпретация факта или его объяснение. В целом, процедура эта иерархична, что предполагает движение мысли через триаду вертикально построенных интерпретационных уровней. На первом из них происходит отбор конкретных материальных объектов и нематериальных феноменов с объяснением на предмет – на каком основании их можно и должно отнести к культурному наследию. На втором – все отобранные объекты и феномены по типологически сходным признакам объединяются в определенные классы и здесь же делается попытка сформулировать определение самого явления, исходя из того или иного сочетания отобранных для этого классов объектов и феноменов. На третьем – во всем обнаруженном многообразии форм распознается единое, т.е. универсальное их содержание, на основе че-

го они и объединяются в рамках одного и того же явления. Здесь следует уже иное, скажем так, смысловое определение того, что мы именуем наследием.

Иными словами, есть конкретно-избирательный, типологический и философский интерпретационные уровни. В практике работы с наследием два первых задействованы давно и все разработки в этом направлении построены на их применении. Другое дело, пришло время разобраться с этой темой несколько глубже и перенести ее обсуждение на третий, т.е. философский уровень интерпретаций.

Так вот, если подняться над первичным или конкретным уровнем, в пределах которого ум человеческий оперирует конкретными фактами или конкретными материальными образованиями и нематериальными феноменами, а также над типологически обобщающим уровнем, в пределах которого он сводит конкретику в обобщенные классы, то мы выйдем на философский интерпретационный уровень, в пределах которого выясняется, что все эти конкретные объекты и феномены есть порождения в форме идей самого ума человеческого, проявленные где в интеллектуальных конструктах, закрепленных в свою очередь в историко-генетических блоках социальной памяти, где в чувствах, систематизированных в моральных концепциях, где в материализованной форме, т.е. в форме всего многообразия материальных объектов.

В общем, в основе всего, что мы именуем культурным наследием лежит мысль человеческая, облеченная в форму творческих идей, реализованных в том, что обозначено как нематериальная и материальная его составляющие. Ясно, что прежде чем материализоваться в тот или иной объект, мысль должна побывать в своей идеальной форме, т.е. в форме соответствующей творческой идеи. Отсюда нематериальная часть культуры всегда была базой или той основой, из которой происходила вся ее материальная часть или искусственно созданная среда обитания.

Однако не только в этом ее смысл и значение. Дело в том, что нематериальная культура действительна уже сама по себе, т.е. без своего материального воплощения. Из представлений о мире происходят жизненные идеалы и моральные установки, устремляющие и регулирующие процесс жизнедеятельности, на основе теоретически сформулированных знаний функционируют языки, письменность, социо-нормативные системы, на базе художественных идей складываются музыкальные произведения, танцы, изобразительное искусство и т.д., и т.п.

В общем, нематериальное культурное наследие можно было бы определить как систему нематериализованных идей, сохраняющихся в социально-генетической памяти современных людей, вобравших их в себя через механизм межпоколенной передачи информации. Причем часть этого наследия составляет как бы информационный резерв, сберегаемый в социальных хранилищах (библиотеки, архивы) для исследовательского погружения в прошлое, тогда как другая его часть представляет собой живую традицию прошлых времен, продолжающую функционировать в современном спектре общественной жизни.

В то же время все дожившие до наших дней феномены прошлого можно обобщить одним объединяющим их понятием «социальный исторический опыт». И действительно, любой социальный организм реализует в своей динамике одну обобщенную функцию, именуемую жизнедеятельностью, которая в свою очередь распадается на целый спектр специфических или специализированных функций (Суразаков А.С., 2006, с. 74-75.). В продолжающей доминировать трудовой теории жизни все это воспринимается как общественное разделение труда. Так вот, в процессе реализации своей жизнедеятельности социум неизбежно накапливает определенные знания и навыки функционирования в окружающем мире, что и именуется опытом.

Отсюда осмысливаемое нами явление можно было бы определить еще и в следующем ключе. Нематериальное культурное наследие есть исторический опыт жизнедеятельности прошлых обществ, доставшийся современному поколению людей в виде нематериальных феноменов и воспринимаемый ими с точки зрения содержащейся в нем интеллектуальной, духовной или же практической ценности.

Литература

1. Конвенция о всемирном наследии. – Париж: ЮНЕСКО, 1972.
2. Международная конвенция об охране нематериального культурного наследия. – Париж: ЮНЕСКО, 2003.
3. Суразаков А.С. Философские размышления (1994-2006 гг.). – Горно-Алтайск, 2006. – 247 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абдулганеев Михаил Тимофеевич – старший научный сотрудник НПЦ «Наследие», кандидат исторических наук. 656043, г. Барнаул, ул. Ползунова, 39. Тел.: 8(385-2)63-09-16, 51-20-29, факс: 8(385-2)63-63-31, e-mail: nasledie@barناول.ru

Вдовина Татьяна Алексеевна – научный сотрудник Агентства по культурно-историческому наследию Республики Алтай. 649000, Республика Алтай, г. Горно-Алтайск, пр. Коммунистический, 79. Тел./факс: 8(388-22)2-36-08, e-mail: vdovina-ta@mail.ru

Гей Ирина Алексеевна – младший научный сотрудник группы «История керамики», Отдела теории и методики Института археологии РАН. 117036, г. Москва, ул. Дм. Ульянова, 19. Тел.: 8(495)158-92-37(дом.), 8(495)124-39-56(сл.), 8-926-5721352(моб.), e-mail: igei@mail.ru

Дашковский Петр Константинович – доцент кафедры религиоведения и теологии, заместитель декана факультета политических наук Алтайского государственного университета, кандидат исторических наук. 656049, г. Барнаул, пр. Ленина, 61, деканат ФПН. Тел.: 8(385-2)66-81-58, e-mail: dashkovskiy@fjn.asu.ru; dpk142@hist.asu.ru

Едилхан Х. – научный сотрудник Института социально-экономических исследований Баян-Ульгийского аймака при Академии наук Монголии. Республика Монголия, г. Баян-Ульгий. Тел./факс: 001-976-014222-2815

Кочеев Виктор Александрович – старший научный сотрудник Национального музея Республики Алтай им. А.В. Анохина. 649000, Республика Алтай, г. Горно-Алтайск, ул. Чорос-Гуркина, 46. Тел./факс: 8(388-22)2-26-53

Кубарев Владимир Дмитриевич – главный научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, доктор исторических наук. 630090, г. Новосибирск-90, пр. Лаврентьева, 17. Институт археологии и этнографии СО РАН. Тел.: 8(383)330-44-91, факс: 8(383)333-11-91, e-mail: vd@online.nsk.su

Кызласов Игорь Леонидович – ведущий научный сотрудник, заведующий группой средневековой археологии евразийских степей Института археологии РАН, доктор исторических наук. 117036, г. Москва, В-36, ул. Дм. Ульянова, 19. Институт археологии РАН. E-mail: kyzlasovii@mail.ru

Леонтьев Николай Владимирович – старший научный сотрудник Минусинского краеведческого музея им. Н.М. Мартыанова. 662608, Красноярский край, г. Минусинск, ул. Гоголя, 31, кв. 56. Тел.: 8(391-32)2-13-14

Леонтьев Станислав Николаевич – заведующий экспозиционно-археологическим отделом, старший научный сотрудник историко-культурного и природного музея-заповедника «Томская Писаница». 650099, г. Кемерово, ул. Томская 5А, музей-заповедник «Томская Писаница». Тел.: 8(384-2)35-44-37, e-mail: skala@kemcity.ru

Матренин Сергей Сергеевич – научный сотрудник НИИ гуманитарных исследований при Алтайском государственном университете, кандидат исторических наук, г. Барнаул 61, каб. 321а. Тел.: 8(3852)66-84-23, e-mail: matrenins@mail.ru

Мылтыгашева Людмила Петровна – заведующая сектором филиала Государственного Исторического музея "Новодевичий монастырь". 119454, г. Москва, ул. Удальцова, 53, кв. 21. Тел.: 8(495)431-02-96, e-mail: myltygashevalp@mail.ru

- Ойношев Василий Петрович** – директор Агентства по культурно-историческому наследию Республики Алтай, кандидат филологических наук. 649000, Республика Алтай, г. Горно-Алтайск, пр. Коммунистический, 79. Тел./факс: 8(388-22)2-36-08, e-mail: akin@mail.gornyu.ru
- Рыбаков Николай Иосифович** – действительный член Петровской академии наук и искусств, член Союза художников России. 660017, г. Красноярск, а/я 20899. Тел.: 8(3912)23-12-81, 47-34-25, 8-960-752-782-5(моб.), e-mail: a-ndrey@list.ru
- Садалова Тамара Михайловна** – научный сотрудник Агентства по культурно-историческому наследию Республики Алтай, кандидат филологических наук. 649000, Республика Алтай, г. Горно-Алтайск, пр. Коммунистический, 79. Тел./факс: 8(388-22)2-36-08, e-mail: akin@mail.gornyu.ru
- Серегин Николай Николаевич** – техник лаборатории археологии Алтайского государственного университета. 656049, г. Барнаул, пр. Ленина 61, каб. 211. Кафедра археологии, этнографии и источниковедения. Тел.: 8(385-2)66-81-58, e-mail: kaei@hist.dsn-asu.ru; nikolay-seregin@yandex.ru
- Сингаевский Андрей Тарасович** – аспирант Алтайского государственного университета. 656049, г. Барнаул, пр. Ленина, 61, каб. 211. Кафедра археологии, этнографии и источниковедения. Тел.: 8(385-2)66-81-58, e-mail: singaevskiy@yandex.ru
- Соёнов Василий Иванович** – доцент Горно-Алтайского государственного университета, начальник Горно-Алтайского центра специальных работ и экспертиз, доцент, кандидат исторических наук. 649000, Республика Алтай, г. Горно-Алтайск, а/я 278. Тел.: 8(388-22)2-53-77, e-mail: soyonov@mail.gornyu.ru, soyonov@mail.ru
- Суразаков Александр Сазонович** – старший научный сотрудник отдела истории Института алтаистики им. С.С. Суразакова, старший научный сотрудник, кандидат исторических наук. 649000, Республика Алтай, г. Горно-Алтайск, ул. Социалистическая, 8. Институт алтаистики им. С.С. Суразакова. Тел.: 8(388-22)2-66-35
- Торушев Эркем Геннадьевич** – научный сотрудник отдела истории Института алтаистики им. С.С. Суразакова, кандидат исторических наук. 649000, Республика Алтай, г. Горно-Алтайск, ул. Социалистическая, 8. Институт алтаистики им. С.С. Суразакова. Тел.: 8(388-22)2-53-18, факс (388-22)2-53-04, e-mail: altaistika@mail.gornyu.ru
- Трифанова Сынару Вениаминовна** – заведующий археолого-этнографическим музеем Горно-Алтайского государственного университета, заместитель начальника Горно-Алтайского центра специальных работ и экспертиз, кандидат исторических наук. 649000, Республика Алтай, г. Горно-Алтайск, пр. Коммунистический, 79. Тел.: 8(388-22)2-36-08, e-mail: trifanovasv@mail.ru
- Чевалков Лев Мирославович** – заведующий отделом истории Института алтаистики им. С.С. Суразакова, кандидат исторических наук. 649000, Республика Алтай, г. Горно-Алтайск, ул. Социалистическая, 8. Тел.: 8(388-22)2-53-04
- Шамшин Александр Борисович** – доцент кафедры археологии, этнографии и источниковедения Алтайского государственного университета, доцент, кандидат исторических наук. 656099, г. Барнаул, пр. Ленина, 61. Кафедра археологии, этнографии и источниковедения. Тел.: 8(385-2)66-81-58, e-mail: kaei@hist.dcn-asu.ru
- Шелепова Елена Владимировна** – аспирант кафедры археологии, этнографии и источниковедения Алтайского государственного университета. 656049, г. Барнаул, пр. Ленина, 61, каб. 211. Кафедра археологии, этнографии и источниковедения. Тел.: 8(385-2)66-81-58, e-mail: kaei@hist.asu.ru
- Яданова Кузелеш Владимировна** – научный сотрудник отдела филологии Института алтаистики им. С.С. Суразакова. 649000, Республика Алтай, г. Горно-Алтайск, ул. Социалистическая, 8.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Чевалков Л.М. (г. Горно-Алтайск) КОМПЛЕКС КАМЕННЫХ ОРУДИЙ С РЕКИ ЯЛОМАН.....	3
Гей И.А. (г. Москва) ОРНАМЕНТЫ НА КЕРАМИКЕ И ОТПЕЧАТКИ КОНЧИКОВ ПАЛЬЦЕВ ДРЕВНИХ ГОНЧАРОВ (историографический очерк).....	7
Кубарев В.Д. (г. Новосибирск) СЮЖЕТЫ И ОБРАЗЫ ПЕТРОГЛИФОВ БИЛУУТ-ТОЛГОЙ (МОНГОЛЬСКИЙ АЛТАЙ)	20
Едилхан Х. (г. Баян-Улэгей, Монголия) РАЗРАБОТКА МЕТОДИКИ ДЕШИФРОВКИ ПЕТРОГЛИФОВ МОНГОЛЬСКОГО АЛТАЯ.....	25
Соёнов В.И. (г. Горно-Алтайск) МАТЕРИАЛЫ К АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТЕ УСТЬ-КОКСИНСКОГО РАЙОНА РА (по результатам полевых работ 2002-2004 гг.)	30
Абдулганеев М.Т. (г. Барнаул) ПОСЕЛЕНИЕ ЕНИСЕЙСКОЕ-2 НА Р.БИЯ.....	42
Шамшин А.Б., Сингаевский А.Т. (г. Барнаул) ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СИТУАЦИЯ НА ТЕРРИТОРИИ БАРНАУЛЬСКОГО ПРИОБЬЯ В КОНЦЕ III В. ДО Н.Э. – I В. Н.Э.....	51
Трифанова С.В. (г. Горно-Алтайск) ИЗУЧЕНИЕ УКРАШЕНИЙ САЯНО-АЛТАЯ ГУННО-САРМАТСКОЙ ЭПОХИ.....	80
Матренин С.С., Шелепова Е.В. (г. Барнаул) МАТЕРИАЛЫ ПО ИЗУЧЕНИЮ РИТУАЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ КОЧЕВНИКОВ ГОРНОГО АЛТАЯ II В. ДО Н.Э. – V В. Н.Э. (булан-кобинская культура).....	84
Леонтьев Н.В., Леонтьев С.Н. (г. Минусинск, г. Кемерово) ПАМЯТНИКИ ЧЕРНОЙ МЕТАЛЛУРГИИ КИЗИРО-КАЗЫРСКОГО РАЙОНА.....	90
Кочеев В.А., Кызласов И.Л. (г. Горно-Алтайск, г. Москва) ФИЛОСОФСКИЙ ЛАКОНИЗМ НАСКАЛЬНОЙ НАДПИСИ.....	102
Кызласов И.Л. (г. Москва) РУНИЧЕСКИЕ НАДПИСИ ГОРЫ ТУРАН НА СРЕДНЕМ ЕНИСЕЕ.....	106
Серегин Н.Н. (г. Барнаул) МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ ЗЕРКАЛА В ПОГРЕБЕНИЯХ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ КОЧЕВНИКОВ СЕВЕРО-ЗАПАДНЫХ РАЙОНОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ.....	115
Рыбаков Н.И. (г. Красноярск) ОКО ЗУРВАНА МАНИ-БУДДЫ по следам открытий экспедиции И. Аспелина (1887– 89).....	121
Дашковский П.К. (г. Барнаул) ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРЫ ЕНИСЕЙСКИХ КЫРГЫЗОВ НА АЛТАЕ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ.....	135
Вдовина Т.А. (г. Горно-Алтайск) МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ОСТАТКОВ ИРРИГАЦИОННЫХ СООРУЖЕНИЙ ГОРНОГО АЛТАЯ.....	144
Ойношев В.П. (г. Горно-Алтайск) О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ИЗУЧЕНИЯ МЕГАЛИТИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ.....	153
Торушев Э.Г. (г. Горно-Алтайск) ЗЕМЛЕДЕЛИЕ В РЕЛИГИОЗНЫХ РИТУАЛАХ, ОБРЯДАХ И УСТНОМ НАРОДНОМ ТВОРЧЕСТВЕ АЛТАЙЦЕВ.....	154
Яданова К.В. (г. Горно-Алтайск) О КАМНЕ ПОГОДЫ – <i>ЖАДА ТАШ</i>	168
Мылтыгашева Л.П. (г. Москва) МУЗЕИ САЯНО-АЛТАЯ: НАБЛЮДЕНИЯ 2006 ГОДА.....	174
Садалова Т.М. (г. Горно-Алтайск) ОБЩИЕ ИСТОКИ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ ДРЕВНИХ ТЮРКОВ И АЛТАЙЦЕВ.....	189
Суразаков А.С. (г. Горно-Алтайск) О СОДЕРЖАНИИ ФЕНОМЕНА «НЕМАТЕРИАЛЬНОЕ КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ».....	192
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	195

**ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ
НАРОДОВ ЮЖНОЙ СИБИРИ**

Выпуск 5

Сборник научных трудов

Ответственные редакторы – **В.И. Соёнов, В.П. Ойношев**

Статьи публикуются в авторской редакции

Составление, оформление, верстка, корректура, макет – **В.И. Соёнов**

Подписано в печать 01.04.2007. Формат 60x84 1/8.

Печать оперативная. Гарнитура Ариал. Усл.печ.л. – 24,75.

Тираж 200 экз.

649000, Республика Алтай, г. Горно-Алтайск, пр. Коммунистический, 79.

Агентство по культурно-историческому наследию Республики Алтай.

Тел.: 8(388-22)2-36-08, e-mail: akin@mail.gornyy.ru